

# ЛЮБОВТА

*Проф.  
Кирил Василев*

Второ издание

СОФИЯ  
НАУКА И ИЗКУСТВО  
1976

# ЛЮБОВЬ

Перевод с болгарского

Общая редакция доктора медицинских наук  
Л. А. БОГДАНОВИЧ

Вступительная статья доктора философских наук  
Л. В. ВОРОБЬЕВА



МОСКВА  
ПРОГРЕСС  
1982

Переводчики: И. А. СЕДАКОВА (гл. 1, гл. 5, § 5—9), Л. И. ХОМУ-  
ТОВА (гл. 2 и 6), А. М. БРЕДИХИН и М. А. БРЕДИХИН (гл. 3, 4, 5,  
§ 1—4), Ю. В. ДЕРГАЧЕВ (гл. 7)

ИБ № 7008

Редактор Н. В. Вербицкая. Художник Ю. М. Сковородников. Художественный редактор  
Р. М. Сайфуллин. Технические редакторы И. К. Дера, М. Г. Аккалаева. Корректор Т. А. Шустри-  
на. Сдано в набор 2.02.82 г. Подписано в печать 19.07.82 г. Формат 84×108<sup>1/32</sup>. Бумага  
кн. журн. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Условн. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 22,13.  
Тираж 200 000 экз. Заказ № 3742. Цена 1 р. Изд. № 37504.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР  
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая  
типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по  
делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Вавокая, 28.

Редакция литературы по философии и педагогике

© Наука и искусство, София 1976

© Перевод на русский язык с сокращениями. Вступительная статья.  
Издательство «Прогресс», 1982

10507-903  
В 8-82  
006(01)-82

0302050000

## ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Любовь — понятие необычайно емкое и многозначное. Любят свое дело, своих товарищей, друзей. Любят близких, семью, детей. Бывает любовь живая и действенная. Бывает и отвлеченная, ни к чему не обязывающая — к человечеству вообще, к природе вообще... В книге болгарского философа К. Василева рассматривается чувство любви женщины и мужчины.

Романисты и поэты, композиторы и художники романтической ориентации возвысили любовь до уровня всемогущей силы, правящей ходом мировой истории. Это, конечно, не так. Но любовь может стать — и надолго — смыслом жизни человека, оттеснить все другие дела. Отсюда непреходящий интерес к природе любовного чувства, стремление понять: что же такое любовь?

Как отвечает этому стремлению имеющаяся литература? Кроме книг о физиологии любви, или, как ныне принято говорить, — сексологии, в библиотеках можно отыскать лишь несколько названий. Блистательное, но относящееся к иной эпохе и среде эссе Стендаля «О любви». Небольшая книга В. Черткова того же названия с подзаголовком «Беседы философа с писателем» (1964). Наконец, в 70-е годы появились работы Ю. Рюрикова, обобщившего проблему в историко-литературном аспекте.

Слишком мало. Правда, в книге В. Черткова, подвергнутой справедливой критике за нарушение должной меры и вкуса в оценке такого тонкого предмета, были указаны некоторые новые проявления любви при социализме, а главное — проблемы любви впервые были поставлены в рамки философских решений. Но это был лишь пунктирный, штриховой подход.

Существует, конечно, безбрежный мир искусства и литературы. Театр, кино, музыка, живопись, скульптура дают нетривиальное понимание любви, непосредственно формируют культуру любовного чувства. Художественная литература, создавая живое, богатое, многостороннее его изображение, предлагает множество мудрых разду-

мий, глубоких суждений, метких афоризмов, которые — собранные вместе — могли бы составить целые тома.

Необозримо много, но в хрестоматийном виде — разрозненно, несистематично.

Впрочем, нужна ли и возможна ли здесь строгая системность? Чувство любви, столь свободное и столь индивидуальное! Может ли оно стать предметом специального исследования?

Агностицизм объявляет любовь самой таинственной областью человеческих отношений: любовь не терпит прямого света и держится непониманием. Верно, любовь — это тайна. Но это, замечал Маркс, такая тайна отношений человека к человеку, которая находит свое недвусмысленное, решительное, открытое, явное выражение в отношении мужчины и женщины. В мире нет принципиально непознаваемого, и явление любви, конечно, не исключение. Вопрос в том, какому виду знания подвластна сущность этого чувства, каковы пути, способы, методы ее исследования.

Такие научные дисциплины, как физиология, в том числе физиология высшей нервной деятельности, психология, конкретная социология, выявляют материальные основания любви, общественные условия ее возникновения и развития. Но в ее существе частные науки — тем более новорожденная сексология — разобраться не могут. И этому есть причины. Любовь целостна и уникальна в каждом личном проявлении. Отдельные науки, «ухватив» нечто массовидное и повторяющееся в ее физиологии и общественном функционировании, разнимают ее на части и вынуждены пренебречь индивидуальностью любовного чувства, признав его непознаваемым средствами науки. Представить же себе специальную науку о любви — по крайней мере пока — невозможно.

К счастью, наука и познание нетождественны. Существует безграничная, живая область повседневного мышления. Почти каждый человек вносит свое и в чувство любви, и в суждения о ней, причем самое возвышенное, яркое, меткое бережно сохраняется в неисчерпаемой сокровищнице общественного опыта. Повседневные, обыденные чувства, мысли, поступки людей всех эпох и наций, всех классов и сословий, всех профессий и возрастов, испытавших чувство любви, составляют важнейший источник искусства и особенно литературы, которые и вносят в ее понимание системность. Но это системность особого рода. Она выражается не в сентенциях, раздумьях и афоризмах самих по себе, а во взятой в

самом широком смысле художественной образности. Образное единство индивидуализированного и типического точно схватывает сложность и многогранность любви, ее трагедии и комедии, взлеты и падения — вплоть до тончайших нюансов любовных переживаний, — а главное, ее значение, ее роль в обществе.

По сравнению с другими сферами человеческой жизни любовь занимает в искусстве господствующее место. Пробным камнем для людей считал любовь Левин в «Анне Карениной» Льва Толстого. Но почему, в каком смысле? Потому, что по отношению мужчины и женщины в любви можно судить об уровне общей культуры человека, как заметил Маркс еще до Толстого. Художественное изображение и выражение любви есть поистине магический кристалл, позволяющий прозревать существенные черты социальной жизни любого времени и народа; отраженным светом проясняется и природа самой любви.

Казалось бы, для познания любви искусства и достаточно. Но образная системность останавливается как раз на подступах к познанию глубинной сущности любви. Обобщения искусства предметны и поэтому первичны. Сохраняя живое — выстраданное — единство с чувством любви, они не могут раскрыть его социальной необходимости, то есть управляющих им законов. Закономерности любви, особенно в эпохи социальных антагонизмов, художественно осмысливаются в облике необоримого рока, тяготеющего над любовью. А если законы явления не установлены, познание его остается принципиально неполным.

Итак, возможности частных наук, обыденного мышления, искусства в познании любви односторонне ограничены. Мысль вычерчивает круг, из которого выхода к сути любви будто не предвидится, и агностицизм, казалось бы, может праздновать победу.

Но круг не замыкается: существует научная философия. Две стороны ее основного вопроса (о первичности материи или сознания и познаваемости мира) составляют центральный пункт идейной мировоззренческой борьбы, достигшей ныне предельного накала. Здесь возможно и необходимо в познавательном и историческом смысле конечное материалистическое решение. Однако суть основного философского вопроса состоит также и в том, как именно, в каких формах, на базе каких наиболее общих законов и принципов должно строиться отношение мышления к миру, чтобы познать и преобразовать его. И

поскольку материальный мир изменяется, поскольку общественная практика и познание прогрессируют, поскольку философские законы и категории дополняются и приобретают новое содержание, решение основного вопроса философии приобретает *бесконечный* вид. Мышление — это не только абстрактное интеллектуальное познание отдельного индивида. Это такая совокупность понятийного и образного, чувств, эмоций, переживаний, волевых движений, которая конкретно выражается в различных формах общественного сознания. Для нас в данном случае важно то, что философский аспект отношения мышления к бытию не исключает, а предполагает чувство любви и любовное отношение как всеобщее активное чувство и отношение.

Научная философия способна и должна обобщить обобщения о любви, включить в свое рассмотрение и опыт обыденной жизни, и результаты частных научных исследований, и открытия художественного воображения, и сентенции беллетристики. Именно научная философия призвана ныне выяснить закономерности любви. На этом пути много нерешенных проблем и насущных вопросов: в чем социальная суть любовного чувства и отношения; что порождает и что разрушает любовь, от чего зависят ее полное развитие или рабская приниженность, расцвет и увядание; как связаны любовь, брак и семья и т.д. Здесь необходимы новые усилия и частных наук, и всей системы философского знания — диалектического и исторического материализма, этики, эстетики, научного атеизма.

Ценность инициативы К. Василева не может быть преувеличена. Его книга является прежде всего своеобразной антологией высказываний о любви известных творцов искусства, философии и науки, политических деятелей, классиков марксизма-ленинизма, которые сопровождаются уместными комментариями. В рассмотрение включены произведения всех видов и родов искусства, особенно художественной литературы — мировой, от Гомера до наших дней, русской и советской — и, что особенно интересно советскому читателю, болгарской литературы. Книга К. Василева представляет на своих страницах мировую духовную культуру в ее крупнейших проявлениях, и уже этот колоссальный труд сам по себе не может не вызвать уважения. Болгарский философ очерчивает обширный комплекс проблем любви: ее социального многообразия, гармонии противоречий, соотношения эмоционального и осознанного, ее эстетического аспекта, иде-

алов и критериев, счастья и трагедий и пр. Его внимания не избежало даже пользование косметикой, что свидетельствует о стремлении к всестороннему охвату избранного предмета исследования.

Излагать содержание книги — значит обкрадывать читателя. Поэтому, вкратце коснувшись поставленных К. Василевым вопросов, особо остановимся на обойденных: значительные массивы собранного в книге материала не получили должного анализа.

Чувство любви существовало не всегда, оно есть продукт истории. Стендаль назвал его чудом цивилизации. Любовь нерасторжимо связана со становлением человека как личности. Но придя на смену животной привязанности первобытных людей к особи или особям противоположного пола, любовь была куплена дорогой ценой. Начало цивилизации, как писал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», совпадает с первым классовым угнетением и с порабощением женского пола мужским. Рабство и любовь! Несовместимые по сути, они парадоксально слились воедино не только при рабовладении, но и в феодальном, в капиталистическом обществе. В этих условиях любовь — ради своего сохранения — вынуждена была укрываться от контроля. И с самым скромным успехом. В «Страданиях юного Вертера» Гёте или в «Блеске и нищете куртизанок» Бальзака показано, как полное, всезахватывающее чувство молодой любви, осужденное буржуазным общественным мнением, переходит в предельно трагическую фазу. Безвозвратная утрата любимого существа толкает Вертера и прекрасную Эстер к тому, чтобы предпочесть смерть отныне пустой жизни. Но за этим решением стоит не от них зависящий безапелляционный приговор: их конец по существу насильствен.

Для философского подхода важно, что тайна любви имеет отнюдь не возвышенно-небесное, а прозаически-земное происхождение. Подневольная метаморфоза ее превращения в тайную любовь приводит к тому, что, отказываясь понять самое себя, она набрасывает покрывало таинственности и на свою сущность.

В исследовании любви, как и во всяком исследовании, определяющим принципом служит восхождение от абстрактного к конкретному. К. Василев идет этим верным путем, опираясь главным образом на наблюдения и выводы интуитивного характера. Но у него отсутствует постановка проблемы, представляющей наибольшую трудность, — что здесь абстрактно и что конкретно. Выска-

жем следующую гипотезу: исходно абстрактным для научно-философского подхода является то, что для художественно-реалистического освоения обладает конкретной живой определенностью, — индивидуальное чувство двоих.

Это нуждается в пояснении.

Открытиям развитого — критического — реализма предшествовали долгие поиски искусства античности и Возрождения, классицизма, сентиментализма и романтизма. Художники-романтики, например, идеализируя любовь, изображали ее в виде отвлеченного, едва ли не космического чувства. Для прогрессивных романтиков — Шелли, Байрона, Гюго — это явилось способом противопоставления бескорыстного человеческого начала миру сребролюбия и выгод. Но была здесь и негативная сторона. В финале «Мастера и Маргариты» М. Булгаков с глубокой печалью показывает, что счастье неземной «вечной» любви в своем пределе обретает вид мертвого покоя двух мумий. Социальный вакуум, действительно, невозможен, это логико-художественная фикция романтического воображения, и прогрессивные романтики естественно выходили за ее границы к проблемам общественной значимости любви.

Литература реализма отвергла представления об отвлеченной, беспредметной любви и воплотила ее в полнокровных образах любящих. Реализму органически присуще движение от подчас весьма прихотливых внутренних проявлений любви к общественным обстоятельствам ее бытия, к обрисовке ее гладиаторских битв на социальной арене. Верное изображение типических характеров в типических обстоятельствах есть художественно-исследовательская суть реализма. Но следует предостеречь от весьма распространенного неточного понимания этой классической формулы Энгельса. «Гвоздь» художественности, согласно наблюдению Ленина, всегда таится в индивидуальном. Вспомним толстовскую Наташу Ростову на ее первом балу, ее любовь к Андрею Болконскому, и Наташу, увлеченную бездушным Анатолем Курагиным. Разница для читавших «Войну и мир» очевидна. А образы Лаврецкого и Лизы Калитиной в начале и в конце «Дворянского гнезда» Тургенева! Их искреннее, безоглядное чувство натолкнулось не просто на глухую стену внешних обстоятельств (Лаврецкий женат), а на внутренние моральные преграды, одолеть которые не в их власти. Приведя Лизу в монастырь, Тургенев показал, что социальное бытие личности порождает строжайшую духовную цензуру внутри нее самой. Развитие творческо-

го воображения художника-реалиста определяется переходом от освоения *изолированно-личного*, взятого, так сказать, в «чистом» виде мира любящих, к освоению их *общественно-личного* мира.

Живая индивидуальность любви, пусть даже в особых социальных обстоятельствах ее развития, для философии в отличие от искусства есть воплощенная абстракция. Это определяется конкретной целью философского исследования. Опираясь на массовидные проявления и условия жизни любви, разветвленными корнями своего древа уходящей в глубины общественной почвы, на трагические уроки ее многовекового крестного пути, отображенно-го литературой и искусством, философия следует от ее индивидуальных значений, от особенного и типического к ее общей социальной значимости и функциям, к пониманию ее общественных противоречий. Конкретность любви для философии должна приобрести вид всеобщего и всесторонне объясненного социального чувства и отношения.

Начнем с самых абстрактных в философском смысле проявлений любви.

Без полового влечения любовь невозможна. Значит ли это, что она сводится к физиологическому началу? Со времен «теории стакана воды» 20-х годов и по сию пору у нас, что греха таить, было и остается немало сторонников взгляда, что удовлетворение полового инстинкта, которым будто бы исчерпывается любовь, подобно удовлетворению жажды. Духовное же сродство, общность наклонностей и прочее просто маскируют главную цель. Устойчивость и распространенность этой вульгарной трактовки, сводящей любовь к животному началу, опирается на неопровержимый факт существования двух полов. Но неопровержим и другой факт: у животных, лишенных высших этажей сознания, любви нет. Любовь не сводится только к физическому наслаждению, и жизнь зачастую жестоко опровергает проповедников ее якобы чисто физиологической природы.

Существуют и более разработанные теории сведения любви к физиологии. Они предполагают дуальность, раздвоенность тела и духа, где каждое требует своего в принципиальной несогласованности. Отсюда пресловутый половой вопрос, решение которого З. Фрейд усматривал в подчинении человеческой духовности половому влечению (libido) — первоисточнику, по его мнению, других потенций человека. Сильное и длительное влияние фрейдизма проявилось и в творчестве многих художников Запада, и

в различных течениях буржуазной философии, социологии, правоведения, не говоря уже о сексологии. Причины, побуждающие современную буржуазную мысль к преувеличению и абсолютизации роли животного начала в человеческой жизни и, в частности в любви, вполне определены. Ведь если человеческие свойства и качества передаются исключительно в генетической программе, то классовое деление, а также расизм и национализм — последние бастионы империализма — оправданы самой природой. Половой акт, необходимый для воспроизводства новых человеческих поколений, оказывается — при условии несмещения рас и сохранения классовых перегородок — символом и гарантом стабильности общественно-классовых отношений.

К. Василев — убежденный идейный противник фрейдизма. Однако истолкование природы человека как «биосоциальной» неизбежно сказывается в решении им проблемы взаимосвязи телесного и духовного, в преувеличении роли сексуальной стороны любви.

«Биосоциальный» подход привлек ныне многих марксистски мыслящих исследователей. Он представляет собой прежде всего реакцию на вульгарно-популяризаторское толкование социальной сущности человека, которое сводит ее к тощим абстракциям и пренебрегает тем очевидным фактом, что и в труде, и в политике, и в науке, и в искусстве действуют живые люди, наделенные мускульной и нервной системой, органами чувств, наконец, мыслящим мозгом. Но одно дело — опровержение подобных нелепостей, а совсем другое — скрытый крен философии и социологии к использованию якобы рациональных моментов фрейдизма. Признавая, что биологическое начало в своем возникновении и развитии «снимает» начала механические, физические, химические и пр., то есть включает их в себя, материалист и диалектик не может не признать и «снятия» биологической природы человека его сформированной трудом общественной природой. Проблема «био-социо» есть не проблема дуальности духа и тела, проблема Декарта и Канта, а проблема биологического как социального. В этом ее действительная научная суть.

Чтобы пояснить это конкретно, вернемся к любовному чувству, направленному на живое и мыслящее человеческое существо. Маркс заметил, что даже половой инстинкт очеловечен совместным трудом и борьбой мужчины и женщины. Суть здесь не в ссылах на авторитеты. Суть в том, что соотношение плотского и духовного в

любви есть человеческая, а не биологическая проблема. Задавая вопрос, что преобладает в любовном чувстве, взятом в общем понимании, — данное от природы или духовное, нравственное, — мы невольно расчленим его целостность. В таком виде проблема сохраняет вид антиномии и не может быть решена. Напротив, исследование любви как сплава телесно-духовного в его гармоничности и противоречивости обеспечивает движение научной мысли к истине.

В книге К. Василева приведены многочисленные наблюдения и суждения художников и мыслителей о возникновении чувства любви, опровергающие биосоциальный подход. Страсть, физическое влечение еще не есть любовь. Любовь — духовное по своей сути состояние, которое только и дает человеческое право на физическую близость. Огонь любви может разгораться медленно, постепенно, как нежное чувство леди Каслвуд к преданному ей воспитателю ее детей («История Генри Эсмонда» У. Теккерея). Но особенно поразительны вспышки любви с первого взгляда, раскрывающие глубокую, на наш взгляд, сторону ее сущности. Почему, в самом деле, мужчина и женщина, дотоле совсем незнакомые, внезапно проникаются друг к другу столь пылкими чувствами? Первый же восхищенный взгляд связывает Ромео и Джульетту будто в единое существо. Онегин стал идеалом Татьяны, прежде чем она смогла осознать его духовные качества. Любовь этих литературных героев оказалась трагической. Но если внешних препятствий нет, любовь с первого взгляда может стать счастливой и долговечной, как верное чувство мифических Филемона и Бавкиды.

Чем объяснить это? Называемые причины обыкновенно сводятся к двум: действительное или мнимое соответствие ранее взлелеянному в душе образцу; любовное ослепление, зачастую в самих недостатках любимого видящее его неповторимую привлекательность. Из этого делают вывод, будто любовь возникает и развивается вопреки здравому смыслу и логике, будто она в принципе иррациональна.

Но нет, не в капризе сердца тут суть. Мудрая проницательность и удивительная точность интуитивной оценки любимого, озаряющие сердце и разум предчувствием счастья, не противоречат разумности. Интуиция есть просто скрытая и очень «быстрая» логика. Вопрос, за что люди любят друг друга, не следует третировать как неуместный и нетонкий. Это необходимый вопрос.

В его решениях господствует предельная неясность. Сказать, что любовь есть взаимное тяготение к душевным и физическим качествам друг друга или что любят только за высокие проявления человеческого в человеке, значит либо свести объяснение к общим местам, либо сказать заведомую неправду. Мировая литература описала и исследовала тысячи вариантов любви, но смогла выделить лишь единственную общую ее черту — требовательную избирательность. И все же перспективное для философского подхода упорядочение представляется возможным. Любят по различию, по контрасту, даже по антагонизму склонностей, когда качества одного восполняются, нейтрализуются или исправляются качествами другого. Но любят и по подобию, по тождеству характеров, интересов и пр., что умножает стойкость любящих в суровых обстоятельствах жизни. Перед нами антиномия, контурно обрисовывающая глубинные противоречия и указывающая на некий закон любви, который еще предстоит раскрыть в ее бесчисленных проявлениях.

Мы приблизились к вопросу о свободе и необходимости любви. Художественная литература и искусство показывают, что любовь не терпит никакого насилия, никакой внешней зависимости и диктата. Принудить к браку и сожительству или купить их — вполне возможно. Любовь неподкупна. Утверждение Маркса, что любовь и экономическое неравенство — антиподы, непрерываемо засвидетельствовано многовековым опытом человечества. Любовь находит тысячи путей, чтобы вырваться из плена, она — сфера особого рода свободы, в чем видится одна из примет ее глубинной сути. Ее свобода и ее необходимость — в ней самой. Ведь и помимо материальных соображений, не трезвость выбора, а искренность чувства, освещенная интеллектуальным пониманием, составляет высшее нравственное достоинство любви.

Свобода любви естественно выражается в богатстве ее проявлений, о чем в книге К. Василева сказано много и интересно. Заметим лишь, что доминанты восхищения, любви разнообразие индивидуальных окрасок, являются такими формами избирательности любовного чувства, которые, по существу, чужды ошибкам и ослепления. К заблуждению может привести именно рассудочная оценка душевных и иных качеств другого человека, и стоит заметить, что если страсть, физическое влечение сами по себе не исключают рассудочности, то подлинная любовь отвергает ее. Непосредственно-интуитивное чувство на-

правлено прежде всего на потенциальные духовные возможности любящего — пусть даже им никогда не суждено реализоваться.

Возьмем самые крайние, экстремальные случаи. Взаблужденность, неуравновешенность, бесконечные капризы «падшей» и очаровательной Манон Леско губительны для любящего ее кавалера де Грийе. Но он чувствует, что за всем этим скрыто неизмеримое духовное богатство, тоска по настоящей любви, по материнству, и остается верным Манон, несмотря ни на что («Манон Леско» Прево). Беззаветная любовь прекрасных и нравственных женщин к осужденному молвой Дон Жуану (тема многих романов, драм, опер, произведений живописи, начиная со средневековья и до нашего времени) на первый взгляд необъяснима. В действительности она предопределена не столько его «роковой» внешней привлекательностью, сколько широтой и твердостью натуры, не склонившейся ни перед обычаем и общественным мнением, ни перед законом, ни перед тотальным господством религии и угрозой вечной гибели души... Манон Леско и Дон Жуан взыскуют счастья и обещают его другим. Но дать не могут. В тщетной погоне за полнотой физического, умственного и нравственного совершенства, расколотого на части в разных мужчинах и женщинах, они и сами несчастливы. Главная вина за то, что их человеческие потенции приобретают извращенный вид, а чувство любви преломляется в игру бесчестных уловок, в смертельную игру судьбами людей, лежит не на них самих, а на общественных обстоятельствах — в данном случае эпохи загнивания и распада европейского феодализма.

Перед нами еще одна антиномия любви — противостояние неисчерпаемых возможностей человека и их усеченной реализации в жизни. Это возвращает к проблеме устойчивости, единственности, наконец, «вечности» любви — но уже в ином ракурсе.

В своих высших взлетах любовь всегда чувствует и осмысливает себя как вечная. Парадоксально, но иначе быть не должно: возможно ль, любя беззаветно, представить конец блаженного состояния, когда корысть отброшена прочь и человек ощущает себя человеком в буквальном смысле слова? Однако рано или поздно наступает трезвость, которая приводит в отчаянье, бывает, и обоим любящих. Психологию таких ситуаций всесторонне раскрыл Джек Лондон. Чем же объясняются те чрезвычайно редкие случаи, когда любовь (принимая во внимание естественное охлаждение полового чувства) длится

до старости, до смерти, когда она поистине приобретает достоинство вечности? Только ли удачей выбора?

Разобраться в случае Филемона и Бавкиды позволяет плодотворная психологическая догадка И. М. Сеченова: любовь есть не стабильная догадка, а неизбежное изменение обоих любящих, и «изменчивость милого образа» уже сама по себе предостерегает от пресыщения. Но если изменение двоих оказывается взаимно соответствующим — по вкусам, по цели и общности дел или же по дополнителности разных задач, — любовь как интеграл совершенствования человеческого в человеке сохраняется и побеждает.

Редкость этого предопределена не внутренней «обремененностью» любви, а опять-таки причинами общественного характера. Принципиальная неисчерпаемость одного человеческого существа для другого в условиях эконо-мического неравенства и сугубо профессиональной деятельности (включая и работу домашней хозяйки) оборачивается односторонностью, исчерпаемостью, переходит в свою противоположность.

Угасание любовного чувства — вечная и глобальная проблема. Это почти никогда не случается одновременно с обоими любящими. Понски «выхода» из любви, а с другой стороны, порождают те муки любви, которые Энгельс назвал самыми благородными, самыми возвышенными и самыми индивидуальными муками. При известном психологическом сходстве трагедии «разорванной любви» приобретают различный вид и имеют разные решения в капиталистическом и социалистическом обществе.

Характерной для всех стадий развития капитализма является ситуация поруганной любви — во имя материальных или иных, связанных с материальными, выгод. К. Василев приводит множество примеров из мировой литературы, показывающих, что страдающей стороной оказывается здесь прежде всего девушка, женщина. Впрочем, и женщина может отсечь от любимого человека, стоящего на более низкой ступени общественной лестницы («Мартин Иден» Джека Лондона). И поскольку разрыв вызван не исчерпанностью чувства, за всеми его поводами, приобретающими иной раз самый сложный и запутанный вид, скрывается следствия любви. Она порождает любовь в свою противоположность, то есть ненависть, до самоубийства и убийства — и оборачивается тяжким кризисом веры в человечность, который не всегда завершает-

ся восстановлением этой веры, как это произошло в «Воскресении» Льва Толстого.

Социализм возвестил любви новые надежды. Исключив экономическое, правовое и моральное принуждение, социализм открыл пути равенству, ясности и недвусмысленности отношений любящих. Но поскольку этот новый общественный строй характеризуется и неполнотой экономического равенства, которая при искажении его принципов может достигнуть экстремальных значений, ему также не чужды ни корыстный выбор, ни, напротив, необоснованные разрывы любовных и семейных отношений. Более характерной для социализма является ситуация несоответствия интересов, распада духовно-нравственного единства, на чем мы специально остановимся несколько далее.

Для философского подхода систематическое упорядочение многообразных жизненных и художественных фактов угасания любви, полюсное разделение обветшавшего и нового в любовных конфликтах и разрывах есть необходимая предпосылка исследования известной антиномии любви и долга. Особое значение приобретает здесь этический анализ нравственной стороны любовных отношений.

В своем абстрактно-индивидуальном виде антиномия любви и долга характерно выражена в разделе вины между любящими — как правило, в неравной степени — за несостоявшееся чувство, за его утраченные возможности. В своем конкретно-историческом виде антиномия любви и долга предстает прежде всего в общественной роли любви как побудителя возникновения семьи, юридически оформляемой в брачных отношениях. В сущности, это уже и не антиномия, а определенно и открыто выраженное и понятое противоречие, которое также различным образом действует в антагонистических формациях и при социализме.

С момента институализации парной семьи рабовладельческого общества она, как известно, служит производству либо наследников частной собственности, либо умножающей ее рабочей силы. Брак же — пусть и при свободном любовном выборе — в рамках собственности всегда есть юридическая форма принудительного семейного сожительства супругов. Гармония телесного и духовного счастья становится при этом трудно достижимой. Подавление свободного развития другого (особенно женщины), его склонностей, вкусов, привычек, каждодневный диктат и мелочный переплет всего распорядка жизни — вот нормы семейного бытия буржуазного собственника («Дом-

би и сын» Диккенса, «Сага о Форсайтах» Голсуорси и др.). Это создает ту невыносимую нравственную атмосферу, в которой задыхается самая верная любовь. Любовник или любовница — «нормальное» дополнение к буржуазной семье, но корыстные мотивы и здесь играют немалую роль («Милый друг» Мопассана). Собственничество деформирует и семейные отношения тружеников. Вспомним яростный, отчаянно циничный вскрик Григория Мелехова: «Дадут тебе одну, и मुсли ее всю жизнь!» Именно, что дадут, навяжут. А ведь Наталья оказалась преданной, любящей женой. Но фальшь в отношениях супругов заложена с самого начала: брак свершился несвободно, по расчету, а отсюда «обладание» другим как своим инвентарем, имуществом. И вот вся жизнь Григория подчинена — и вблизи, и вдалеке — Аксинье, ее образу, ее образу. До могильного холмика под черным солнцем...

Принудительный долг, который опирается исключительно на правовые, а не на моральные нормы, есть порождение собственничества, исключаящее и перечеркивающее любовь.

Социализм кровно заинтересован в том, чтобы семья была здоровой ячейкой физического и нравственного воспитания детей и самовоспитания супругов в духе трудовой морали, правдивости, любви, преданности родине, в духе интернационализма. Успехи здесь несомненны и велики: свершился великий поворот в семейных отношениях. Но и процесс рождения нового труден. В одном из писем Инессе Арманд В. И. Ленин заметил, что любовь в первую очередь надо освободить от материальных забот В первую очередь! И поскольку это не решено до конца, выбор в браке часто не свободен от сторонних, к любви отношения не имеющих соображений: материальный недостаток будущего супруга сам по себе притягивает иных как магнитом. Показательно, однако, что от поколения к поколению растет неприятие подобных альянсов, крепнет осознание того, что счастья любви ничто заменить не может.

При социализме любовь выходит на авансцену семейных отношений. Но воздействие материального фактора остается и проявляется не только в пошлой форме корысти. Интересы детей — и это главное — требуют сохранения семьи даже ценой подавления личных стремлений и чувств супругов. Терпимость, «сглаживание» острых углов взаимоотношений могут заменить любовь привязанностью, уважением, взаимопомощью в трудных обстоятельствах. Но если противоречия достигли антаго-

низма и мир в семье невосстановим, интересы детей и самих супругов, напротив, требуют расторжения брака. Так материальные и правовые мотивы преобразуются в моральные, выступают в нравственной форме. И здесь женщина обладает большей, чем мужчина, стойкостью нравственного чувства. Твердость женщины, борющейся со своей любовью, заметил Стендаль, — самое великое из всего, что только существует на свете. Расхождение сердца и разума, любви и долга — реальное, исторически обусловленное противоречие, которое каждый раз решается индивидуально, но и при социализме в целом еще не «снято». Для любви подлинной, если она оказалась в роли разрушительницы семьи, стала источником несчастья для других, иного выхода, кроме жертвенного подчинения моральному долгу, может и не быть.

Проблемы противоречивости моральных импульсов отказа от любви и ее сохранения, проблемы ее замены особо остро поставлены развитием социалистического общества. В исследовании К. Василева они освещены лишь вскользь.

Советская литература, начиная с «Цемент» Федора Гладкова и кончая повестями Юрия Трифонова 70-х годов, раскрыла многообразные конфликты, порождаемые ситуациями «разорванной любви». Возьмем их, так сказать, в «чистом» виде — поскольку они не касаются интересов детей и других членов семьи, нуждающихся в постоянной материальной помощи. Когда любовь одного действительно угасла, нравственная обязанность другого освободить его от своего присутствия. Часто так и бывает, но это идеальные случаи. И пусть в разрыве повинен оставленный человек, справедливо наказанный за косность, за безразличие к духовным ценностям, благодарность ушедшего, память о днях любви порождают моральный долг, ответственность и муки совести, иной раз неотвратимо мешающие личному счастью. И это не самый сложный случай.

Обратимся к романам Александра Проханова «Место действия» (1980) и «Вечный город» (1981). В психологической ткани их сюжетов и характеров можно выделить линию любовных отношений главных героев.

Маша Горшенина и Пушкарев из «Места действия» — люди незаурядные. Она — талантливая актриса, он — директор крупной сибирской стройки. Маша прекрасна своей чуткой женственностью, преданностью в любви, бесстрашием перед молвой; Пушкарев мужествен, умен, властен не ради власти, а ради дела. Их любовь сильна

своей правдой и искренностью, напряженным духовным взаимодействием. И все-таки их постигает трагедия разрыва: Маша возвращается к мужу.

Среди многих — и нешуточных — мотивов разрыва, выдвигаемых Машей перед собой и Пушкаревым (крупным людям трудно «притереться» друг к другу), главный мотив — ее человеческая жалость к мужу, который, по видимому, просто не способен жить без нее: На каких, впрочем, весах можно взвесить, насколько обескрылен оставленный ею Пушкарев?.. Всем ведомо требование совести: реальность сущего должна быть приведена в соответствие с должным. Определить же это должное в любовной и семейных отношениях нелегко. Трагедия несостоявшейся любви героев романа просветлена совестью: благороден тот, кто подчиняет свое чувство чувствам и счастью — если оно при этом возможно — других. Это подвиг любви, позволяющий ей сохраниться в памяти.

В романе «Вечный город», действие которого происходит в Москве, в год Олимпиады, одаренный архитектор Завьялов охвачен женой, ушедшей к врагу — человеку духовно ничтожному, бесприщипному, но удачливому карьеристу. Вопреки ожиданиям творческая победа Завьялова, и как ее следствие, материальное благополучие не вернули ему жену. Почему? Испытывая неизбывную тоску по любимой женщине, Завьялов понимает свою вину перед ней. Ведь это он, Завьялов, во имя грандиозного проекта города будущего лишил жену духовного общения, без которого любовь задыхается, это он в своем творческом высокомерии отдал ее на произвол бездействия и привязанности к «интерьерному» бытию. С другой стороны, кем или чем стал бы Завьялов, похоронив свой талант ради приработков, ради бесконечно множащихся прихотей своей жены?

Романы Проханова, в которых многосторонне обрисован исполненный острых противоречий, сложных рефлексий, благородных и низменных побуждений духовный мир наших современников и современниц, отвечают на новые вопросы нашего бытия. Примат нравственности и долга в любви безусловен при социализме с момента его возникновения. Исполнение главного жизненного долга, счастье тяжелого и всезахватывающего творческого труда принесут облегчение и самооправдание и Маше Горшениной, и Пушкареву, и Завьялову. Это и есть главная замена любви, которая особенно присуща нашему времени, — труд, творчество, плодотворная деятельность.

Социализм покорила с легендой, будто моральное

достоинство любви зиждется на религиозной вере и только церковь есть истинный столп и защитник нравственности. Ни христианские, ни другие церкви не могут отказаться от унижения человеческой нравственности, резюмированного в мифах о первородном грехе любви, от аморального принижения женщины — «греховного сосуда», наконец, от подчинения любви и семейных отношений диктату мужского собственничества. Всякого рода «обновленческие» церковные движения, тем более сектантские, ничего здесь принципиально не меняют.

Научно-философская оценка любви однозначна: сама по себе подлинная любовь всегда есть добро. Социализм возвышает любовь, тогда как капитализм враждебен ей по своей природе.

Известные высказывания Наполеона и Шопенгауэра классически обозначили два полюса буржуазного отрицания любви. Наполеон видел в ней демоническую силу, препятствующую развитию волевых качеств мужчины, завоевателя — в политике ли, в экономике или науке. Поэтому любовь вредна, и ее следует ограничить физиологической стороной. Для Шопенгауэра, который считал, что высшие потенции человека принадлежат искусству и философии, отвратительна именно физиология. Любовь — враг человека и человечества потому, что принуждает людей подобно марионеткам к производству себе подобных... Два мнения, казалось бы, несовместимы. Однако грубый материализм полководца и пессимистический идеализм философа — две стороны единого отношения к любви, как к недостойной имени истинно человеческого чувства.

В прогрессирующем отрицании любви современный буржуазный Запад породил теоретические обоснования ее невозможности и практические формы ее уничтожения.

Возьмем апорию «проектов любви» Сартра. Первый, «садистский проект», предполагает подчинение «мною» «другого», утрату им своей свободы. Второй, «мазохистский проект», выражает противоположное устремление добиться благосклонности «другого» путем отказа от своего «я». Но так как, по Сартру, свобода неотчуждаема (человек «обречен на свободу»), то оба проекта терпят крах... Экзистенциализм утверждает невозможность любви, ссылаясь на прирожденную свободу человека. Но все обстоит прямо противоположным образом. Любовь, как «обладание» другим человеком в условиях социальной несвободы именно и приводит к такому ее реальному и тотальному истреблению.

Современная «сексуальная революция», вовлекшая в свой порочный круг легионы извержившихся молодых и не очень молодых людей в буржуазном обществе, возврат к грушным бракам, есть идеологически направляемая попытка сыграть тризну на похоронах любви. Но похоронить любовь — значит похоронить человека. Реалистическая литература европейского Запада и Америки создала немало образов высокой, искренней любви мужчин и женщин, отчаянно, хоть на короткое время ломающей представленные на ее пути капканы и преграды (М. Фриш, Г. Гессе, Г. Маркес, Т. Уайлдер и др.).

Социализм — не царство всеобщей любви в фейербаховском или толстовском духе и далек от фетишизации любви мужчины и женщины. Может ли считаться подлинным замкнутое, самодовлеющее и самопоглощенное любовное чувство? Это лишь краткий необходимый момент его становления. Вытесняя интересы высшего порядка, любовь может превратиться в негативное чувство, теряющее достоинство любви.

Женщина страдает от несвободы любви больше, чем мужчина. В антагонистическом обществе она поистине, по словам Герцена, загнана в любовь. Но отметить этот факт мало. В отношении к женщине как к добыче и служанке общественного сладострастия, писал Маркс, выражена та бесконечная деградация, в которой человек пребывает по отношению к самому себе. Поэтому следует подчеркнуть, что проблема женской эмансипации, о которой столько писалось и говорилось и о чем в книге К. Василева также сказано достаточно много, не ограничивается в своем решении установлением правового и фактического равенства женщины и мужчины в семье, труде, политике, науке, искусстве, во всех родах деятельности. В высшем смысле это проблема социального освобождения человека вообще, то есть и мужчины.

Социализм еще не покончил с неравенством женщины и мужчины. Художественная литература, театр, кино, телевидение, журналистика постоянно указывают на острые, требующие разрешения конфликты. Ведь и фактическое равенство, коль скоро оно понимается прямолинейно, вульгарно, может обернуться неравенством для женщины, физически более слабой, чем мужчина. Ленин предупреждал, что в требовании равенства полов речь идет не о том, чтобы уравнивать женщин в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д. И все-таки здесь навести социалистический

порядок легче, чем в личной жизни и в сфере вековых психологических предрассудков и пережитков.

Любовь вообще не терпит неравенства. Но реальная жизнь порождает компромиссы. Привычка многих уступать им левиную долю нелегкого труда в домашнем хозяйстве и воспитании детей, заслуживает осуждения. Но порой любящие и уступчивые женщины, позволяя эксплуатировать себя, находят в этом даже особую усладу — психологические пережитки живучи и в женском сознании. В условиях преворонного равенства фактического неравенство оборачивается иной раз парадоксом феминизации — господством в семье изнеженной, капризной, нетрудящейся женщины, эксплуатирующей мужа... Вообще женщина призвана занять в материальной и духовной жизни общества, во всех подразделениях профессионального разделения труда такое соответствующее ее возможностям и наклонностям место, чтобы женственная мягкость и внимательность создавали ту благотворную духовную атмосферу, которая и должна стать нормой социализма.

Проблема места и роли в любви политического и мировоззренческого начала в книге К. Василева специально не обсуждается. Между тем литература слепо, в особенности революционно-демократическая, дала образцы художественного исследования любви, вдохновляемой борьбой за социальную свободу («Что делать?» Чернышевского, «Винувата ли судьба?» Каравелова, «Овод» Войнич и др.). В советской литературе 20—30-х годов связь любви и политики была глубоко раскрыта в поэзии Маяковского и Багрицкого, в прозе Шолохова, Леонова, Николая Островского. Военные и послевоенные годы обогатили эту тему романами и кинофильмами о Великой Отечественной войне.

При расхождении социальных ориентаций, при отсутствии единства моральных установок, которые преломляются в различии привычек и вкусов, любовь женщины и мужчины приобретает неполноценный, ущербный вид и вообще становится невозможной.

Любовь советских людей зародилась в огне социалистической революции и гражданской войны, в пафосе первых строек социализма, претерпевшая испытание великой войны против фашизма, окрепла в годы построения развитого социализма. Она еще очень молода: ее развитие не могло завершиться на протяжении жизни трех-

четырёх поколений. Природа любви требует свободного товарищества женщины и мужчины, а процесс его становления непрост и мучителен. Ключ к верному пониманию любого общественного явления даёт его высший расцвет; историческое становление чувства любви ещё далеко от этого. Но проследившая современные тенденции возвышения любви, мы можем гипотетически подойти к её глубинной сущности.

Хотя любовь неотторжима от физического влечения, хотя она предполагает брак и семью и порождает благодарность, хотя, наконец, чувство любви сопровождается чувством долга — ни страсть, ни брак, ни благодарность, ни долг сами по себе не есть любовь. Во всех этих ситуациях любовь рискует быть подчинённой трезвым, расчетливым соображениям. Сама любовь, как гармония телесного и духовного влечения, есть такое, по А. А. Ухтомскому, перенесение себя на лицо другого, целью которого является облагораживание внутреннего мира любящих, его просветление. Это в высшей степени безразлично для общества. Безоглядная и взаимная любовь способна не только преодолеть корысть, эгоизм, заблуждения, жестокость, но даже исправить преступника. Совершенство любви выявляет несовершенство окружающего, порождает стремление изменить его. Любовь — это не только чувство, но и особая деятельность.

Эстетический подход к любви не может ограничиваться внешней красотой, внешним совершенством человека. Нет ничего более ошибочного, чем втискивать любовь в узкие рамки натуралистического подхода к человеку. Физическое совершенство поистине прекрасно только тогда, когда оно сливается с духовным совершенством. Сама по себе внешняя красота, если она враждебна духовности, губительна для любящего. Она фальшива, ибо обещает то, чего не может дать, и влечёт к безумству в любви, к порабощению, обезчеловечению. В мировой литературе, пожалуй, нет более убедительной художественной дилеммы, чем образы светской красавицы Элен и некрасивой княжны Марьи из «Войны и мира». Холодность и порочность первой вызывают отвращение, тогда как искренние порывы нравственного чувства второй высвечивают в её непритязательной внешности подлинную человеческую красоту.

Исходное эстетическое отношение есть, по Марксу, трудовое отношение. Трудясь, человек изменяет мир и по законам красоты, то есть не только по своим потребностям, по своей мере, но и по мере других видов; делом

своим совершенствуя, гармонизируя свое окружение, человек совершенствует и самого себя. Сущность любви составляет также творческая эстетическая деятельность, причем в силу неповторимости, уникальности каждого ее проявления — индивидуально-творческая. Взаимообогащение и взаимосовершенствование любящих делает их талантливыми, даже гениальными в чутком понимании друг друга, даёт возможность пережить состояние свободного взлёта над каждодневностью. Искусство и любовь недаром составляют своего рода любовное двуединство. Влюбленность, замечал Чехов, указывает человеку, каким он должен быть. Интуитивно-художественное проникновение в природу любви раскрывает её суть — усовершенствование по мере человека другого пола. Здесь, следовательно, и кроются самые глубокие её законы, которые нужно искать в нелегком и противоречивом взаимном совершенствовании творчески-трудовой направленности, интеллекта, моральных установок и привычек, здоровья и физической гармонии.

Идеал любви всесторонне эстетичен. Здесь есть своя метафизика и своя диалектика. Поиски абсолютного совершенства, воплощенного в одном человеке, конечно, тщетны: рассудочная трезвость, подменяющая жар души, противоположна природе любовного чувства. Всесторонне развитых и наделенных всеми достоинствами людей — по крайней мере пока — не существует. Но подлинная любовь есть своего рода образец и общественная ценность: в относительной неполноте жизненных реализаций любящих кроется и нечто абсолютное — возвышение над общим уровнем. Тончайшая диалектика самоцельности и несамоцельности любви составляет её плодотворное противоречие: чем глубже, активнее, полнее и богаче чувство любви к одному человеку, тем деятельнее и вернее любовь через него к другим. Такова главная историческая тенденция становления любви, каким бы испытаниям она ни подвергалась и сколь отвлеченно идеальной ни казалась бы ныне.

Любовь, свободная от всякого неравенства и угнетения и свободная для полноты своих проявлений, — удел людей будущего. Чувство, находящееся в плену у грубой практической потребности, как точно заметил Маркс, обладает лишь ограниченным смыслом. Поэтому и свобода любви находится по ту сторону материального производства. Это не означает, разумеется, что у людей исчезнут материальные потребности, но потребности эти станут основанием высших духовных потребностей и реализаций. Лю-

бовь, дающая людям нашего времени хотя бы краткий миг высшего счастья и братства, есть один из прототипов будущих человеческих отношений.

В пресловутых лекциях о любви и дружбе часто ставился вопрос: что будет и чего не будет при коммунизме. Диктовать людям будущего формы их жизни бессмысленно. Однако если идти от современных тенденций, то свобода любви как неограниченная смена возлюбленных представляется крайне сомнительной. Персонаж романа Евгения Евтушенко «Ягодные места» (1981) геолог Коломейцев убежден в своем праве сближаться со многими женщинами и «переступать» через них, нимало не заботясь о последствиях. Но вся деловая самоотверженность и героизм Коломейцева, как только читатель осознает его двуличность, оказываются социально маловесомыми для оправдания его донжуанства. Наше время предполагает широчайший круг и богатство общественных связей, в том числе и межнациональных, связей, что делает выбор другого, как своего идеального дополнения, куда менее затруднительным, чем раньше. В одном человеке воплощен весь человеческий океан, и замена рассудочности в любви высокой разумностью дает право надеяться, что вечная любовь — не владение, не обладание другим, а именно любовь — вовсе не утешение литературы и искусства, а достижимый идеал человечества. Самое трудное на этом пути, как нам представляется, — утраты и обретения духовного равенства женщины и мужчины.

Антиномии любви — это не только категории сознания, но и выраженная в них реальная «разорванность» любви. Преодоление разрыва антагонистически противопоставленных сторон биологического и социального, чувства и долга переводит эти антиномии в социалистическом обществе на уровень движущего противоречия. Но там, где противоречие, там и сущность, закон. Философия должна, наконец, обратиться к исследованию любви, имея, впрочем, в виду, что это сложнейший для анализа и синтеза предмет.

Любовь и человечность синонимичны, а следовательно, тайна любви — это тайна человека вообще. Отметим некоторые черты всеобщей повторяемости, мы, как и автор книги «Любовь» К. Василев, отнюдь не претендуем на открытие, очевидно, многоуровневой системы законов любви. Мы утверждаем лишь, что законы эти существуют.

Л. Воробьев

## ВВЕДЕНИЕ

В этой книге мы будем говорить о любви, о том могучем духовном и физическом влечении, которое возникает с силой невидимой вольтовой дуги между мужчиной и женщиной.

Издавна человек стремится постичь тайны любви, приносящей ему светлую радость и глубочайшие страдания, пытается проникнуть в ее сущность.

Разнообразны суждения и афоризмы всех времен о любви: в них и поэтические хвалы и великие обиды, благоговение и пошлость, восторг и страдания, юношеское озорство и проклятия судьбе. Поэзия народов мира пламенно и вдохновенно воспекает грандиозную силу человеческой любви.

Но эта древняя и вечная тема искусства не пользуется столь же пристальным вниманием науки о человеке. Возможно, дело здесь в значительной сложности самого объекта изучения, требующего комплексного исследования самых различных наук: биологии и философии, социологии и психологии, этики и эстетики и т.д., ибо любовь связывает зарождение живого белка с социальными отношениями, с тайнами психики, с бесконечностью бытия.

Сказывается, безусловно, и наблюдаемая в настоящее время тенденция к рационализации личности человека, к своего рода «механизации и автоматизации» ее социальной и духовной природы. Речь идет не о фатальной обреченности эмоций, а об одном из отрицательных последствий научно-технической революции, которые должны быть преодолены в ходе дальнейшего развития общества. Однако угроза определенного эмоционального обеднения человека вполне реальна.

Приведем такой характерный пример. В Британской энциклопедии 1935 года три страницы уделяется термину «атом» и одиннадцать страниц — термину «любовь». Поистине романтические времена! Однако издание 1966 года той же энциклопедии демонстрирует наруше-

ние равновесия: тринадцать страниц щедро отводится термину «атом» и лишь одна страница остается на долю «любви».

Разумеется, бурная «экспансия» разума — это совершенно закономерная тенденция развития научного познания в современную эпоху. Но можем ли мы согласиться с тем, что благотворная сила любви, этого вечного стремления к движению, совершенству, развитию, к потенциальному бессмертию рода человеческого, к обновлению поколений, заслуживает сегодня меньшего внимания?

Еще античные мыслители понимали благодатную роль и могучую силу любви, воспринимая ее в космическом плане как первичное начало бытия, как важный фактор человеческой судьбы. Гесиод в «Теогонии» рассказывает, как из бездны Хаоса родилась земля (Гея) и вместе с ней златокудрый бог Эрос (или Эрот). Имя этого чудесного и страстного бога любви — согласно более поздней мифологии, сына Афродиты, — символ побуждения, устремления, соединения разделенных частей вселенной. Все на небе и на земле происходит лишь при его вмешательстве и активном участии.

И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.  
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных  
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

(Перевод В. Вересаева)

Сложные и противоречивые тенденции бытия Эроса представлены в диалоге Платона «Пир». Мы словно присутствуем на философском диспуте античной мысли. Семь видных мужей, собравшихся на пир в доме одного из них, Агафона, единогласно решают, что каждый из присутствующих должен высказать свое мнение о любви. Устами пирующих Платон раскрывает свою философию любви. Суждения оказываются абсолютно различными, даже противоречивыми. Согласно Платону, каждый предлагает часть истины, и никого нельзя полностью опровергнуть логическими доводами.

Федр заявляет, что «Эрот самый древний, самый почитаемый и самый могущественный из богов, наиболее способный наделить людей доблестью и даровать им блаженство при жизни или после смерти».

Павсаний утверждает, что есть два Эрота, один — земной, он «способен на что угодно», ищет наслаждений, а не красоты, и поэтому именно его любят «люди

ничтожные». Другая любовь — небесная, «лишенная сладострастия». Эриксимах добавляет, что Эрот обладает неизмеримой властью и силой, он существует не только в таинственном мире человеческих душ, но «живет... в телах любых животных, в растениях» как универсальное стремление бытия.

Аристофан подхватывает идею о поляризации тел, между которыми рождается любовь. Влечение — это стремление восстановить разделенную, диалектически единую сущность. Легенда рассказывает, что некогда человек был особым существом, «шарообразным», у него было четыре руки, и ног столько же, сколько рук, два лица, глядевших в противоположные стороны, одна голова, четыре уха. Великая дерзость человека постепенно начала пугать богов Олимпа. Зевс решил разделить людей, как «разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском», чтобы каждый из них ходил не на четырех, а на двух ногах, чтобы люди стали слабее. И после того, как человеческое тело было разорвано на две части, «каждая половина с вождением устремлялась к другой своей половине», они «сплетались и обнимались, страстно желая срастись». Так возникла земная любовь.

Агафон говорит, что Эрот — «самый молодой бог», который не стареет, остается «вечно молодым». Его сила в красоте, всякий, кто коснется его, «становится поэтом», Эрот «избавляет нас от отчужденности и призывает к сплоченности».

Сущность платоновской концепции любви образно раскрывает философское красноречие Сократа, доказывающего противоречивость природы любви. Эрот олицетворяет собой стремление к тому, чего мы лишены. Он «смел и силен... он всю жизнь занят философией, он искусный колдун и софист». Никто не в силах остановить могущественное воздействие его животворной силы. Как воплощение страстного и неутолимого стремления сознания к прекрасному, Эрот «ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает... то оживает опять». Вот почему все люди, которые находятся в его власти, начинают и рожают: одни телом, другие духом. Вначале Эрот заставляет человека влюбиться в тело, но это низшая форма любви. Сознание постепенно поднимается к красоте, заключенной во многих телах, и в конце концов достигает ее чисто духовной и абстрактной сущности в царстве идей.

Мистифицируя любовь, античная мысль в то же время

указывает и пути ее научного изучения. Догадки Платона на протяжении веков обогащаются и развиваются на диалектической и материалистической основе. Современная научная мысль также должна попытаться проникнуть в сущность этого явления, этого комплексного биологического и социального взаимного влечения и общения мужчины и женщины, возникающего на основе инстинкта воспроизводства поколений и обеспечивающего особенно интенсивное духовное и телесное наслаждение.

Любовь — один из самых глубоких порывов человеческого духа. «Любить — значит быть человеком», — писал Фейербах. Философия должна внести свой вклад в исследование природы и социальных функций этой одухотворенно-эмоциональной формы существования человека.

## Глава 1

### ОДУХОТВОРЕНИЕ «ПЛОТИ»

На протяжении веков проблема любви мужчины и женщины была предметом острых философских, религиозных, психологических, эстетических и социологических дискуссий. Это объясняется прежде всего тем, что она тесно связана с пониманием социальной жизни, с воспитанием и общественным поведением человека. Разногласия в вопросе об интимной эмоциональной и моральной сущности человека были прямо или косвенно идеологически обусловлены классовой борьбой той или иной эпохи.

Исследования и наблюдения показывают, что движущей силой и внутренней сущностью любви является половое влечение мужчины и женщины, инстинкт продолжения рода. Этот вывод обоснован с позиций научной философской методологии, историко-материалистического понимания социальной жизни. «Первая предпосылка всякой человеческой истории, — пишут Маркс и Энгельс, — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения...»<sup>1</sup>.

Диалектика социальной жизни глубока и многогранна. Всестороннее научное исследование любви следует начинать с рассмотрения биологической природы человека. Путь к высшим духовным сферам интимной жизни мужчины и женщины проходит через тайные лабиринты полового влечения.

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19, 28.

## 1. МНИМАЯ ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Признание полового влечения как основы любви на протяжении веков приводило в негодование приверженцев аскетизма. Можно ли постыдное животное влечение одного пола к другому объявлять имманентным содержанием возвышенной человеческой любви? Неужели преданный проклятию религией половой акт и сейчас должен оскорблять нравственную чистоту цивилизованного общества?

Теософы и мистики говорят о так называемой «божественной любви», о ее «вечной» прелести. Это некое бесплотное, эфемерное общение и соприкосновение душ под эгидой всевышнего, милосердно дарующего людям чудо любви.

Проповедник священных канонов православия аскет Никодим Святогорец обращает вдохновение своего пера к духовной борьбе против дьявольского искушения плотских соблазнов. Он дает конкретные советы, как доброму христианину сохранить целомудрие души незапятнанным и противостоять попыткам дьявола осквернить ее божественную чистоту.

«Избегай всего,—пишет Никодим Святогорец,—что может смутить спокойствие твоей плоти, особенно общения с лицами другого пола. И если тебе придется беседовать с таковыми, не говори слишком долго, сохраняй при этом скромность и известную строгость. Пусть слова твои будут учтивыми, но скорее сдержанными, нежели благосклонными»<sup>1</sup>. Никодим советует христианину быть осторожным при общении с лицами другого пола, поскольку здесь «почти всегда примешивается пагубная чувственная страсть, исподволь проникающая до самых глубин души и помрачающая ум».

Аскетическая мораль христианства представлена в Новом завете, в евангелиях и посланиях апостолов. Однако она не соответствует исполненной жизнелюбви философии Ветхого завета, занимающего большую часть Библии и провозглашенного священным писанием христианства. По существу, в нем отражены взгляды на половую жизнь в условиях патриархальности в период исторического формирования иудаизма, полностью противоположные тем, которые проповедуются в Новом завете. В Ветхом завете отсутствует осуждение пола.

<sup>1</sup> Никодим Светогорец. Стремех към съвършенство. София, 1958, с. 38.

Половые отношения между мужчиной и женщиной описываются безо всякого аскетического лицемерия, как нечто вполне естественное, существующее по воле творца. Всемогущий бог Ветхого завета, создав первого мужчину и первую женщину, говорит им: «Плодитесь и размножайтесь». Здесь находим мы «Песнь песней» Соломона—этот вдохновенный гимн любви. Идеал же Нового завета—аскетическое целомудрие.

Таким образом, обнаруживаются два несовместимых подхода к рассматриваемому вопросу. Очевидно, христиане предпочитают жить сообразно с принципами Ветхого завета, а молиться и каяться в духе требований Нового завета. Возможно, в значительной степени это противоречие насаждает сознание греховности человека перед богом.

Следовательно, у платонической любви есть свои новозаветные корни. Она осуждает «во Христе» половой контакт и, таким образом, неизбежно побуждает к экзальтации, к стремлению ощутить себя «невинными как ангелы», созерцать могущество сознания в бесконечной вселенной. Мужчина и женщина парят в облаках «чистого» духовного наслаждения. Губы никогда не соприкасаются, руки всегда обнимают пустое пространство, туман идей. Такая любовь бесплотных существ оказывается просто иллюзией, отчуждением человека.

Обычно платоническая любовь антифеминистична. Ее проповедники провозглашают не только проклятие половых отношений, но и проклятие женщины. Целью платонической любви объявляется слияние душ без соприкосновения тел. Только такой путь может якобы привести к вечному блаженству двоих.

Один из подобного рода заклятых врагов полового влечения, Отто Вейнинггер, заявлял в начале XX века в своей нагумевшей книге «Пол и характер»: «Любовь и вожделение—настолько различные, исключаящие друг друга, даже противоположные состояния, что в те моменты, когда человек действительно *любит*, для него совершенно невозможна мысль о телесном единении с любимым существом. И лжет тот, кто утверждает, что еще любит женщину, которую он желает обладать,—или он никогда не знал, что такое любовь... Половое влечение растет с телесным приближением, любовь же сильнее всего вырастает при отсутствии любимого существа, для своего поддержания она нуждается в разлуке, в известном расстоянии... Смерть истинной любви достигается каким-нибудь непреднамеренным телесным прикоснове-

нием к возлюбленной: оно вызывает половую страсть и — в один миг убивает любовь...

Итак, существует платоническая любовь, хотя профессора психиатрии и не признают ее. Я сказал бы даже: существует только «платоническая» любовь. Ибо все, что, кроме нее, называют любовью, просто свинство. Есть только одна любовь: любовь к Беатриче, поклонение Мадонне. Для полового акта существует вавилонская блудница»<sup>1</sup>.

Защитником так называемой «идеальной любви» был и известный теоретик мистицизма дореволюционной России Владимир Соловьев. Как представитель идеализма. Особенно философично, он выступал против материализма. Особенно психических компонентов любви в связи с инстинктом продолжения рода.

«Если мировая воля, — писал он, — чрезвычайно заинтересована в рождении какого-нибудь человека, она должна принять чрезвычайные меры для обеспечения желанного результата, т. е., по смыслу теории, должна возбудить в родителях чрезвычайно сильную страсть, способную сокрушить все препятствия к их соединению...

В действительности, однако, мы не находим ничего подобного, никакого соотношения между силой любовной страсти и значением потомства. Прежде всего мы встречаем совсем необъяснимый для этой теории факт, что самая сильная любовь весьма часто бывает неразделенною и не только великого, но и вовсе никакого потомства не производит...

Видеть смысл половой любви в целесообразном деторождении — значит признавать этот смысл только там, где самой любви вовсе нет...

Сильная индивидуальная любовь никогда не бывает служебным орудием родовых целей, которые достигаются помимо нее»<sup>2</sup>.

Соловьев решительно отрицает связь духа с телом, сознания с материей. Принимая догматы христианства, он превращает земное в неземное. Любить, согласно Соловьеву, означает искать бога. Любовь — это мистический трепет чувств, направленных к высшему существу. Она возникает и существует в царстве глубоких мистических

<sup>1</sup> Вейнинггер О. Пол и характер. Спб., 1908, с. 283.

<sup>2</sup> Соловьев В. Смысл любви. — «Вопросы философии и психологии», 1892, кн. 14, с. 102, 105, 107.

созерцаний. Соловьев утверждает, что «деторождение не есть собственно дело любви»<sup>1</sup>.

Лев Толстой также клеймит позором половую любовь. Гениальное мастерство реалистического воспроизведения жизни в художественных образах сочеталось у него с беспристрастным аскетическим морализаторством в духе христианской доктрины.

«Вступление в брак, — пишет Толстой, — не может содействовать служению богу и людям, даже когда вступающие в брак имели целью продолжение человеческого рода»<sup>2</sup>.

Несомненно, это чисто евангельская моральная установка. Толстой категорически заявляет, что «брак есть нехристианское учреждение», поскольку «Христос никогда не женился». Он принимает брак, подчеркивая, что на него следует смотреть «как на грех, требующий своего искупления»<sup>3</sup>.

Супруги, по мнению Толстого, могут поддерживать половые отношения только до тех пор, пока не будет зачат ребенок. После этого они должны «избегать всяких плотских соблазнов», «жить как брат и сестра»<sup>4</sup>.

Понимая неосуществимость подобных задач, Толстой подчеркивает: «Целомудрие не есть правило или предписание, а идеал». Его осуществление в жизни возможно «лишь в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности»<sup>5</sup>.

Основную роль в моралистической философии Толстого играет идея целомудрия человека. Эта сомнительная идея аскетизма противоречит законам природы. «Я думал: написать роман любви целомудренной, — говорит Толстой, — такой, для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности... Только с женщиной можно потерять целомудрие, только с нею можно соблазнить его. Хорошо написать это... Целомудренная женщина (недаром легенда о Марии) спасет мир»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Соловьев В. Смысл любви. — «Вопросы философии и психологии», 1893, кн. 1(16), с. 117.

<sup>2</sup> Толстой Л. Н. О половом вопросе, изд. В. Чертковым. Спб., 1906, с. 16.

<sup>3</sup> Там же, с. 45.

<sup>4</sup> Там же, с. 47.

<sup>5</sup> Там же, с. 12.

<sup>6</sup> Там же, с. 72.

Толстой не занимается конкретным анализом, не строит систему научных доказательств. Его исходная установка и недосказанна, и априорна. В своих рассказах и романах он отступает от идеи аскетизма, всегда сохраняя привязанность к жизни, к ее физической и духовной прелести, к земным горестям и радостям. С каким гениальным вдохновением художника описывает он любовь Наташи Ростовской и Катюши Масловой! Как всем сердцем оправдывает страсть и заблуждения Анны Карениной!

Целомудрие, положенное в основу христианской этики, имеет значение мистической инквизиции. Оно представляет собой освящение чудовищной формы самоубийствования человечества во имя его «моральной красоты».

Тезис о том, что половое влечение будто бы принижает человеческий дух, ослабляет его творческую силу, ложен. Реальные факты говорят о противоположном. Гении никогда не были скопцами, скорее наоборот, в большинстве своем они отличались особой чувственностью.

Множество исследованных фактов показывает, что продолжительное воздержание человека от «мерзости» половой жизни закономерно может привести к интеллектуальной застою, к психологической травме, а при наличии ряда предпосылок — к неврозам и другим нервнопсихическим отклонениям.

Истории хорошо известны такого рода заболевания, достаточно распространенные в монастырях средневековой Европы. С наибольшей силой муки искушения возникают тогда, когда устанавливается морально и юридически регламентированный, строгий, подавляющий человеческие желания запрет половой жизни.

Нередко психические расстройства, которые бесспорно являются продуктом ряда сложных факторов (наследственности, религиозных внушений, деформаций социальной жизни и пр.), имеют и вполне определенную подоплеку: объективно они объясняются столкновением двух противоположных моментов — неудовлетворенного полового влечения и сознания греховности этой могучей жажды жизни.

При этом больные испытывают чувство, что они охвачены нечистой силой, что в них каким-то образом проносятся чужой и опасный дух искушения, напештывающий «грязные слова», возбуждающий греховные желания, рисующий перед глазами кошмарные эротические картины. Борьба с собственным инстинктом приобретает

иллюзорный характер столкновения с чуждой, проникающей извне демонической силой. Это форма особого раздвоения человека и распада личности под влиянием мучительной коллизии сознания. Примеры такого «религиозно-эротического сумасшествия» приводит швейцарский психиатр Форель<sup>1</sup>.

Факты показывают, что половой инстинкт — это могущественная сила, подчиняющая себе и тех, кто, лицемерно или искренне заблуждаясь, пытается его отрицать.

Обычно религиозные фанатики — люди жестокие, лишенные какой бы то ни было эмоциональной жизненной теплоты. Им свойственна суровая прямолинейность мышления, свидетельствующая об отрыве от жизни, от ее радостей, стилей и красоты.

В «Монахини» Дидро достоверно описал эту вызванную стремлением к целомудрию деформацию мышления. Указывая на психические отклонения монахинь, ставших жертвами католической религии, он делает вывод: «Вот результат монастырского уединения. Человек рожден для общества. Оторвите его от него, изолируйте — и мысли его придут в расстройство, характер извратится, тысяча смешных страстей поднимется в сердце».

Порой утверждают, что «платоническая любовь» существует, поскольку каждому известны конкретные случаи проявления чувства женщины к мужчине или мужчины к женщине без какого бы то ни было физического, сексуального контакта.

В связи с этим следует четко разграничить два вопроса: а) существует ли любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине, которая возникает не на основе полового влечения; б) может ли человек испытывать любовь, не вкусив «яблока запрета», то есть до осуществления полового акта? На первый вопрос наука в принципе отвечает отрицательно, на второй — положительно. В более ясной и конкретной форме эти проблемы можно интерпретировать следующим образом.

Платоническая, внефизиологическая, «эфемерная» любовь между мужчиной и женщиной, то есть любовь без объективно действующего полового влечения, в рамках социальной жизни не существует. Человек может в данный момент не осознавать существующего полового влечения. Однако возможен и более сложный, достаточно распространенный вариант. Человек может осознавать

<sup>1</sup> См.: Форель А. Половой вопрос, т. I—II. СПб., 1909, с. 243—244, 249.

половое влечение, но не доходить до совершения полового акта или даже до объятий и поцелуев. Этот вариант обычно характерен для первой, чисто эмоциональной и до некоторой степени самоцельной эстетической фазы любви.

Возникшее чувство не требует немедленного осуществления полового акта. Любовь, естественно, возникает прежде всего в высшей сфере идеализации. Таким образом, создается иллюзия, что ничего общего с инстинктом продолжения рода, с половым влечением любовь не имеет. Но влюбленный, как активный субъект, рано или поздно начинает испытывать, хотя и в завуалированной форме, половое влечение. Он все конкретнее и действительнее стремится к половой близости. Подобно героям Анатолья Франса в его «Восстании ангелов» влюбленный спускается с неба и находит земную женщину, ради обладания которой он согласен принять на себя грех.

В некоторых случаях на протяжении нескольких лет, а иногда в продолжение всего периода любви половая близость может оставаться практически не осуществленной в силу различных объективных или субъективных жизненных препятствий: недостаточной зрелости (в ранней юности), социальных запретов, отсутствия взаимности у одной из сторон, моральных предрассудков, разлуки, наступления старости и т. д.

Петрарка пылко воспекает свою чисто «платоническую» любовь к Лауре. Но у этой «платонической» любви была своя биологическая основа — половое влечение. Петрарка отнюдь не отличался бесстрастностью. По его собственному признанию, наслаждения любви не были ему чужды. Он признает, что Лаура ведет его к небу, но в то же время у него возникают греховные желания. «Сжигаемый внутренним огнем, — пишет М. Дубинский, — он переходил из одного города в другой, из одной деревни в другую, и немудрено, что случайные встречи с женщинами, менее Лауры дорожившими своей нравственной репутацией, находили в его горячей крови достаточный материал для превращения невольника платонической любви в усердного жреца греховных наслаждений»<sup>1</sup>.

Позднее гениальный поэт трагедий сердца и мысли Гёте также переживал подобную ситуацию. Он страстно влюбился в Шарлотту фон Штейн, которая настаивала на

<sup>1</sup> Дубинский М. Женщина в жизни великих и знаменитых людей. Спб., 1900, с. 39—40.

«чисто платонической дружбе», на «небесных чувствах» без земных вожделений, тогда как мысли поэта были далеки от такой призрачной философии дружбы. Гёте «жаждет обладать женщиной»<sup>1</sup>. Некоторые биографы Гёте не без основания утверждают, что и эта его платоническая любовь имела эротическую основу.

Обычно, если так называемая «платоническая» любовь является вынужденной, то есть половое влечение подавляется, происходит особая компенсация недостающих элементов любви, находится объект — заместитель чувств. Так, воспеваемая недостижимая Лаура, Петрарка в то же время встречается с такими женщинами, которые, не обладая неземными качествами, удовлетворяют его чувственность.

Подобная компенсация любви является достаточно типичной. То, чего не дает возвышенный, «платонический» образ, отыскивают вне его, в жизни. Так, недостающие компоненты любви могут быть восполнены другими объектами влечения. Важно, чтобы человек удовлетворял как высокий порыв к полной эстетизации интимных отношений, так и половое влечение. Природа всегда требует полноты. Ее законы постоянно корректируют дефектную односторонность платонической формы любви.

Вообще платоническая любовь представляет собой один из следующих вариантов: а) дружбу бессильных в половом отношении людей, лишенных полового влечения; б) неразделенную любовь с естественным нежеланием интимных контактов у одной из сторон; в) сильную взаимную любовь при отсутствии объективной возможности сближения; г) любовь при наличии у обоих или у одного из влюбленных предрассудков, исключающих удовлетворение полового влечения.

Признание плотского начала и в самой возвышенной любви имеет свою историю. Человечество, в пламени революций освобождаясь от пут средневекового феодализма, продолжало испытывать смущение, лишь только речь заходила о половом влечении. Монахи без усталости твердили, что постыдное «дело плоти», освященное брачным договором как традиционное грехопадение, как необходимое для жизни зло, должно совершаться в условиях духовного карантина. Воспроизводство венца творения требует будто бы особого ритуала осквернения святости человека.

<sup>1</sup> Людвиг Э. Гёте. М., 1965, с. 140.

В наше время идея о мнимой греховности тела навсегда забыта. Дух человека существует в единстве с телом, не испытывая комплекса греховности. Это единство противоположностей рождает гармонию. Стефан Цвейг пишет, что «страстное преклонение, хотя бы в самой чистой форме, направлено к женщине, оно бессознательно стремится к обладанию телом — к этому естественному символу самого тесного слияния».

Приверженцы мистики и благочестия защищают фальшивое отношение к природе человека. Они постоянно подвергают нападкам его абсолютно естественные чувства и переживания. Наука полностью разоблачила эти вредные, антигуманные притязания мистики.

В конце прошлого и начале нынешнего века в цивилизованной Европе многие филистеры еще испытывали новозаветный стыд перед половым влечением. Ренессанс и буржуазные революции не уничтожили полностью религиозной фальши средневековья. Над человеком продолжало тяготеть проклятие пола и аскетическое, мещанское лицемерие по отношению к законам воспроизводства жизни. Человеческое тело, преданное анафеме церковью, все еще покорно сносило жестокий приговор минувшей эпохи. Блудители морали считали своим «святым долгом» спасти человека от дьявольских искушений, защитить его глаза и мысли от соблазнов тела.

В своих воспоминаниях, названных «Вчерашний мир», Стефан Цвейг описывает эту полумещанскую идиллию предрассудков и нравов в жизни Вены накануне первой мировой войны. Мужчины и женщины должны были усваивать и покорно соблюдать традиционные нормы благоприличия. Повсюду господствовал этикет, унаследованный от прошлой эпохи. Мещанство и рыцарство протягивали друг другу руки. Воспитание мужчины и женщины разделяла пропасть. Личная жизнь подвергалась строгой полумещанской-полуаристократической моральной регламентации. Считалось преступлением, если женщина для спортивных занятий или игр надевала брюки. Этикет убрал из словаря слова, которые ассоциативно напоминали о «неприличных» частях тела. В разговорах в публичных местах всегда употреблялась «благопристойная» лексика. Ни одна хорошо воспитанная дама не могла произнести слово «трико». Если все же требовалось указать этот «опасный» для нравов того времени предмет, употребляли невинные слова «нижние панталоны» или еще более неопределенное понятие.

Опасение, что тело может совершить известное грехо-

падение, создавало атмосферу недоверия, постоянной слежки. Человек осужден был молчаливо переносить тиранию этих фальшивых, унаследованных от прошлой эпохи нравов. «Нельзя было и подумать, чтобы молодые люди одного и того же сословия, но разного пола отправились на прогулку без надзора, первая мысль, которая возникала у всех: может что-нибудь «случиться»... Если даже самым жарким летом молодые девушки играли в теннис в коротких платьях или с голыми руками, это было равносильно скандалу. Если хорошо воспитанная женщина в обществе клала ногу на ногу, мораль находила, что это ужасно и противоестественно, потому что из-под платья могут быть видны шиколотки. Солнцу, воде и воздуху не позволялось дотрагиваться до обнаженной кожи женщины. В море они с трудом передвигались в своих тяжелых костюмах... В пансионатах и монастырях молодые девушки даже мыться должны были в длинных белых рубашках, чтобы забыть, что у них есть тело... Старые дамы умирали, и никто, кроме акушерки, супруга или служителя на похоронах ни разу за всю жизнь не видел их тела... Этот страх перед всем телесным и естественным проник повсюду — от высших слоев до народных низов...»

Вся эта моральная дискриминация человеческого тела, без сомнения, осуществлялась под непосредственным воздействием проповедей, заклинаний и традиций католической церкви.

Но соблазны тела, жестоко преследуемые, постоянно за себя мстили. Все тайное, скрываемое от взоров, чаще возбуждает нездоровое любопытство, болезненную фантазию. Ничто так не усиливало и не разжигало любопытство, пишет Цвейг, как эта неуклюжая техника прикрывания. У молодежи всех сословий можно было уловить подспудную сверхвозбудимость. Повсюду подавляемое находило себе окольные пути и выходы. Это поколение, которому отказывали в необходимом сексуальном просвещении и в непосредственном общении с другим полом, было гораздо более эротичным, чем сегодняшняя молодежь.

Бертран Рассел, говоря об аскетизме христианской религии, с тонкой иронией замечает, что избегать абсолютно естественного означает усиливать, при этом в самой болезненной форме, интерес к нему, ибо сила желания пропорциональна строгости запрета.

## 2. СОЮЗ ТЕЛА И ДУХА

Но разоблачая новозаветную, пуритански-мещанскую идеализацию целомудрия и подчеркивая научную несостоятельность идеалистического понимания так называемой «платонической» любви, отметим, что любовь не требует немедленного осуществления полового контакта. Возможности для интимной дружбы очень разнообразны. Часто педагоги не без основания задают вопрос: можно ли считать нормальным, чтобы несовершеннолетние юноши и девушки, большая часть которых учится в средней школе, испытывали любовь во всей полноте ее чувственных проявлений. Эта актуальная тема, очевидно, заслуживает серьезного внимания.

Безусловно, вопросы пола и любви не могут не волновать девушек и юношей в средних школах, создают определенную заботу и педагогические трудности для учителей. Эти вопросы столь же древни, как и сама система образования. В своей «Исповеди» Руссо говорит, что, будучи 15—16-летним учеником, он страстно влюбился в мадемуазель де Вюльсон и очень страдал, когда она его оставила. Пушкин в 14-летнем возрасте в лицейские годы написал свое первое признание:

Сердце страстное пленилось;  
Признаюсь — и я влюблен!..

Кто может наложить запрет на это внезапно возникающее чудесное чувство? В один прекрасный день юноша слышит, как в его сердце начинает звучать самая сладостная и нежная музыка. Это пробуждение молодости, торжествующий зов бытия, расцветающей природы человека. Это первая, чистая, юношеская любовь.

Так было всегда. Но сейчас, в условиях социализма, в условиях социальной свободы от классового гнета и от старых предрассудков, любовь несовершеннолетних юношей и девушек становится более дерзкой, непокорной. Молодые люди, сидящие за партой, еще недостаточно зрелы, они мало подготовлены к волнующим порывам любви, которые часто ошеломляют разум. И следовательно, у учителей есть все основания для тревоги. Будучи педагогами, они несут ответственность перед обществом за духовную культуру и нравственную чистоту молодых граждан социалистического общества.

Разумеется, никто не имеет права порочить впервые зарождающуюся любовь, преследовать ее и ранить. Гру-

бые руки могут нанести непоправимый вред. Молодой человек, перенесший оскорбление, иногда до конца жизни остается эмоционально подавленным. Юношеская любовь нуждается в защите, сочувствии, понимании, в мягком, благоприятном климате. И когда ее прелестный румянец начинает окрашивать лица, это должно стать сигналом для окружающих, должно прозвучать как предупреждение, продиктованное истинной заботой о несовершеннолетнем человеке: внимание, рождается любовь!

Школа должна давать подрастающему поколению и половое воспитание. Это очень трудная задача. Прежде всего необходимо создавать общую моральную атмосферу, основанную на серьезности и доверии. Когда между юношей и девушкой зарождается любовь, насмешки, перешептывания и угрозы играют зловещую роль. Чистоту отношений можно запятнать. Говоря о социальных аспектах этой проблемы, Ленин подчеркивал необходимость ее серьезной трактовки. Его критика была направлена как на мещанскую мораль, так и на анархистский подход к проблеме любви.

Однако в связи с этим необходимо сделать важную оговорку. Естественное и нормально, что в период постепенного полового и физиологического созревания организма (до 18—20 лет) любовь носит чисто духовный характер, выявляясь в форме эмоциональной дружбы. Ученые отмечают, что раннее начало половой жизни имеет отрицательные последствия: а) истощение молодого организма, мешающее его полному формированию и укреплению как устойчивой биологической системы; б) возможность значительных, пагубных для духовного формирования и равновесия юношей и девушек психических потрясений, поскольку в этом возрасте чувства легко возбудимы, но кратковременны, и это часто приводит к легкомысленному переходу от одного объекта чувств к другому, к их сравнительно свободной замене и вызывает серьезные разочарования.

Юношеская любовь является чисто эмоциональной, духовной и все же не платонической. Поскольку, во-первых, она также возникает на основе пробуждения инстинкта воспроизводства поколений и, во-вторых, она в конечном счете приводит к половой близости.

Чувства, которые волнуют человека, несомненно, являются «функцией мозга». Они возникают на основе известных физиологических процессов, совершающихся в нервной системе. Чувства функционально связаны с деятельностью и состоянием всех органов тела (кровенос-

ной системы, желез внутренней секреции, мускулов и пр.)<sup>1</sup>. Именно поэтому они выражают определенную жизненную реакцию человека, прошедшую через кору мозга.

Исследования и наблюдения показывают, что чувство любви имеет специфическую биологическую основу. Оно находится в функциональной зависимости от состояния и деятельности половых желез, от общей активности и жизнеспособности половой системы.

Здесь нам грозит опасность нарушить благоприличие и моральное вето, охраняющее добрые человеческие чувства. Мы позволяем себе говорить о столь деликатных вопросах, которые цивилизованное общество, как бы следуя средневековой традиции, не любит ставить и обсуждать публично. Вопросы, касающиеся половой жизни человека, к сожалению, все еще вызывают чувство стыда и необъяснимого неудобства.

Шестьсот лет назад Боккаччо писал, что «нет столь неприличного рассказа, который, если передать его в подобающих выражениях, не был бы под стать всякому». Автор «Декамерона» предупреждает своих читателей, чтобы каждый читал те рассказы, «какие нравятся», а «те, что ему претят, пусть оставит в стороне».

Сто лет назад Ф. Энгельс считал достоинством «выражение естественной и здоровой чувственности и плотской страсти», которая бьет ключом в произведениях первого и самого талантливого пролетарского поэта Германии Георга Веерта. Клеймя традиции фальши и лицемерия, Энгельс прямо заявляет: «Не могу... не заметить, что и для немецких социалистов должен когда-нибудь наступить момент, когда они открыто отбросят этот последний немецкий филистерский предрассудок, ложную мещанскую стыдливость, которая, впрочем, служит лишь прикрытием для тайного сквернословия. Когда, например, читаешь стихи Фрейлиграта, то действительно можно подумать, что у людей совсем нет половых органов. Однако никто так не любил послушать втихомолку пикантный анекдот, как именно этот ультрацеломудренный в поэзии Фрейлиграт. Пора, наконец, по крайней мере, немецким рабочим привыкнуть говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах, так же непринужденно, как романские народы, как Гомер и

Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и „Neue Rheinische Zeitung“<sup>2</sup>».

В древние времена люди с большей откровенностью и простотой, с более естественным чувством смотрели на половые потребности человека. Существовала даже фетишизация гениталий как вечной божественной благодати. В некоторых храмах имелись изображения фаллоса, которому античный человек поклонялся, не краснея до слез и без пошлых чувств. Спустя много веков христианская религия создает устрашающий миф о греховности генитальных органов. Это стало проклятием интимной человеческой сущности, ее жестокой и несправедливой дискриминацией.

Несомненно, человек — сложная и целостно действующая биологическая система. Все ее компоненты (подсистемы) тесно взаимосвязаны и скоординированы в функциональном отношении. Таким образом, ни один из этих компонентов не может быть устранен или подавлен, так как это может привести к дезорганизации, внутреннему расстройству всей системы. Органы человека всегда функционируют в рамках определенного, специфического для его природы единства. Рассмотрение этой единой системы как механического нагромождения частей, которые можно выборочно отбрасывать в силу их предполагаемой незначительности, показывает несостоятельность метафизического мышления.

Даже Кант — философ, которому не знакомо было опьянение великими страстями жизни, — в 40-летнем возрасте пишет, что влечение к другому полу «в конце концов все же представляет собой основу всех других возбуждений», которые существуют между мужчиной и женщиной<sup>3</sup>. Гегель, выступая против догмы аскетизма, психологии «добровольных скопцов», подчеркивал, что взаимоотношение полов объективно представляет «культурно-натуральный пункт живой природы», так как в нем они находят свое родовое единство<sup>3</sup>.

Из всех естественных потребностей человека, — пишет Август Бебель в своей книге «Женщина и социализм», — половая потребность после потребности есть и пить самая сильная. Потребность продолжить род есть высшее выражение «воли к жизни». Эта потребность глубоко заложена в каждом нормально развитом челове-

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 6.

<sup>2</sup> Кант И. Соч., т. 2. М., 1964, с. 158.

<sup>3</sup> См.: Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 3. М., 1956, с. 35.

<sup>1</sup> См.: Психология. М., 1956, с. 372—373.

ке, в зрелом возрасте удовлетворение ее является существенным условием его физического и духовного здоровья. Лютер прав, когда говорит: «Кто хочет сопротивляться естественной потребности и не делать того, чего желает и должен делать, тот подобен тому, кто хотел бы, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жег, вода не мочила, человек не ел, не пил, не спал.

Духовная деятельность человека зависит от физиологических свойств его органов. Полное здоровье обеих сторон теснейшим образом связано друг с другом. Нарушение деятельности в одной части влечет за собой нарушение деятельности в другой»<sup>1</sup>.

Реализация полового влечения, осуществление глубокой внутренней потенции непосредственно способствует оптимизации деятельности всех других органов. Эта потенция в конечном счете является показателем общего состояния индивида, функционирования всей конкретной биологической системы.

Само половое влечение женщины к мужчине и мужчины к женщине не является простым, элементарным жизненным импульсом внутренней инстинктивной потенции. Оно содержит ряд необходимых последовательных взаимосвязанных компонентов. Половое влечение можно рассматривать как функциональную совокупность безусловных рефлексов. Представленные в их последовательности, они объективно составляют содержание полового влечения, инстинкта продолжения человеческого рода.

Фундаментальное значение полового влечения в любви неоспоримо. Теория платонических чувств, лишенных «греховного» воздействия Эроса, полового инстинкта, полностью дискредитирована. Положение о необходимости половой близости в любви можно аргументировать следующим образом.

1. Природа осуществляет соединение и оплодотворение индивидов путем чисто физиологического их совокупления. У человека этот процесс происходит как таинство, как прекрасная «мистерия» тела и души. Он подчиняется могучему инстинкту плоти, ищущей плоть, облеченному в изысканные одежды цивилизации.

Половую жизнь можно считать определенной физиологической потребностью нормального человека. Она активизирует деятельность желез внутренней секреции, повышает жизненный тонус, содействует сопротивляемости депрессиям. Многие юноши и девушки, страдающие

<sup>1</sup> Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 142.

истерией, анемией, неврастенией и др., после вступления в брак легко и быстро возвращаются к нормальному состоянию<sup>1</sup>.

Философ Ф. Бэкон рассматривает плотскую любовь как выражение органической бедности духа и безволия. «Можно заметить,— говорит он,— что среди всех великих и достойных людей (древних и современных, о которых сохранилась память) нет ни одного, который был бы увлечен любовью до безумия; это говорит о том, что великие умы и великие дела, действительно, не допускают развития этой страсти, свойственной лишь слабым»<sup>2</sup>.

Но история самым конкретным и убедительным образом опровергает эту общую установку Бэкона. Обычно у великих людей, обладающих сильной волей и могучей духовной потенцией, высоко развит и инстинкт пола. Творческая деятельность человека, как правило, связана с его способностью и умением любить, глубоко испытывать эту жажду тела и духа. Примером могут служить жизнь и творчество Гёте, Байрона, Пушкина, Бальзака, Гюго, Петефи и др.

В связи с этим напомним интересное признание И. С. Тургенева. На вопрос Софьи Андреевны Толстой: «Отчего Вы так давно не писали?» — он ответил: «Ну, я вам скажу, что всякий раз, как я задумывал писать что-нибудь, меня трясла лихорадка любви. Теперь это прошло: я стар; я не могу больше ни любить, ни писать...»<sup>3</sup>.

Половая энергия человека говорит о его жизненной активности, о его устойчивости как биологической системы. Тайна долголетия, бодрой, эмоциональной старости в значительной степени связана с сохранностью половых гормонов, потенции. И хотя медицина не располагает еще всесторонними комплексными исследованиями причин долголетия, отдельные авторы приводят в этой связи интересные факты. В частности, по данным статистики, женатые люди живут дольше, чем холостые<sup>4</sup>. Тезис о том, что «воздержание» зрелых мужчин и женщин полезно, фактически теряет в науке все точки опоры.

«Нормальная половая жизнь,— пишет А. П. Слободяник,— оказывает благоприятное влияние на нервную си-

<sup>1</sup> См.: Иванов Ив. Хр. Половые живот и половые расстройства у жената. Изд. «Глобус», с. 103.

<sup>2</sup> Бэкон Ф. Соч., т. 2. М., 1972, с. 371.

<sup>3</sup> Богословский Н. Тургенев. М., 1965, с. 395.

<sup>4</sup> См.: Комфорт А. Биология старения. М., 1967, с. 210.

стему, успокаивает ее, способствует улучшению сна, общего состояния, придает бодрость, активизирует к деятельности»<sup>1</sup> Подобных исследований, которые научно, на эмпирической основе подтверждают эту установку, немало.

Следовательно, активность взаимного физиологического влечения мужчины и женщины является компонентом половой любви.

2. Первая любовь обычно совпадает с наступлением так называемого переходного возраста юноши и девушки. С физиологической точки зрения—это период полового созревания. У детей половое влечение существует лишь потенциально, как смутное предчувствие любви.

С наступлением периода полового созревания взаимное влечение юноши и девушки резко усиливается. Это далеко не всегда связывается с любовью к конкретному человеку. Однако в настроении и самочувствии молодых людей наступает глубокий перелом. Начинается период ожидания великого таинства жизни.

В этот волнующий период пробуждения полового влечения происходит новое открытие мира, чарующей прелести жизни. Юноша начинает смотреть на людей другими глазами. Возникает ощущение половой неудовлетворенности как первая предпосылка естественного расцвета любви. Половое влечение становится незаменимым вдохновителем чувств.

Две тысячи лет назад Лукреций Кар описал трансформацию юноши при наступлении полового созревания. Этот процесс представлен у него натуралистически, в упрощенном виде, но его описание вполне объективно.

К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность  
Начало семя, в тот день лишь во членах оно созревает,  
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя  
Образы всяческих тел, прекрасных изне и цветущих.  
Тут раздражаются в них надутые семенем части...  
И возбуждается в нас это семя, как мы указали,  
Тою порою, когда возмужалое тело окрепло.  
Вследствие разных причин раздражаются разные вещи:  
Образом только людским из людей извергается семя...  
Тут возбуждает само у людей детородные части,  
Их раздражает оно и вздувает, рождая желание  
Выбросить семя туда, куда манит их дикая похоть,  
К телу стремясь тому, что наш ум удивило любовью.

(Перевод Ф. Петровского)

<sup>1</sup> Слободяник А. П. Психотерапия, внушение, гипноз. Киев, 1966, с. 317.

Половое влечение как инстинкт жизни далеко не всегда порождает в соответствующей форме любовные чувства. Оно часто выполняет свои функции, не вызывая душевного трепета. Но истинная любовь (то есть такая любовь, которая влечет за собой взаимную идеализацию определенного мужчины и определенной женщины) возникает на основе полового влечения, на основе инстинкта.

3. Половое влечение в юности способствует интенсивности и глубине любовных чувств, интимных вожделений человека. Это счастливый период пламенных страстей, когда в лаборатории организма начинают бурно функционировать половые гормоны, активизирующие все проявления жизнедеятельности человека.

В молодости у человека обычно повышенный обмен веществ, его чувства вспыхивают быстрее. Общая физиологическая активность организма усиливает интенсивность общения двух полов. С уменьшением половой активности неизбежно снижается обмен веществ. Старость чаще согревается медленно тлеющим и неугасающим жаром прошлого. Эмоции становятся более рациональными, спокойными и уравновешенными. Вряд ли можно оспаривать эту весьма банальную жизненную ситуацию.

4. Наличие в любви полового влечения подтверждается и психическими явлениями, закономерно сопутствующими кастрации. Если в период полового созревания детородные органы останутся физиологически неразвитыми или будут искусственно удалены половые железы, процесс формирования человека приостанавливается. Недоразвитость половых желез или кастрация в раннем возрасте ведет к сохранению организма в инфантильном состоянии. Наряду с этим при кастрации обычно начинает действовать тенденция к половой дифференциации, противоположной нормальной. Евнухи более женственны по характеру, чем нормальные мужчины.

5. Телесная основа любви подтверждается самим развитием интимных отношений, возникающих между мужчиной и женщиной. Такие отношения первоначально носят чисто духовный, эмоциональный характер. Мужчина и женщина обмениваются взглядами, улыбками. Они ищут любого повода для встреч и разговоров. Это начало интимного общения, период «чистых» любовных чувств. Половое влечение остается глубоко скрытым, что создает иллюзию его полного отсутствия. Но оно незаметно

но направляет развитие событий. Его цель всегда остается неизменной, хотя вначале и неосознанной.

Молодая девушка, переживающая половое созревание и впервые испытывающая любовь может вообразить, что глубокий трепет сердца является плодом лишь ее непорочной души. Если она воспитана в правилах лицемерной этики, она придет в ужас, почувствовав силу полового влечения. Хрупкая иллюзия о существовании платонической любви разобьется вдребезги. Попытки подавить половое желание, не замечать его не будут иметь успеха. Это желание существует, и его длительная неудовлетворенность может впоследствии превратить радость первого полового чувства в повседневный ад.

6. Патологическая деформация сознания, которая может возникнуть в результате систематического подавления полового влечения, сигнализирует об отклонении человека в той или иной степени от естественного пути развития. Эта деформация выносит приговор аскетизму и платонической философии жизни. Природа, властно и категорически требующая уважения к ее законам, дает пощечину человеку.

Пытаясь определить половую основу любви, естественно, следует избегать вульгаризации. Мы осознаем трудность такого определения. Психические явления представляют собой нечто сложное, тонкое, глубоко противоречивое. Они обладают относительной внутренней самооценностью. Было бы наивным искать полного соответствия между психическими компонентами любви и силой полового влечения. Точной функциональной зависимости между ними нет и быть не может.

Половое влечение — это могучая сила, которая может стать бедствием, если выйдет из-под контроля. Нельзя отделять дух от тела, мечту от реальности. Это ведет к деформации человеческой сущности, умерщвлению жизни. Причина превращается в следствие, а следствие — в причину. Инстинкт продолжения человеческого рода является не только биологической основой любви, но и ее глубоким внешним проявлением, выражением интимных чувств, которые связывают любящих невидимыми нитями.

Однако половую основу чувств не следует абсолютизировать. Отношения между половым и духовным влечениями в любви имеют свою внутреннюю диалектику.

Здесь встает проблема относительной независимости духовных компонентов любви. Сознание не является пассивным продуктом живой материи. Оно всегда облада-

ет собственной внутренней динамикой.

Возникшие на основе полового влечения, духовные компоненты любви приобретают известную самостоятельность. Несмотря на свой производный характер, в определенных границах они теряют зависимость от инстинкта продолжения рода, становятся психической и морально-эстетической силой, «неподвластной» законам природы. Духовная сила любви не дает остыть чувствам мужчины и женщины и после угасания мощных биологических стимулов полового влечения.

Зажженная огнем половой потенции, любовь позднее, в осеннюю холодную пору старости, озаряется трепетным светом воспоминаний. Она существует как морально-эстетическая ценность, как атрибут интеллектуальной и эмоциональной культуры, как эманация жизни.

Любовь с выраженным половым влечением может перейти в «платоническую» в случае наступления старости и преждевременного истощения организма. Тогда и сами чувства превращаются в моральную привязанность, в чистую дружбу на основе воспоминаний и взаимной симпатии.

С уменьшением, а в старости и с исчезновением полового влечения любовь претерпевает глубокие изменения или в конечном счете исчезает. Какой вариант получится в конкретном случае, зависит от прочности связи любящих и сочетаемости их характеров.

Половое влечение мужчины к женщине и женщины к мужчине может сохраняться на протяжении всей жизни. Преобразование инстинкта приводит к сохранению его следов в человеческой психике. Мозг фиксирует половое влечение, как бы «консервируя» историю индивида, механизмы которой в определенной ситуации вновь могут актуализироваться, хотя и с меньшей силой, без импульса полового влечения. В этом проявляется динамический характер психофизиологической структуры человека.

### 3. ЛЮБЯТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

На первый взгляд этот вопрос выходит за рамки обсуждаемой темы. Однако он заслуживает внимания, поскольку имеет отношение к пониманию любви человека. Тем более что речь идет лишь о предварительном уточнении понятий. Некоторые теоретики, преимущественно биологи, рассматривают любовь просто как половое влечение. Таким образом, содержание понятия «лю-

бовь» расширяется, в сферу ее действия включаются почти все представители живой природы, иногда даже и растения. Естественно, что при такой постановке вопроса полностью игнорируются особенности половой жизни человека.

Начало биологизации социальных отношений положил Ч. Дарвин более ста лет назад. С научной глубиной раскрыв единство генезиса человека и животных в природе, великий естествоиспытатель не увидел качественной специфики отношений в социальной системе. Он приписывал низшим формам органической природы качества, присущие лишь человеку.

Согласно Дарвину, мораль, эстетика, эмоции существуют и в животном мире. Половое размножение формировало компоненты любви еще до того, как появился человек и его культура. Сочетание пар в природе неизбежно дает простор эмоциональным движениям, глубоким психическим переживаниям.

У животных сформировался комплекс сопутствующих половой связи психических моментов на уровне эстетических и моральных отношений. Соплоение животных, по крайней мере высших животных, по Дарвину, сопровождается расточительной тратой энергии, обилием тонов и красок. Оно требует определенного чувства красоты, ухаживания, кокетства, предпочтения, соперничества, ревности — иными словами, того, что составляет содержание любви.

«Ухаживание у животных, — пишет Дарвин, — дело вовсе не такое простое и кратковременное, как это можно подумать. Самки предпочитают или более изукрашенных самцов, или лучших певцов, или, наконец, наиболее ловких по движениям; кроме того, крайне вероятно, как это и было действительно наблюдаемо в нескольких случаях, что они предпочитают в то же время более сильных и живых самцов»<sup>1</sup>.

В самом деле, выбор — это предпочтение одного самца или одной самки. Предпочтение зависит в конечном счете от качеств объекта полового влечения: силы и ловкости тела, развития половых атрибутов, специфической окраски, особого сочетания звуков, запахов и т. д.

Дарвин, однако, находит в «ухаживании» и «кокетстве» животных как бы чисто человеческое (эстетическое и пр.) содержание, отмечает здесь общую тенденцию развития. Наиболее сомнительным является его утвер-

<sup>1</sup> Дарвин Ч. Полн. собр. соч., т. II, кн. I. М.—Л., 1927, с. 253.

ждение о том, что чувство красоты присуще не только человеку, но и простейшим животным. Впрочем, Дарвин абсолютизирует единство органической и социальной действительности. О роли чувства красоты в половых отношениях он говорит следующее: «Приятное пение самцов многих птиц в период любви, без сомнения, нравится самкам»<sup>1</sup>.

Обобщая свои концепции, Дарвин заключает: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно — количественное только, а не качественное... Чувства и впечатления, различные ощущения и способности, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке или в хорошо развитом состоянии в низших животных»<sup>2</sup>.

Воззрения известного этнографа Летувно являются логическим продолжением высказываний Дарвина по рассматриваемому вопросу. Летувно утверждает, что у животных в период размножения существуют все формы искусства (пение, инструментальная музыка, танцы, архитектура, орнаментика и театр). Четвероногим и пернатым, по его словам, недоступна лишь литературная эстетика, но и она в определенной степени начала формироваться<sup>3</sup>.

Тезис Дарвина о мнимой любви у животных принимают многие естествоиспытатели, не признающие специфики социальной жизни. Беглые замечания Ч. Дарвина, автора фундаментальных научных трудов «Происхождение видов» и «Происхождение человека», они развивают в самостоятельную концепцию.

Односторонность Дарвина в этом вопросе вполне объяснима. В то время, когда он своим «Происхождением видов» закладывал основы современной биологии, теоретического обоснования границ между природой и обществом еще не существовало. Карл Маркс и Фридрих Энгельс только приступали к созданию науки о социальном развитии.

Вместе с тем несомненно, что Дарвин с глубокой проницательностью выявил закономерность внутреннего биологического единства человека и животных. Именно в этом и заключается его историческая заслуга. Опровергая

<sup>1</sup> Там же, с. 140.

<sup>2</sup> Там же, с. 172.

<sup>3</sup> См.: Летувно Ш. Литературное развитие различных племен и народов. Спб., 1895, с. 10—12.

с помощью научных доказательств религиозно-идеалистическую концепцию, возвышающую человека и отрицающую какую бы то ни было генетическую связь его с другими животными, Дарвин допустил некоторую односторонность. Он смешивал и фактически отождествлял отношения полов, существующие в природе и в обществе.

Теоретическое углубление ошибочных взглядов Дарвина в 80—90-е годы прошлого века, а затем и в эпоху империализма, когда наука об обществе обрела завершенность, свидетельствует уже о сознательной биологизации социальных отношений. Такое непонимание социальной специфики вело к произвольному усложнению психической жизни животных.

Видный зоопсихолог XIX века Д. Роменс находит в половых отношениях животных черты духовных атрибутов человека: галантность, богатство эмоций, кокетство, чувство долга и пр. Он рассказывает о любовной идиллии двух рыб. Самец очень деликатно ухаживал за самкой, «даже толкал ее своим ртом», а она отвечала на его любезности. Роменс видит здесь проявления возвышенной любви, форму эстетизации половых взаимоотношений рыб в аквариуме<sup>1</sup>.

Известный швейцарский психиатр конца XIX — начала XX века, Форель, особо отмечает биологические и психические компоненты любви. В его капитальном труде «Половой вопрос» детально раскрыты различные аспекты интимной жизни мужчины и женщины, показаны формы реализации инстинкта в культурном обществе. Форель убедительно аргументировал вывод о том, что так называемая половая любовь фактически является половым инстинктом, прошедшим через наш головной мозг, обработанным им и видоизмененным, усложненным различными проявлениями психической деятельности.

Принимая эту характеристику в самом общем плане, можно признать, что она отражает объективную истину. Однако Форель, как и другие биологи, смешивает закономерности чисто животной и человеческой форм общения. Он упускает из виду имманентную специфику социальных отношений. Согласно Форелю, для многих животных естественным является чувство любви и симпатии. То же самое касается и морали, ревности и других социальных чувств.

Взгляды Фореля отражают только часть истины. В данном случае речь идет лишь о биологической основе

<sup>1</sup> См.: Роменс Д. Ум животных. Спб., 1888, с. 249.

любви, вопреки утверждениям самого же Фореля, что инстинкт пропущен через мозг и психику человека. Форель часто игнорирует или недооценивает культурную «надстройку». В конечном счете любовь, согласно его воззрениям, — это синтез мгновенной половой страсти и первичного влечения наших предков-животных. Эта концепция вновь возвращает человека к природе, погружает в нее.

Ю. Комарек написал даже специальную книгу «Любовь в природе». Содержание этой книги представляет собой попытку интерпретации процесса размножения у животных сквозь призму созданных цивилизацией форм культуры. Комарек образно описывает страстный «припадок» оленя, которому, по словам автора, можно позавидовать, так как он «по уши» влюбился в очаровательную самку. Комарек считает, что половое совокупление фактически представляет собой «транспортировку любовных клеток». Природа во всех этих случаях действовала без помощи разума. Трутни в улье, пишет Комарек, возбужденно флиртуют с пчелиной маткой. Пауки начинают безумно и страстно танцевать, «когда приходит время любви». Насекомые постоянно справляют веселые свадьбы, танцую в воздухе. Даже черви под камнями испытывают некую «любовную тревогу»<sup>1</sup>.

Мыслительный стереотип этой традиции упрощения действует и в настоящее время. Болгарский зоолог К. Тулешков, автор интересной книги «Любовь в природе», также биологизирует социальные явления. По его мнению, интимное чувство, которое на половой основе соединяет мужчину и женщину, является «космическим принципом». Он называет его гравитацией, слиянием, симпатией, любовью<sup>2</sup>.

Местами впадая в лирический тон, Тулешков без всяких оговорок включает в текст научного изложения странные выражения: «Природа вложила любовное стремление в сердце... замкнутой в своем коконе самки бабочки». Кузнечик выражает это чувство самыми мелодичными звуками. Трутень в пчелином улье испытывает «любовный взрыв». А одноклеточные инфузории часто ищут друг друга в порыве страсти. Когда же происходит «любовный обмен их половых элементов, взаимное стремление исчезает»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Комарек Ю. Любовь в природата. София, 1947, с. 45, 46, 66, 177.

<sup>2</sup> См.: Тулешков К. Любовь в природата. София, 1972, с. 18.

<sup>3</sup> Там же, с. 76, 83, 89.

Согласно Ш. Альберу, Ю. Комареку, Н. Е. Ишлундскому, Ш. Рише и др., любовь является просто слиянием двух половых клеток. Все сводится к действию элементарного таксиса (движения к какому-либо раздражителю), который существует у инфузорий и микроорганизмов. В силу некоего неисследованного физико-химического средства инфузории-туфельки стремятся одна к другой, взаимопроникают до ядер клеточной структуры и таким образом оплодотворяются, чтобы повысить свою жизнеспособность. Эта конъюгация организмов, по мнению некоторых физиологов, фактически представляет простейшую, элементарную форму так называемой любви. Таким образом, любовь объявляется лишь соединением двух клеток с целью создания третьей, физико-химическим средством, органическим таксисом. Говоря об указанной биометафизической теории естествоиспытателей, следующих традиции упрощения сложной сущности явлений при помощи вульгарных аналогий, Ш. Рише заявляет: «В таком случае можно было бы сказать об угле, горящем в кислороде, что существует любовь между углем и кислородом и что так как калий имеет больше средства с хлором, нежели с азотом, то и любовь калия к хлору гораздо сильнее, чем его любовь к азоту»<sup>1</sup>. Здесь мы попадаем уже в область веселых игр фантазии.

Такая псевдонаучная пансексуализация живой природы приводит отдельных естествоиспытателей к искажению объективной картины, к стремлению видеть везде проявление пола, его всемогущую силу.

Нельзя отрицать, что процессу воспроизводства в живой природе свойственны красота и сила. Дарвин первым указывал на роль призывных звуков, запахов и окраски в необходимом процессе поиска и соединения самца и самки. Но в то же время он подчеркивал то обстоятельство, что задача продолжения рода не исчерпывает всех проявлений закономерностей живой материи. Многие краски и запахи природы выполняют также определенные функции в борьбе за существование отдельных его представителей.

Исследователи, признающие существование любви у животных, по-разному интерпретируют факты, в различной степени упрощают половые отношения человека. В обобщенном виде их взгляды можно свести к двум разновидностям единой концепции.

1. Понимание любви как чисто половой инстинктивной связи, обесценивающее высшие эмоциональные и психические, эстетические и моральные компоненты любви или пренебрегающее ими.

2. Акцентирование положения о том, что высшие компоненты любви изначально присущи не только человеку, но и всем дифференцированным в половом отношении животным, по крайней мере млекопитающим.

Первая теория биологизирует интимную эстетическую и моральную природу человека. Она лишает богатое содержание любви ее высших, абсолютных компонентов, приводит исследуемую категорию к самоотрицанию. Вторая концепция, будучи также вульгаризаторской, все же не отрицает социальных качеств человека. Она подчеркивает целостность биологического и психического содержания любви, ее телесных (низших) и духовных (высших) компонентов, но при этом возвышает половые отношения животных до человеческого уровня. Таким образом, она, хотя и другим путем, фактически также принижает имманентное содержание любви.

Любовь — это не только инстинкт продолжения рода, половое влечение, но и система, объединяющая различные компоненты, форма социального общения мужчины и женщины, целостное биологическое, психическое, эстетическое и моральное переживание. Чувство любви во всей сложности и полноте свойственно лишь человеку.

Для рассмотрения этой проблемы необходимо охарактеризовать внутренне присущие человеку качества, раскрыть сущность его природного и социального бытия в связи с различными компонентами общественной системы. Ибо сущность человека, как указывает Маркс, есть «совокупность всех общественных отношений». Но каждая часть данной системы органически связана с другими ее компонентами. Человеческая любовь не может не отражать глубин человеческой сущности, не может игнорировать общественные отношения, то есть не может быть лишь чисто биологической, инстинктивной, сексуальной связью. Ее содержание богато и неисчерпаемо, это феерия импульсивности и сознания, волшебное слияние полового влечения и духовной жажды.

Исследование любви неминуемо должно продвигаться от биологической ее основы к социальной, сочетать данные естествознания с законами общественной сущности человека. Только таким может быть научный подход к постижению ее волнующей, веками скрытой в тумане поэтических миражей тайны.

<sup>1</sup> Рише Ш. Любовь (психологический этюд). Спб., 1898, с. 17.

#### 4. СОЦИАЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ

Человек — существо общественное. Об этом говорил еще Аристотель около 2300 лет назад. Это последовательно и научно доказал Маркс с позиций диалектико-материалистического понимания философии, истории и социологии. Такая характеристика бесспорно имеет различные взаимосвязанные аспекты. Человек является продуктом общества, его условий; он существует как выражение, как практическая реализация социальных отношений. Но в конечном счете человек сам создает общество, изменяет его в соответствии с законами истории и таким образом творит и свое бытие.

Развиваясь, человек не перестает оставаться биологическим существом, самым сложным и жизнеспособным творением окружающей его природы. Он существует полностью в режиме, так сказать, двойного подчинения. С одной стороны, человек подчиняется объективным законам социальной системы, определяющим его развитие по пути культуры. С другой стороны, он испытывает воздействие и биологических законов, законов природы.

При этом биологические факторы, условия, закономерности жизненного порыва в известной степени социально «абсорбированы». Фактически они действуют не абсолютно непосредственно, как у животных, а скорее косвенно, через определенную социальную среду при наличии известной общественной регуляции.

Все это как тенденция, как закономерная структура взаимоотношений проявляется и при половом влечении. Инстинкт, который осуществляет потенциальное бессмертие человека, в границах социальной системы приобретает общественную обусловленность.

Исчерпывающее объяснение этой важной проблемы требовало научного понимания социальной структуры и законов ее развития. Эта теоретическая задача была разрешена с возникновением марксизма. Научное понимание общества создало возможности для освещения всех аспектов взаимосвязи инстинкта продолжения рода и социальных отношений. Эта общая теоретическая установка имеет принципиальное значение. Человек освобождается не от природных инстинктов, а от непосредственного и прямого их воздействия, он регулирует и «очеловечивает» свои «животные потребности». Развитие человеческих половых взаимоотношений объективно отражает один из аспектов истории цивилизации. Человек обладает интеллектом, сознанием, чувствами. Именно поэтому он

стоит над всеми другими живыми существами. Его жизненные инстинкты могут проявляться только на основе социальных отношений. Общество является «воспитателем» природы. Человек дополняет силу инстинкта величием и красотой своего сознания. Таким путем образуется особая биосоциальная структура взаимоотношений.

1. Половое влечение женщины к мужчине и мужчины к женщине становится формой разумного и целенаправленного в данной ситуации общения влюбленных. Животное оплодотворяется абсолютно инстинктивно, не осознавая обстоятельство полового контакта и не имея представления о его последствиях. У него развиты лишь самые элементарные условные рефлексы. Человек же обладает сознанием, закономерно развившимся в процессе труда и социальных отношений. Он оценивает и регулирует свои поступки на основе определенных принципов и норм. Это придает одухотворенность его сложным половым отношениям.

Но сознательность в человеческой любви проявляется не только как предвидение, осознание и целенаправленная регуляция своих действий, но и как богатство фантазии, глубина стремлений к достижению личного счастья. У сознания есть три измерения: оно извлекает уроки из прошлого, создает мыслительную ориентацию в настоящем, предвидит будущее. Сознание преобразует любовь человека в прекрасное, богатое эмоциональными ассоциациями, волнующее воспоминание, позволяет ему испытать всю полноту счастья и дарует трепетную надежду на новое наслаждение в будущем.

Любовь человека не является только инстинктом, влечением пола, чисто физиологическим наслаждением при общении двух существ. Она сплетает по законам гармонии импульсы природы и золотые нити сознания, физиологические законы организма и духовные нормы. Соединяя прошлое, настоящее и будущее, сознание бесконечно углубляет и расширяет сферу эмоциональных переживаний при половых отношениях. Любовь в момент ее реализации. Она всегда и волнующее воспоминание и светлое ожидание.

У животного в коре головного мозга сохраняются условнорефлекторные следы прошлого. Эти аккумулирующие опыт следы актуализируются спонтанно, под воздействием связанных с ними внешних раздражителей. Но животное не может сознательно воспроизводить свое

прошлое, превращать его в источник новых, целенаправленных переживаний. В этом смысле у него нет воспоминаний. С другой стороны, животное абсолютно неспособно к предвидению своей будущей судьбы. Оно не может фантазировать, мечтать, мысленно переживая красоту и наслаждение половых отношений.

2. Любовь связана с моральным сознанием человека, с его пониманием добра и зла, нравственного и безнравственного в данной социальной структуре. Этот вопрос имеет существенное значение при оценке уровня прогресса в области культуры.

Животные не знают морали, они существуют, так сказать, «по ту сторону добра и зла». Кажущаяся моральная самоотдача и самопожертвование самца и самки является лишь их взаимосвязанностью, часто очень прочной, однако всегда абсолютно лишенной сознания единства с «партнером» по общению, ответственности, подчиненности каким бы то ни было социальным нормам поведения; мы не можем говорить здесь о благородстве, долге и т. д. в прямом их смысле.

Только человек вносит в половые отношения мораль. Он влюбляется и берет на себя обязанность уважать интимную дружбу и хранить ее как высшее благо. Когда человек испытывает истинное чувство, он способен проявить самопожертвование и огромную моральную силу.

3. Любовь развивается как особая эстетизация отношений между мужчиной и женщиной. Она создает красоту и обостряет способность к ее восприятию, стимулирует художественное восприятие мира.

Животное не знает магии искусства. Ему полностью чужды законы красоты, одухотворяющие мир. Животное не может создавать произведения искусства, воспринимать и переживать эстетические ценности. Его искусствовоподобная деятельность абсолютно инстинктивна, шаблонна, биологически предопределена.

Лишь человек может создавать красоту и созерцать ее совершенство, усваивать действительность не только по мерке своего вида, но и по мерке индивида. Только человек может вплетать искусство в ткань жизни, следовательно, эстетизировать отношения полов.

4. Любовь представляет собой социальное явление, поскольку она в конечном счете порождает социальные последствия. Ее сила, как физиологическая, так и духовная, сплавливает людей. Любовь направляет мужчину и женщину к прочной совместной жизни, к семейно-брачной форме отношений.

Любовь формирует не изолированные, абсолютно самостоятельные пары. Она укрепляет устойчивость коллектива, порождает новую моральную ответственность перед человечеством, перед высшими интересами общества, социальной системы. Клара Цеткин в своих воспоминаниях о Ленине приводит его слова: «...В любви участвуют двое и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»<sup>1</sup>.

Исторически развитие любви является формой укрепления «гомеостаза» общества. Мужчина и женщина постоянно содействуют достижению большей зрелости социальных отношений. Моногамия выражает определенные тенденции общественного развития с античных времен до наших дней. Совместная жизнь на основе любви между мужчиной и женщиной играет существенную роль в преодолении социальных противоречий. Она исторически содействует прогрессивной эволюции моногамии.

5. Идейное и социально-психологическое содержание любви зависит от уровня развития общества. Мужчина и женщина взаимодействуют не только биологически, но и духовно. Они аккумулируют в своей интимной дружбе мысли, чувства и желания определенной социальной группы. В условиях различных формаций любовь имеет различное идейное и социально-психологическое содержание. Это наделяет общую гамму ее духовных компонентов особыми оттенками.

Так, во времена средневековья любовь сочетает в себе элементы христианской мистики и так называемые рыцарские идеалы, тогда как Ренессанс намечает формирование новой социальной психологии. Любовь становится более разумной, земной и гуманной. В XVIII веке она испытывает влияние придворной, аристократической культуры.

6. Социальный компонент любви закономерно присутствует и в процессе выбора объекта полового влечения. Критерии выбора, предпочтения всегда являются не только биологическими, но и социальными, социально-психологическими. Это поднимает любовь человека над сексуальными отношениями животных, над чисто естественной реализацией инстинкта.

Выбирая объект любви, мужчина и женщина имеют в виду не только биологические, предопределенные наследственностью его черты (глаза, волосы, фигура, темпера-

<sup>1</sup> Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1956, с. 49.

мент и пр.), но и чисто социальную характеристику (положение в обществе, материальные возможности, воспитание, нравственный уровень, ценностную ориентацию и пр.).

Даже самый сложный половой отбор животных носит чисто биологический характер. В нем нет и не может быть никаких социальных критериев. Здесь прежде всего существует стадная форма интеграции.

7. Социальным аспектом любви является особая форма «эксплуатации» полового влечения. Для понимания этого вопроса необходимо еще раз остановиться на различных способах реализации половых отношений в природе и в человеческом обществе.

Мнимая «любовь» животных полностью исчерпывается поиском самца или самки и осуществлением совокупления в период действия инстинкта. Эта «любовь» не выходит за рамки сугубо инстинктивной направленности влечения к воспроизводству поколения, не поднимается над уровнем биологической утилитарности полового акта.

Человек также подчиняется природному закону биологического воспроизводства вида, то есть обеспечению его потенциального бессмертия как вида, но одновременно с этим он социализирует инстинкт, обогащает его не известными животным функциями. Человек превращает сексуальное общение (включая и половой акт) в самоцельное наслаждение тела и души, не учитывая фактор размножения, а часто действуя в противоречии с ним.

Эта диалектика взаимоотношений сложна и противоречива. С одной стороны, природа щедро дарует человеку наслаждение, чтобы побудить его с помощью этой приманки совершить акт зачатия индивида. В то же время человеку, субъекту истории, со своей стороны удается «обмануть» природу, превратив половое влечение в объект постоянного наслаждения, не служащего функции продолжения вида.

Инстинкт в обществе наряду с осуществлением биологической функции продолжения вида удовлетворяет и самодовлеющее стремление человека к наслаждению, к более интенсивным переживаниям для достижения полного счастья. Это стремление является новым качественным моментом в развитии половых отношений, присущих виду «гомо сапиенс». Оно имеет социальный характер, поскольку возвышает человека над чисто животной механикой инстинкта воспроизводства поколений.

Половой контакт как средство размножения индивидов — закон природы. Половой контакт как самостоятель-

ное удовольствие, как чистое наслаждение — открытие цивилизации. Совокупление животных всегда служит функции продолжения вида. Только человек ищет удовольствие в половом контакте, вне зависимости от требований природы воспроизвести во всех случаях новый индивид.

С этим связана и другая особенность социальной адаптации полового влечения. У животных в природных условиях акт совокупления любой образовавшейся пары не имеет другой функции, кроме обеспечения бессмертия вида, поэтому половое возбуждение и общение происходит периодически, через большие интервалы времени, в периоды, биологически определенные для оплодотворения.

После завершения кратковременного, биологически определенного для каждого вида «любовного периода» парные в половом отношении животные заботятся лишь о своем пропитании и сохранении в окружающей их среде. Они становятся сексуально индифферентными вплоть до наступления нового цикла оплодотворения.

Человек же расширил период осуществления половых контактов. Он не признает ограничений природы, ее циклов, обладая способностью к половому общению в любое время года, лишь бы он находился в нормальном физиологическом состоянии. Он решительно перешагивает границы запрета, биологически установленного для всех остальных животных на пути эволюции.

8. Существенной формой социальной регуляции половых отношений в обществе является запрет установления контакта с определенными лицами. Этот механизм ограничения половых контактов человека в первобытных условиях носил чисто моральный характер, но в классовых формациях он приобретает и юридическую санкцию.

Животное в природе вообще никогда не знает подобных сознательных ограничений. Оно существует, не имея субъективной возможности регулировать инстинкт. Половые контакты животных ограничиваются лишь биологически. У них отсутствуют моральные санкции, не говоря уже о юридической регламентации.

Первым проявлением управления половой жизнью человека является запрет кровосмешения, утвердившийся в ходе развития общества. Он исключает половую близость между родителями и детьми, братьями и сестрами, а также между ближайшими родственниками. Это защитная социальная реакция против опасности вырождения поколений.

Но запрещение кровнородственной половой связи не исчерпывает всех ограничений. Социальная регуляция половой жизни требует применения различных санкций. Она устанавливает кодекс благопристойности, определяет формы сожителства мужчины и женщины.

Социальная регуляция, по существу, является уравновешиванием противоположных тенденций с учетом достижения и сохранения оптимума половой жизни в данных исторических условиях. Это требует обуздания крайностей. Общество стремится сбалансировать различные тенденции, то ужесточая режим половых отношений, то предоставляя им более широкую свободу.

Нет сомнения, что такая регуляция, социальный контроль, всегда определяется характером данных исторических условий, или, другими словами, уровнем развития общественного строя. Фактически относительная социальная свобода человека является в известной степени и мерой его относительной половой свободы. Общественная регуляция половой жизни имеет определенную амплитуду колебания в противоречивом ходе истории. И эти колебания следует воспринимать как необходимые, последовательные звенья прогрессивного развития отношений между мужчиной и женщиной.

В античном рабовладельческом обществе Греции и Рима существовала значительная половая свобода, ограничения половой жизни не были строгими. Эта откровенность эротичности, присущая древности, нашедшая отражение и в развитии искусства, в дальнейшем приводит к ценностной деградации человека, к массовому распространению вульгарности.

Период упадка Римской империи характеризуется инфляцией отношений между мужчиной и женщиной. Половая жизнь все более утрачивает свою былую морально-эстетическую красоту. Рим «славится» развращенностью нравов. В своих желчных сатирах Ювенал говорит, что улицы «вечного города» полны «хмурых распутников», что всюду происходят «оргии», процветает необузданная похоть мужчин и обольстительство женщин (так сказать, полная деградация чувств, их опошление). Женщины позволяют себе все и ничто не считают постыдным. Власть утратила здесь свою роль. Анархия половых отношений принимает устрашающие размеры.

Эта половая необузданность неизбежно предопределяет общественную реакцию, обуславливает некоторые аспекты господствующего морального катехизиса последующей эпохи. Проклятие плоти, объявленное в условиях

феодализма принципом христианской веры во имя спасения человека, не является случайностью или «ошибкой истории». Представляя собой акт отрицания необузданной стихии плоти, оно восстанавливает нарушенное равновесие.

Проклятие половых отношений имеет свое историческое объяснение. Это острейшая и во многом односторонняя, но необходимая критика распущенности рабовладельческого общества, деградации любовных чувств, установление механизма социального контроля в сфере половой жизни мужчины и женщины. Другой вопрос, что позднее ставшее традиционным проклятие половой близости привело к аскетической пуританской деформации представления о человеке и, следовательно, его необходимо было отвергнуть, преодолеть, чтобы на более высокой ступени восторжествовала гармония духа и тела.

9. Средством регуляции отношений между полами выступает чувство стыдливости, не известное животным. Летурно подчеркивает, что это чувство не является врожденным, оно возникает как необходимый продукт культуры, в частности культуры взаимоотношения полов. Оно становится «нравственным украшением» мужчины и женщины<sup>1</sup>.

Человек исторически преодолевает односторонность интимной связи. Он все глубже осознает, что счастье коренится в полноте переживаний, в гармонии различных компонентов его целостной биосоциальной природы.

Маркс подчеркивал, что отношение между мужчиной и женщиной является мерилем высоты общественной культуры. Это отношение показывает, «насколько природа стала человеческой сущностью человека»<sup>2</sup>.

Некоторые теоретики предпринимают попытки полностью разорвать две стороны любви — биологическую и социальную. Половое влечение как физиологический момент в целостной системе взаимоотношений объявляется рудиментом животного прошлого, противодействующим развитию культуры.

Подобная глубокая раздвоенность представлена в романе Толстого «Воскресение» в истории взаимоотношений князя Дмитрия Нехлюдова и Катюши Масловой. Эти отношения последовательно проходят через определенные, крайне противоположные фазы. Впервые встретив Катюшу в доме своих тетюшек, «Нехлюдов... — пишет

<sup>1</sup> См.: Летурно Ш. Социология, т. I. Спб., 1895, с. 64.

<sup>2</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 115.

Толстой,—любил Катюшу, как любят невинные люди... У него не было не только желания физического обладания ею, но был ужас при мысли о возможности такого отношения к ней».

Но спустя 3 года, вновь встретившись с Катюшей, Нехлюдов уже не тот. Вернее, тот же, но вместе с тем и другой, абсолютно земной. «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один—духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей. И другой—животный человек, ищущий блага только себе...» Толстой как бы не допускает возможности гармонии—победить может либо тот, либо другой человек.

В Нехлюдове побеждает человек плотский, побеждает инстинкт. Порывы духовного существа осквернены. Катюша попадает под власть развратника Нехлюдова.

И, наконец, при третьей встрече с несчастной Катюшей в зале суда Нехлюдов вновь возвращается к духовному началу. Плотское, животное навсегда побеждено в нем. Он вновь смотрит на Катюшу как на сестру.

Здесь представлена как бы метафизическая альтернатива. Пол и сознание признаются несовместимыми, резко разделенными.

Учение Фрейда также раздваивает единое мыслящее и чувствующее, природное и социальное существо. Согласно Фрейду, эстетическая и половая сущности человека, сфера телесного, животного и сфера духовного, социального, красота и наслаждение существуют в общественном развитии как враждебные, противоположные силы. Культура со своей стороны постоянно подавляет инстинкты человека, его природное, животное начало. Она существует лишь в высшей сфере духа, в царстве морали и красоты.

Половое влечение, по Фрейду, никогда не участвует в развитии красоты, оно создает препятствия для культурного развития человека. Для Фрейда сознание и бессознательное, красота и наслаждение, социальное и животное формируют как бы два отдельных существа в одном человеке, два противоположных, глубоко враждебных индивида в каждом индивиде.

Но такую органическую раздвоенность можно отнести лишь к области патологии. В нормальном состоянии человек выступает как единство сознательных и бессознательных, биологических и социальных компонентов. Индивид как целостная система, как сплав этих компонен-

тов всегда является чем-то большим, нежели их простая совокупность, их сумма.

«Природнейшее половое влечение,—подчеркивает В. Д. Днепров, критикуя Фрейда,—вступает в устойчивые сочетания и сцепления с кругом различных душевных процессов, и только человеческая история, только общая человеческая жизнь может открыть «механику» этих сочетаний и сцеплений»<sup>1</sup>.

Биологическая и социальная природа человека, существующие относительно самостоятельно и обладающие определенными специфическими характеристиками, внутренне интегрируются в единую систему. Ее компоненты, не утрачивая своих различий, во всех случаях начинают действовать комплексно. Они внутренне взаимодействуют. Пол у человека не является просто животной, «биологической» механикой. Он постепенно одухотворяется и «встраивается» в систему социальных отношений, сконцентрированных в общем содержании личности.

Любовь—явление сложное, многостороннее и богатое. Ее корни находятся в инстинкте, в половом влечении, подталкивающим не только тело, но и психику мужчины и женщины к особому, интимному, глубокому взаимному соединению. Но любовь не только инстинкт, не только платоническая мистерия, сладострастие, созерцание, психическая нирвана. Любовь соединяет природную и общественную сущности человека, являясь комплексом биологических и социальных отношений, физиологических и психических компонентов, многосторонней и глубокой жизненной диалектикой материи и сознания.

<sup>1</sup> Днепров В. Д. Черты романа XX века. М.—Л., 1965, с. 334.

## МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

## 1. ПРОКЛЯТИЕ, ТЯГОТЕЮЩЕЕ НАД ВЕЧНОЙ ЕВОЙ

Любовь всеобъемлюще соединяет двух индивидов — мужчину и женщину. Один для другого, оба одновременно, они являются субъектами и объектами любви. Естественно, эта форма общения прежде всего глубоко интимна.

В основе любви всегда лежит взаимная симпатия, взаимное предпочтение. Это относится к любому человеку в его телесной и психической, наследственной и культурной целостности.

Однако восприятие противоположного пола всегда субъективно. Это обусловлено не только необходимо возникающими любовными эмоциями, но и различными социальными факторами. Высокое общественное положение человека повышает его ценность как объекта интимной дружбы.

Оценка объекта любовных чувств является вместе с тем в той или иной степени и форме и оценкой прирожденных качеств и достоинств представителя соответствующего пола.

Взаимная оценка полов в качестве естественных объектов влечения и идеализации исторически противоречива и драматична. Это затрагивает прежде всего социальное положение, родовые качества и достоинства женщины. Ее истинная человеческая ценность как члена общества и как объекта интимных чувств мужчины чаще всего опорочивалась, дискредитировалась, принижалась.

В доклассовом обществе женщина долгое время пользовалась уважением своей родовой группы. Она воспитывала детей, поддерживала порядок в первобытном жилище, не давала угаснуть огню в очаге, собирала плоды, заставляла мужчин-охотников подчиняться «домашней дисциплине». Женщина чувствовала себя в родовой группе хозяйкой и почитаемой матерью.

Но разложение первобытного общества закономерно привело к классовому строю. Женщина подпала под вековую социальную зависимость от мужчины, собствен-

ника средств производства, владельца всех земных благ. Женщина становится объектом плоского остроумия и морального осуждения. Правда, поэты веками воспевают очарование женщины, художники воспроизводят ее красоту. Но это не отменяет исторической несправедливости неравноправия полов. Лишенная прав на средства к существованию, придавленная неумолимыми законами классового развития, женщина на века превращается в рабыню своего мужа-господина, в существо, не обладающее личным достоинством, предназначенное лишь для наслаждения и деторождения.

Древнегреческий философ Платон развивает мысль, что в будущем идеальном государстве оба пола должны будут осваивать одни и те же занятия и ремесла. Женщинам придется даже наравне с мужчинами участвовать в войне. Но это, однако, не означает, согласно Платону, что оба пола равноценны. Мужчина «во всем превосходит женщину»<sup>1</sup>. Следовательно, по своей природе они неравноценны. Уровень их участия в той или иной деятельности различен. «Насколько женская природа, — пишет Платон, — по своему достоинству хуже нашей, мужской, настолько же она превосходит нас своей многочисленностью»<sup>2</sup>. Констатируя это, философ отводит прекрасному полу подчиненное место в рамках идеального государства. Он считает наиболее целесообразным, чтобы наделенное многими недостатками женское существо служило средством достижения мужского счастья на земле.

Подобных же взглядов придерживается и Аристотель. В своей книге «Политика» он иногда выступает в защиту женщины, но видит в ней лишь слабое и несовершенное человеческое создание. Аристотель обычно придерживается «средней линии». Он не смешивает женщину с рабыней, но относит ее к группе детей, несовершеннолетних. Ибо и она обладает способностью мыслить, но в крайне «слабой степени»<sup>3</sup>. Вообще Аристотель рассматривает женщину как недостаточно развитое человеческое существо. Поэтому он отводит ей в семье подчиненную роль. Муж по праву считается главой семьи. «Над женой, — говорит Аристотель, — он властвует, как государственный человек, а над детьми — как царь»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Платон. Соч., т. 3, ч. 1. М., 1971, с. 251.

<sup>2</sup> Там же, ч. 2, с. 258.

<sup>3</sup> Аристотель. Политика. М., 1893, с. 34.

<sup>4</sup> Там же, с. 31.

Социальное положение древней афинянки описано в литературе. Проследивая в историческом аспекте эту трагедию «слабого» пола, А. Бебель подчеркивал: «Жена, конечно, разделяет постель мужа, но не его стол. Она называет его не по имени, а «господин»; она — его служанка. Она нигде не должна появляться публично... Муж может ее продать, как рабыню»<sup>1</sup>.

Супруга в древних Афинах была на положении несовершеннолетней. По закону ей вменялось в обязанность быть, по словам Эсхила, «верной собакой» своего господина. Некоторые древние философы «доказывают», что женщина «не принадлежит к человеческому роду». Часто ее приравнивают к животным, а иногда даже к растениям.

Жены богатых греческих рабовладельцев обычно проводили почти все свое время дома. Им было запрещено выходить на улицу. Знатные афинянки содержались в домах своих мужей-господ под строжайшим наблюдением, почти взаперти. Если верить Аристофану, их даже охраняли громадные молосские псы.

Замужние афинянки, вынужденные жить в условиях таких ограничений личной свободы, обычно испытывали чувство неполноценности. Они привыкали к супружеской покорности и до конца своих дней оставались узницами семейной тюрьмы. Идеальная жена, отвечающая мужскому вкусу, должна была быть скромной, верной, молчаливой, трудолюбивой, как пчела. В. П. Бузескул, ссылаясь на Фукидиду, отмечает, что даже в период расцвета греческой рабовладельческой демократии славой прекрасной супруги пользовалась женщина, о которой мужчины говорили меньше всего как хорошего, так и худого<sup>2</sup>.

В ту эпоху женщина чувствовала себя свободнее только вне семьи. Женщина-гетера могла открыто проявлять свои личные качества и достоинства. Она становилась жрицей любви, провозвестницей поэзии интимных чувств.

Дух дискриминации, «проклятия», тяготеющего над «слабым» полом, сохранился и в Римской империи. Женщине было отказано в праве решать свою судьбу. Покорность и здесь превозносилась как ее важнейшая добродетель. Катон советовал мужьям надеть узду на это

<sup>1</sup> Бебель А. Женщина и социализм, с. 77.

<sup>2</sup> См.: Бузескул В. П. История афинской демократии. Спб., 1909, с. 201.

«неукротимое животное»<sup>1</sup>. Римские законы отстраняли женщин от всех должностей (частных и общественных)<sup>2</sup>.

Этика христианства также исполнена мистики и антифеминистских настроений. Она не перестает предавать анафеме «слабый» пол и этим унижает его человеческую сущность. К заклинаниям апологетов рабовладельческой эпохи присоединяются религиозные проклятия времен феодализма. Служители церкви видят в женском обаянии перст дьявола. Это побуждает их без устали проклинать красоту и глубокую жизненность любви.

Христианская церковь канонически освящает рабство и угнетение женщины-супруги, ее зависимость от законной, установленной богом власти мужчины-супруга. Библия, на протяжении всей своей истории оказывающая воздействие на сознание верующих, провозглашает верховную санкцию моногамии. В библийской книге Бытия сказано, что после грехопадения бог обратился к женщине со словами: «Умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой» (III, 16).

В полном соответствии с этим приговором находится и новозаветное Послание апостола Павла коринфянам: «Жены ваши в церквях да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же хотят они чему научиться, пусть спрашивают дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви» (XIV, 34—35).

В своем Послании ефессянам апостол Павел снова подчеркивает вечный приговор: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как господу, потому что муж есть глава жены, как Христос глава церкви, и он же спаситель тела. Но как церковь повинуетеся Христу, так и жены своим мужьям во всем» (V, 22—24).

Около 1400 лет назад Маконский церковный собор официально рассматривал проблему, есть ли у женщины душа. Почти половина присутствующего духовенства ответила на этот вопрос отрицательно. Собор христианской церкви большинством только в один голос решает, что у женщины, существа хотя и низшего, все-таки имеется какое-то подобие души<sup>3</sup>. Воистину, какое снисхождение!

<sup>1</sup> Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. Спб., 1899, с. 66, 67.

<sup>2</sup> См.: Въргов Хр. В защита на женската душа. София, 1923, с. 16.

<sup>3</sup> См.: Казанджиев Л. Против Вайнингера. София, 1934, с. 52.

Монашеская философия средневековья усиливает традиционное презрение мужчины к женщине. Высочайшей добродетелью человечества торжественно провозглашается целомудрие, а сношение со «слабым» полом — самым страшным грехопадением. Монахи, аскеты, находящиеся на грани психопатии, глубокой пропастью отделяют «благочестивого» мужчину от «порочной» женщины. Они не устают предупреждать об опасности плотских соблазнов. Богословская литература полна потрясающих характеристик женщин.

На протяжении веков католическое духовенство продолжает неустанно вселять в сознание благочестивых мужей-христиан страх перед прекрасным полом. Оскорбляя женщину, христианские богословы собирают воедино все неблагоприятные оценки, данные ей наиболее авторитетными мыслителями древности. Фома Аквинский считает необходимым воспроизвести сентенцию Аристотеля: «Природа всегда стремится создать мужчину. Женщин же она создает только по бессилию или случайно».

Джордано Бруно не без иронии излагает позицию консервативных последователей Аристотеля. В его произведении «О причине, начале и едином» старый педант Полиний объявляет женщину «пассивной материей», а мужчину — «активной творящей формой». Это философская концепция Аристотеля в применении к обоим полам. «Материя и женщина, — говорит Полиний, — это хаос неразумности, веществ преступлений, лес разбойников, масса нечистот... Женский пол, — говорю я, — капризный, хрупкий, непостоянный, изнеженный, ничтожный, бесчестный, презренный, низкий, подлый, пренебрегаемый, недостойный, злой, пагубный, позорный, холодный, безобразный... это ржавчина, крапива, плевел, чума...»<sup>1</sup>

Феодалное законодательство отличает ярко выраженной антифеминистская направленность. Женщине отказано в праве публичных выступлений, она полностью лишена права заключать договоры. Закон благосклонно относится к прелюбодеянию супруга, тогда как жена, согласно кодексу Юстиниана, не имеет права уйти от мужа, даже если он наказывает ее кнутом<sup>2</sup>.

Мусульманская религия также презрительно относится к женщине. Коран представляет собой явное восхвале-

ние мужчин, жестокий антифеминизм Корана очевиден. Мусульманка должна скрывать свое лицо от чужих взглядов и от солнечных лучей.

Мусульманин бесцеремонно обращается со своей супругой, следуя наставлениям аллаха: «Мужья стоят над женами... аллах дал одним преимуществу над другими». Аллах рекомендует дать «сто плетей» незамужней «блуднице»-мусульманке. Изменившую супругу по требованию аллаха следует наказывать «смертью через побитие камнями» (Коран, IV, 58).

Ренессанс и Реформация в Европе смягчают унижительное отношение к женщине. Вновь, как и в античную эпоху, она становится объектом эстетического наслаждения. Лютер наносит мощный удар по монашеской философии. Он восстанавливает поправленное право физического наслаждения и объявляет, что в силу «природной необходимости» жизни «все, что есть муж, должно иметь жену и все, что есть жена, должно иметь мужа»<sup>1</sup>.

Но традиционное мужское право сохраняется. Женщина продолжает пребывать в подчинении у своего господина, вечного главы семейства. Даже величайшие пророки буржуазной революции видят в ней малоценную человеческую единицу. Руссо подчеркивает, что способности мужчины и женщины «уравновешиваются». Но вместе с тем он остается сторонником традиционной мужской власти. «Первое и важнейшее качество женщины, — отмечает Руссо, — это кротость». «Женщина никогда не перестает быть подчиненной или мужчине, или суждениям мужчины». В конце концов Руссо неизбежно приходит к христианской доктрине: «Созданная для того, чтобы повиноваться мужчине, женщина должна с ранних пор приучаться выносить даже несправедливость».

Буржуазное общество не уничтожает проклятия истории, запятнавшего человеческое достоинство женщины. Тысячелетняя трагедия продолжается. Капитализм начинает постыдную торговлю женщиной, капитализм ставит на женщине клеймо, как на товаре. Он защищает мужское право, его регламентацию.

Очень показательно отношение к женщине и ее роли в буржуазном обществе Наполеона Бонапарта. Категорическая позиция императора выражена в созданном им новом кодексе, который не только отражает его взгляды, но и назван его именем, внушавшим такое уважение

<sup>1</sup> Бруно Дж. Диалоги. М., 1949 с. 249—251.

<sup>2</sup> См.: Вьегров Хр. В защита на женската душа, с. 27.

<sup>1</sup> См.: Бебель А. Женщина и социализм, с. 119—120.

исполненному тревог сознанию Европы в начале XIX века.

Лили Браун, компетентный исследователь вопросов феминизма, видит заслугу Наполеона Бонапарта в том, что он, будучи реформатором, осуществляет ряд мероприятий для улучшения женского воспитания. Он поощряет и поддерживает пансионы г-жи Кампань в Сен-Жермене и Экуане. Благодаря его влиянию возникают первые женские школы в Италии. В 1810 году Бонапарт назначает женщину (г-жу де Жанлис) на пост школьного инспектора в Париже<sup>1</sup>.

Но все же нельзя отрицать тот факт, что Наполеон и в вопросах феминизма отходит от завоеваний революции. По своим взглядам он близок здесь к Руссо. Он утверждает, что женщин следует готовить лишь для одного дела — рождения и воспитания поколения героев<sup>2</sup>. Бонапарт относится к женщине с высокомерием диктатора. Он чувствует «отражение ... ко всем талантливым и ученым женщинам»<sup>3</sup>. Он изгоняет из Франции Жермену де Сталь.

Это презрение к половине населения земного шара сквозит и в контексте кодекса Наполеона. В качестве представителя буржуазии в период ее исторически обусловленного торжества Наполеон защищает идею освященных частной собственностью прав мужчины. Кодекс полностью признает привилегию мужа в праве наследования, попирает гуманные законы революции, которые уравнивали в правах так называемых «незаконных» и «законных» детей<sup>4</sup>.

В условиях капитализма множатся псевдонаучные теории о мнимой неполноценности женщины. Таким образом, мужское право, имеющее вековые традиции, и новейшая философская пошлость отдельных, крайне тенденциозных авторов выступают единым фронтом. В рядах известных женоненавистников мы видим Шопенгауэра, Ницше, Стриндберга и др.

Демонстрируя свою ненависть к женщинам, Шопенгауэр пишет: «Низкорослый, узкоплечий, широкобедный пол мог назвать красивым только отуманенный половым побуждением рассудок мужчины. И вся его красота кроется в этом побуждении... Женщина по своей натуре

<sup>1</sup> См.: Браун Л. Женский вопрос. М., 1922, с. 110.

<sup>2</sup> См. там же, с. 109.

<sup>3</sup> См. там же.

<sup>4</sup> См.: Тарле Е. В. Наполеон. М., 1957, с. 133—134.

обречена на повиновение, ей нужен господин... Самые блестящие представительницы всего пола никогда не производили... ничего истинно великого и самобытного».

«Старофранцузская галантность и германохристианская глупость привели к нелепому почитанию женщин, которое послужило только к тому, чтобы сделать их до того высокомерными и беззастенчивыми, что они напоминают священных обезьян Бенареса, которые в сознании своей святости и неприкосновенности позволяют себе все и вся...»

Женщины всю свою жизнь остаются детьми...

Природа, снабдив льва когтями и зубами, слона бивнями, вепря клыками, быка рогами, а каракатицу ... муляжом водного вешества, одарила женщину... искусством притворства. Из этого установленного коренного недостатка... проистекают лживость, неверность, измена, неблагодарность»<sup>1</sup>.

Шопенгауэр становится теоретическим апологетом полового воздержания и аскетической самоизоляции. Он рассматривает интимные чувства как коварный «обман» души и проповедует погружение в буддистскую нирвану.

Исполненные враждебности взгляды Шопенгауэра на женщин имеют объективную социальную основу. Она — плод специфических условий эпохи, ее моральной атмосферы, вековых традиций «мужского права», мужской семейной тираннии. Однако воззрения Шопенгауэра в какой-то мере являлись отражением и его личной судьбы, результатом общей пессимистической настроенности, приступов болезненной мрачности, боязни людей.

Другой страстный женоненавистник, Фридрих Ницше, в отличие от Артура Шопенгауэра, не презирает физического соединения полов. Он проповедует плотское хищничество, заявляя, что для достижения идеала сверхчеловека должны непрерывно рождаться дети. В тайной половой мистерии мужчина обычен «святой», а женщина — «гусыня».

Но это не исчерпывает психологической характеристики презренного пола, данной в его книге «Так говорил Заратустра». Ницше продолжает описание: женщины не способны к «дружке», они «кошки», в лучшем случае «коровы». «Двойное жаждет настоящей женщины, как игры и опасности. Оттого необходима ему женщина, как самая опасная игрушка... Счастье мужчины называется: «Я

<sup>1</sup> Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы, т. 1. СПб., 1886, с. 138—156.

хочу». Счастье женщины выражается так: «Он хочет»<sup>1</sup>. «Ее величайшее искусство,— пишет Ницше о женщине,— есть ложь». Ее желание эмансипироваться идет от влияния «тупоумных... ученых ослов мужского пола». Отучаясь «бояться мужчины» в желании быть свободной, она теряет свои «самые женственные инстинкты». Согласно Ницше, мужчина должен смотреть на женщину, как на «предмет обладания, как на собственность, которую следует запереть...»<sup>2</sup>.

Венцом этой теории является известная максима Ницше: «Идешь к женщинам? Не забудь плетей!»<sup>3</sup>

Идеализируя так называемое дионисийское начало жизни (опьянение и сладострастие, зачатие и разрушение, инстинкт и подсознание), Ницше восстает против эмансипации женщины и либерализма. Он защищает моральное варварство, иерархию полов.

Концепция Ницше о неполноценности женщины имеет свою психологическую основу. Ее истоки, как и у Шопенгауэра, видимо, следует искать в области патологии. Жизненная драма Ницше кроется в глубоком противоречии: с одной стороны—дионисийское восхищение тайной плотских наслаждений, с другой—чувство постоянной неудовлетворенности несложившейся личной жизнью и страха перед надвигающейся болезнью.

Этот патологический комплекс оказывает заразительное воздействие. Мрачный Шопенгауэр и обезумевший Ницше становятся примером для каждого философа, жаждущего теоретической компенсации своих жизненных неудач. В этом отношении первое место принадлежит пессимисту Отто Вейнингеру. Его напумевшая книга «Пол и характер» за 5 лет после внезапного и трагического самоубийства автора выдержала 13 изданий на всех основных европейских языках<sup>4</sup>.

Вейнингер по-своему использует взгляды Аристотеля на творящую форму и пассивную материю. Он заявляет, что мужчина—форма, то есть активное начало бытия, а женщина—материя, лишенная собственного внутреннего движения. Это обстоятельство предопределяет объективное развитие полярных противоположностей. «Женщина,—пишет Вейнингер,—ничто, поэтому из нее можно

сделать все, что угодно, в то время как мужчина достигает того только, к чему он сам стремится»<sup>1</sup>.

Но Вейнингер, по существу, изменяет этой своей кардинальной теоретической установке. Он не признает, что в ходе истории женщина может стать «всем» или отчасти чем-то значительным, хотя бы под воздействием мужской субстанциональной формы. Чисто метафизически, формально аксиоматически Вейнингер создает теорию о мнимых антитезах полов. Женский пол обесценивается, а мужской возвеличивается. Таким образом, философия «формы» и «материи» незаметно трансформируется в апокалипсическую теорию, в злоеущие лженаучные формулы мрачного антифеминистского проклятия.

Согласно Вейнингеру, мужчина является духовным существом, а женщина—исключительно телесным, у мужчины эрогенные зоны незначительны по числу и строго локализованы, а женщина—это «сама сексуальность». Мужчина прежде всего создает чистоту духовных сфер бытия, а женщина «непрерывно интересуется только сферой половой жизни»<sup>2</sup>.

У женщин, пишет Вейнингер, «свойств нет»; «единственным свойством является у нее эта бессвойственность». Может быть, поэтому она кажется такой недоступной и загадочной. Абсолютная женщина—«пустой сосуд», большое «ничто», иллюзия. «Отношения мужчины к женщине уподобляются отношениям субъекта к объекту. Она—вещь мужчины или вещь ребенка»<sup>3</sup>. Этому наивному зоологическому полу чуждо понятие человеческой свободы.

Все ощущения мужчины тоньше и более дифференцированы. Единственное исключение—осознание. Женщине «не хватает фантазии», воображения, достаточного вкуса к различным искусствам: музыке, поэзии, живописи, архитектуре. Мужчина обычно «стремится проникнуть в суть вещей» и не вникает в подробности, а женское мышление постоянно пробирается «между вещами», не изучая и не понимая их. Вообще женщина совсем не «испытывает стремления к объективной истине». Она постоянно занята мелочами, ибо по своей природе несерьезна. «Женщина может говорить, но не может рассуж-

<sup>1</sup> Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Спб., 1900, с. 37, 39, 40.

<sup>2</sup> Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Спб., 1907, с. 74, 76, 77.

<sup>3</sup> Ницше Ф. Так говорил Заратустра, с. 41.

<sup>4</sup> Ашкинази И. Г. Женщина и человек. Спб., 1909, с. 5—6.

<sup>1</sup> Вейнингер О. Пол и характер. Спб., 1912, с. 280.

<sup>2</sup> Там же, с. 76.

<sup>3</sup> Там же, с. 279—281.

дать»; «женщина всегда лжет, даже тогда, когда объективно говорит правду»<sup>1</sup>.

Но и это не все. У женщины, по мнению Вейнингера, отсутствуют принципы. Обычно она легковерна, и фактически «у нее нет логики». Женственность исключает гениальность. Что же касается открытий, сделанных женщинами, Вейнингер характеризует их «как присвоение чужих мыслей»<sup>2</sup>.

Переходя к характеристике женщины в моральном плане, Вейнингер пользуется самыми мрачными красками своей палитры. «Женщина аморальна», лишена сострадания, чувства личного достоинства, крайне бесстыдна, цинична, любопытна.

По Вейнингеру, реально существует лишь два типа естественного воплощения женщины. Так как «женщина хочет полового акта, а не любви», то есть «хочет быть унижена, а не возвышена», она смотрит на совокупление, во-первых, как мать («средство получить ребенка»), во-вторых, как проститутка («средство наслаждения»).

Каковы же окончательные выводы антифеминистской философии Вейнингера? Мужчина — «подобие бога», женщина низведена до уровня животного. «Как бы низко ни стоял определенный мужчина, — говорит Вейнингер, — он все же неизмеримо выше самой возвышенной женщины. Так выше, что даже и речи не может быть о сравнении»<sup>3</sup>.

Начав с интересных предположений о комбинации элементарных качеств идеального мужчины («М») и идеальной женщины («Ж»), с попытки объяснения выбора объекта любви и т. д., Вейнингер в дальнейшем изменяет твердой позиции объективного ученого. По мере утраты внутреннего равновесия он приходит ко все более мистическим, леденящим сознание представлениям о зловещих перспективах развития человечества. Он пытается теоретически обосновать самоубийство человеческого рода, будущую гибель цивилизации.

Известным антифеминистом был и шведский писатель Август Стриндберг, средствами художественного натурализма разоблачавший пороки капиталистического общества. Однако постепенно его социальная критика меняет свою направленность. Это находит выражение в озлобленно проницательном отношении к женщинам и яростных нападках на сформировавшееся тогда в Европе

<sup>1</sup> Там же, с. 85, 86, 126.

<sup>2</sup> Там же, с. 95.

<sup>3</sup> Там же, с. 230, 231, 262.

феминистское движение. Особенно ярко это раскрывается в его романе «Исповедь безумца», где он создает гротескный обобщенный портрет подчиненной своим инстинктам, вероломной, эгоистичной, одержимой патологическим половым влечением женщины, заканчивая как бы предупреждением: «Берегись женщины!» Стриндберг предостерегает общество об опасности уравнивания в правах двух столь неравноценных полов. Человечество должно быть начеку. «Равноправие полов, — говорит Стриндберг, — это регресс, нелепость, новейшие бредни романтически и идеалистически настроенных социалистов. Женщина, необходимый придаток мужчины, духовное создание его, не имеет прав супруга, ибо лишь арифметически составляет «вторую часть» человечества, с относительной же точки зрения — не более одной шестой части...» «Теоретические» доводы женоненавистников не выдерживают научной критики. Они являются плодом предрассудков, тенденциозности, болезненных чувств и не имеют никакой рациональной основы.

Главный, хотя и не всегда открыто подчеркиваемый аргумент псевдонаучных теорий о неполноценности женщин уходит корнями в историческое прошлое. Факты конкретной ценностной реализации обоих полов в прошлом слишком абсолютизируются. Положительные качества женщины подвергаются сомнению и даже полностью отрицаются на том основании, что на протяжении тысячелетий социальной жизни женщина не достигла уровня интеллектуальной деятельности мужчины.

Однако этой логике присущи метафизические пороки фатализма. В ее основе лежит принцип: то, что никогда не происходило, не может произойти.

Но история отмечена непрерывным развитием культуры. Глубокие изменения характера социальной жизни вызывают изменения в конкретной реализации потенциальных задатков человека. Вчера еще культурно отсталые народы занимают свое место на арене современной цивилизации. Объективное социальное положение человека при прочих равных условиях определяется бедностью или богатством его духовной жизни в конкретном воплощении.

Это же полностью относится и к историческому развитию женщины. Ее бесправное положение в обществе являлось основным препятствием самовыражения и в области культуры. Мужчина, будучи вынужденным существовать в подобных жизненных условиях, не мог бы достичь сегодняшнего уровня развития.

Антифеминизм Шопенгауэра, Ницше, Вейнингера, Стриндберга и др. демонстрирует тенденциозность, предвзятость, подменяет объективные научные аргументы попытками морального осуждения. В подтексте всего этого проглядывает какая-то скрытая озлобленность, рефлекс компенсации личностной ущербности мужской души.

Комплекс неполноценности присутствует в качестве психической доминанты в сознании всех известных мизантропов-женоненавистников. Их жизненная философия отмечена не только чисто гносеологической, но и почти патологической деформацией мышления. Теоретическое обоснование болезненных комплексов в определенной степени компенсирует испытываемые страдания. Неприемимый антифеминизм обычно возникает на базе той или иной личной драмы.

## 2. АПОЛОГИЯ МУЖЧИНЫ, ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОБЕСЦЕНЕНИЕ

На протяжении тысячелетий социальная дискриминация женщины отражала лишь внутреннюю закономерную противоречивую тенденцию в системе половых отношений. Другой тенденцией, столь же закономерной, как и первая, является постоянная апология мужчины как всемогущего властелина, бесспорного воплощения интеллектуальной, физической, эстетической и моральной сущности человека.

Эта тенденция обусловлена развитием общества в целом, и прежде всего его экономической базы. Мужчина становится собственником средств производства, главной фигурой в хозяйственной жизни общества, пережившего первобытный период своей истории. При этом политическая власть, государственная организация общества, как правило, тоже сосредоточены в его руках. В соответствии с историческими законами он становится воплощением отчужденной человеческой силы, которая таинственно и подавляюще возвышается над людьми.

Конечно, главный водораздел в истории классового общества представляет собой противоречие между антагонистическими классами: рабами и рабовладельцами, крепостными крестьянами и феодалами, рабочими и капиталистами. Жена рабовладельца является госпожой мужчины-раба, она стоит над ним и может ему приказывать. Но в рамках семьи представителей каждого класса неизбеж-

но существуют и другие конфликтные отношения. В этой социальной микрогруппе муж является господином жены. Отношения между полами можно рассматривать поэтому как относительно самостоятельную систему.

Мистификация и апология мужчины начинается с его мифического возвеличивания, с фантастической персонализации природных сил в образах богов мужского пола. Реальное принимает форму сверхреального, земное — форму неземного. В известной степени мужчина теряет в глазах женщины свою непосредственную осязаемость и привычность. Постепенно он превращается как бы в сверхземную реальность, в колоссальный исторический миф. По традиции на протяжении веков миром управляет «сильный» пол. «Женщина сама признает, — пишет Симона де Бовуар, — что мир принадлежит мужчинам... Ограниченная своей плотью, своим домом, она ощущает себя пассивной перед этими богами в человеческом облике, которые определяют цели и устанавливают ценности. Поэтому есть доля правды в утверждении, что она — вечное дитя... Судьба женщины — в почтительном подчинении мужчине... Она приучена признавать мужской авторитет... Следовательно, мужской мир ей представляется трансцендентальной реальностью, абсолютом»<sup>1</sup>.

В период матриархата поклоняются женским божествам. Впоследствии, с установлением мужского права, они постепенно исчезают или становятся покорными вассалами нового господина. Над всеми сверхъестественными существами возвышается всемогущий бог мужского пола, представитель земной классовой силы. В Древнем Египте его зовут Амон-Ра или Осирис, в Индии — Вишну, в Финикии — Ваал, в Древней Греции — Зевс, в Риме — Юпитер, в Аравии — Аллах и т. д. Это исторически обусловлено. В древней мифологии мы еще встречаем прекрасные призраки женщин-богинь (Афродиты, Деметры, Исиды, Астарты и др.), озаренных отблеском времен матриархата. В классовом обществе с его идеализацией мужского права злые духи в основном принадлежат к женскому полу. Наблюдается явное смещение в социально-психологической системе ценностных соотношений.

Место «великой матери» (на Крите — Гекаты, во Фригии — Кибелы и др.) периода матриархата занимает законный повелитель вселенной «великий отец». Культ женщины вытесняется культом грозного божества муж-

<sup>1</sup> Beauvoir de S. The second sex. N.Y., 1965, p. 562, 565.

кого пола. Матриархальные традиции остаются слабым напоминанием о прошлом. Наступает эра обесценения женщины. Ее достоинства приносятся или приписываются мужчине. Религия, пропаганда, искусство, наука, власть — все сосредоточено в его могучих руках. По своему желанию он перекраивает мифы, формирует общественное мнение, подделывает истину, проецирует красноту. Влюбленный в свою силу, он регистрируется в космических масштабах небесных сфер и самообогащается, представая как центр вселенной и даже как создатель женщины. Его амбиции столь беспредельны, что он оспаривает монополию женщины быть матерью, рожать. В Библии говорится, что бог создал прежде всего женщину, легендарного праотца Адама. Но у него не было «помощника» в труде. «И создал господь бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Бытие, II, 22).

О еще более странных родах сообщает древнегреческая мифология. Зевс-громовержец, проглотивший боги-ня Метис, которая ожидала рождения дочери, почувствовал ужасную головную боль. Он обратился за помощью к своему сыну Гефесту. Бог кузнецов могучим ударом расколол ему череп, и на свет появилась богиня-воительница, мудрая Афина Паллада. Таким образом, Зевс доказал превосходство мужчины и в этой области.

В этой связи заслуживает упоминания «кувада» — любопытный обычай некоторых племен. После рождения ребенка мать удаляют от него, и ее место на постели занимает муж. Он притворно стонет, словно рождает. В это время снаружи ждут люди. Наконец дверь открывается, и кто-нибудь показывает ребенка. А отец, симулировавший роды, лежит в постели и принимает поздравления.

Существуют различные толкования социального значения этого обычая. Г. Тард упоминает, что отдельные авторы видят в нем отголосок матриархата. Мужчина подражает роженице, чтобы приобрести «домашний авторитет». Однако сам Тард склонен поддаться толкованию Штарке, который считает этот странный обычай способом передачи ребенку «отцовской храбрости»<sup>1</sup>. Смысл его в укреплении достоинства отца. Существует также мнение, что цель всей этой комедии, разыгрываемой мужчиной, в том, чтобы заменить роженицу и

<sup>1</sup> См.: Тард Г. Происхождение семьи и собственности. СПб., 1897, с. 69—70.

таким образом обмануть устремившихся к ней в этот момент злых духов.

Обычай «кувада» явно является ритуалом символического воплощения желания мужчины подорвать авторитет женщины-матери, лишить ее естественной славы, придать большую убедительность своему насильственному установлению правды властелина, заставить ее, что он не только правит жизнью, но и создает ее. Несмотря на всю комичность, этот обычай, если его оценивать с современных позиций, без сомнения, играл важную социально-психологическую роль в утверждении патриархата.

В трилогии Эсхила «Орестей» мы находим особенно интересную апологию мужчин в условиях рабовладельческого общества. Сюжетная линия этого произведения, характерного как эстетический документ древности, развивается следующим образом. В первой части трилогии описано возвращение героя троянской войны Агамемнона в Аргос. Коварная жена Клитемнестра не ждет его в одиночестве, как Пенелопа. Она нашла замену супругу. Клитемнестра убивает Агамемнона. Поводом для убийства является то, что он принес в жертву богам свою дочь Ифигению.

Во второй части трилогии в Аргос возвращается Орест, сын Агамемнона. Узнав о смерти отца, он убивает свою мать Клитемнестру и ее любовника. В третьей части Эринии (богини мести) преследуют Ореста, который находит убежище в храме Аполлона. Затем в храме Афины Паллады происходит судебная процедура. Ею руководит богиня мудрости, защитница мужского права. Эринии обвиняют Ореста в убийстве матери, Аполлон защищает обвиняемого.

В «Орестее» красной нитью проходит идея главенства мужчины и в то же время принижается роль женщины, даже женщины-матери. «Орестей» представляет собой защиту рабовладельческого мужского права, фактически является эстетической и моральной апологией мужчины. «Трудами мужа, — говорит Орест, — кормите». «Сидя дома, кормите».

Интересен с этой точки зрения спор между Эриниями, защитницами Клитемнестры, и Аполлоном, заступником Ореста, в храме Афины Паллады. Эринии стоят на позициях матриархата. Они стремятся доказать, что Орест следует наказывать самым жестоким образом, ибо он убил родную мать, а вины Клитемнестры нет, так как она убила мужа, а «муж — чужая кровь». Аполлон выдвигает

противоположную этическую доктрину. Он утверждает, что, убивая мать, Орест не погубил своего кровного родственника, ибо живая связь соединяет человека только с отцом:

Дитя родит отнюдь не та, что матерью  
Зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано.  
Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод  
Хранит, когда вреда не причинит ей бог.  
И вот вам правоты моей свидетельство.  
Отец родит без матери. Пред вами здесь  
Паллада-дева, Зевса-олимпийца дочь.  
Она явилась не из чрева темного —  
Кто из богинь подобное дитя родит?

В конце Афина Паллада в роли арбитра заключает:

Теперь за мною дело. Приговор за мною.  
И за Ореста я кладу свой камешек.  
Ведь родила не мать меня. Мужское все  
Мне ближе и дороже. Только брак мне чужд.  
Отцова дочь я, и отцу я предана.  
И потому жалеть не стану женщину,  
Убившую супруга. В доме муж глава.  
Орест спасен, хотя бы даже поровну  
Распределились голоса.

А хор Эриний в отчаянии восклицает:

О боги молодые, вы втоптали  
Закон старинный в грязь. Увы, из рук моих  
Злодея вы исторгли. О, позор, о, гнев!

(Перевод С. Анта)

Поражение Эриний означает падение авторитета женщины в рабовладельческую эпоху, свидетельствует о торжестве частной собственности. Спасение Ореста — убийцы своей матери — знаменует победу мужского права, мужской воли, грубой силы. «Телесная сила, — пишет Лафарг, — была первейшей добродетелью патриархальных героев Гомерово́й эпохи»<sup>1</sup>.

Мужчина-повелитель в ту эпоху не блещет интеллектуальным превосходством. Как свидетельствует мифология, даже знания самого Зевса крайне ограничены. Он не раздает мудрых советов. Его гигантская сила сочетается с умственной слабостью. Вынужденный решать трудные задачи на Олимпе, Зевс, по словам Лафарга, постоянно прибегает к советам матриархальных богинь. Мудрость он предоставляет Афине Палладе. В ту эпоху

<sup>1</sup> Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. М., 1928, с. 100.

женщина является воплощением интеллектуальной силы человека.

Таковы парадоксы жизни. Принимая величественную осанку, мужчина торжественно выходит на историческую арену. Он рассчитывает на свою атлетическую мощь, хитрость, на захваченную власть. Мужчина пользуется огромной славой как бегун, дискобол, завоеватель, жрец, законодатель, как пророк. Искусство возвеличивает его подвиги и открытия. Эстетическим воплощением образа мужчины являются египетские колоссы, мраморные статуи Фидия и Праксителя, он изображен в поэмах Гомера, в трагедиях Софокла, на римских мозаиках.

Возвеличивание мужского пола находит отражение в одежде, в украшающих его почетных знаках, в различных символических отличиях. Его внешность должна внушать уважение. Мужчина — покоритель природы, животных, других людей, гордо украшает себя трофеями: когтями убитого медведя, рогами сраженного буйвола, перьями подстреленного в небе орла, накидывает на плечи шкуру льва или леопарда.

В Древней Греции мужчина первенствует и на Олимпийских играх. Он прилагает все силы для апологетизации этой его чисто атлетической «мускульной» славы. Статуи атлетов, трижды одержавших победу, устанавливаются в храме. Олимпийским победителям вручаются пальмовые ветви, они облачаются в роскошные одежды. Поэты воспевают их подвиги. Баятели превращают их в мраморные полубожества, которым воздаются ритуальные почести. Атлет Евфимий из Лакры доходит до того, что приносит, как божествам, жертву своему собственному изображению<sup>1</sup>.

Мужчина сплетает лавровые венки и увенчивает ими самого себя в знак вечной и непреходящей славы. Лавры украшают головы Цезаря и Наполеона, Вергилия и Гёте, Вольтера и Байрона. Скипетр силы находится в руках мужчины. Пурпурная мантия ниспадает с его плеч. Корона, иногда венчающая женщину, также создана для мужской головы. Все призвано подчеркивать силу и блеск вечного господина. Мужчина — солнце в истории общества. Женщина может светить лишь его отраженным светом.

Мужчина — воин и рыцарь, вооружен мечом, символом его власти и извечной физической силы. Он

<sup>1</sup> См.: Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. Пг., 1915, с. 279.

закован в железные доспехи, на голове у него шлем. Он подобен богу-громовержцу, спустившемуся с неба. Его подвиги поражают воображение. Глубокая пропасть, которую проложила между полами античная эпоха, углубляется тысячелетиями.

Мужчина оберегает от женщины свой полумистический мир — мир боевых колесниц, мечей, доспехов, жестокости и чудесной магии открытий, кровопролитных войн и тайн науки. Мужчина — это покоритель мира Александр Македонский, великий поэт Гомер, мыслитель Аристотель, толкователь тайн вселенной Бруно, предводитель крестьянской войны Мюнцер, открыватель Америки Колумб, гениальный сердцевед Шекспир.

На протяжении веков этот мир мужского самовыражения отмечен суровой прелестью, таинственностью и ярким блеском. Он заслуживает объективной оценки. Но все достоинства мужского величия уже давно мистифицированы. Повелитель истории хочет всегда оставаться божеством, у него нет намерения делить славу с женщиной. Долгие века мужчина носит в себе душу мифического Нарцисса, влюбленного в собственное отражение в потоке времени. Восхищенный собой, он не страдает излишней скромностью. Его сила является объектом гиперболизации, вечной апологии, мистического воспева-

По законам диалектики одна крайность вызывает обычно другую, противоположную крайность. Апология сменяется осуждением, осуждение — апологией. Чрезмерное восхваление вызывает несправедливые оскорбления, за которыми вновь следует неоправданное превознесение. Это как бы компенсация, которая таким образом непрерывно уравнивает динамику социальной жизни.

Апология мужского пола создает условия для его осуждения как формы восстановления равновесия. Вслед за этим вновь начинается неоправданное превознесение. Это как бы компенсация, которая таким образом непрерывно уравнивает динамику социальной жизни.

Мужененавистничество иногда принимает форму парадоксальных выводов, фантастических обобщений. Выступая с серьезной критикой антифеминизма Вейнингера, Л. Казанджиев вместе с тем окарикатуривает мужчину, представляет его каким-то чудовищем. «Мужчина», — пишет Л. Казанджиев, — не только насилует женщин всех возрастов. Очень часто в сексуальных целях он прибегает ко лжи. Мужчина обещает, клянется, притворяется, пока не добьется обладания. Потом он подло бежит или

превращается в невыносимого грубияна»<sup>1</sup>. Он утверждает, что «мелочности у мужчины гораздо больше, чем у женщины», что «мужское половое бесстыдство... отравляет... общественную атмосферу, книги, журналы... и т. д.». В том «балансе», который подводит Л. Казанджиев, актив принадлежит женщине, а пассив полностью ложится на мужчину<sup>2</sup>.

Винновник тысячелетней трагедии «слабого» пола, несомненно, должен быть жестоко наказан. Над ним व्यются эринии иронии. Мужчину высмеивают и дерзко стегают плетью иронии. Его будущее представляется беспощадной и злой сатирой. Согласно французской феминистке Клеманс Ройе, мужчина постепенно деградирует. Это возмездие природы. Вместе с тем женщина в интеллектуальном и физическом отношении прогрессирует. В будущем, рано или поздно, она, по предсказаниям этой яркой феминистки, сменил мужчину у кормила диктаторской власти и будет управлять миром<sup>3</sup>.

Н. К. Михайловский обстоятельно цитирует в своей статье о будущем обоих полов «некого А. Брандта», рисующего мрачную картину грядущего: мужчина обречен утратить свою власть; над ним возвысится женщина, которая будет жить «по типу безбрачных самок галльских ос»<sup>4</sup>.

В то время как в прошлом антифеминисты подчеркивали биологическую «неполноценность» женщины как человеческого существа, в настоящее время, напротив, антимаскулистки «доказывают» «малоценность» и «некачественность» мужчины, серийно производимого природой. В поддержку этой точки зрения упорно выискиваются исторические, фольклорные, статистические, медицинские и прочие аргументы.

Борьба за эмансипацию женщин принимает в деятельности некоторых современных женских организаций воинствующе антимужскую направленность. Так, радикально-экстремистское крыло американского феминистского движения столь решительно атакует господствующий пол, что его крайние представительницы объявляют мужчину биологической случайностью в силу неполноценности его гена, имеющего (в отличие от женского

<sup>1</sup> Казанджиев Л. Против Вейнингер, с. 236—237

<sup>2</sup> См. там же, с. 240.

<sup>3</sup> См. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута, т. II. Спб., 1900, с. 341.

<sup>4</sup> Там же, с. 349, 350.

гена) неполный набор хромосом. Машина могла бы, как утверждают современные американские амазонки, полностью компенсировать в будущем отсутствие мужчин, как фактора производства<sup>1</sup>. История, как мы видим, повторяется.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что социальное уравнивание мужчины и женщины является закономерной и прогрессивной тенденцией. Этот необходимый процесс, однако, должен исключать оскорбления и жажду расплаты, пронию и неуважение по отношению к какой бы то ни было из сторон. Излишнее рвение в этом отношении становится слишком опасным и приводит к столь неожиданным результатам, как появление внушающего уважение призыва: «Берегите мужчин!»

### 3. НЕОДИНАКОВЫЕ, НО РАВНОЦЕННЫЕ

Споры о достоинствах мужчины и женщины постепенно утрачивают свою метафизическую односторонность и тенденциозность в результате теоретического наступления науки. Серьезные исследования этой проблемы начались более ста лет назад.

Дарвин отмечал, что «у человека различия между полами сильнее, чем у большинства четвероногих», уточняя, что «мужчина вообще значительно больше ростом, тяжелее и сильнее женщины, отличается более широкими плечами и более развитыми мышцами»<sup>2</sup>.

В сущности, различия, характеризующие половой диморфизм человеческого вида, постепенно формируются еще в период внутриутробного развития. Прежде всего, у обоих эмбрионов различны рост и развитие органов тела. Различия еще более заметны у новорожденных. Младенцы мужского пола в среднем, согласно статистическим данным, тяжелее девочек. Рост мальчиков несколько выше. Наблюдения свидетельствуют и о том, что у новорожденных девочек в среднем лучше развит скелет. Различно и строение черепа малышей<sup>3</sup>.

В дальнейшем, в процессе роста и формирования структуры тела, различия год от года увеличиваются. Они

охватывают не только первичные и вторичные половые признаки, но и всю «иерархию» отдаленных от генитальной сферы человека соматических органов и функций. Возможно, как утверждают некоторые авторы, эта поляризация существует не только на «организменном», но и на тканевом, клеточном и молекулярном уровнях<sup>1</sup>.

Особенности строения половых органов мужчины и женщины связаны с дифференциацией функции размножения, с постоянным воспроизводством вида. Соматическая часть тела не является независимой от генитальной системы человека. Ее органы свидетельствуют об определенной дифференциации форм и их специфических функций.

Анатомические (соматические) различия полов не могут быть только количественными (рост, вес). Они затрагивают структуру тела, его специфическую модельровку. У мужчины более широкая грудная клетка, более четкие формы, его мускулатура развита сильнее. У женщины обычно при менее развитой грудной клетке больше и выпуклее грудь, более слабые мускулы. Все ее формы изящнее, мягче по очертаниям. У нее широкий таз и характерная округлость бедер. Руки и ноги меньше и изящнее.

Различны также особенности строения головы, прежде всего объема черепа. У мужчин обычно голова крупнее; черты лица строже и угловатее; ткани более упруги. Голова женщины, как правило, изящнее (лоб, губы, подбородок). Лицевые ткани мягче и пластичнее<sup>2</sup>. Тело мужчины в большей степени покрыто волосами. Его борода и усы являются вторичными половыми признаками, отличающими его от женщины.

Различие между полами носит не только анатомический, но и физиологический характер. Существует их внутренняя функциональная связь с деятельностью эндокринной системы. Физиологические половые различия (кроме самых очевидных — наличия у женщин менструации, особенностей, связанных с беременностью, рождением и кормлением детей) затрагивают непосредственно силу и темпы реализации так называемой «динамики основных функций жизнедеятельности человека»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Ананьев В. Г. Человек как предмет познания. М., 1969, с. 166.

<sup>2</sup> См.: Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. с. 602—603.

<sup>3</sup> Ананьев В. Г. Человек как предмет познания, с. 169.

<sup>1</sup> См.: Ротенберг Т. «Биологические машины» против «цивилизации мужчин». — «Иностранная литература», 1972, № 8, с. 229.

<sup>2</sup> Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. М., 1953, с. 602.

<sup>3</sup> См.: Барнетт А. Род человеческий. М., 1968, с. 157.

Прежде всего, это обмен веществ, общий энергетический потенциал. «Мужчины обычно не только крупнее женщин,— пишет А. Барнетт,— у них выше уровень обменных процессов, т. е. быстрее идут химические изменения в организме, поэтому они испытывают большую потребность в пище»<sup>1</sup>.

Имеются и некоторые другие аспекты половой (физиологической и анатомической) дифференциации. Внутренние органы мужчины больше и тяжелее. Но температура женского тела обычно немного выше. Пульс женщины в среднем на 8—10 ударов в минуту чаще пульса мужчины. Имеется разница и в количестве красных кровяных телец. Обычно у женщин их меньше, чем у мужчин. Колебания составляют около 10%. В способе дыхания также существует известное различие. Женщины дышат в основном грудной клеткой, а мужчины грудью и животом, с помощью диафрагмы<sup>2</sup>.

Очевидны различия в естественной аккумуляции физической силы у обоих полов. Энергетический потенциал мужчины выше по сравнению с потенциалом женщины. Неизбежным следствием более мощной мускулатуры является и преимущество в силе.

Основные естественные различия в физиологии обоих полов могут быть констатированы далее в связи с быстротой движений и ловкостью. Конкретные исследования в этом направлении показывают, что юноши более ловки в броске, чем девушки. Причина этого кроется в разной морфологической структуре рук. Однако женщины не уступают мужчинам в ловкости. Часто они даже их превосходят. Наблюдения подтверждают, что женщины еще в раннем возрасте быстрее привыкают к различным сложным действиям. Им легче удаются некоторые физические работы, требующие точных, осторожных движений рук, большого внимания. Обычно девочки раньше приучаются одеваться. «Итак, как видно,— констатирует А. Барнетт,— есть известные основания считать женщин «слабым» полом: они в среднем заметно слабее мужчины (хотя и не менее ловки), причем это в основном генетически обусловлено. И все-таки во многих отношениях слабым полом следует назвать мужчин»<sup>3</sup>.

Искусство издавна художественными средствами раскрывает особенности этих двух человеческих типов. Их

<sup>1</sup> Барнетт А. Род человеческий, с. 157

<sup>2</sup> См.: Иванов Ив. Хр. Любовь, пол и брак, с. 32.

<sup>3</sup> Барнетт А. Род человеческий, с. 158.

поляризация нашла великолепное эстетическое воплощение в мраморных статуях Древней Греции. Достаточно вспомнить изящные очертания Афродиты Милосской и мощную фигуру Геракла скульптора Гликона. Это вечные образы классического типа мужчины и классического типа женщины. Афродита Милосская полна светлой гармонией и волшебной женственной прелестью. Сурочая фигура Геракла— воплощение силы, мускулы красоты. Гигантское тело слегка изогнуто, мускулы выпуклы, словно узлы из железа; это грозная концентрация жизненной энергии, способной перевернуть землю. Типологические особенности женской и мужской фигуры эстетизируют и художники эпохи Ренессанса. Вспомним хотя бы два образа: Мону Лизу Леонардо и Давида Микеланджело. Возникающая словно чудо на фоне окружающей природы, Мона Лиза— сама нежность, мягкость, изящество, ее загадочная улыбка полна очарования. И мужественная нагота стройного тела Давида, его спокойная уверенность в своей физической и нравственной силе.

Половая дифференциация затрагивает и голосовые связи человека. Этот аспект различий достаточно ярко выражен, чтобы не остаться незамеченным. У мужчин обычно более звучный и гортанный голос, более резкая и грубая модуляция. Их звуковая стихия— бас и баритон. Женщины обладают более мягким, нежным, бархатным голосом с изящными модуляциями при пении. Их звуковые атрибуты— чаще всего альт и сопрано.

Наибольшая разногласия мнений существует в вопросе о духовных, психических (эмоциональных, интеллектуальных, эстетических, моральных) различиях между мужчиной и женщиной. В этом отношении наука должна способствовать преодолению традиционной недооценки «слабого» пола, выяснению объективной истины. Однако в стремлении избавиться от консерватизма мышления не следует полностью отрицать различий духовной жизни мужчины и женщины. Догматизм приводит к игнорированию нюансов и живого колорита действительности.

Прежде всего, известная половая дифференциация существует в сфере темперамента. Эта наследственная специфика психических реакций строго индивидуальна. Однако она колеблется в определенных пределах в зависимости от пола человека.

Существуют четыре основных типа «чистых» человеческих темпераментов: холерический, сангвинический, флегматический и меланхолический. Они были известны еще древнегреческим мыслителям. Каждому человеку

присущ свой тип нервной деятельности. Он характеризуется силой, уравновешенностью нервных процессов и их подвижностью. И. П. Павлов научно доказал, что особенности темперамента обусловлены соотношением двух противоположных процессов в коре мозга: возбуждения и торможения. Специфика комплексных реакций индивида, следовательно, имеет определенную физиологическую основу.

Холерик — это человек горячего, буйного темперамента, больших страстей, он настойчив в работе, обладает силой воли, напористостью, энергичностью. Однако он легко впадает в гнев, недостаточно владеет собой, склонен к резкости, приражен:

Сангвиник обладает живым, бойким темпераментом, каждое его движение и мысль легки, он постоянно стремится к переменам, ему свойственны общительность, быстрота и оперативность в работе. Однако эти черты могут проявляться и как непостоянство, поспешность, недостаточное упорство, склонность не выполнять данные обещания.

Флегматик — человек в основном с замедленным, уравновешенным до инертности темпераментом, сохраняющий подчеркнутое спокойствие в любой ситуации. Без сомнения, у флегматика есть положительные качества: психическая устойчивость, самообладание, способность к объективной оценке людей и событий. Вместе с тем возможное в этом случае отсутствие активного стремления к поставленной цели, замедленность в принятии решений, инертность следует считать отрицательными качествами.

Меланхолику свойственна замедленность и слабость реакций, нерешительность. Ему не хватает глубокой уверенности холерика и флегматика. Нередко он бывает молчалив и угнетен. Тем не менее он также не лишен положительных качеств: он способен к большой систематичности в работе, склонен анализировать факты, предусмотрителен, верен данному слову. Среди его отрицательных черт — медлительность, нерешительность, преувеличение трудностей, некоммуникабельность.

Древнегреческая наука характеризует четыре основных темперамента следующим образом: холерический — огненный, сангвинический — воздушный, флегматический — водный, меланхолический — земной. Нельзя не признать гениальной образности, ассоциативности этих классических сравнений, при всей их наивности как философских, онтологических положений.

В известной степени темпераменты соответствуют физиологической и психической доминанте отдельных возрастов человека. Давно замечено, что ребенок обычно реагирует, как флегматик, юноша — как сангвиник, зрелый человек — как холерик, старик — как меланхолик. В этой характеристике есть известная доля истины.

У конкретных людей никогда не бывает «чистых» типов темперамента. Они всегда присутствуют в определенной пропорции. С полным основанием можно утверждать, что каждый человек в конечном счете обладает характерными чертами и холерика, и сангвиника, и флегматика, и меланхолика. Вопрос лишь в том, какие из них доминируют. Индивидуальное сочетание компонентов отдельных основных темпераментов предопределено наследственным кодом, а их известные вариации связаны с полом и возрастом. К сожалению, этот вопрос недостаточно изучен современной физиологией человека и генетикой.

Во всяком случае, наблюдения свидетельствуют, что у мужчин чаще преобладает холерический темперамент. Для них характерно бурное проявление реакций, воля, напористость, мощный заряд чувств, воинственная энергия. Именно поэтому холерический темперамент можно рассматривать как «мужской темперамент». Другими словами, рассматриваемый как статистическая совокупность, мужчина обычно проявляет больше фронтальной силы, внешней агрессивности, но и большую настойчивость, способность противостоять грубому напору. Он работает, образно говоря, «на длинных волнах».

Конечно, не следует абсолютизировать эту формулировку. Есть немало мужчин, у которых отсутствует преобладающие черты холерического темперамента. Напротив, у многих женщин в очень сильной степени проявляется именно эта форма психической реакции. Но речь идет о типичной и закономерной тенденции.

Женской природе чаще всего соответствует сангвинический темперамент. Как мы уже отмечали, для него характерна подвижность, бурное проявление чувств, быстрая перемена настроения.

В противовес мужчине с его напористой активностью самой типичной тенденцией в поведении женщины является духовное и физическое изящество, быстрота реакций, гибкость и деликатность поведения. Ее эмоции, даже когда они безудержны, полны внутреннего огня, обычно обрушают меньшей взрывной силой. Она более тонка, хрупка, нежна, хотя иногда и очень упорна. Можно

сказать, что при приеме и передаче информации женщина обычно работает на «коротких волнах».

Это, конечно, весьма приблизительная схема отношений. И все же в ней содержится определенная доля истины. Характер мужского пола, в сущности, проявляется в борьбе, женского — в ласке.

Симона де Бовуар упоминает об интересном факте, замеченном при раскопках погребенной под лавой и пеплом Помпеи. «...Обутленные тела мужчин были зафиксированы в положении сопротивления, словно они боролись с небом или пытались бежать, в то время как согнувшиеся тела женщин прижимались к земле»<sup>1</sup>.

Различия между мужчиной и женщиной наблюдаются и на уровне ощущений. Сила и глубина зрительных представлений обычно соответствует определенному типу нервной системы. В нормальной обстановке женщины различают больше цветовых оттенков, чем мужчины<sup>2</sup>. Возможно, это имеет филогенетическую, безусловнорефлекторную основу. Согласно новейшим советским исследованиям, «острота зрения, как психофизиологическая функция, у девочек проявляется раньше». Существуют различия и в объеме поля зрения, его структуре. Девушки реагируют с большей точностью на движение какого-либо объекта. Некоторые данные свидетельствуют, что «личный темп у женщины несколько быстрее, чем у мужчины»<sup>3</sup>.

Оба пола различаются и по силе кожной чувствительности. Некоторые компетентные психологи доказывают, что обычно женщины более сильно реагируют на кожную боль по сравнению с мужчинами. Как видно, и эта особенность психики сближает их с детьми<sup>4</sup>.

Распространено также мнение, что женщина опережает мужчину в темпе движения, но быстрее устает, что она более быстро реагирует на постоянные раздражители среды и легче приспосабливается к обстановке. Рассматривая этот вопрос, Н. Е. Ишлондский отмечает: «По скорости восприятия и духовной подвижности женщина заметно превосходит мужчину. Женщины, например, читают быстрее, чем мужчины, и лучше излагают прочитанное. Уже маленькие девочки гораздо проворнее мальчиков в своей речи. В связи с этим небезынтересно

<sup>1</sup> Beauvoir de S. The second sex, p. 566.

<sup>2</sup> См.: Казанджиев С. Общая психология. София, 1946, с. 184.

<sup>3</sup> См. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 177—181.

<sup>4</sup> См.: Казанджиев С. Общая психология, с. 131.

отметить одно крайне любопытное обстоятельство, а именно, что женщины очень редко заикаются... Лицо у женщины подвижнее, нежели у мужчины. Если проследить на улице большого города лица проходящих мужчин и женщин, то окажется, что у мужчин чаще встречается более неподвижное, прочно зафиксированное выражение лица; у женщин же, наоборот, оно постоянно меняется, причем особую подвижность проявляют складки у угла губ...»<sup>1</sup>

Первая система женщины менее устойчива. Поэтому она легко переходит от одного эмоционального состояния к другому. Ее способность к мгновенному психическому перевоплощению превосходит способность мужчины.

Повышенная чувствительность прекрасного пола бросается в глаза. Даже небольшая беда способна вызвать женские слезы, в то время как исторгнуть слезы из глаз мужчины можно только при особо драматических обстоятельствах. Любое веселое происшествие заставляет женщину мгновенно выразить охватившие ее чувства. Мужчина и в этом случае не будет спешить с проявлением эмоций, его реакция более замедлена. Наблюдаются различия и в продолжительности чувств. Плачущая женщина может легче остановить слезы, забыть о страдании. Рыдающий мужчина труднее успокаивается. Смех женщины в большинстве случаев мимолетен, как дуновение ветра. Мужской смех, не столь частый, обычно заразителен.

Горький рассказывает, что Ленин бурно и темпераментно откликался на происходящее, с какой-то заразной страстностью. Смеялся Ленин «всем телом», с характерным восклицанием «гм-гм», «до слез»<sup>2</sup>. Воспоминания Н. К. Крупской подтверждают это: «Ух, как он умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте. Голос был громкий, но не крикливый, грудной»<sup>3</sup>.

Известная дифференциация существует и в так называемой психической гомеостатичности и «стойкости» полов. Обычно мужчина более самостоятелен в жизни, он лучше противостоит влиянию социальной среды. Сформировавшийся стереотип его реакции изменяется медленно. Для этого нужна более активная социальная и педагогическая обработка. Женщина, напротив, легче и скорее

<sup>1</sup> Ишлондский Н. Е. Любовь, общество, культура. Берлин, 1924, с. 72; 74.

<sup>2</sup> См.: Горький М. Литературные портреты. М., 1963, с. 37.

<sup>3</sup> Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 480.

уступает внешнему воздействию. У нее более гибкая психика. При наступлении быстрых перемен она без труда привыкает к новой обстановке. Многие авторы констатируют, что обычно женщина легче поддается влиянию гипноза.

Проблема интеллектуальной дифференциации полов до сих пор является наиболее спорной. Как уже отмечалось, очень многие философы и социологи с античных времен до наших дней объявляют женщину полностью лишенной разума (алогичной), оставляя ей единственный удел — рожать и чувствовать. Другие, более великодушные, признают за ней право мыслить, но в весьма узких масштабах, считая ее умственные способности лишь бледной тенью и плохой копией мужского интеллекта.

Необходимо рассматривать в последовательной связи отдельные стороны интеллектуальной деятельности полов — память, воображение (фантазию), способность к логическому мышлению, интуицию, творческий процесс в науке, искусстве и пр. Сравнительное исследование этой комплексной деятельности у женщины и мужчины находится еще в своей начальной фазе.

Прежде всего следует отметить различия, касающиеся памяти. Детальное изучение этой первичной интеллектуальной способности человека ведет к некоторым основным выводам. Многие авторы убеждены в превосходстве «слабого» пола в этой области. Н. Е. Ишлондский отмечает, что «лучшая память... составляет неизменное свойство женской натуры, ее вторичный половой признак»<sup>1</sup>. Доказательством обоснованности выдвинутой точки зрения являются многочисленные наблюдения в ряде школ совместного обучения, среди студентов и студенток. Обобщая накопленные конкретные данные, Ишлондский заключает: «Студентки-медики, например, выгодно отличаются на экзаменах по анатомии, физиологии и общей патологии и передают изученные ими факты и зависимости прямо с поразительной точностью. Но они заметно уступают своим мужским коллегам, как только переходят в клиники и приступают к диагностированию болезней. Причина ясна: для правильной постановки диагноза одной памяти недостаточно и требуется значительное участие критики и комбинаторной способности. Тут-то сразу сказывается превосходство студентов»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ишлондский Н. Е. Любовь, общество, культура, с. 72.

<sup>2</sup> Там же.

Общие выводы доктора Ишлондского категоричны: а) женщины обладают более развитой способностью и большим потенциалом, нежели мужчины, при усвоении и запоминании конкретных фактов, явлений, текстов и пр. в целях их последующего воспроизведения; б) для женщин характерна, скорее, механическая память, в то время как у мужчин память логическая, внутриассоциативная.

Эти общие заключения, широко распространенные в специальной литературе, несомненно, требуют более серьезной экспериментальной проверки. Несмотря на акцентирование различий, нельзя не признать их известной истинности<sup>1</sup>.

Подобных же взглядов придерживаются и некоторые другие авторы. Так, А. Барнетт утверждает, что обычно «девочки обладают лучшей памятью, особенно в раннем детстве», у них «более развиты способности к языкам». Он подчеркивает и большую «вариабельность» мальчиков: среди них чаще встречаются крайние типы — и с очень высоким коэффициентом интеллектуальности, и слабоумные»<sup>2</sup>.

Современные исследования показывают, что в отношении словесно-ассоциативных реакций, выявленных экспериментально, преимущество на стороне девочек. Они сохраняют его и в зрелом возрасте.

Легкость усвоения, опознавания явлений отвечает преимущественной сангвиничности женщины. Но если исходить из природы темперамента, логически напрашивается еще одна констатация. Обычно сангвиник лучше

<sup>1</sup> Автор этих строк имеет некоторые основания поддерживать данную точку зрения, так как она подтверждается и его личными наблюдениями. Преподавая философию в течение 25 лет (сначала в Высшем медицинском институте в Пловдиве, а потом в Софийском университете) и принимая экзамены у тысяч студентов обоего пола, он имел возможность фиксировать наиболее типичные ответы. Заслуживает внимания то, что как студенты, так и студентки могут глубоко овладеть материалом в его хронологических и логических связях. О существовании резких половых различий в этой области не может быть и речи. Встречаются студенты с механической памятью и студентки с развитой логической памятью. Вообще, способности крайне индивидуализированы. Однако на основе многолетних наблюдений можно сделать вывод, что в основном, как тенденция, женщины легче заучивают, запоминают материал, приводят больше подробностей, в то время как мышление мужчин более синтетично, в их ответах больше логики и сдержанности. Конечно, это не конкретное научное исследование. Это лишь неформальное наблюдение фактов в течение двух с половиной десятилетий. Но выводы совпадают с оценками, о которых шла речь, по крайней мере в общих чертах.

<sup>2</sup> Барнетт А. Род человеческий, с. 159.

запоминает, но и легче забывает заученное. Очевидно, в известной мере это относится и к женщине. Ее преимуществом является быстрота запоминания материала. Но это же и ее слабое место. Для мужского интеллекта характерно обратное явление. Его слабость в более медленном, по сравнению с женщиной, запоминании материала, что имеет, с другой стороны, и определенные преимущества. Медленное запоминание означает в нормальных случаях более медленное забывание, более глубокое фиксирование знаний.

Память абсолютно необходима для творческой деятельности интеллекта. И все же хорошая память не означает еще силы мышления. Некоторые люди с большими способностями к запоминанию не поднимаются над уровнем посредственности.

Какое же свойство интеллекта внутренне определяет его эвристическую силу? Это способность к логическому мышлению, связанная с развитием творческой фантазии человека. В свете этого критерия можно научно рассматривать специфику интеллектуальной деятельности женщины и мужчины. Окончательное решение вопроса требует специальных исследований.

В этой области теории и аксиологии все еще сохраняют силу традиции минувших веков. На женщину смотрят как на сентиментальное, алогичное существо или как на особый тип человека с более низкой мыслительной деятельностью, способного оперировать понятиями только на житейском уровне, но не способного проникнуть в доступную мужчине высшую сферу интеллектуального (эстетического и научного) творчества, высшего самовыражения человека.

Нет сомнения, что подобные взгляды, хотя и очень традиционные, находятся в резком противоречии с историческими фактами. Вопреки всем теориям, обрекающим ее на печальную участь бесправного существа, женщина издавна и тысячекратно доказывала свою разумность, логичность, талантливость; свою способность не только усваивать известное, но и открывать неизвестное, воспроизводить уже произведенное и конструировать новое.

Безусловно, существующие интеллектуальные различия полов не следует представлять едва ли не пропастью, которая веками духовно разделяла мужчин и женщин. Фактически такой пропасти не существует. Действительно, естественное различие интеллектов мужчины и женщины не является ни качественным, ни резким, ни абсолютным. Оба пола могут непрерывно развивать свою

способность к логическому мышлению (аналитическому, синтетическому и т. д.), фантазию, интуицию и эвристическую дерзость первооткрывателя. Различия могут существовать лишь в количественном соотношении отдельных компонентов интеллектуальной деятельности представителей того и другого пола.

Видимо, женщина в жизни «более практична», более конкретна в своей мыслительной деятельности. Ей больше свойствен аналитический подход к познанию вещей и явлений. Прикладные и близкие к практике науки обычно открывают простор женскому интеллекту. Мужчины же больше склонены витать в сфере мыслительных абстракций. Ему ближе синтетический подход к действительности, умение обобщать. Он с большей страстью занимается абстрактными науками (математикой, философией, логикой и пр.).

Эта половая дифференциация интеллектуальной жизни отмечена многими авторами. «Женщина,— писал Альфред Фулье,— более способна к частным идеям, чем к обобщению и отвлечению. Любопытство ее обращается преимущественно на факты и подробности». Женщина обычно «не склонна философствовать». Ее идеи, плод познания бытия, «связываются друг с другом скорее на основании их смежности, чем на основании причинной связи». У нее более развит интуитивное мышление, способность видеть «непосредственно» данный «ансамбль действительности»<sup>1</sup>.

Женщина скорее фиксирует свое внимание на частях целого, на деталях комплекса. Эта особая склонность, видимо, постепенно начинает проявляться еще в раннем детстве. О ней убедительно говорят и данные проведенных исследований. В лаборатории социальной психологии Ленинградского университета исследовалось 600 рисунков дошкольников. Была констатирована определенная тенденция выбора сюжета картины и ее выполнения детьми в зависимости от пола. Так, мальчики чаще рисовали индустриальные пейзажи, а девочки — деревья, цветы и пр. Существуют различия и в разработке сюжета. Изображая человека, девочки «тщательно вырисовывают платье, прическу и пользуются разнообразными элементами декоративности...»<sup>2</sup>.

Женскому мышлению свойственны красота и стройность суждений, большее изящество, тонкость анализа,

<sup>1</sup> См.: Фулье А. Темперамент и характер. М., 1896, с. 189—198.

<sup>2</sup> Афанасьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 175.

глубокая интуиция и непосредственность проникновения в тайны явлений и вещей. Логические умозаключения женщины как плод исследовательской и творческой работы нередко поражают убедительной аргументацией, оригинальным решением задач, полетом фантазии, блеском остроумия. Женщина поистине достойный товарищ мужчины во всех областях науки. В таких специальностях, как педагогика, языкознание, актерское мастерство, эстетика, журналистика и пр., она может завоевать несомненное первенство. В наиболее типичных жизненных ситуациях мужское мышление более абстрактно и часто парадоксально, дерзко. Для него характерны широкий и бесполойный полет фантазии, эвристическое дерзновение.

Тенденции художественного творчества и восприятия произведений искусства также имеют известную половую дифференцированность в области творческих способностей. Обладая утонченным и богатым эстетическим чувством, женщина здесь до сих пор уступала пальму первенства мужчине. Творческий талант мужчины во всех областях искусства, несомненно, сильнее. Однако как исполнитель женщина превосходит мужчину в ряде областей искусства. В глубине спенических перевоплощений ей следует отдать предпочтение. Благодаря своей врожденной грации, изяществу и пластичности женщина превосходит мужчину и в балетном искусстве. Больших высот она достигает как музыкант-исполнитель, особенно в вокальном мастерстве.

Меньшая развитость творческих способностей женщины прежде всего является результатом ее многовекового рабского положения в системе социальной жизни. Несомненно, она достигла бы больших высот, если бы располагала объективной возможностью трудиться как мужчина в области создания эстетических ценностей.

Некоторые авторы обращали внимание на тот факт, что женщина уступает мужчине даже в областях, которые скорее выглядят ее призванием. В качестве примера обычно приводят музыку. Женщине свойственна особая приверженность к этому искусству. Тысячелетиями она убаюкивала детей колыбельными песнями. Но лучшие колыбельные создали композиторы-мужчины.

Естественно, современные исследователи уже располагают новыми характерными данными. В области эстетического творчества женщины достигли в наше время больших высот. Среди них есть видные поэты, художники, скульпторы, архитекторы и пр. Но и сейчас женщины впереди преимущественно в области исполнительского

искусства. В творчестве мужчина удерживает за собой завоеванные позиции. Все же это не свидетельствует о неполноценности женщины. Ее сравнительно более низкие творческие достижения в этой области художественного воссоздания жизни полностью компенсируются преимуществами в быстроте перевоплощения, способностью сопереживания.

Предпринимались попытки провести моральную дифференциацию полов. Одни авторы признавали безнравственным или менее нравственным существом мужчину, другие — женщину. Подобные разграничения противоречат объективным законам социальной жизни. Нравственность не зависит от наследственных факторов. В основе ее формирования лежит социальная среда (экономика, общение с людьми, воспитание и пр.). Наивно говорить о «сексуально predetermined» нравственности или безнравственности мужчины или женщины, если речь не идет об отдельных патологических случаях. Однако нельзя отрицать, что в данной ситуации пол оказывает определенное воздействие на моральное поведение человека.

Половые различия глубоко затрагивают природу человека, почти все ее стороны. Мужчину и женщину можно рассматривать как два взаимодополняющих варианта одной биологической и социальной общности. Кант одним из первых с философской глубиной выразил это несравненное созвучие бытия полов.

«Тот, кто первый назвал женщин прекрасным полом, хотел, быть может, — пишет он, — сказать этим нечто лестное для них, но на самом деле выразил нечто большее, чем сам предполагал. Мы не будем уже говорить о том, что облик женщины вообще тоньше, черты нежнее и мягче, что дружелюбие, шутка и приветливость выражены на ее лице сильнее и привлекательнее, чем у мужчины... Помимо этого, в самом душевном строе прекрасного пола прежде всего заложены своеобразные черты, явственно отличающие его от нашего пола и отмеченные главным образом печатью прекрасного. Мы же могли бы притязать на звание благородного пола, если бы от благородной души не требовалось, чтобы она отклоняла почетные звания и охотнее наделяла ими других, чем получала сама. Все сказанное не следует, однако, понимать в том смысле, будто женщина лишена благородных свойств или что мужской пол лишен красоты; напротив, можно полагать, что каждый пол сочетает в себе и то и другое, однако у женщины все другие

достоинства соединяются лишь для усиления в ней характера прекрасного, тогда как среди мужских свойств возвышенное отчетливо выделяется как отличительный признак пола...

У женщины более сильная прирожденная склонность ко всему красивому, изящному и нарядному. Уже в детстве женщины с большой охотой наряжаются и находят удовольствие в украшениях. Они чистоплотны и очень чувствительны ко всему, что вызывает отвращение. Они любят шутку, и, если только у них хорошее настроение, их можно забавлять безделушками... Женщины очень участливы, добросердечны и сострадательны, прекрасное они предпочитают полезному... Они чрезвычайно чувствительны к самому пустячному оскорблению и очень тонко подмечают малейшее невнимание и неуважение к себе. Одним словом, благодаря женщинам можно отличить в человеческой природе прекрасные свойства от уродливых; женщины даже мужской пол делают более утонченным...

У прекрасного пола столько же ума, сколько и у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, наш же, мужской, — глубокий ум, а это лишь другое выражение для возвышенного.

Красота поступка состоит прежде всего в том, что его совершают легко и как бы без всякого напряжения; усилия же и преодоленные трудности вызывают восхищение и относятся к возвышенному...

Прекрасному ничто так не противно в такой мере, как то, что вызывает отвращение, и ничто не столь далеко от возвышенного, как смешное. Поэтому для мужчины нет ничего более обидного, чем обозвать его глупцом, а для женщины — сказать, что она безобразна<sup>1</sup>.

Несомненно, на взгляды Канта оказала некоторое влияние атмосфера той противоречивой эпохи, когда так часто подчеркивалась «слабая интеллектуальность» женщины, но в целом в его рассуждениях содержится большая доля истины. Его слова отмечены глубоким философским проникновением в тайны человека, тонким пониманием интимной, внутренней диалектики жизни полов. Особенно большую ценность представляет психологическая характеристика женщины.

Оценивая качества полов на среднестатистическом уровне явлений, мы понимаем, что они взаимно дополняют друг друга. Сексуальная дифференциация мужчины и

<sup>1</sup> Кант И. Соч., т. 2, с. 151—152.

женщины предполагает их интеграцию в качестве двух равноценных сторон жизни, взятых как единое целое. И напротив, сама интеграция становится нецелесообразной без дифференциации. Отдельные различные склонности взаимно компенсируются.

У мужчины большая физическая масса, у женщины больше грации. Мужчина сильнее, у женщины больше нежности. Мужчина более рационален, женщина более чувствительна. Мужчина «тверже», женщина более «гибка». Мужчина более логичен, женщина же полагается на интуицию. Мужчина суров, женщина более отзывчива. Мужчина склонен к обобщению, женщина — к анализу. Мужчина воинствен, женщина сострадательна. Мужчина скорее живет абстрактными понятиями, женщину интересуют конкретные вещи. Мужчина более постоянен, женщина склонна к переменам. Мужчина чаще впадает в состояние аффекта, женщина вся во власти настроений. Чувства мужчины более драматичны, чувства женщины оптимистичны. Мужчина более властителен, женщина осторожна. У мужчины больше «властности», у женщины изящества. Мужчина «дерзновеннее», женщина более старательна. Словом, все это означает, что мужчина более мужествен, женщина более женственна.

В этих двойственных характеристиках указания типа «более» и «чаще» имеют не абсолютное, а относительное значение. Так, «чаще впадает в состояние аффекта» у мужчины означает, что чаще только по сравнению с женщиной. Не следует понимать это так, что аффекты доминируют в мужской психике. Или «более логичен» совсем не означает, что эта способность мужчины к творческому мышлению не развита у женщины. То же относится и к интуиции. Все дело в нюансах, пропорциях. Мужчина и женщина созданы природой из одинаковой биологической материи, состоят из одних и тех же психических компонентов. Разница между ними в сочетаниях, в степени проявления той или иной тенденции.

Речь здесь идет не о каждом мужчине и не о каждой женщине. Сформулированные общие характеристики полов, как мы уже подчеркивали, имеют в виду нечто среднее. Несомненно, их форма слишком обща и схематична. Эти характеристики можно рассматривать как среднестатистические величины. Поэтому картина жизни крайне разнообразна. Встречаются женщины более аффектированные, суровые, властные, чем мужчины, и мужчины — чувствительнее, нежнее, боязливее, чем некоторые женщины. Это не компрометирует нашу гипотезу.

Отклонения являются вариациями основной, закономерной тенденции.

В связи с этим вопросом нельзя не подчеркнуть то обстоятельство, что категории «мужчина» и «женщина» имеют идеальный, абстрактный смысл. Они отражают общие черты, свойства и тенденции реальности. Фактически в мире явлений существует исключительное разнообразие мужчин и женщин.

Вейнинггер подчеркивает, что, характеризуя индивиду, оправданно пользоваться понятиями «идеальный мужчина» (обозначая его качества буквой «М») и «идеальная женщина» (обозначая ее качества буквой «Ж»). Половой диморфизм объективно проявляется как та или иная индивидуальная комбинация различных показателей. Так что в каждом мужчине вместе с преобладающими качествами «М», «М», «М» и т. д., существуют и качества «Ж», «Ж» и пр. Комбинация их совершенно индивидуальна. В каждой женщине также преобладают качества «Ж», «Ж», «Ж» и т. д., но имеются и качества «М», «М» и пр.<sup>1</sup>

Современная наука подтверждает эту гипотезу. Очень интересны в этом отношении открытия в области эндокринологии. Полностью установлено, что гормоны, циркулирующие в крови, определяют рост и пропорции, полноту и худобу, мужественность и женственность индивиду. В конечном счете они оказывают сильное влияние на влечения, на эмоциональную специфику и качественные характеристики ума.

Физиологи прошлого считали, что женоподобные мужчины коварны, а мужеподобные женщины вспыльчивы, неукротимы, но у них открытая и благородная душа. Как же обстоят дела в действительности? Можно заметить, что некоторые мужчины в известных ситуациях ведут себя чисто по-женски. Существует также немало женщин с явной примесью мужественности. Это не всегда производит неприятное впечатление. Стандарты цивилизации и оптимумы природы находятся в сложном взаимоотношении. Часто они противоречат друг другу.

Говоря о конкретном мужчине, мы понимаем, что речь идет об определенном сочетании мужественных и женственных качеств единой «субстанции». Мужчина, но на сколько процентов? Сказано грубо и все же в своей основе достаточно рационально и адекватно действитель-

<sup>1</sup> См.: Вейнинггер О. Пол и характер, с. 3—6.

ности. Или же, когда речь идет о женщине, мы имеем в виду определенную комбинацию «Ж», «Ж», «Ж» и «М», «М». Существуют неженственные, мускулистые, энергичные женщины с гортанным, подчеркнуто «басистым» голосом и немужественные, безбородые, хрупкого сложения мужчины.

Микеланджело, этот гений, живущий «в постоянном иступлении», в состоянии непрерывного творческого горения и страдающий от чрезмерности своих сил, был широк в плечах и мускулист. У него не было изящества Леонардо, его царственности. Микеланджело был высокомерен, горд, необуздан в гневе. Бетховен — могучий и грозный бог музыки, пронизанный солнцем и клокошущей как вулкан, — обладал гигантской неукротимой волей. Маркс — воплощение упорства и колоссальной энергии, «приземистый и коренастый, со сверкающими глазами и черной как смоль львиной гривой»<sup>1</sup>. Христо Ботев с его мужественной суровостью, по словам Ивана Вазова, был строен, высок, с черными пышными волосами и пронизывающим орлиным взором; это человек, полный неистраченных сил и страстно мечтающий поднять «бунт во всей вселенной»<sup>2</sup>.

Однако многим мужчинам свойственны черты, в той или иной степени смягчающие характерную для «сильного» пола «твердость», что не мешает им быть активными творцами человеческой культуры. Это мужчины с ярко выраженной утонченной эмоциональностью, мягкостью темперамента, причудливой фантазией.

У Рафаэля было миловидное лицо, прекрасные миндалевидные глаза, мягкие очертания фигуры, длинные, как у женщины, волосы. До конца жизни он походил на юношу<sup>3</sup>. Если Микеланджело можно сравнить с Бетховеном, то Рафаэль — с Моцартом. Шопен также был очень женствен: элегантность, хрупкая, изящная фигура, тонкие руки. Он раскрывал прекрасный мир музыки, сплетал очаровательные «кружева» из созвучий, из шепота<sup>4</sup>. Немало женственности было в облике и душе болгарского поэта Димчо Дебелянова. Лицо этого мечтателя, который всегда пел «под сурдинку», светилось нежностью и добротой. Поэта отличала «повышенная чувствительность» и

<sup>1</sup> См.: Мering Ф. Карл Маркс. М., 1957, с. 256.

<sup>2</sup> См.: Бурмов А. Христо Ботев през погледа на съвременниците си. София, 1945, с. 54—55.

<sup>3</sup> См.: Беранс Ф. Рафаело. Библ. «Златни зърна», с. 58, 252.

<sup>4</sup> См.: Пурталес Г. Шопен, или поетът. Библ. «Златни зърна», с. 17.

«женская интуиция»<sup>1</sup>. В нем сочетались дерзновение с деликатностью, темперамент сангвиника и меланхолика.

Женщины также могут обладать как ярко выраженной женственностью, так и некоторой мужественностью. Чарующей женственности полон образ Женни Маркс — преданной соратницы, подруги Маркса. Она была самой красивой девушкой Трира; золотистые волосы, нежная мягкость, блестящие одухотворенные глаза — все это придавало ей прелесть «зачарованной принцессы»<sup>2</sup>.

Жорж Санд были присущи некоторые мужские черты. Эта талантливая женщина до 35 лет была просто «прекрасной дикаркой». У нее были «мужские повадки», поэтому многие не относились к ней, как к женщине<sup>3</sup>. Она носила мужское платье, старалась усвоить «мужские манеры»<sup>4</sup>. Во всем этом заметно не только влияние среды, но и личные склонности.

Произведения Шекспира по праву могут быть названы энциклопедией мужских и женских типов, колоритной панорамой многообразия человеческой природы.

Полон гордой и мужественной силы Кориолан. Огромная энергия Генриха V. Мужественность Ричарда III оборачивается грозной демонической силой. Отелло — жертва своей доверчивости, необузданности и сильных страстей.

Но среди образов, созданных Шекспиром, мы видим мужчин с более мягкой, женственной натурой. В известной степени это король Генрих VIII, легко поддающийся чужому влиянию и склонный к переменчивости чувств. Даже в Антонии — полководце римских легионов, военачальнике Цезаря — наблюдается некоторое мягкосердечие, сангвиническая склонность к неустойчивым душевным ситуациям. Клеопатра часто выглядит решительнее и тверже Антония.

Шекспир в художественных образах запечатлел пленительное очарование женственных женщин. Подобно алхимикам, смешивая магические капли различных темпераментов, он создает чудесные пропорции красоты. Нежна и возвышенно прекрасна Джульетта. Рожденная, словно Венера Боттичелли, из морской пены и солнечных лучей, она полна волшебства сладостной музыки. Ее

<sup>1</sup> См.: Петров З. Везовелият владетел на спомените. Предговор към съчиненията на Д. Дебелянов, т. I. София, 1968, с. 8, 15.

<sup>2</sup> См.: Виноградская П. Женни Маркс. М., 1966, с. 48.

<sup>3</sup> См.: Пурталес Г. Шопен, или поэтът, с. 69, 77.

<sup>4</sup> См.: Моруа А. Жорж Санд. М., 1967, с. 5.

образ, ясный и в то же время загадочный, — воплощение идеальной женской прелести, который фантазия может постоянно дорисовывать и обогащать новыми прекрасными чертами. Виргилия, супруга Кориолана, соединяет мягкость и нежность облика с милой застенчивостью. Порция в «Венецианском кушце» сангвинически жизнерадостна, болтлива, остроумна. Образ Офелии исполнен трагической чистоты нерасцветшей женственности. Поэтически нежны образы Корделии, Дездемоны, Беатриче.

В то же время произведения Шекспира полны и образов мужественных женщин. Это безжалостная королева Маргарита в «Генрихе VI», жестокая леди Макбет, страстная Клеопатра.

Родовая половая сущность индивида придает ту или иную ценность его бытию. У мужчины прежде всего ценится мужественность, у женщины — женственность. Аккумулированные качества противоположного пола в их индивидуальном проявлении, когда они не чрезмерны, естественно обогащают и в определенной степени уравнивают родовую сущность.

Истинная сила мужчины состоит в его мужественности с примесью нескольких капель женственности. Исключительная концентрация качеств «сильного» пола в одном лице потрясает своей крайней односторонностью. Мужчина рождается и конкретно существует в самых различных «пропорциях». Это делает его богаче, интереснее, колоритнее, «царственнее».

С другой стороны, у женщины также тысяча лиц. Ее прелесть и обаяние отражены во многих древних легендах. Художники всех времен не жалели фантазии и красок, чтобы во всех деталях передать разнообразие женского великолепия.

Необходимо всегда разграничивать мужественность и женственность как статистические характеристики, рассматриваемые в абстрактной форме, и их конкретную реализацию в определенной социальной среде. Это означает, что следует различать два основных аспекта характера: наследственность и воспитание, врожденные предпосылки личности и ее приобретенную культуру.

В зависимости от воспитания и роли социальных условий мужественность и женственность неизбежно принимают два различных, контрастных с точки зрения ценностной направленности воплощения. Эта глубокая и, если можно так выразиться, вторичная дифференциация личностей в классовом обществе имеет классовую основу.

Подчеркнутая сила воли и мужественность могут проявляться как благородная твердость и непоколебимость характера или как грубость и вульгарность поведения. Все зависит от того, какова духовная культура человека. Вместе с тем податливость внешним впечатлениям и хрупкая женственность могут предопределить как личностную реализацию на высоком нравственном уровне, так и форму гибкого лицемерия под маской откровенности. Воздействие социальных факторов на поведение человека и в этой области не вызывает сомнений. Следовательно, мужественность и женственность как характеристики не существуют вне определенного общественного строя. Они могут иметь две основные формы социальной реализации: положительную и отрицательную. Это вопрос ценностной ориентации личности.

В прошлом мужчину и женщину рассматривали скорее как два абсолютно различных существа, между которыми нет ничего общего. Традиционные предрассудки создавали искусственную пропасть между качествами обоих полов. Но в настоящее время, в условиях эмансипаций женщины, метафизический подход к проблеме приводит к другой крайности.

Многие психологи и социологи не придают никакого значения половой специфике. Они фактически рассматривают мужчину и женщину не только как равноценные существа (что полностью соответствует данным науки), но и как одинаковые по темпераменту и по всем основным качествам и возможностям их конкретного выражения. Существующие психические различия почти всегда объясняются слишком упрощенно — различиями в социальном положении полов в условиях классового строя, в условиях эксплуатации и разобщенности людей.

Согласно этой концепции, признанной многими современными исследователями научной и прогрессивной, психические различия, в настоящее время существующие между полами, почти бесследно исчезнут в недалеком будущем вместе с элементами социального неравенства. Качества мужчины и женщины по существу станут мало различимыми.

В подтверждение этого прогноза указывают на некоторые современные тенденции очень странного развития поведения обоих полов. Это явления «маскулинизации» женщин и «феминизации» мужчин. Сама жизнь словно стремится ликвидировать или свести к минимуму существовавшие между ними различия.

Прежде всего женщины начинают все больше воспри-

нимать известные атрибуты, характерные ранее для мужского пола. Они отказываются от длинных волос, носят брюки, привыкают к курению, приобретают чисто мужскую «агрессивность» и пр. В то же время многие юноши отпускают слишком длинные волосы, культивируют не свойственную (по существующим критериям) мужскому полу утонченность и пр. Избегая мускульных усилий, эти юноши как бы подражают девушкам. Физическая сила уже потеряла в известной степени свое значение как признак мужественности.

«Оба пола как бы стремятся преодолеть существующие половые различия. Иногда даже трудно с первого взгляда отличить юношу от девушки. Волосы, одежда, жестикуляция, походка, манера говорить почти одинаковы. Однако при этом женщина в большей степени «имитирует» мужчину. Это объяснимо, если иметь в виду некоторые обстоятельства.

Во-первых, на протяжении всей истории женщина стремится освободиться от векового гнета «мужского права». В настоящее время она чувствует себя равноправным членом общества. Граница между женскими и мужскими профессиями, существовавшая в прошлом, постепенно исчезает, в некоторых отраслях труда она фактически ликвидирована.

Во-вторых, сказывается определенное влияние изменений в семье, ее специфике и социальной функции. Закономерно усиливающиеся тенденции дуализации управления этим микроинститутом, повышение роли и активности женщины в семье создают условия, при которых «слабый» (в силу уже скомпрометированных традиций) пол хочет подражать «сильному» полу, ничем не отличаться от мужчины, добиться равных прав и обязанностей.

В-третьих, женщины принимали массовое участие во второй мировой войне и в антифашистском движении Сопротивления в качестве санитарок, связисток, подпольщиц и даже как непосредственная боевая сила. Наравне с мужчинами они пережили огромные трудности, испытали небывалые страдания. После войны непрерывно возрастает число женщин-спортсменок. Все это, согласно наблюдениям, ведет к известной утрате женщиной женственности.

В-четвертых, усилившаяся маскулинизация соответствует темпераменту, индивидуальности некоторого, хотя и небольшого, числа женщин. Они очень «тверды», необычно для своего пола напористы, в них много резкости.

Они любят «в силу инстинкта», по внутреннему побуждению демонстрировать силу, говорят по-мужски отрывисто, подражают другому полу. Эти женщины обычно выступают за маскулинизацию, за унификацию с мужчинами.

Процесс функционального сближения обоих полов в современную эпоху, разумеется, имеет прогрессивное значение. Это процесс эмансипации женщины, ее приобщение ко всем областям культуры наравне с мужчиной. Большая часть исторически сформировавшихся качеств и атрибутов пола, несомненно, социально обусловлена. Они связаны с определенными аспектами жизни классового общества, эксплуататорской системы. Рабская покорность, отсутствие чувства человеческого достоинства, изоляция, комплекс неполноценности не являются естественными качествами женщины. Исторически они возникают на основе социального бесправия. Надменность, грубость, стремление к господству также не природные, извечные атрибуты мужчины. Они проявляются в условиях классового строя, на основе частной собственности на средства производства и в условиях эксплуатации человека человеком.

Но мужской и женский характеры — не только продукт определенной социальной среды. Некоторые их особенности вытекают и из биологической природы полов. Изменение социальной роли мужчины и женщины в современную эпоху не означает ликвидации всех существующих различий и унификации обоих вариантов человека.

Каждый марксист признает первостепенное, решающее значение способа производства. И все же роль половых различий никогда не сводилась к нулю. Достаточно вспомнить приведенный Марксом факт, что первое разделение труда много тысячелетий назад произошло между мужчиной и женщиной именно потому, что биологически он оплодотворяет, а она рождает. Или, другими словами, при существовавшем уровне развития средств производства один пол естественно взял на себя функцию главным образом добывать средства к существованию, а другой — делать всю «домашнюю» работу, в том числе воспитывать детей. В условиях классового строя женщина становится бесправным существом не в силу биологической неполноценности, а потому что из-за своей функции деторождения она остается затворницей в семейном бытовом мире. Конечно, половая дифференциация с объективной закономерностью приводит к той или иной социальной дифференциации именно в связи с

определяющей ролью способа производства. И все же влияние половой специфики человека на его социальный статус бесспорно.

Коммунизм не ликвидирует существующих различий между полами. Он даст простор наиболее целесообразному развитию специфических задатков мужчины и женщины. Плюсы и минусы, присущие полам, составляют гармоническое целое. Они взаимно дополняют и компенсируют друг друга, создавая целостный портрет человека.

Социалистическая революция уравнила в правах женщину и мужчину. Таким образом, произошли коренные изменения ее социального положения, экономической и политической роли в жизни общества. Ее способности к овладению культурными ценностями и их созданию, к активному строительству новой жизни уже никем не оспариваются.

Это не означает, разумеется, отрицания физиологического неравенства между мужчиной и женщиной. Учет физиологических и психических различий между полами имеет непосредственное практическое значение в производственной сфере. Анализируя опыт США в этой области, В. И. Терещенко отмечает, что «женщины реагируют острее и чувствительнее на различные формы наказания и поощрения, чем мужчины»<sup>1</sup>. Эту оценку не следует абсолютизировать. В практике встречаются различные отклонения, но они, в сущности, только подтверждают правило.

«Не только физиологические (скажем, например, физическая сила), — пишет В. И. Терещенко, — но и психические свойства женщины делают ее труд в некоторых областях более производительным, а в других — менее производительным, чем труд мужчины, несмотря на равенство экономических условий. Примечательно, что в США основная масса рабочей силы у конвейеров электронной промышленности состоит из женщин, так как, по мнению специалистов, они лучше справляются с работой над мелкими частями, чем мужчины. Одни говорят, что это объясняется «более чувствительными пальцами» женщин; другие утверждают, что женщина психически более способна к концентрации, когда речь идет о продолжительной однообразной работе над мелкими механизмами...

<sup>1</sup> Терещенко В. И. Организация и управление (из опыта США). М., 1965, с. 29.

Обследования показали, что во главе успешно работающих предприятий в области рекламы в большинстве случаев стоят женщины. Американцы по этому поводу шутят: «Рекламное дело построено на воображении и фантазии, а у женщин этих качеств хоть отбавляй». Можно сомневаться в научности одних или других объяснений, но факт остается фактом, что известное разделение мужского и женского труда вполне естественно и отнюдь не противоречит принципу равноправия. Нельзя, однако, отрицать, что иногда и чисто социальные факторы, связанные с устройством общества и его традициями, имеют значение. В США при большом проценте женщин-учителей количество женщин-врачей невелико и их процент по отношению к общему количеству врачей не возрастает. Объясняется это разницей во взглядах на общественное положение женщины и ее трудовой престиж и способности: к врачу-женщине, за исключением дантистов, американец на прием пойдет очень редко».

Влияние полового признака на профессиональную ориентацию действительно в большей степени является вопросом исторической практики, даже пережитков. Многие профессии, в прошлом являвшиеся монополией мужчины в силу его господствующего положения в обществе, доступны и женщинам. Но все же остаются биологические и психические различия, которые до известной степени определяют пригодность индивида к овладению той или иной профессией.

Формирование личности связано с биологическим проявлением и осознанием половых качеств индивида. В то же время этот процесс реализуется в общественной жизни путем восприятия определенной мужской или женской роли, имеющей социальное содержание.

Психическая дифференциация полов начинается еще в детском возрасте. Мальчик выбирает мужской «образец для подражания», а девочка — женский, наиболее соответствующий их природным наклонностям. В процессе формирования новой личности всегда действует принцип «наименьшего сопротивления», то есть экономии сил при усвоении той или иной социальной роли. Так постепенно в результате влияния окружающей среды у ребенка возникают представление и чувство его половой принадлежности как индивида. В дальнейшем этот «первичный компонент» психики «встраивается» в самосознание и самоощущение личности.

Сильное притупление или потеря чувства половой принадлежности индивида неизбежно приводят к нарушению внутреннего равновесия, к психическим расстройствам. Эмоциональная неустойчивость, присущая этому болезненному синдрому, может привести к трагическим последствиям.

Таким образом, унификацию полов («маскулинизацию» женщины и «феминизацию» мужчины) следует признать модным поветрием, искусственной деформацией, вытекающей из непонимания действительной сущности эмансипации. «Освобождение» от социальных оков прошлого не означает ликвидации существующих биологических различий между мужчиной и женщиной, вытекающих из самой их природы.

Необходимое перераспределение социальных ролей мужчины и женщины в современную эпоху должно учитывать различия между полами. Соблюдение этого требования жизни имеет большое значение для достижения высокой эффективности производства материальных и духовных ценностей, формирования современной конкретно-исторической практики.

Мужественность и женственность выражают определенные модификации человеческой сущности, ее бытия в качестве развитой и социализированной природы. Мужественность и женственность, передаваемые из поколения в поколение, обогащают имманентную сущность человека. Они формируют его жизненную силу и красоту.

<sup>1</sup> Терещенко В. И. Организация и управление, с. 29—30.

## Глава 3 БЕЗУМИЕ И РАЗУМ

Исключительная сложность любви затрудняет ее изучение. Составляющие ее элементы имманентно выражают специфическую целостность природной и социальной сущности человека. Для того чтобы понять, насколько неразумна или разумна природа этого чувства, необходимо прежде всего выявить его структуру.

### 1. СТРУКТУРА ПОЛОВОЙ ЛЮБВИ

Любовь как целостное переживание складывается из разнообразных компонентов. Глубинную основу любви составляют биологические (половое влечение, инстинкт продолжения рода) и социальные (общественные связи, эстетические и нравственные переживания двух людей, стремление к интимной дружбе и пр.) компоненты. В этом заключается характерная двойственность интимных отношений, объединяющих мужчину и женщину. Таким образом осуществляется социализация инстинкта продолжения рода у человека.

Отдельные компоненты любви могут быть внутренне присущими ей и привнесенными, то есть неимманентными. К числу первых относятся: половое влечение, симпатия, стремление к общению, выбор объекта интимных чувств, этико-эстетические отношения между мужчиной и женщиной и пр. Однако существуют и неимманентные, непостоянные элементы любви. Гамма их обычно очень широка и является результатом взаимодействия любовных чувств с другими сферами социальной жизни, связана с уровнем культуры общества.

Любовь неизбежно испытывает влияние нравственной среды, в которой находится человек: мысли, чувства, идеалы, стремления, система ценностей и др. в различной степени участвуют в формировании наиболее интимной сферы жизни. Сложная структура любви имеет непосредственное отношение ко всем сферам психической жизни.

Ее компоненты прямо или косвенно взаимодействуют. Таким образом формируется система функционально взаимосвязанных отношений, составляющих природу любви.

Любовь возникает на основе половой потенции, которая как таковая сама по себе не обладает конкретной ориентацией на определенное лицо противоположного пола. Первоначально ее напряженность является, так сказать, слепой, безадресной внутренней, инстинктивной силой. Формирование любви начинается после получения конкретной информации о человеке. Эта взаимная «разведка» первоначально происходит на уровне органов чувств, но с участием разума.

Чувственные данные постоянно анализируются и обобщаются. Психика всегда функционирует целостно. Мужчина и женщина сопоставляют образ данного лица противоположного пола с теми мыслями, представлениями, ценностными ориентациями, взглядами, которые уже существуют в сознании. Восприятия органов чувств подвергаются логической обработке. Это — процесс их осмысления, их оценка с точки зрения критериев разума. Каждый, в большей или меньшей степени, отдает отчет в том, насколько внешний облик и качества другого отвечают его представлениям, его идеалу.

Воспринятая и переработанная информация получает эмоциональную окраску. Если объект созерцания отвечает влечению и душевной настроенности субъекта, неизбежно возникают определенные чувства. Они придают особую эмоциональную атмосферу переживаниям. Образ, который начинает завоевывать симпатии, становится предметным содержанием психического наслаждения. Чувства субъективируют познавательные моменты отношения к объекту любви.

Одновременно происходит и эстетизация отношений любящих. Образ любимого (любимой) постепенно становится источником красоты. Его индивидуальные черты воспринимаются в свете эстетической системы личности.

Но все это не исчерпывает процесса реализации любви, непосредственно отражая внутреннюю созерцательность переживаний. Любовь вызывает и активность человека. Она возбуждает желания, стремление к общению и взаимопониманию.

Наконец, общение мужчины и женщины неизбежно требует соблюдения ими в совместной жизни определенных взаимных моральных обязательств. Это — законодательно не зафиксированные, но общепринятые нравственные нормы. Без этих добровольных моральных

обязательств не может существовать чувство взаимности.

Указанные основные компоненты любви не представляют собой совокупности правил и действий; последующий этап не начинается строго после завершения предыдущего. Они протекают в комплексе, одновременно, между ними существуют многосторонние глубокие взаимосвязи. Так, например, при восприятии любимой женщины на уровне эмоций мужчина оценивает или может оценивать ее качества на всех уровнях познания и ценностных ориентаций. Вместе с тем он испытывает определенные чувства. Восприятие любимой женщины приносит ему эстетическое наслаждение. Однако он принимает на себя и моральные обязательства.

Многообразие аспектов любви, ее целостность создают иллюзорное впечатление, что здесь мы имеем дело с областью, которая недоступна разуму. С античных времен до наших дней внутренняя, интимная природа человека в существе своем считалась непознаваемой. Эта мысль нашла свое отражение в произведениях художественной литературы.

Болгарская поэтесса Елисавета Багряна писала о странной загадочности психической жизни, о неисследованных безднах внутреннего мира человека.

Видишь человека —  
он вместе с тобою трудится рядом...  
Каким стетоскопом прослушаешь его душу?  
На каких моторах  
проникнешь в небосвод его мечтаний?  
Как прочтешь  
метеоры его мысли?  
Как вычислишь  
восход надежды,  
полнолуние страсти,  
затмение скорби,  
глубину разочарования?

(Перевод В. Случко)

Однако любовь не является сферой, полностью недоступной для разума. Ее можно изучать с помощью научных методов, как любую другую область жизни человека, имеющую сложную биосоциальную специфику. Но для этого потребуются исследования представителей многих специальностей — биологов, психологов, социологов, философов, историков, специалистов по эстетике, этике и др.

Сложная структура любви, содержащая противоположные по характеру компоненты, дает повод для существо-

вания контрастных взглядов на ее действительную природу. Любовный порыв как бы не имеет точно определенных координат. О любви, как считают некоторые авторы, можно в зависимости от конкретной обстановки сказать все или ничего. Ее сущность многозначна, непостижима, алогична.

Теоретические истолкования любви часто парадоксальны, противоречивы, взаимно несовместимы (любовь разумна — любовь безумна; любовь возвышает — любовь унижает; любовь дарует наслаждение — любовь приносит мучения; любовь обогащает — любовь опустошает). Принято считать, что в этих контрастных оценках каждый тезис может быть доказан одинаково убедительно.

Каково же все-таки решение многовекового спора о сущности любви — безумна она или разумна? С точки зрения этого аспекта проблемы попытаемся определить ее социально-психологическую сущность как явления интимной жизни человека.

## 2. «БЕЗУМНАЯ» ИЛИ РАЗУМНАЯ?

Для того чтобы дать на этот вопрос научно обоснованный ответ, необходимо уточнить понятия, с которыми мы будем иметь дело. Прежде всего что представляет собой разум? На этот вполне закономерный в рамках психологии и гносеологии вопрос отвечают обычно по-разному.

В домарксистской философии это понятие употреблялось в связи с традиционными вопросами теории познания. Английский философ Гоббс указывал, что «разум служит для выявления истины (не факта), а умозаключения»<sup>1</sup>. По Гольбаху, разум — это «наша природа, видоизмененная с помощью опыта, рассуждений и размышлений»<sup>2</sup>.

Кант рассматривал рассудок и разум как степени или способы мышления. Рассудок — это «способность мыслить предмет чувственного созерцания», а разум — это способность абстрактного мышления. Кант видит здесь градацию деятельности интеллекта. «Под разумом же, — пишет он, — я понимаю здесь всю высшую познавательную способность и, следовательно, противопоставляю рациональное эмпирическому»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Гоббс Т. Избр. произв., т. 2. М., 1964, с. 386.

<sup>2</sup> Гольбах П. Избр. произв., т. 1. М., 1963, с. 164.

<sup>3</sup> Кант И. Соч., т. 3. М., 1964, с. 155, 682.

Гегель также выделяет иерархические ступени рассудка и разума. Суждения занимают определенное промежуточное место в данной схеме. Это путь от односторонних определений к диалектическим. Согласно гегелевской философии, разум есть третья, высшая ступень чистого мышления, он стремится «узнать... сущность вещей»<sup>1</sup>, открыть их общие основы. Когда философы говорят о разуме, они обычно считают, что мыслительные способности человека относительно адекватно раскрывают природу вещей, элементы бытия, что человек способен логично и целесообразно решать практические задачи, предвидеть последствия и контролировать собственное поведение. Разумный поступок в большей или меньшей степени программируется и адаптируется сознанием. Такой поступок является реализацией способности мыслить, осуществляется на рациональной основе, с учетом изменения внешних условий и стоящей перед человеком цели. Естественно, здесь разговор идет о путях познания, о практическом применении законов логики.

Разум—это «мышление в той форме, которая адекватно и в чистом виде осуществляет и обнаруживает его всеобщую диалектическую природу, имманентный ему творческий характер»<sup>2</sup>. Он является воплощением несомненной суверенной способности человека к предметно-содержательному познанию действительности.

Что касается «безумия», мы его рассматриваем здесь не в смысле ненормальности, а в смысле таких действий организма, которые не имеют разумного обоснования. Речь идет при этом о подчинении стихийности, несознательности и фаталистической, иногда неблагоприятной для людей, объективной реализации необходимости. «Безумие» — антипод разумного поступка. Вот некоторые из наиболее важных его аспектов: неосознанность необходимости; совершение действий, последствий и значения которых человек не понимает; господство чувств, лишенных взаимодействия с мыслью; неадекватная реакция на определенные ситуации.

Любовь нельзя однозначно охарактеризовать как «безумную» или разумную. Она состоит из противоречивых компонентов разных областей человеческой психики. В этом заключается причина ее нелогичности, противоречивости с точки зрения логики познания. Каждый человек обычно старается избежать противоречий в мышлении,

<sup>1</sup> См.: Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 4. М., 1959, с. 130.

<sup>2</sup> Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 460.

стремится упростить сложную природу вещей и явлений. Когда мы обращаем внимание только на один компонент любви, она выглядит «безумной», когда же мы обращаемся к другим, противоположным компонентам ее структуры, она выглядит разумной. Такая односторонность познания благополучно обходит противоречия явления.

В любви элементы иррациональности и неразумности проявляются особенно ярко. В ней как будто бы ничего нельзя предсказать, культивировать и контролировать с помощью человеческого познания. Любовь живет, ставя на первый взгляд с ног на голову все правила разумности. Она obviously преподносит человеку множество нелогичных сюрпризов, как бы издеваясь над разумом и благопристойностью.

Персидский поэт XIV века Хафиз заявлял, что пьяный и влюбленный принадлежат к «одному и тому же племени». Для них жизнь создает удовольствия, изгоняя хотя бы на время свет разума.

Этому буйству «иррациональной» сущности человека персидскому писателю XVII века Инаятуллах Канбу в «Книге о верных и неверных женах» давал следующую характеристику: «Несомненно, если в сердце поселился всемогущий владыка любви, если оно подняло вздымающееся до небес знамя страсти и забило в литавры безумия, то в таком случае разум-стражу ничего не остается, как сносить оплеухи и спастись бегством от воинов властителя, которые суть самые сильные богатыри на поле брани. Любовь... бушующее море, а разум — светящаяся песчинка, страсть — похищающий мир ураган, рассудок — мерцающий светильник. Рану, нанесенную копьём безумной любви, не исцелить ватой, смоченной бальзамом разума».

Воспламененная неутоленной любовью древнегреческая поэтесса Сапфо восклицала: «Страстью я горю и безумствую». За сто лет до нее Гесиод говорил об этом «сладкоистомном Эросе», который сам «душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает».

Эразм Роттердамский видел в любви не победу разума, а торжество глупости. «Какую чушь,— писал он в «Похвале глупости»,— привыкли нести мужчины в любовных беседах и каких только дурачеств они не совершают, лишь бы заставить женщину уступить их вожделению». Мысль в таких житейских случаях остается беспомощной.

«...В течение всей моей жизни,— писал Ж.-Ж. Руссо,— меня не раз увлекало безумие страсти возле тех, кого я любил, лишая меня способности видеть и слышать,

пронизывая все мое тело судорожным трепетом возбуждения...»

Любовь обладает обаянием таинственной и стихийной силы, она беспричинна, безоглядна, безрассудна. Неясность и туманность составляют как бы атмосферу ее царства. Она никогда не задумывается о последствиях. Может быть, поэтому многие считают, что пламенная любовь всегда слепа. «В зарождающейся страсти,— пишет Гёте в «Познании и правде»,—то и хорошо, что она одинаково не сознает своего возникновения и не помышляет о конце; радостная и светлая, она не чувствует, что может породить беду».

Влюбленный никогда не ищет советов у благоразумия. В известном стихотворении П. Яворова мы читаем:

Сердцу ль спрашивать совета?  
Беззаботна птичка эта:  
где вольно ему—летает,  
что захочет напевает.

(Перевод В. Виноградова)

Зная хорошо силу и безумство любви, Стендаль в романе «Красное и черное» так описывает момент, когда Матильда с душевным трепетом признается в любви Жюльену Сорелю: «Я отрекаюсь от своего разума—будь моим повелителем!»

Оскар Уайльд—мастер блестящих парадоксов—объявил в «Портрете Дориана Грея», что любовь—это просто «иллюзия». Под ее воздействием человек с неизбежностью теряет реальные представления о жизни. Любовь, с точки зрения Уайльда,—красивая орхидея мечтаний, отравляющая сознание человека.

Писатели, поэты, философы, мудрецы, шуты, сатирики, победившие в битвах любви и пораженные стрелами Купидона, веками соревновались в стремлении доказать «безумие» любви.

Множество различных высказываний о противоречивой сущности любви являются очевидной гиперболизацией отдельных реальных черт этого интимного человеческого чувства. Они имеют обычно определенную эмоциональную, тенденциозную, субъективную основу.

Влюбленный (исключая патологические случаи), хотя и «оглушенный» чувствами, не перестает быть человеком, то есть не перестает думать, не теряет соображения, умеет предвидеть определенные последствия, преодолевать трудности, поступать сознательно, исходя из нравственных и эстетических норм принятой им системы

ценностей и законов разума. Он не становится ни автоматически действующим сомнамбулой, ни беспомощным рабом глупости. Несмотря на могущество чувства, его интеллект не перестает функционировать. Иначе нельзя было бы объяснить, почему влюбленный очень часто проявляет исключительную сообразительность, а иногда и творческое «ясновидение», присущее талантливой мысли. Под влиянием этой чудесной страсти делают научные открытия, создаются шедевры красоты.

Половая любовь характеризует один из аспектов духовного возвышения человека. Именно поэтому социальная культура, созданная в ходе прогрессивного развития общества, служит для нее благодатной почвой.

Некоторые философы определяют любовь, оставаясь на односторонних позициях рационализма. Они гиперболизируют чисто интеллектуальную природу интимной жизни мужчины и женщины.

Одним из типичных представителей рационалистического толкования любви был философ XVII века Блез Паскаль. Этот трагический ум, мечущийся между религией и наукой, не любит взрывных чувств. Он превыше всего ставит силу разума, зажженного божественной искрой.

«Человек сотворен,—пишет Паскаль,—чтобы думать». Ясность разума, по Паскалю, ведет к ясности в страсти, только великий и ясный ум любит горячо и видит ясно то, что любит. Любовь идет от разума и поддерживается им. Любовь—это сосредоточенность мыслей на определенном объекте. Даже самые сильные чувства несут, по мнению Паскаля, печать разума.

Не подлежит сомнению, что между мыслями и чувствами существует определенная связь. Сознание человека можно охарактеризовать как целостную динамическую систему. Однако являются ли в действительности тождественными по своей сути любовь и разум? Можно ли на самом деле измерить силу эмоций силой мысли? Верно ли представление Паскаля, что все идет от разума, что любовь мудра и ей чужды капризы безумия?

На эти вопросы отвечает сама жизнь. История опровергает тезис о тождестве разума и страстей.

Даже Гёте—этот веймарский Аполлон, гений, который соединил в своем творчестве мысль и чувство,—разграничивал любовь и чистый интеллект. В беседе с Эккерманом он шутливо заметил: «Да разве любовь имеет что-нибудь общее с умом! В молодой женщине мы любим совсем другое. Мы любим в ней красоту, юность,

задор, доверчивость, характер, ее ошибки, ее капризы и бог знает еще сколько вещей».

Ум женщины мы «уважаем», по мнению Гёте, если он «блестящ». Но он «не есть то свойство, которое в состоянии нас зажечь и пробудить в нас страсть». «Ум,—говорит Гёте,—может привязать нас, если мы уже любим»<sup>1</sup>.

Но воззрения Паскаля очень близки к пониманию проблемы другими философами. Спиноза подчеркивает, что во всех случаях «хотение, чувство, познание, любовь и пр. суть личные модусы мыслящей субстанции»<sup>2</sup>. «Таким образом,—говорит Спиноза,—любовь возникает из понятия и познания, которое мы имеем о вещах, и, чем больше и прекраснее вещь, тем больше и наша любовь»<sup>3</sup>.

Выдающиеся представители немецкой идеалистической философии конца XVIII—начала XIX века также рассматривают разумное содержание любви в очень абстрактном и гиперболизированном виде.

Кант видит в этой области человеческих отношений проявление действия категорического императива, то есть всеобщего абстрактного долженствования. Согласно Канту, половая жизнь приобретает характер любви не ради наслаждения отдельного индивида, а только в качестве целесообразного, регламентированного действия, направленного на достижение такой природной цели, как сохранение рода. Любовь существует в освященном законом браке только ради достижения этой природной цели<sup>4</sup>. И в этом, по Канту, также проявляются требования долга (моральная и правовая нормы).

Фихте также рассматривает отношения мужчины и женщины с позиций идеалистической философии. Для него, как и для Канта, любовь существует только в рамках святости брака. Она возникает по законам развития разума, в силу того что мужчина и женщина осознают свою высшую роль в браке. Соединенные этим чувством долга, они призваны осуществить продолжение рода и высшую конечную цель—«господство разума»<sup>5</sup>.

Гегель выводит разумность любви из священного содержания брака. Это соответствует как принципам его

<sup>1</sup> Эккерман И. П. Разговоры с Гёте... М.—Л., 1934, с. 634.

<sup>2</sup> Спиноза В. Избр. произв., т. 1. М., 1957, с. 92.

<sup>3</sup> Там же, с. 121.

<sup>4</sup> См.: Кант И. Соч., т. 4, ч. 2. М., 1965, с. 192, 361.

<sup>5</sup> См.: Фихте И. Г. Неопубликованные произведения о проблемах брака и семьи.—«Философские науки», 1972, № 5, с. 124.

идеалистической философии, так и общей консервативности его взглядов. Он говорит, что любовь настолько разумна, насколько ей присущ исторический смысл. Вне многоамного брака она лишена какого-либо смысла.

Эта концепция недооценивает роль чувств, значение наслаждения, которое дает человеку любовь, для его личного счастья. Таким образом, она подчеркивает первичность идеи общности, абстрактности, индивидуальности. Научная интерпретация фактов, однако, свидетельствует, что интимные отношения объективно удовлетворяют как некоторой функции рода, так и вполне определенным потребностям личности.

Представление о любви как о чисто интеллектуальной сущности является метафизической альтернативой теории о ее иррациональном содержании. Факты подтверждают, что объективная истина находится между этими двумя крайностями.

Любовь одновременно разумна и неразумна, инстинктивна и одухотворена мыслью, биологична и социальна. Она объединяет многие стороны природы человека. Если бы любовь была только инстинктивной, то есть биологической, неразумной, она не несла бы в себе обаяния духовной культуры, проявлялась бы лишь как буйство крови. Если бы она была только разумной, шла только от мысли, любовь никогда бы не могла воспламенить сердце. Ее жизненность оказалась бы иссушенной.

Любовь объединяет разум и неразумность, инстинкт и духовную красоту. Жизненная сила этого влечения постоянно облагораживается с развитием цивилизации.

Но в то же время абсолютно иррациональная, неразумная любовь отрицает человеческое в человеке. Лишенная сознательности, она фактически будет не любовью, а необузданной, инстинктивной, слепой и дикой страстью обезумевших животных.

Половое влечение мужчины и женщины возникает спонтанно. И все-таки его можно воспитывать. «Для любви,—пишет Белинский,—нужно разумное содержание, как масло для поддержания огня». Человек осознает свои житейские поступки. Подлинная любовь должна опираться на «взаимное уважение, на человеческое достоинство, а не только на каприз чувств и прихоти сердца».

Тем не менее о противоположности составляющих любовь компонентов не следует забывать. Ее жизненную силу нельзя объяснить теоретически только нравственными нормами взаимного уважения любящих.

Степан Щипачев в своем стихотворении «Сердце и рассудок» писал:

Пожалуй, в этом разговоре  
ступнешься и ты, мой стих.  
Когда рассудок с сердцем в споре,  
кому довериться из них?

Поверить сердцу? Но известно —  
оно доверчиво в любви:  
ему в груди вдруг станет тесно,  
лишь имя милой назови.

Рассудку? Верно, он построже,  
решая, все в расчет возьмет.  
Но что сказать рассудок может,  
когда он сердца не поймет?

Настоящая любовь — это романтическое и сказочное странствие по запутанным, заколдованным тропинкам разума и безумия. Ее сущность определяется взаимодействием биологических, эстетических, нравственных и психологических ценностей личности.

Неразумность и разум в их взаимопроникновении составляют, можно сказать, опьяняющий любовный напиток. Взаимное влечение полов, эстетизация чувства, мечты и т. п. смешиваются в любви в различных пропорциях. Шекспир писал:

Любовь — недуг. Моя душа больна  
Томительной неутолимой жаждой.  
Того же яда требует она,  
Который отравил ее однажды.

Мой разум-врач любовь мою лечил.  
Она отвергла травы и корни,  
И бедный лекарь выбился из сил  
И нас покинул, потеряв терпенье.

Отныне мой недуг неизлечим.  
Душа ни в чем покоя не находит.  
Покинутые разумом моим,  
И чувства и слова по воле бродят.

И долго мне, лишенному ума,  
Казался раем ад, а светом — тьма!

(Перевод С. Маршака)

Любовь — это инстинкт и мысль, безумие и разум, стихийность и сознательность, буйство крови и культура нравственных норм, полнота ощущений и полет фантазии, жестокость и милосердие, насыщение и жажда, созерцание и желание, мучение и радость, боль и наслаждение, свет и тьма. Любовь объединяет в себе целый спектр человеческих переживаний.

### 3. ПОЛОВОЙ ИНСТИНКТ И СОЗНАНИЕ

Система взаимодействий между инстинктом воспроизводства человека (половым инстинктом) и различными сторонами сознания недостаточно исследована. Это область гипотез, догадок, первоначальных научных набросков.

Половую жизнь многие теоретики признавали великим обманом природы, считая, что любовь мужчины и женщины служит не индивиду, не отдельной личности, а роду, который должен от поколения к поколению, исключая наследственные недостатки, двигаться по пути естественного отбора. Эта внутренняя тенденция развития осознается в преобразованном виде. Действия природы скрыты ошеломляюще бурным потоком чувств. Доверчиво принимая дары любви, человек фактически становится жертвой природы.

Вкусы влюбленного являются объективной реализацией инстинкта продолжения человеческого рода, требований и норм природы. Целью является сохранение и совершенствование биологического вида.

На этой стороне вопроса акцентирует внимание Шопенгауэр. Он мистифицирует любовь, превращая ее в первичную, субстанциальную, космическую волевою силу. Однако его мысль содержит рациональное зерно.

Говоря о взглядах, абсолютизирующих бессознательные, инстинктивные компоненты любви, нельзя пройти мимо теории Зигмунда Фрейда, известной под названием психоанализа. Эта теория придает исключительно большое значение половым отношениям в жизни человека.

В основе взглядов Фрейда лежит гипотеза о существовании особого бессознательного содержания психической жизни человека. Основные постулаты этой теории заключаются в следующем. «Осознанное» сознание охватывает в каждый момент времени только ничтожную часть «душевной жизни» человека. Оно составляет маленький островок мыслей, чувств, мечтаний в безбрежном бушующем море темных иррациональных комплексов — бессознательных психических состояний». Эта terra incognita, как это ни парадоксально, и есть, по Фрейду, то сознание, которое мы не осознаем. Фрейд считает, что мы «должны быть готовы допустить наличие у нас не только второго сознания, но и третьего, четвертого, может быть, бесконечного ряда состояний сознания, которые нам неизвестны»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Фрейд З. Несъзнатото. София, 1932, с. 9.

Согласно Фрейду, психику человека составляют три взаимосвязанные системы: бессознательное, предсознательное, сознательное. Первая система охватывает «латентные» «временно неосознанные», или «подавленные», влечения, чувства, инстинкты. Вторая — носит промежуточный характер, выступает как своего рода «цензура» при переходе к третьей системе — «сознательному». Следовательно, динамику сознания раскрывают две основные фазы. В первой — психический акт еще не осознан и принадлежит к системе бессознательного. Если его отвергает цензура, он не переходит во вторую фазу, не осознается и оказывается «вытесненным»; остается бессознательным. Выдержав же проверку цензуры, он становится сознательным.

Даже после того, как психический акт прошел экзамен строгой цензуры, он не становится непременно «осознанным», но получает способность быть осознанным... то есть он может стать объектом сознания при благоприятном стечении известных обстоятельств. Имея в виду эту способность сознания, мы называем такую систему сознания „предсознательным“<sup>1</sup>. Цензура носит характер созданного в процессе воспитания нравственного контроля. Она не допускает в сферу сознания человека представления и образы, которые разрушают его моральные принципы.

Однако цензура не может полностью остановить и уничтожить напор глубинных инстинктов. Эти инстинкты благодаря цензуре теряют нежелательный, компрометирующий сознание характер и проявляются с помощью новых представлений, замаскированных и допускаемых цензурой. Недозволенное появляется на поверхности в преображенном виде.

Особое внимание уделяет психоанализ так называемому либидо, то есть половому влечению. Фрейд говорит, что этот инстинкт проявляется уже у грудного ребенка. Инфантильное сексуальное влечение ищет объект и обращается к самым близким людям. Мальчик обычно выбирает мать, а девочка — отца. Следовательно, первым «любимым объектом» в процессе разовития мальчик оказывается мать. Но сексуальность может концентрироваться и в другом направлении. Мальчик может выбрать в качестве объекта любви свою сестру, а маленькая девочка — старшего брата.

<sup>1</sup> Фрейд З. Несъзнатого, с. 9.

Это спонтанное, бессознательное, инфантильное фиксирование так называемого либидо. По мере роста детей и в процессе их воспитания в их сознании начинает действовать моральная цензура. Она подавляет те представления, которые выражают раннюю и теперь уже постыдную фиксацию полового влечения.

Либидо обращается к новой цели, к новому, допустимому цензурой представлению, которое появляется в поле сознания. Это, согласно Фрейду и его последователям, — представление-заместитель. Сексуальные желания могут направляться по разным каналам. Они могут стать аккумуляторами художественного и вообще духовного творчества; происходит сублимация либидо.

Половое влечение человека в этом случае направляется уже не принципом непосредственного удовольствия, но принципом реальности, который в своей основе также нацелен на достижение наслаждения, но с учетом требований реальности.

Однако либидо, как говорит Фрейд, может найти новую санкционированную обществом и моралью цель: формируется любовное чувство мужчины и женщины, в основе которого лежит бессознательная, иррациональная потенция либидо.

Ряд положений психоанализа Фрейда следует решительно отвергнуть. В данной же работе взгляды Фрейда интересуют нас в связи с проблемой взаимоотношения между половым влечением и сознанием. Не претендуя на научную оценку всех аспектов психоанализа, мы выскажем отдельные соображения по поводу вопроса мотивации половых отношений человека.

Психоанализ Фрейда односторонен и во многом даже фантастичен. Отдельные моменты этой противоречивой теории можно систематизировать следующим образом:

1. Идея о существовании бессознательного содержания психики, которое образуют вытесненные и подавленные мысли, переживания, влечения, несовместимые с голосом совести, с недремлющей «цензурой» моральных норм, духовной культуры.

2. Идея о конфликте между бессознательными, подавленными, главным образом половыми, влечениями, с одной стороны, и нравственным сознанием человека, с другой стороны, о внешней реализации этих влечений в приемлемой культурной (эстетической и моральной) форме.

3. Идея о могуществе половых влечений, о их переносе с одного объекта на другой в непосредственной

зависимости от условий, о постоянном поиске «заместителей» для запрещенных «цензурой» или недостижимых в жизни естественных объектов.

4. Идея о глубоких, скрытых, исходящих из либидо побуждениях духовного развития личности, об особой реализации полового влечения на социальном уровне в творческой деятельности человека.

Психоанализ Фрейда как система дает повод для серьезной критики. Фрейд абсолютизирует механизмы «вытеснения» и «подавления» влечений. Он считает, что только так или главным образом так формируется подсознание, сфера бессознательного. Но немалая часть влечений и переживаний вполне закономерно скрыта в глубинах психики не потому, что находится в противоречии с моральной «цензурой» сознания, а просто потому, что объем памяти ограничен из-за концентрации внимания в другом направлении действительности и т. п. В сфере бессознательного имеются как «вытесненные», «подавленные», так и забытые, отсеявшиеся переживания, чувства и влечения. Конфликт с моральной «цензурой» относится не ко всем из указанных компонентов.

Принципиально неприемлемым является превращение психоанализа в социологию, в обществоведение. Попытки Фрейда представить эдипов комплекс в качестве универсального инструмента для проникновения в тайны истории искусств, мифологии, цивилизации и т. п. следует признать произвольной экстраполяцией. Разумеется, и в этом вопросе в психоанализе есть отдельные рациональные моменты. Половое влечение до некоторой степени «сублимируется» в творческой деятельности человека. Однако это только один из аспектов вопроса. Творческая деятельность всегда имеет социальный характер. Поэтому она неизбежно аккумулирует бессознательное и превращает его в сознательное отношение к действительности.

Фрейд допустил еще одно ошибочное теоретическое положение, подчеркнув значение бессознательного либидо, подавленных комплексов и принизив роль сознания в жизни и поведении человека. Фрейдизм создал своеобразную пансексуальную философию истории, деформированную в пользу иррациональности.

Фрейд говорил о вечной драме человеческой психики, о непримиримой борьбе сознательного и бессознательного. Человек жаждет света, но обречен пребывать во тьме, потому что в конечном счете победу одерживает иррациональное, бессознательное.

Эта концепция противоречит истории человеческого общества, прогрессу культуры, победам науки, торжеству разума.

Что же касается так называемого влечения к смерти, которое Фрейд теоретически ставит наравне с влечением к жизни, то это ошибочное понятие наряду с другими, являющимися плодом односторонности мышления, полностью дискредитировало себя в науке.

Карл Юнг, Отто Ранк, Эрих Фромм, Герберт Маркузе и др. развивают отдельные стороны психоанализа. Основным в новейших разработках этой противоречивой теории является произвольная гиперболизация роли бессознательных факторов в социальной жизни, и в частности в сексуальных отношениях мужчины и женщины.

Герберт Маркузе пытается интерпретировать марксизм в духе фрейдизма, связав экономику с психологией посредством сферы инстинктов. В своей книге «Эрос и цивилизация» он полностью принимает исходные положения Фрейда: история цивилизации начинается с подавления влечений, прежде всего полового; их свободное и полное удовлетворение противоречит коренным интересам общества; индивид приспосабливается к этим вторичным условиям; он привыкает замещать принцип немедленного и полного удовольствия «принципом реальности», или, иначе говоря, видоизменять, ограничивать и откладывать достижение желанного удовольствия; так возникают утопии, фантазии, искусство, мечты и т. п.

Маркузе теоретически «приспосабливает» фрейдизм к современности. Он считает, что в индустриальном обществе «принцип реальности» дополняется принципом «экономической продуктивности». В этих условиях в процессе труда в значительной степени подавляются влечения человека. Но противоположность между «принципом удовольствия» и «принципом реальности» неминуемо исчезает. Маркузе отмечает, что утопическое мышление и фантазия, возникающие в сфере подавленных влечений, становятся в человеческом обществе источниками протеста. Они ведут к торжеству эроса как неподавленной внутренней силы, к свободе индивида.

Согласно Маркузе, в обществе будущего взаимосвязь между сознанием и подсознанием будет в корне иной. Наступит период раскрепощения первичной сущности человека. «Освобожденные от тирании подавляющего разума,— пишет Маркузе,— инстинкты стремятся к осу-

шествию свободных и прочных отношений, они порождают новый принцип реальности»<sup>1</sup>.

В результате высокого развития техники и бунта человеческого духа наступает конец цивилизации, которая в течение тысячелетия подавляла инстинкты. Такого категорического заключения Маркузе. «Либи́до либерализуется и подавит институциональные ограничения» внутренней сущности человека, «посредством которых поддерживалось ее соответствие принципу реальности»<sup>2</sup>.

Тысячелетней цивилизации разума, «репрессивной сублимации» Маркузе противопоставляет будущую культуру нерепрессированных инстинктов, свободного саморазвития эроса. Человеческое тело станет биологически самым совершенным инструментом для потребления удовольствий. Либи́до будет иметь неограниченную возможность осуществления свободной, морально и психически нерепрессивной самосублимации. По внутреннему побуждению человек будет переходить от повелевающего разума как необходимости и подавляющей силы к спонтанному удовольствию как самой высшей культурно-эстетической реализации своей имманентной сущности.

Взгляды Маркузе, очевидно, содержат отдельные верные положения, но они крайне гиперболизированы и абстрактны. Действительно, история осуществляет «либерализацию» половых отношений при общем раскрепощении реальной сущности человека в современную эпоху. Существует и тенденция к постоянному уточнению удовольствий. Проблема роли бессознательной мотивации также занимает свое место в сфере комплексного исследования поведения человека.

Однако теория Маркузе сводит почти все политические и революционные проблемы времени к «репрессированному» половому инстинкту, к стремлению отменить все «табу», достичь свободной самосублимации. Он фактически объявляет доминирование инстинкта и деградацию «логоса», разума, социального контроля в достаточной неисторической, туманной, чисто абстрактной форме.

Это тот же фрейдистский пансексуализм, претендующий на научное объяснение всего комплекса экономических, политических, эстетических, моральных и других задач современной культуры. Ультрареволюционные воззрения Маркузе фактически стали лозунгом утопической и авантюристической тактики отдельных групп молодых

<sup>1</sup> Marcuse H. Eros et civilisation. Paris, 1968, p. 173.

<sup>2</sup> Там же, с. 175.

экстремистов, которые хотят одним махом уничтожить состояние подавленности, или, выражаясь философски, «логос» (вообще всякую необходимость), и таким образом спонтанно преобразовать мир.

В настоящее время отношения между половым инстинктом и разумом могут рассматриваться как взаимодействие двух систем регулирования поведения человека. Но роль их неравноценна. Об этом свидетельствует как история, так и предьстория человечества.

Живой организм, обладающий мозгом, — сложная, вероятностная, саморегулирующаяся динамическая система. Управление ее функциями осуществляется через подсистему инстинктов (безусловных рефлексов) и навыков (условных рефлексов). Это две глубоко взаимосвязанные формы регулирования процессов в организме и его адаптации к окружающей среде.

Инстинкты представляют собой систему шаблонных действий, передаваемых по наследству, — питание, кровообращение, половые импульсы и т. п. Они обеспечивают функционирование организма в стереотипной форме. Условные рефлексы — это индивидуальные приспособительные реакции, которые возникают при повторении обуславливающих их объективных ситуаций. Они имеют более динамичный характер. Вместе с изменениями среды одни условные рефлексы организма исчезают, на их месте возникают новые условные рефлексы, отвечающие конкретной обстановке.

В отличие от всех других животных человек обладает сознанием. Это высшая форма отражения действительности и целенаправленного (то есть подчиненного одной программе) управления индивидов, составляющих данный социальный коллектив. Человеческое сознание наряду с инстинктами и навыками, присущими, как известно, и другим высшим организмам в природе, обладает дополнительными механизмами, посредством которых в более совершенной форме реализуется приспособление к окружающей среде. Его сущность характеризуется следующими наиболее важными, хотя и схематично обозначенными особенностями:

а) сознание имеет социальный характер. Оно регулирует и координирует действия человека, исходя из определенной ценностной системы, то есть руководствуясь интересами и других членов данной социальной группы;

б) сознание обладает способностью переноситься в ситуации завтрашнего дня. Оно регулирует и координирует действия человека не только с точки зрения насто-

ящего, но и будущего. Оно осуществляет постановку целей, то есть прогнозирование и планирование действий.

Сознание человека не устраняет биологические инстинкты, а только подчиняет их своему высшему регулированию. При этом конкретная степень и форма этой зависимости различны. Определенные функции остаются почти полностью автономными. Это касается кровообращения, регулирования температуры тела и т. п.<sup>1</sup>

Другие функции человеческого организма действуют полуавтономно. Их можно сознательно регулировать — ускорять и замедлять, разумеется, в определенных инстинктом биологических границах. Таково, например, дыхание человека. Современные ученые характеризуют его как типичную полупроизвольную функцию.

И наконец, остальные действия человека являются скорее сознательными, чем бессознательными. К ним относятся ходьба, трудовые действия, речь и т. д. Сознательное регулирование указанной активности тела ограничивается наступлением усталости.

Половой инстинкт подчиняется определенному сознательному регулированию. Его следует отнести к промежуточной области, расположенной между второй и третьей группами функций организма. Половой инстинкт действовал и у человекообразных обезьян, но как биологический механизм, создавая гарантию сохранения вида. В человеческом обществе свободное действие этого инстинкта угрожает дезорганизовать социальную систему. Сам по себе этот инстинкт приспособлен не к общественным, а к стадным отношениям животных. Именно поэтому сознание человека постепенно включает половой инстинкт в систему своего социального регулирования.

Возникают сложные взаимоотношения: с одной стороны, человеческое сознание подавляет те проявления полового инстинкта, которые противостоят нормам общежития и нравственному кодексу данной социальной группы; с другой стороны, сознание импульсивно стимулирует те тенденции инстинкта пола, которые совпадают с определенной моральной ценностной системой. Здесь не следует видеть, как это считал Фрейд, только жестокий внутренний поединок, несовместимость, абсолютный антагонизм (враждебность) между инстинктом и культурой;

мы признаем регулирование глубинного инстинкта, воспитание, облагораживание животного с помощью наказаний и ласки. Человеческое сознание как бы держит в одной руке кнут, а в другой — «приманку», обещание высшего наслаждения. Инстинкт постепенно становится «ручным», социализируется. «Во всех обществах, — подчеркивает Шибутани, — принято считать, что «должны» обуздываться определенные импульсы или по крайней мере оставаться под контролем разума»<sup>1</sup>.

Это в полной мере относится к половым отношениям. Социальный контроль постепенно превращается в самоконтроль. Каждый нормальный человек на основании определенной ценностной системы подавляет известные влечения. Иногда это вызывает глубокую внутреннюю драму или по крайней мере затаенные душевные муки. «Женщина, — отмечает Шибутани, — которая обнаружила, что испытывает эротическое влечение к мужу своей лучшей подруги, обычно сдерживает свои импульсы и смиряется с судьбой»<sup>2</sup>. В таких ситуациях моральное сознание человека блокирует зародившееся инстинктивное влечение.

#### 4. ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА

Любовь всегда имеет определенное познавательное содержание. Это дает нам право говорить о ее специфической гносеологической основе. Первый обязательный духовный контакт любви состоит во взаимном восприятии мужчины и женщины, взаимном созерцании индивидуальных качеств. Без предметного содержания в человеческой психике никогда не могли бы существовать эмоции, чувства, мечты, надежды, красота, моральные ценности.

Реакция субъекта (положительная или отрицательная) по отношению к данному объекту восприятия всегда предполагает определенное познавательное содержание. Рассматривая этот вопрос, Гегель отмечает, что для того, чтобы возникло данное чувство как переживание, следует найти в сознании человека определенное «содержание, проистекающее из созерцания или представления»<sup>3</sup>. Радость, удовольствие, надежда имеют гносеологическую

<sup>1</sup> Индийские йоги утверждают, что могут сознательно регулировать все функции тела, останавливать на время сердце и снова приводить его в действие. Если это так, то все же в настоящее время это можно рассматривать как исключение.

<sup>1</sup> Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 65.

<sup>2</sup> Там же, с. 73.

<sup>3</sup> См.: Гегель Г. В. Ф. Соч., т. 3. М., 1956, с. 285.

предпосылку, которая объективно возникает в процессе восприятия действительности.

Познавательное содержание любви не есть простое восприятие данного лица, но его глубокое понимание и узнавание. В противном случае эмоциональная и нравственная адаптация любящих полностью исключается. Глубокое взаимное узнавание требует доверия, чистоты и откровенности в интимных отношениях.

Восприятие желанного образа как физического, так и духовного в любой обстановке есть процесс постоянного приобщения к красоте. Это происходит в силу того, что в акте созерцания на основе ощущений возникают эстетические, моральные и другие ассоциации. Большую свободу получает фантазия. Создаются условия для целостного эстетического и морального переживания любви.

Монтескье пишет: «Утонченные люди — это те, у которых к каждому представлению или восприятию присоединяется много дополнительных представлений или восприятий. Люди примитивные испытывают только одно ощущение: их душа не способна ни соединять, ни разлагать. Они ничего не прибавляют к тому, что дано им природой, и ничего не отбрасывают. Наоборот, люди утонченные сами создают в любви большинство ее наслаждений»<sup>1</sup>.

Монтескье сильно преувеличивает эти различия. Даже у первобытного человека рождаются определенные ассоциации, то есть он может соединять представления и ощущения. Вопрос заключается в степени развитости этой благодатной способности психики. У человека с тонкой душевной организацией, с богатой эстетической, интеллектуальной и нравственной культурой в момент возникновения любовных переживаний рождается множество живых, волнующих ассоциаций. Взаимное узнавание становится при этом взаимным открытием. Именно открытием, потому что с зарождением любви индивидуальные качества любящих неизбежно обретают в их глазах значительно более высокую эстетическую и моральную ценность.

Женщина бывает оскорблена, если мужчина не замечает ее нового платья, ее красивой прически. Но еще более неприятно ей, если мужчина не интересуется ее духовной сущностью, ее знаниями, привычками, настроением, вкусами и т. д. Такое невнимание ведет к глубокому взаимному отчуждению. Когда стремление к взаимному ознакомлению у мужчины и женщины не выходит за

<sup>1</sup> Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955, с. 749.

рамки непосредственных требований полового контакта, любовь фактически оказывается полулюбовью или просто обманом чувств.

Созерцая объект наших чувств, мы ощущаем, что самый факт его существования приносит нам радость и счастье. Таким образом, взаимное узнавание становится источником осознания факта собственного личностного существования. «Высшее счастье для объекта любви заключается в том, — пишет Фейербах, — что любовь радуется его своим личным присутствием, что она позволяет себе созерцать. Любовь питает пламенное желание видеть незримого благодетеля лицом к лицу... Простой взгляд на любимое существо доставляет нам блаженство. Взгляд есть залог любви...»<sup>1</sup>.

Иногда говорят, что любовь не требует психологической глубины в отношениях, целостного взаимного узнавания мужчины и женщины. Достаточно, чтобы они нравились друг другу внешне и чтобы у них было стремление к взаимному общению. Однако жизнь подтверждает, что нельзя любить кого-нибудь, не зная его. Мы можем пожалеть незнакомого человека, помочь ему, если он попал в беду. Этот наш поступок есть проявление гуманности в данной типичной ситуации. Но любовь, в том числе и половая любовь, имеет личностный характер. Человек не может любить другого, не оценив предварительно его индивидуальных качеств. А это требует, чтобы у него была возможность восприятия объекта чувств как личности, обладающей неповторимыми качествами, чтобы он был в некоторой степени знаком с ним и чтобы знакомство все углублялось.

Эта необходимость имеет существенное значение для любви. Сам процесс взаимного узнавания, как правило, углубляет интимную дружбу. В новелле «Сын Тициана» Альфред де Мюссе показывает эту зависимость на примере отношений Пиппо и Беатриче. «Чем ближе они узнавали друг друга, тем больше любили».

Первый взгляд в любви чаще всего — только искра. Постоянное созерцание порождает пламя, пожар чувств. Лев Толстой с очень тонкой наблюдательностью описывает, как зарождалась любовь Анны Карениной. «Чем больше она узнавала Вронского, тем больше она любила его... Близость его ей всегда была приятна. Все черты его характера, который она узнавала больше и больше, были для нее невыразимо милы».

<sup>1</sup> Фейербах Л. Избр. философ. произв., т. 2. М., 1955, с. 88.

Потребность мужчины и женщины во взаимном созерцании — верный признак любви. Когда двое в силу определенных причин перестают искать что-то интересное и волнующее друг в друге, перестают узнавать и открывать друг друга заново, это означает, что живой пламень отношений уже угасает. Постоянное взаимное созерцание мужчины и женщины — пища любви.

## 5. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Интимная близость в любви придает психике человека приятную возбужденность, усиливает процессы обновления в его сознании. Это обусловлено главным образом эмоциональным накалом переживаний, горением чувств. Особая наэлектризованность исключительно мягкой и полной отраженного света атмосферы взаимоотношений создает климат общения влюбленных в чарующем полуреальном, полусозданном воображением мире любви.

Эмоции человека суть переживания его отношения к окружающей действительности (к людям, явлениям) и к самому себе. Они выполняют «функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности»<sup>1</sup>. Эмоции создают противоположные (полярные) переживания человека: удовольствие — неудовольствие, радость — мучение, восхищение — отвращение, страх — уверенность и т. п. Они могут быть, кроме того, *низшими*, связанными с реализацией инстинктов, с функционированием организма, с ощущениями, и *высшими*, связанными с интеллектуальной, эстетической и моральной деятельностью сознания в данной ситуации.

Психологи рассматривают эмоции как сложную гамму переживаний человека. В зависимости от степени их активности (внутренней силы), продолжительности и определенности различаются: *настроения* — сравнительно длительные, окрашивающие сознание не очень глубокие эмоциональные состояния, которые придают психической жизни определенную атмосферу; *аффекты* — краткие, сильные, потрясающие эмоции; *страсти* — глубокие устойчивые эмоции, тесно связанные с волевой сферой человека; *стрессы* — сверхнапряженные эмоции, которые возникают спонтанно в критических ситуациях при физических и психических перегрузках.

<sup>1</sup> См.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 553.

Многие исследователи отождествляют эмоции и чувства. Но в литературе часто делается различие между этими двумя понятиями. Некоторые психологи выделяют чувства как особый подкласс эмоций, имеющих «отчетливо выраженный предметный характер» и связанных с представлением или идеей о конкретном или обобщенном, отвлеченном (чувство любви к человеку, к родине, чувство ненависти к врагу и т. п.) объекте<sup>1</sup>.

Почему эмоциональная жизнь построена на взаимосвязанных противоположных переживаниях? Почему в самых глубинных основаниях психики лежат удовольствие и неудовольствие, наслаждение и антинаслаждение, приятное и неприятное? Почему один человек в определенной жизненной ситуации испытывает одни чувства (эмоции), а другой человек в такой же ситуации — другие чувства?

Ответ на эти вопросы — нелегкая теоретическая задача. Ее решение ведет научную мысль как к лабиринтам биологической целесообразности, так и к законам социального развития, истории культуры.

П. К. Анохин пишет, что эмоции возникли в процессе эволюции как средство для обеспечения наиболее быстрого и успешного восстановления нарушенной константы организма, то есть для удовлетворения его потребностей. В связи с этим объяснима и их противоположность. Эмоции — регулирующее звено в биологически развитой системе. Они позволяют надежно оценить возникающую потребность и ее удовлетворение. Подчиненные головному мозгу эмоции не протекают в локальной форме. Они охватывают весь организм как особую целостную систему всех его разнообразных функций.

Когда возникает состояние определенной потребности (голод, жажда, половой инстинкт и т. п.), организм с развитой нервной системой испытывает известное напряжение, ощущаемое как недовольство. Он начинает искать объект, который в состоянии удовлетворить существующую потребность. А это требует эмоциональной реакции и адаптации. В процессе распознавания искомого объекта в данной среде и удовлетворения потребности неизбежно снимается напряжение. Организм испытывает состояние удовольствия, радости и т. п., которое достигает насыщения. Нарушенное равновесие системы восстанавливается. Организм снова оказывается в состоянии так называемого гомеостаза, внутренней константности.

<sup>1</sup> См.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 555.

Следовательно, все эмоции являются *поведенческим механизмом* развитой биологической системы. Они играют сигнализировающую, ориентирующую, избирательную, стимулирующую и задерживающую биологическую роль при узнавании действительности, уклонении от опасностей, нахождении и приеме пищи, утолении жажды, совершении полового акта и т. п.

Согласно мнению советского психолога П. В. Симонова, эмоции представляют собой особый «компенсаторный механизм», восполняющий недостаток информации у человека при удовлетворении его потребностей в пище, питье, обороне, половой связи и т. п. Эта оригинальная гипотеза отнюдь не бесспорна. П. В. Симонов подчеркивает, что для полностью информированной системы эмоции являются в принципе излишними. Они возникают в тех случаях, когда человеку не хватает знаний и он не может реализовать поставленную цель. Если у нас мало логических доводов, «мы прибегаем к эмоциональным средствам воздействия»<sup>1</sup>. Такая функциональная связь имеет, однако, и обратную сторону. Когда наши знания о чем-нибудь возрастают, ослабевает «степень эмоциональной мобилизации» человека<sup>2</sup>.

Гипотеза Симонова не может удовлетворительно объяснить ряд явлений психики. Эмоции возникают в нашем сознании именно тогда, когда мы узнаем что-то важное о нашей жизни, о той или иной ее потребности. Познавая мир, мы чувствуем. В противном случае наименее информированные люди должны были бы обладать наиболее сильными эмоциями. Развитие культуры не ведет к ослаблению чувств, иссушению темперамента. Напротив, цивилизованные люди становятся эмоционально более утонченными.

Без восприятия, то есть познания, данного субъекта человек не может испытывать к нему какие-либо чувства. Отсутствие информации означает и отсутствие эмоций. Человек тем больше влюбляется в другого, чем более полно он его воспринимает и узнает. Бесспорно, загадочность обычно усиливает чувства. Но эмоциональность человека возбуждается на основании полученной информации. Представления об идеале, найденные в чертах опознаваемого (воспринимаемого органами чувств) образа, усиливают чувства.

<sup>1</sup> См.: Симонов П. В. Что такое эмоция? М., 1966, с. 37.

<sup>2</sup> Там же, с. 88.

Эмоции, существующие в данный момент в результате специфической жизнедеятельности, не исчезают бесследно. Они, как и другие переживания индивида, переходят в память и актуализируются тем или иным способом при наступлении соответствующей, то есть аналогичной, ситуации. Сформировавшийся в онтогенезе самостоятельный опыт облегчает последующий процесс целесообразных ориентаций для удовлетворения жизненных потребностей организма. Эмоции оставляют в нервной системе такие следы, которые могут оказывать влияние на гены. Таким образом, происходит обогащение наследственного фонда в части целесообразного поведения животных в окружающей среде.

Разумеется, эмоции человека и животного неодинаковы. Социальная жизнь создала богатую *надстройку* из самых высших духовных состояний. В то время как у животных эмоциональные реакции регулирует механизм удовлетворения биологических потребностей (голод, жажда, половой инстинкт, самосохранение и т. п.), у человека ориентация гораздо более сложна и пластична. В процессе социального развития возникают и новые, соответствующие уровню культуры высшие потребности индивида. По своим качествам они могут быть: познавательными — стремление к знаниям, к решению сложных научных задач; эстетическими — жажда созерцания красоты, потребность в искусстве на том или ином уровне; моральными — стремление к нравственности и т. д. Удовлетворение этих потребностей в социальной жизни требует определенной эмоциональной возбужденности и направленности индивидуального сознания.

В связи с этим А. А. Ухтомский создал теорию о наличии доминантного центра психики человека в данной ситуации. Эта теория позволяет понять акцентирование внимания воспринимающего субъекта на различных актуальных объектах действительности. Согласно Ухтомскому, «доминантный центр» путем определенной психической настроенности фокусирует сознание человека. Такой центр раздражения как наиболее активный в данный момент поддерживает свое возбуждение с помощью побочных импульсов и своевременно задерживает другие рефлексы<sup>1</sup>.

Как специфическая реакция сознания, эмоции выражают предпочтение человека по отношению к явлениям и вещам окружающей среды. Они укрепляют «доминан-

<sup>1</sup> См.: Ухтомский А. А. Собр. соч., т. I. Л., 1945, с. 298.

тный центр» психики и отстраняют или ослабляют случайные и побочные воздействия. Так, например, чувство радости и наслаждения в присутствии близкого человека заставляет видеть в нем только приятные черты. Это чувство одновременно рассеивает и подавляет раздражения, противодействующие установившейся психической доминанте.

Чувства играют роль побудительных факторов для деятельности или для особого задерживающего механизма в коре головного мозга. Таким образом, согласно Л. С. Выготскому, их можно причислить к так называемой «мотивации» поведения человека. Точнее, если сравнить саму мысль с «нависшим облаком, которое проливается дождем слов», то чувство играет роль «ветра, приводящего в движение облако»<sup>1</sup>.

Физиологическая основа указанного механизма «поощрений», «поддержек», «предостережений» индивида, регулирующих его нормальную жизнедеятельность, еще не полностью раскрыта.

Эта функция эмоций и чувств осуществляется на разных уровнях. Она может быть встроена в регулируемую систему для удовлетворения «низших», имеющих физиологический характер, или «высших», социальных, духовных потребностей. На основании этой объективной дифференциации Г. Х. Шингаров разграничивает эмоции и чувства. Первые относятся к удовлетворению физиологических потребностей человека (потребность движения, голод, жажда, половой инстинкт и т. п.), а вторые — к удовлетворению его социальных и духовных потребностей, связанных с моралью, трудовыми, эстетическими и другими отношениями.

Но удовлетворение всех «низших» и «высших» потребностей человека осуществляется единой системой регулирования его поведения. При этом «высшая» сфера системы в определенных параметрах соподчиняет «низшую»<sup>2</sup>.

Эмоции и чувства в любви очень разнообразны. Их также можно рассматривать в комплексе как «низшие» и «высшие», потому что они одновременно выражают половое влечение и всю гамму полных одухотворенности переживаний морально-эстетического плана.

Однако эта волнующая многосторонность любовных

чувств, «низших» и «высших» эмоций не имеет дисперсной формы. Она существует как неделимая, внутренне глубоко взаимосвязанная целостность переживаний индивида. При этом «низшие», или врожденные, эмоции фактически «всасываются», поглощаются «высшими» чувствами. Так образуется особая психическая «амальгама», в которой всегда доминирует интимная возвышенность переживаний, культуры и артистичности.

Любовные чувства (эмоции) по своей силе и качественным характеристикам индивидуально дифференцированы. Они отражают живописную гамму ярких тонов и самых нежных оттенков. Доминирование какой-либо из эмоций в целостном переживании зависит от сложившейся конкретной ситуации в развитии любви и отчасти от темперамента и воспитания.

В зависимости от ситуации (благоприятной или неблагоприятной), конкретной стадии отношений (в их начале или в ходе их развития) и данного типа нервной системы (индивидуальности темперамента) существует множество различных комбинаций по силе и качественной дифференцированности любовных чувств субъекта. Однако во всех случаях доминантой эмоций, сопутствующих реализации влечения, является удовольствие, наслаждение тела и духа. По своей специфике и внутренней определенности как переживания это чувство обладает очень многими оттенками и даже некоторыми модификациями.

На это богатство нюансов эмоциональной доминанты обращали внимание еще в древности. Эпикур называл удовольствие «началом и концом счастливой жизни». Чтобы быть счастливым, человек должен, согласно Эпикуру, выбирать не удовольствие, доставляемое наслаждением роскошными яствами, удовлетворением чувственных желаний, а удовольствие умеренности, благоразумия, трезвой рассудительности. «...Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо...»<sup>1</sup>.

Платон подчеркивал, что существует наслаждение знаниями, полученными в жизни, и наслаждение различными ощущениями<sup>2</sup>. Первое выше и рождается в процессе развития мудрости. Диоген Лаэртский указывал четыре вида удовольствий: восхищение, злорадство, наслаждение, развлечение. Только восхищение возвышает человека. Наслаждение — это «склонность к несдержанности», к

<sup>1</sup> См.: Выготский Л. С. Избр. психол. исследования. М., 1956, с. 379.

<sup>2</sup> См.: Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971, с. 155—156.

<sup>1</sup> Материалисты древней Греции. М., 1955, с. 211—212.

<sup>2</sup> См.: Антология мировой философии, т. 1, ч. 1. М., 1969, с. 383.

распущенности; развлечение — «отступление от добродетели»<sup>1</sup>.

Сенека противопоставлял добродетель удовольствию. В его этике за основу взята идея о том, что счастье можно обрести лишь в спокойной возвышенности человеческого духа. Удовольствие, хотя и обладает внешней привлекательностью, пишет Сенека, является «соблазном». Оно притягивает доверчивое сознание, разжигает плоть, пробуждает страсти, но затем вызывает отвращение<sup>2</sup>.

В XVIII веке Гоббс разграничивал удовольствие как ощущение или представление добра и неудовольствие как ощущение или представление зла. Эти переживания человека выражают определенное состояние психики. Удовольствие (или наслаждение), связанное с представлением, называется *радостью*. Неудовольствия, которые кроются в ощущении, согласно Гоббсу, называются *страданием*, «другие — в ожидании последствий и называются *горем*»<sup>3</sup>.

Кант еще более дифференцировал эти переживания. Он различал три вида удовольствий — *приятное, прекрасное и доброе*. Кант подчеркивал, что первое и третье всегда связаны с заинтересованностью. Приятное есть наслаждение разными ощущениями (при утолении голода, жажды и т. п.). Доброе — это удовлетворение чем-нибудь, что индивид ценит. Прекрасное, согласно Канту, это такое переживание, когда человеку что-нибудь нравится. Удовольствие от прекрасного есть незаинтересованное и свободное удовольствие<sup>4</sup>.

Современная наука отвергает концепции ряда древних авторов об отрицательном значении любого чувственного наслаждения, а также утверждение Канта о чисто внутреннем, субъективном характере красоты. Важным, однако, является то обстоятельство, что в истории этики и психологии постепенно открываются различные аспекты, даже модификации удовольствия, его яркой положительной эмоциональной гаммы.

Еще Лукреций Кар подчеркивал, что удовольствие стимулирует половое влечение, в нем заключена околдовывающая сладость жизни, которая побуждает оба пола к воспроизведению рода. В книге «О природе вещей» он писал: «Рода Энеева мать, людей и бессмертных улада, о

<sup>1</sup> Антология мировой философии, т. 1, ч. 1, с. 499.

<sup>2</sup> См. там же, с. 513.

<sup>3</sup> Гоббс Т. Избр. произв., т. 2. М., 1964, с. 87—88.

<sup>4</sup> См.: Кант И. Соч., т. 5. М., 1966, с. 210—211.

благая Венера!.. Всюду внедряя любовь упоительно сладкую в сердце, ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желание».

Удовольствие влюбленного представляет собой сложное переживание. Оно всегда включает элементарные чувства, которые глубоко связаны с половым инстинктом, с ощущениями, а также чувства, связанные с высшими эстетическими, моральными и другими аспектами духовной жизни человека.

При этом чувства уважения, дружбы, симпатии, восторга, благоговения, очарования, привязанности, самопожертвования, чистоты, утонченности полностью доминируют над чувствами физической близости и кожной чувствительностью, над физиологической реализацией инстинкта. Высшие любовные эмоции содержат низшие, так сказать, «в снятом виде», в «подчинении», в определенной зависимости. Каждая форма физического (телесного) контакта имеет духовные эквиваленты. Прикосновение, поцелуй, половая близость — все это не создает исключительно «низшую» эмоциональность, но воспламеняет утонченные, глубокие переживания, которые без любви невозможны. Влюбленный всегда касается тела, благоговей перед духом, он превращает половой инстинкт в составную часть глубокой, чисто человеческой эстетической и нравственной формы интимно-полового общения.

Как регулирующий механизм любовное удовольствие подталкивает, побуждает и направляет субъект к определенному объекту для осуществления биологической и социальной целесообразности. Это происходит тем активнее, сильнее (с преодолением препятствий), чем глубже и длительнее само удовольствие.

Однако для этого процесса характерна внутренняя диалектика. Удовольствие является результатом нацеленности определенного биологического и социального напряжения. Задержка естественной реализации этого процесса приводит к отрицательным эмоциям. Напряжение усиливается, постепенно переходя в неудовольствие, в страдание. Такой вариант развития ситуации вполне возможен. В этом случае неразделенная любовь может превратиться в подлинное несчастье, глубокую трагедию.

Бывает, что неудовольствие и удовольствие, радость и страдание влюбленного существуют одновременно как два потока эмоциональной доминанты. Такие примеры противоречивого сочетания любовных эмоций можно найти как в определенных ситуациях самой жизни, так и в художественной литературе.

Герой романа Мюссе «Исповедь сына века» переживает такое раздвоение. Он чувствует себя «околдованным» женщиной, к которой питает любовь и ненависть. «Я решил никогда больше с ней не видаться, но не прошло и четверти часа, как я вернулся... У меня было тайное желание еще раз обладать ею... Я глубоко презирал и вместе с тем обожал ее; я чувствовал, что ее любовь несет мне гибель, но что жить без этой женщины я не могу».

Трагические случаи эмоционального раздвоения психики, когда человек одновременно испытывает любовь и ненависть к данному объекту, подтверждают, что любовные чувства имеют комплексный характер и особую внутреннюю диалектику. Конкретными источниками их возбуждения, несомненно, являются разные стороны действительности, разные свойства объекта любви. Физический образ женщины иногда может вызывать приятное чувство, а некоторые ее поступки — отвращение. В свою очередь женщине могут в определенной ситуации импонировать интеллектуальные способности мужчины, но в то же время она может испытывать недовольство его трусостью.

Эмоциональность возвышается до общей результирующей, до единого интегрального чувства с различными, более или менее дифференцированными компонентами. Постоянное взаимодействие в рамках этой целостности является характерной чертой любви. Одинаковые или близкие по характеру эмоции взаимно усиливаются, а различные, противоположные до известной степени редуцируются, взаимно ослабляются. Происходит как бы комбинация плюсов и минусов, нарастание положительных эмоций. Это, по существу, мера силы любви. Количество интегрированных эмоций определяет богатство переживаний.

Симпатия и антипатия играют очень важную эмоциональную роль в жизни человека. Этот вопрос давно стоит среди других ждущих решения проблем философии, этики и психологии. Отдельные социологи используют термин «эмпатия» (сочувствие). Это слово обозначает способность человека «проникать в психику другого человека, сочувствовать ему»<sup>1</sup>. Сознание одного человека на интимном уровне отождествляется с сознанием другого. Возникает, по словам Шибутани, «чувство близости», полная согласованности переживаний.

Симпатия порождает естественную привязанность, же-

вание общаться. Это — особое проявление эмоционального взаимодействия людей, их психического «сродства».

У симпатии, однако, есть и другие важные аспекты. Ее сущность отличает многосторонность и противоречивость. Для того чтобы проявилась симпатия, требуется определенное сходство и общность интересов, воспитания, жизненных ситуаций. Легче всего человек привязывается к другому, если у них одинаковое понимание смысла жизни, если они борются и напрягают свои силы для достижения общих целей. Это настолько очевидно, что не требует доказательства.

Симпатия является компонентом любви. Она обеспечивает человеку возможность признать ценность другого человека. Симпатия преодолевает барьер индивидуального повседневного бытия внутреннего мира личности.

Нельзя любить другого человека, не испытывая к нему симпатии, то есть стремления ему сочувствовать, приобщиться к его индивидуальной духовности. Фактически любовь возникает и существует в условиях реализации этой невидимой психической диффузии социальных контактов. Поэтому первым критерием, показывающим силу полового влечения, является наличие симпатии.

В спектре любовных чувств выделяется и роль восхищения (экзальтации). Оно выражает духовное, высшее удовольствие, получаемое от созерцания или осознания чего-то прекрасного. Кант подчеркивал, что восхищение представляет собой постоянно повторяющееся удивление, которое не исчезает с утратой новизны<sup>1</sup>.

Оно выражает стремление человеческого сознания понять красоту и гармонию, находящиеся за пределами ощущений и представлений, в сфере эстетических оценок.

Чувство восхищения присуще только человеку как результат тысячелетнего развития его культуры, как свидетельство его неисчерпаемой способности самосовершенствоваться. Восхищение выражает определенную систему ценностей человека и ориентирует его на целостное восприятие качеств объекта любви, на высшую эстетическую и нравственную форму отношений. Восхищение исполнено нежности. Отсутствие этого чувства предопределяет бесцеремонность и грубость человека в сексуальных отношениях.

Любовная нежность имеет разные формы, относится к разным областям человеческой сущности. Она может

<sup>1</sup> См.: Шибутани Т. Социальная психология, с. 139.

<sup>1</sup> См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 282, 389, 390.

проявляться в легком прикосновении, улыбке, поцелуе, объятии, доброжелательности, мягкости и ласковости взгляда и т. п. Нежность — это воздух любви. В ней заключена не только инстинктивная мягкость отношений, но и все «надстроечное» богатство чувства прекрасного, морального очарования, полета фантазии.

Развитие эмоциональной нежности в половой любви имеет свою историю. Оно имманентно связано с утонченностью и совершенствованием самого непосредственного, понятного всем ее внешнего выражения — полной душевности и красоты человеческой улыбки. Улыбка любви подобно волшебному ключу открывает лабиринты души. Ее лучи озаряют все вокруг, насыщают воздух теплотой и сочувствием, трепетом ожидания, фантастическими видениями. Выдающиеся поэты воспевали это волшебство жизни, великие художники передавали ее неудовимую прелесть. Улыбка свидетельствует о том длинном пути, который прошла природа от инстинкта животных до изящной ласки высшего земного существа.

Чувство стыдливости обычно сопутствует одухотворенной интимной дружбе. Оно почти всегда присутствует в общей гамме любовных переживаний.

Такое понятие, как половая стыдливость или застенчивость, имеет вполне определенное содержание, которое не совпадает с содержанием понятия стыда. Первое выражает один из аспектов отношений разных полов, второе — моральных, межчеловеческих отношений. Чувство стыда связано у человека с осознанием своей вины, тогда как половая стыдливость — это боязнь оскорбить духовную прелесть отношений.

Стыдливость — это стремление скрывать половые контакты мужчины и женщины, интимные ласки. Стыдливость часто проявляется и как сдержанность в разговорах об этих отношениях. Стыдливость — это «морально-эстетический рефлекс», проявление самоконтроля, уклонение от прямого упоминания всего плотско-сексуального даже наедине с любимым человеком, в интимной обстановке. Это присущее цивилизованному обществу чувство выполняет, таким образом, определенную культурную функцию. Стыдливость есть особая реакция духа, выражающая его превосходство над телом, определенная критичность морального сознания человека в отношении обнаженности пола, определенная форма возвышения над животными. Социальное и нравственное, эстетическое значение этого чувства давно уже отмечалось в философской литературе.

«Стыдливость, — пишет Кант, — представляет собой некоторую тайну природы для ограничения необузданного влечения: следуя зову природы, она всегда согласуется с добрыми, нравственными свойствами, даже когда она чрезмерна». Кант указывает, однако, и на другую функцию этого интимного чувства, возникшего при эстетизации половых отношений. Он подчеркивает, что стыдливость человека «служит также для того, чтобы набросить таинственный покров даже на самые естественные (geziemendsten) и самые необходимые цели природы, дабы слишком уж грубое знакомство с ними не вызвало отвращения или по меньшей мере равнодушия к конечным целям того побуждения человеческой природы, с которым связаны ее самые тонкие и сильные склонности»<sup>1</sup>.

Стыдливость имеет определенные внешние проявления. Внезапное покраснение, условный рефлекс прилива крови к лицу — ее первый признак. Вторым признаком половой стыдливости является прикрытие рукой, одеждой или каким-нибудь предметом отдельных частей тела, таких эrogenных зон, как грудь, половые органы, бедра и т. п.

Даже в античную эпоху с ее подчеркнутым культом наготы всегда существовал рефлекс женской стыдливости, выражающей определенные движения души. Об этом свидетельствуют великие произведения искусства — эти эстетические и моральные памятники эпохи. Афродита Книдская Праксителя, Афродита Медицейская изваяны в своей естественной наготе. Но они отражают, хотя бы только в форме намека, чувство стыдливости, сдержанности порыва. Самый возвышенный женский образ — Афродита Милосская — также озарен легким очарованием стыдливости. Свободно брошенная одежда ниспадает по бедрам, обнажая ослепительную наготу богини. Ряд авторов — специалистов по истории античного искусства считают, что отсутствующая левая рука Афродиты Милосской поддерживала на бедрах спадающие одежды. Очевидно, древнегреческие мастера хорошо понимали значение застенчивости как атрибута женской красоты.

Ю. Б. Рюриков подчеркивает, что стыд — это «оборонительное чувство», стремление человека скрыть от других людей «некоторые уголки своей жизни». «Звери не стыдятся, — отмечает Рюриков, — только на стадии человека в природе появился стыд. И то только тогда, когда

<sup>1</sup> Кант И. Соч., т. 2, с. 158.

человек вышел из первобытного состояния, когда он стал смутно избегать того, что его сближало с животными»<sup>1</sup>.

Превратив таинство пола в неиссякающий родник физиологического и психического наслаждения, люди не могли не понять опасности этого открытия для цивилизации. Была раскрыта волшебная сокровищница человеческого бытия. Люди стали владыками глубокого, опьяняющего тело и душу наслаждения.

Но это наслаждение могло стать губительным для человека. Его использование следовало контролировать. Неограниченные и непосредственные половые раздражения могли вызвать постоянное возбуждение у представителей противоположного пола, привести к хаотичности и чрезмерности в отношениях и в конечном счете стать губительными для здоровья людей и разрушительными для порядка и организации общества.

Тысячи лет назад стало жизненно необходимым прикрывать так называемые «срамные» части тела — половые органы и ряд других эрогенных зон. Это было регламентировано нравственностью под эгидой религии, мифологии. В связи с этим неизбежно появляется стыдливость.

Дискриминация наготы у некоторых народов исключительно строга. В Южной Индии с незапамятных времен существует традиция, согласно которой женщины всегда должны прикрывать даже рот. Очень суровы запреты такого рода для мусульманок. Женщины-мусульманки должны при посторонних мужчинах прикрывать специальным покрывалом руки до кистей, а также лицо, кроме глаз, бровей и лба.

Стыдливость представляет собой не только рефлекс человеческого сознания, не только форму обуздания полового влечения. Она выполняет и другую исключительно важную функцию. Стыдливость ограничивает непосредственное воздействие чувственного начала. Она окутывает его покровом таинственности и, таким образом, дает толчок воображению, идеализации. Иначе говоря, стыдливость вызывает к жизни духовные компоненты половых отношений, тем самым притупляя чисто физиологическое воздействие.

Реализация любви требует определенной гармонии телесных и духовных взаимоотношений партнеров. Стыдливость женщины (которая выступает главным объектом «облазнения») стимулирует эмоционально возвышенное, социальное развитие половых отношений, расцвет любви

<sup>1</sup> Рюриков Ю. Б. Три влечения. М., 1967, с. 63.

на основе гармонического сочетания физических и духовных компонентов в общении любящих.

Любовь связана с чувством ревности, проявляющейся весьма разнообразно. Это чувство вызывает противоположные толкования в научной литературе. Что же такое в действительности ревность: сильнейший медленно действующий яд или испытанная тысячелетиями мера любви?

Этот вопрос решается столько лет, сколько существует человеческая цивилизация. Он и сейчас волнует мужчин и женщин, испытывающих наслаждение и боль любовных чувств. Половая ревность давно знакома людям. Ее мучительные порывы описаны в поэзии и прозе, в научной и популярной литературе.

Не все исследователи (сексологи, психологи и др.) единодушны в понимании места и значения ревности. По мнению одних, это чувство — составная часть половой любви, интимной дружбы. Оно свидетельствует о силе духовного влечения. Другие авторы рассматривают ревность как эмоцию, не присущую любви, как тень в отношениях двоих людей, как одну из причин губительного и трагического развития их отношений.

Гоббс рассматривает и обстоятельно комментирует весь комплекс противоречий интимной жизни людей. Когда существует боязнь, пишет он, что «любовь не взаимна», это «называется *ревностью*»<sup>1</sup>. Фактически эта эмоция постоянно стоит на страже и как бы санкционирует половое влечение.

Спиноза подчеркивает две стороны ревности: ненависть к объекту любви и зависть к человеку, который угрожает интимному обладанию объектом любви. Все это создает особую раздвоенность эмоций, омрачает прелесть любви. Постоянные терзания отравляют самые сладостные переживания человека.

Ревность — сложное душевное переживание влюбленного. Это чувство у разных людей имеет весьма различные оттенки. Оно болезненно ранит сознание и может являться выражением таких элементарных переживаний, как оскорбленное пренебрежением самолюбие, как чувство неудовлетворенности из-за отсутствия любимого человека или неблагоприятных обстоятельств, как сожаление о потерянном, как привязанность, а иногда и ненависть к объекту влечения, как неприязнь к виновнику твоих страданий.

<sup>1</sup> См.: Гоббс Т. Избр. произв., т. 2, с. 89.

Многие этики определяют ревность как эгоизм в половых отношениях. Естественные проявления этого чувства — гнев, сожаление, обман, ложь и т. п. Оно плод традиции преимущественного права мужчины перед женщиной<sup>1</sup>.

Лафарг обосновывал подобную концепцию исторически. По его мнению, мужская ревность имеет экономические, социальные корни в классовом обществе. Она существует как «разновидность чувства собственности». Трудно отрицать наличие связи между ревностью и мужским правом, моральными аспектами собственности. Однако этот вопрос очень сложен. Его нельзя рассматривать только в рамках взаимоотношений экономического базиса и надстройки.

Не все виды ревности можно охарактеризовать как «варварское чувство», «наследие животных», «эгоизм» и т. п. Такой ряд характеристик неправомерно обобщает определенные житейские случаи. Настоящая любовь не исключает известных эмоций, которые можно отнести к сфере половой ревности. Фактически по своему содержанию, по смыслу оба понятия частично совпадают.

В поэме «Венера и Адонис» Шекспир восклицает: «Там, где царит Любовь, — по доброй воле смутянка Ревность стражам состоит», «доносчица, шпионка роковая, источник распрей, сплетен и тревог», «то лжи, то правды вестница».

Лопе де Вега пишет, что ревность — это «небес награда», «она любви дана в залог», как «тень», знаменующая приход большого чувства. Диана в комедии «Собака на сене» признается: «Бог любви хитер... я потому люблю, что я ревную...»

Герой Бомарше, живой и веселый Фигаро, безошибочно открывает любовные чувства Сюзанны по ее ревности. И он, без сомнения, имеет право воскликнуть перед носителями фальши и лицемерия: «Да здравствует ревность!»

Очевидно, ревность имеет разные, даже контрастные формы проявления. Это заставило три века назад Лабрюйера различать несправедливую, бесосновательную и справедливую, естественную ревность. Первая отталкивается от нелепых подозрений, вторая исходит из «неуверенности».

Вопрос этот недостаточно исследован с точки зрения

<sup>1</sup> См., например: Бартак В. Четиво преди брака. София, 1965, с. 81.

этики и социологии. И все-таки мы можем научно разграничить ревность как естественную эмоцию, как некое проявление духовной культуры влюбленного человека (мужчины или женщины) и ревность как эгоистический комплекс, как «варварское чувство», как дику зоологическую ненависть и недоверие к человеку. Оба эти проявления ревности имеют место в действительности. Эгоистическая ревность, присущая некоторым людям, может быть названа *ревнивостью*. Порывы гнева и подозрительности, эгоизма и ненависти травмируют любовь и убивают жизнеспособность интимных чувств.

Ревнивость социальна и психологически обусловлена. Ее корни прежде всего следует искать в мещанском воспитании, в частнособственническом отношении к объекту любви, в существовании деформированных представлений о достоинстве мужчины и женщины, в самоизоляции некоторых людей, в их чрезмерной чувствительности и т. п. Иногда ревнивость возбуждается и чисто патогенными факторами: сильное расстройство нервной системы, появление упорных, навязчивых комплексов, влечение к садизму и т. д. Анализ этого ненормального явления половой жизни всегда должен быть конкретен и индивидуален.

В противоположность ревнивости с ее отрицательными последствиями ревность как естественная и нормальная эмоция обычно затрагивает тончайшие струны человеческой психики.

Естественная половая ревность играет активизирующую роль в общем комплексе любовных чувств. «Ничто так не привязывает, как ревность», — пишет Андре Моруа. Одна из героинь «Трагикомедии брака» Стриндберга советует зятю, как проверить, любит ли его жена, и как пробудить ее любовь. «Есть одно старое испытанное средство: возбудить у нее ревность. Это радикальнейший метод: если любовь еще не угасла, она всегда в таких случаях выходит наружу».

Викториа в «Испанском студенте» Лонгфелло говорит: «Ко всем глазам на свете я ревную, пусть все они ослепнут!»

Чувство ревности в его утонченных культурных проявлениях представляет собой чистую приглушенную боль, стремление к полному взаимному слиянию, неосуществимость которого вносит легкое дуновение печали в счастье любви. Это глубокая потенциальная тревожность сознания делает более ценными переживания интимной дружбы.

Ревность, оставаясь на высоконравственных позициях, не ведет к подозрительности, оскорблениям, подглядыванию, взаимной ненависти, не создает обстановку жестокого самоистязания, недоверия к объекту своих чувств и волнений. Она означает боль и сожаление об упущенных минутах общения, потенциальную тоску от сознания возможной потери любимого человека, жажду бесконечной полноты интимных отношений. Подобная ревность представляет собой компонент любви.

Чувство любви как результат эволюции и социального развития не является только антиподом боли, отсутствия страданий, как подчеркивали приверженцы гедонизма. В жизни человека удовольствие имеет социальные компоненты, которые играют ценностную, поведенчески действенную роль. Оно представляет собой не только чувственное наслаждение, но и источник целостных эстетических, нравственных, психофизиологических наслаждений.

Любовные удовольствия, как и все человеческие удовольствия, требуют определенного стимулятора — антипода приятного чувства. Они никогда не могут длительно существовать «без облаков» (хотя бы и легких, прозрачных). Удовольствие бледнее, когда отсутствует контраст неудовольствия. Переживания всегда составляют более или менее яркую эмоциональную основу. «Безоблачное» счастье любви обыкновенно быстро начинает угасать. Оно не может существовать без контрастных переживаний. Вот почему любви необходим легкий налет грусти, немного ревности, сомнений, драматической игры.

Иначе говоря, ревность, создающая атмосферу легкой тревожности чувств, присуща любви. Она выражает глубину отношений, невидимыми путями стимулирует взаимный поиск и мужчины и женщины. Но необузданная ревность (или ревнивость) как недоверие друг к другу, подкарауливание, преследование, грубость по своей сути несовместима с любовью. Она подрывает отношения, оскорбляет личное достоинство, интимную дружбу и взаимное уважение любящих.

Любовь как бы ускоряет течение времени. Альберт Эйнштейн в шутку иллюстрировал теорию относительности таким примером: если влюбленный юноша сидит рядом с любимой девушкой, час кажется ему минутой, но если тот же юноша сидит на одну минуту на горячую плиту, то эта минута будет тянуться для него бесконечно.

Шутка Эйнштейна, конечно, не объясняет физического смысла теории относительности. Но в специфически психологической сфере ее рациональность очевидна.

Чувства играют огромную стимулирующую и активизирующую роль во всем комплексе половой любви. Они непрерывно взаимодействуют с имманентно присущими субъекту механизмами инстинкта воспроизводства человека, с восприятием природной и социальной среды, прежде всего объекта влечения, а также с высшими сферами духовной жизни (эстетической ценностной системой, нравственностью, идеологией и т. п.). Этот сложный комплекс диалектических зависимостей схематично можно разделить на группы.

1. Любовные чувства, несомненно, возникают на базе взаимодействия инстинкта воспроизводства человеческого рода с социальной средой. Несмотря на то что они относятся к числу высших чувств, они в конечном счете определяются физиологическими причинами, нарушением и восстановлением равновесия, возникновением и удовлетворением полового влечения. Инстинкт воспроизводства определяет повышенный тонус тела и психики, удовольствие и успокоенность как естественные фазы реализации любви. Он «заряжает» влечения эмоциональным «током», определяет интимную, социально и биологически детерминированную форму физического и духовного общения любящих.

2. Любовные чувства создают субъективное ощущение особой «уплотненности» времени в данной ситуации. Это является конкретным выражением склонности человеческого сознания переживать более динамично, с возможно большей концентрированностью ощущений поток удовольствий по сравнению с потоком неудовольствий.

3. Любовные чувства непрерывно питаются в той или иной степени разнообразными ощущениями объекта влечения, восприятием природной и социальной действительности в связи с удовлетворением половой потребности человека. Это составляет объективное подтверждение субъективной мотивации. Чем больше избранник отвечает возникшей потребности субъекта любовных чувств, тем более сильными, жизненными, долговечными, всеохватывающими являются эмоции. И наоборот, каждый элемент полового несоответствия объекта требованиям субъекта, определенный органами чувств, всегда уменьшает степень этого всепроникающего «магнетизма».

<sup>1</sup> См.: Зелинг Г. Альберт Эйнштейн. М., 1964, с. 71.

4. Любовные чувства зависят и от высших сфер сознания. Чем более развита способность к ассоциациям, чем разнообразнее и богаче духовная культура человека, тем утонченнее эти чувства. Эстетические, интеллектуальные и нравственные суждения формируют естественную глубину самосознания, иерархическую структуру всей психики. Они придают и наивысшую эмоциональность переживаниям.

5. Со своей стороны богатые и разнообразные любовные чувства облагораживают инстинкт воспроизводства человеческого рода, соединяют его с переживанием волнующих сознание порывов, высшего психического наслаждения.

6. Любовные чувства концентрируют внимание субъекта на избраннике, создают условия для его целостного восприятия по законам красоты.

7. Любовные чувства стимулируют высшие интеллектуально-психические сферы человека. Они облегчают процесс формирования и развития познавательных, эстетических и моральных компонентов общения партнеров. Восхищение, симпатия, нежные чувства не могут не пробуждать и самых глубоких ассоциаций, особой духовной красоты мышления, интеллектуального блеска.

Эмоции организуют единство и целостность переживаний, чудесное растворение инстинкта в разуме и разума в инстинкте. Эмоции разжигают живой огонь любви, интимной дружбы. Они заставляют человека непосредственно ощущать наслаждение и трепет счастья.

## 6. АКТИВНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ

Интимные отношения не исчерпываются половым влечением, необходимым процессом взаимного созерцания и узнавания мужчины и женщины, появлением волнующих чувств и определенной психической настроенности. Они требуют и целенаправленной *действенности* субъекта, осуществления мечты об эмоциональной форме общения, о полнокровной и целостной интимной дружбе. Этот аспект связан с волевыми процессами человеческой психики. Он воплощается в системе механизмов, структура которых имеет физиологическую и социальную основу.

Воля — это сознательное и целенаправленное саморегулирование практической деятельности человека. Она существует и функционирует как преодоление внутрен-

них (психофизиологических) и внешних (коренящихся в социальных и природных условиях жизни) препятствий. Именно поэтому во всех случаях воля требует в большей или меньшей степени активных усилий духа, известного напряжения.

Внутренние условия необходимы для осуществления человеком определенных действий или для воздержания от действий, инертности. Физиологической основой первого варианта является возбуждение соответствующих центров двигательной функции коры головного мозга, во втором варианте — задерживание нервного раздражения, «обуздание» тех или иных рефлекторных механизмов.

Воля представляет собой специфическую форму *сознательного* саморегулирования деятельности человека. Она существенно отличается от системы произвольных и спонтанных реакций живого организма, которые выполняют ту или иную целесообразную функцию. Уже древние стоики говорили, что воля — это «разумное стремление» человека<sup>1</sup>. Они видели сущность различий между желанием и влечением. Первое представляет собой проявление воли, разумного стремления человека, второе — инстинкт, форму бессознательной импульсивности организма. У животных существуют только влечения (к пище, к половому удовлетворению и т. п.). У них нет самосознания и воли. Животные подчиняются могуществу инстинктов. Только у человека есть воля, способность принимать решения в рамках необходимости. Воля как атрибут человека не является слепой, непреодолимой силой бытия. Она находит выражение в конкретно-исторической свободе решений, в сознательном требовании, в разумном действии.

Воля осуществляется как целостный и сложный процесс саморегулирования человеческого поведения. Если рассматривать ее схематически, то основными ее моментами следует считать: а) *потребность*, или нарушение специфической «константы» человека как системы; б) осознание возможности удовлетворить эту потребность, или постановка определенной *цели*, той или иной задачи; в) *мотивы*, которые часто, если они противоположны, создают колебания в состоянии психики; г) принятие конкретного *решения* для достижения определенной цели; д) практическое *действие* субъекта, или «обуздание» некоторой инертности поведения.

Воля есть форма реализации человека в качестве

<sup>1</sup> См.: Антология мировой философии, т. 1, ч. 1, с. 499.

сознательного существа. Она дает большую или меньшую возможность отдельной личности проявлять свободу творческого мышления и практического действия, умножать моменты объективной адекватности своего поведения, своей разумной власти над природной и социальной действительностью, над историей.

Воля придает определенную внутреннюю действенность и активность любви. Без глубокого движения ее «рычагов» интимное сближение практически невозможно. Она ставит цель, выбирает объект чувств, принимает решение действовать, преодолевать препятствия, мотивирует определенное желание, вызывает мобилизацию сил, направляет субъект на активную реализацию любви.

Согласно древнегреческой легенде, у богини Афродиты было два сына — Эрот (Любовь) и Гимерос (Желание). Обычно они всегда идут по жизни вместе. Эрот воспламеняет чувства и мечты, а Гимерос вызывает желание общаться<sup>1</sup>.

Любовные контакты имеют определенную внутреннюю мотивацию. Они представляют собой объективное выражение мыслей и чувств субъекта по отношению к объекту его устремлений. В этих контактах воплощается богатство духовных компонентов любви. Разные по внутреннему колориту чувства целенаправленно объективируются в той или иной внешней форме. Симпатия требует определенных действий, которые выражают ее сущность как эмоции. Восхищение влюбленного также должно найти соответствующее практическое выражение.

Активные проявления нежных чувств открывают путь для интимных отношений. Без этих действий настоящая любовь невозможна. Эмоции, несмотря на всю свою глубину, внутренне замкнуты.

Только активность человека может превратить прекрасную любовную мечту в полнокровную интимную форму общения. В последний день своей жизни Виктор Гюго писал: «Любить значит действовать». Эта максима раскрывает одну из существенных характеристик человека.

Активность, присущая любви, интегрирует два процесса, которые нелегко отличить друг от друга, потому что они проявляются как единое целое. Первый из них имеет бессознательную, инстинктивную сущность, и влияние его очень сильно. Это — половое влечение. Второй процесс (или поток) этой целостной активности имеет разумный,

сознательный характер. Это — любовное желание. Оба потока вместе создают интимное общение мужчины и женщины.

Спиноза подчеркивал, что между желанием и влечением нет разницы, так как и то и другое выражает стремление к действию. А эта активность представляет собой «саму сущность человека». Тем не менее Спиноза указывал, что фактически «желание — это влечение, соединенное с его сознанием»<sup>1</sup>. В одном случае имеет место спонтанная реакция человека, в другом — более сложные, взаимосвязанные волевые действия, направляемые желанием.

Половое влечение придает большую внутреннюю силу любовному желанию. Оно играет роль его подсознательной мотивации. Со своей стороны любовное желание, как с точки зрения постановки цели, так и ее достижения, направляет импульсы полового влечения. Оно придает сознательную устойчивость поведению человека, создает гармоническое единство полового влечения с высшими сферами целостной эстетической, нравственной и социальной природы человека. В любовном желании «в снятом виде» содержится половое влечение.

Проявление любовного желания в конкретных условиях может служить объективной мерой глубины чувства. Иначе говоря, активность играет самую важную, решающую роль и в этой области отношений. «Какую ценность придает человек определенному объекту, — пишет Т. Шибутани, — можно судить не по тому, что он говорит о его ценности, но по усилиям, которые он затрачивает, чтобы добиться его и чтобы сохранить его в целостности»<sup>2</sup>.

Активность субъекта связана с преодолением препятствий, которые различаются по степени и форме сопротивления. Именно это сопротивление показывает, или, точнее, измеряет, волевой напор, а в конечном итоге реальную ценность и адекватность мотивации, предметного содержания чувств, силы и устойчивости убеждений, индивидуальной ценностной системы. Проявления любовного желания представляют собой не только следствия уже существующей установки, убежденности человека в большой ценности избранного объекта. Они одновременно оказывают влияние и на мотивацию, на эмоциональное, эстетическое и нравственное содержание любви. Таким образом, в данной жизненной ситуации реализовавшаяся

<sup>1</sup> См.: Лукиан. Избранное. М., 1962, с. 76.

<sup>1</sup> Спиноза В. Избр. произв., т. 1. М., 1957, с. 507.

<sup>2</sup> Шибутани Т. Социальная психология, с. 273.

активность человека создает своего рода действующую обратную связь.

Этот аспект половых отношений давно был замечен и отражен народной мудростью, поэзией и прозой. Препятствия и трудности обычно усиливают любовь, разумеется если не превышают максимальных возможностей человеческой воли.

Специфическая действенность любви проявляется в разных фазах по-разному. Начинается она обычно с желания встречаться, разговаривать, общаться. Потом активность переходит неизбежно на более интимную эмоциональную основу. Она требует удовлетворения других естественных потребностей влюбленного — объятий, поцелуев, полового акта и т. п. Это этапы целостной действенной реализации любви.

Естественное развитие половой интимной дружбы связано (даже при нормальных обстоятельствах) с преодолением внутренних, чисто психологических препятствий — стыдливости, иногда и страха, идеализации другого человека, боязни быть оскорбленным в своих чувствах и т. п. Кроме того, почти всегда существуют меньшие или большие объективные трудности сближения — отжившие требования общественного приличия, пространственной и социальной удаленности, физические препятствия к встречам и т. п.

Легкое овладение женщиной в большинстве случаев обесценивает интимную значимость любовных чувств. Общение начинает выглядеть как самая банальная, привычная история повседневной жизни. Может быть, поэтому принято говорить, что при отсутствии в любовной ситуации препятствий, создающих определенную противодействующую силу, их следует нарочно придумать. Таким образом, естественное напряжение воли придает большую ценность чувствам, ускоряет их внутреннюю пульсацию, оставляет более глубокие следы (воспоминания) в сознании любящих.

Боккаччо славит в «Декамероне» огромную внутреннюю силу любви, заставляющей влюбленных смело встречать опасности, вдохновляющей их на великие подвиги. Нет в жизни препятствий, которые не казались бы преодолимыми человеку, стремящемуся к цели, к сокровенной взаимности чувств, обещающей мгновенья счастья.

Многовековая история любовных отношений демонстрирует неисчерпаемую, остроумную, находчивую, полную романтики действенность любви в сложных драмати-

ческих обстоятельствах. Невидимые порывы человеческого сознания преодолевают естественное внутреннее смущение, активизируют огромные резервы собственной воли для достижения намеченной цели. Объективные ситуации драматической действительности любви очень многообразны. Они обусловлены характером эпохи, местными условиями, капризом случая.

Образ постоянного в любви, настойчиво преодолевающего все препятствия влюбленного претерпевает самые разнообразные перевоплощения в произведениях мировой литературы. Он живет в творчестве Боккаччо, Саккетти, Ариосто, Маргариты Наваррской, Ронсара, Шекспира, Лопе де Веги, Сервантеса, Байрона, Гёте, Стендаля, Пушкина, Лермонтова и др.

Упорство в любви творит чудеса. Тайна успеха очень часто заключена в неутомимой и настойчивой активности инициатора общения, в его способности и умении выражать утонченно и грациозно свои чувства, прибегая в случае необходимости к риску отчаянного наступления.

Безусловно, упорство не всегда может сломить сопротивление. Однако роль его в межличностных отношениях, в глубоко интимной сфере человеческой жизни очень велика. Наступление под знаменами эмоций требует большого такта, воодушевления, красоты и чувства меры. Иначе предпринимаемые усилия могут привести к противоположному результату.

Активность в любви — это, скорее, мужское качество. Инициатива обычно принадлежит «сильному» полу, самозваному «господину». Но и женщина не остается пассивной. Она также осуществляет выбор и берет в свои руки инициативу, конечно по-своему, с большой тактичностью, красивыми недомолвками, тонким подтекстом в разговоре и т. п. Бывают ситуации, когда женщина должна рисковать, делая смелый и отчаянный шаг.

Воля, присущая любви, не всегда проявляется как действие, как активное, преодолевающее сопротивление психическое начало. Во многих случаях она выступает как ожидание, терпение, борьба с временем, с невидимой эрозией мимолетности. Влюбленные стремятся к встречам, но они способны и к упорному ожиданию счастливого будущего. Овидий говорит, что влюбленный «живет в ожидании». Эта готовность воли сознательно выдерживать испытание временем — качество, присущее только человеку. В легенде Лонга о Дафнисе и Хлое двое влюбленных постоянно «хотят друг друга видеть», поэтому ждут, чтобы скорее наступил новый день.

Иногда ожидание затягивается на многие годы. Оно становится жестоким и страшным испытанием человеческой воли. Удивительно, когда чувствительная, хрупкая и нежная женщина проявляет исключительную стойкость, бесконечное терпение, долгое время, год за годом ожидая улыбки счастья, мгновения желанной встречи с любимым. Эта добровольная и романтическая стойкость — самая верная проверка силы и жизнестойкости интимных чувств. Она свидетельствует о глубокой эмоциональной привязанности к любимому, о большой значимости избранного объекта любви в данной ценностной системе. Перед длительной разлукой влюбленные обещают ждать встречи.

В гомеровской «Одиссее» говорится о том, как Пенелопа, жена Одиссея, двадцать лет ждала его возвращения после покорения Трои. Она устояла перед всеми ухаживаниями досаждавших ей женихов. Олицетворявшая культ патриархальной семьи своего времени, Пенелопа стала образцом супружеской верности и постоянства чувств для всех времен. Восхищенный, тронутый и взволнованный, Одиссей восклицает: «Боги, владыки Олимпа, не женским, не уступчивым сердцем, но жестким тебя одарили».

В драме Ибсена «Пер Гюнт» отражена подобная же ситуация. Нежная Сольвейг, напоминающая своим обликом и мягкой задушевностью мадонн Возрождения, ждет возвращения любимого из странствий по свету. Дождавшись встречи, одетая в праздничные одежды, эта «чистейшая из женщин» убаюкивает песней усталого Пер Гюнта.

Любовь как выбор определенного человека, как сознательное стремление к общению, обладает качествами добровольного, обдуманного и мотивированного действия. Иначе говоря, она представляет собой форму свободного проявления сущности человека, практическую реализацию понимания прекрасного и возвышенного, целесообразного и доброго в интимных сферах жизни. Любовь не терпит принуждения, приказов, она не возникает в результате применения к человеку силы извне. Ее сущность заключена в свободном порыве духа, в самореализации субъекта. Одна из героинь Сервантеса, пастушка Марселина, поясняет Амброся, почему она не может любить того, кого не любит. «Я же слыхала, что недобро истинное чувство и что нельзя любить по принуждению. Но когда так, то можно ли от меня требовать, чтобы я насильно отдала свое сердце».

Любовь имеет глубокое социальное содержание, но проявляется она как личностное чувство. Как выражение свободной воли в рамках необходимости любовь — высокий и дерзновенный порыв чувств. Но вместе с тем она постоянно развивает сознание моральной ответственности в интимной дружбе.

Тот факт, что современный человек как личность свободно выбирает объект своих чувств, что он сам без какого-либо принуждения, без нажима со стороны других людей мечтает, фантазирует, страстно стремится, оценивает другого человека, размышляет, решает и действует в соответствии со своей внутренней настроенностью и ценностной системой, поднимает его моральный престиж в его собственных глазах. Любовь — это форма утверждения совершеннолетия личности человека, она является существенным психическим моментом ее реализации.

## 7. МНОГООБРАЗИЕ ПОЛОВОЙ ЛЮБВИ

Реализация любви как явления социальной жизни всегда происходит в определенной индивидуализированной форме. Можно даже сказать, что любовь для каждого влюбленного принимает свой особый образ. Однако и в этой области возможна попытка классификации. Близкие по своим индивидуальным характеристикам любовные «стандарты» можно объединить в типичные группы. Совокупность этих групп определяет модификации высшей формы интимного общения мужчины и женщины.

Соотношение разума и страсти в каждом случае индивидуальной, конкретной любви полностью специфично и характеризует богатство или нищету, силу или слабость, равновесие или неустойчивость личной жизни, комплексные особенности данной психики.

Соотношение сознательности и бессознательного в любви зависит прежде всего от индивидуальности и темперамента человека. Этим определяется и характер типизации.

Эмоциональные контрасты любви, сформировавшиеся как выражение особенностей темперамента, находят отражение в художественной литературе. Пенчо Славейков создает поэтическое равновесие разума и чувств. Любовь у Яворова страстная, демоническая, полная красоты и трагизма, опьяняющая, неукротимая. Она соответствует его холерически-сангвиническому темпераменту. У Вазова чувствам свойственна уравновешенность. Любовь у

Димчо Дебелянова — сангвинически-меланхолическая. Эмоции у Лилиева как бы сотканы из шелка; они бесшумно трепещут, как крылья бабочки.

В любви соотношение вихря эмоций и спокойствия мысли, пламени «безумия» и холодной рассудительности интеллекта зависит (хотя не всегда в одинаковой степени) и от климатических условий. Не становясь на позиции географического направления в социологии, следует тем не менее оценить роль и этого фактора. Наблюдения показывают, что у народов, живущих на севере, усиливается контроль разума над любовью; она становится как бы более воздушной, более звездной, более кристальной и более спокойной, в то время как в южных странах любовь — это безумие чувств, необузданная, сжигающая человека страсть. Разумеется, здесь речь идет лишь о тенденции, которая проявляется через множество отклонений. Но вышесказанное подтверждается примерами из сокровищницы фольклора и образами художественной литературы. Ведь в этой области наиболее остро проявляются социальные и национальные особенности психики, своеобразие динамики и «температуры» сознания.

Вот, например, типичная северная (исландская) сказка, в которой говорится, как девушка Хельга стояла, задумавшись, высоко на голой скале и смотрела вдаль. Вдруг она увидела рядом «юношу неземной красоты». Его «голубые глаза смотрели на нее с нежностью». Потом они разговорились. Действие развивается медленно, в спокойном созерцании красоты. Хельга протягивает руку незнакомцу, который оказывается царем лесных фей. Хельга полюбила его, и они поженились.

А вот идиллическая картина семейной жизни. «Вечером Хельга легла на мох, и тогда сказочный царь лесных фей сажился около нее, брал свою лиру и начинал играть дивно красивые песни»<sup>1</sup>. Это — чистая, «полярная» любовь.

Ибсен сравнивает любовь с цветком, который всегда «растет под снегом». Гармония и чистота, музыка и мечты — сущность этого чувства.

А о чем рассказывают южные сказки? Они описывают любовь как великую страсть, как поражающее человека безумие. Мы не найдем здесь спокойной любви, плавного развития эмоций. Страсть подобна молнии. Все влюбля-

<sup>1</sup> См.: Приказки от цял свят, прераказани от Н. Райнов, кн. 7, с. 61.

ются мгновенно и безоглядно. Такова почти всегда завязка событий в «Тысяче и одной ночи». Эта книга очаровательных фантазий любви, испепеляющих южных страстей описывает неподвластные разуму, пламенные чувства.

Таким образом, можно предполагать, что климатические особенности воздействуют на темперамент при сочетании эмоциональных и мыслительных компонентов любви в разных географических широтах. Они придают особые оттенки этому социальному явлению. Согласно Г. Ферреро, интимные чувства возникают по-разному у северных и южных народов. «Любовь южного человека представляет собой главным образом восхищение физической красотой женщины и желание вкусить ее. Германская же любовь заключается по преимуществу в удовольствии жить с любимым человеком, работать, чтобы доставить... ему радость»<sup>1</sup>.

Что это значит? Южанин «любит чувственно», северянин — «мозгом». Первый становится рабом «безумия», а второй контролирует свои чувства мыслью. В северной любви больше идеализации, в южной — больше чувств, кипения страстей.

«Вообще, — пишет Ферреро, — в то время как южанин отчаивается, если он вынужден лишиться хотя бы на короткое время предмета своей любви, так как его любовь постоянно требует непосредственных ощущений, немец и англичанин могут долго жить вдали от любимой... не страдая от лишения... довольствуясь наслаждением воображения»<sup>2</sup>.

Богатство мысли и эмоций в любви зависит, наконец, от уровня развития личности, от ее общей культуры. Сознание человека может выявить только те ценности, которые в нем содержатся. Любовь служит мерой культуры. Любовь мещанина примитивна, страдает бедностью ассоциаций, не поднимается над уровнем ощущений. Гёте вкладывает в свою пылкую любовь духовную красоту и могучую силу интеллекта. Казанова в своих воспоминаниях навязчиво говорит об «аромате женщин». А Пушкин создает из любви волшебную феерию душевных волнений.

Многообразие любовных чувств проявляется конкретно и в способах их возникновения. Это процесс, который давно интересует психологию, этику, эстетику, социоло-

<sup>1</sup> Ферреро Г. Любовь в латинската и германската цивилизация. София, 1905—1906, с. 15—16.

<sup>2</sup> Там же, с. 20.

гию, поэзию, потому что его реализация непосредственно затрагивает индивидуальную природу личности как целое, все области сознания.

С поэтической силой о таинственных путях любви писал Тургенев. Устами Рудина писатель говорит: «Любовь! В ней все тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже все разрушено; то вползет она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон».

Задолго до этого Шекспир в «Венецианском купце» так воспевал любовь:

Скажи мне, где любви начало?  
Ум, сердце ль жизнь ей даровало?  
И чем питаться ей пристало?  
Ответы! Ответы!  
В глазах впервые возникает,  
От взглядов пищу получает,  
В своей же лютке умирает.

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Существуют ли научные методы, помогающие определить момент зарождения любви? Иногда мы не можем отличить ее от сострадания, привычки, дружбы, уважения. И в этой области науке предстоит решить трудную психологическую задачу. Мы не можем заключить в пробирку человеческий взгляд, чтобы исследовать его в лаборатории. Взгляд нечувствителен к химическим реактивам.

Любовь можно узнать, констатировать, скорее, интуитивно. Она легко касается самых тонких струн человеческой души. Как же может человек понять, что к нему уже пришла любовь?

Начало любви обычно характеризуется богатой гаммой странных, ошеломляющих чувств, эмоций. Но в этой гамме выделяется одна доминанта. Первым проявлением зарождающейся любви является восхищение. Его чистый свет озаряет даже сны.

Человек не может любить, если ему незнаком трепет восхищения. Так начинается любовь Дафниса и Хлои. Сначала молодые пастушки на острове Лесбос живут как приятели. В один прекрасный день Хлоя начинает смотреть на Дафниса другими глазами. Она с удивлением вдруг понимает, что он красив. Она испытывает

бесконечное восхищение. Именно это восхищение, пишет Лонг, «было началом любви».

Но восхищение — это лишь начало. Оно только возбуждает душу и тело человека. Потом возникает любовь, которая едва ли поддается строгой систематизации, так как каждый переживает ее по-своему, в зависимости от множества факторов — темперамента, воспитания, климата, возможностей реализации чувства и т. д.

Врачи говорят, что нет болезней, а есть больные люди. Болезни как явление протекают совершенно индивидуально. Сексолог также может сказать (разумеется, условно): любви как таковой нет, а есть влюбленные люди. Каждый любит индивидуально, каждый реагирует по-своему. Одни загораются надеждой, другие томятся в муках, одни очарованно поют, другие вяло вздыхают, одни радостно ликуют, другие теряют аппетит. Но, кажется, большинство рыцарей любви вздыхает. В «Золотом осле» Апулей пишет, что козлоногий бог Пан, увидев несчастную Психею, бредущую в поисках Купидона, мудро заметил: «Неровная и часто колеблющаяся походка, крайняя бледность всего тела, вздохи, а главное — заплаканные глаза твои говорят, что от любви чрезмерной ты страдаешь».

По мнению Гёте, чувство женщины угадывается интуитивно, без какого-либо теоретического анализа. «О, я знал, — пишет Лотте грустный Вертер, — что ты любишь меня, знал с первого же душевного взгляда, с первого пожатия руки...»

Герои «Жан-Кристофа» Ромена Роллана — Жаклина и Оливье — чувствуют головокружение от любви; обнявшись, они плачут, «слушая музыку». Жаклина «подолгу сидела... вся сжавшись, затаив дыхание, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть счастье малейшим движением». Любовь приходит и уходит молча, говорит Роллан.

Любовь иногда ввергает человека в состояние неопределенного блаженства, иррациональную психическую нирвану. Человек просто не понимает, чего он хочет, что ему делать, как, например, Дафнис и Хлоя: «Они радовались, встретившись, расставшись, печалились; желали чего-то, но не знали чего...»

Эта выжидательная неопределенность сознания, характерная иногда для первого чувства, имеет разные оттенки. Не таково ли и первое волнение одной из героинь Роллана — Жаклины. Она видит, что любовь «как бездна, раскрывшаяся у ее ног». Оцепеневшая и ошеломленная силой чувства, Жаклина спрашивает себя: «Зачем?

Что это значит? Почему я люблю его? А люблю ли?» «Она не знала... Знала только одно: любовь завладела ею, заполонила ее».

В первом чувстве присутствует «ощущение» красоты. Человек любит, когда он очарован. Взгляд влюбленного видит у любимой красоту и совершенство, несравненные качества и добродетели. Любовь обещает ему радость и счастье.

А как происходит далее ее естественное развитие? Действительно ли каждая любовь проходит через зарождение чувств, зенит счастья и конец ожиданий?

Многие авторы считают, что половая любовь имеет естественные фазы развития. Как все в жизни, она бурно развивается, пышно расцветает и неизбежно стареет.

И. М. Сеченов указывает, что «полная любовь» имеет «три естественные фазы» развития. Сначала юноша и девушка создают себе абстрактный идеал. Это фактически необходимая предпосылка индивидуальной любви, томление в царстве мечтаний. Юноша как бы во сне видит образ «принцессы», который сияет в небесных просторах, девушка ждет днем и ночью своего рыцаря.

Но вот настает долгожданный миг. Юноша внезапно встречает женщину, которая действительно очень походит на его прекрасный идеал. Описывая трансформацию чувств этого счастливого юноши, Сеченов говорит: «Понашему, он ассоциировал свой страстный идеал с реальным образом. Это и есть так называемая платоническая любовь. В ней половой характер чрезвычайно бледен на том основании, что рядом с яркими, следовательно, страстными зрительными и слуховыми ощущениями лежат неопределенные, еще темные половые желания»<sup>1</sup>.

Название «платоническая» здесь весьма условно. Взгляды Сеченова далеки от теорий Соловьева и других мистиков. Он решительно подчеркивает, что и на этой первой необходимой фазе любовь имеет «половые желания». Но они еще очень робкие, недостаточно проявившиеся, глубоко «законспирированные».

Вторая фаза — это фаза страсти и пламенных чувств. Сеченов так описывает постепенное развитие этой необходимой фазы любви: «И вот мужчина начинает обладать своим идеалом. Страсть его вспыхивает еще живее, ярче, потому что место темных, неопределенных половых стремлений заступают теперь яркие, трепетные

<sup>1</sup> Сеченов И. М. Избр. произв., т. I. М., 1952, с. 114.

ощущения любви, да и сама женщина является в необычном дотоле блеске»<sup>1</sup>.

Проходят месяцы, годы. Бурная, пламенная страсть неизбежно теряет свою прежнюю силу даже в «счастливых случаях», когда мужчина и женщина вполне подходят друг другу. Любовь оказывается в третьей фазе своего развития. Чувства становятся более спокойными.

«Отчего это? — пишет Сеченов. — Да на основании закона, по которому яркость страсти поддерживается лишь изменчивостью страстного образа. В год, в два, при жизни, очень близкой друг к другу, сумма возможных перемен и с той и с другой стороны давным-давно исчерпалась и яркость страсти исчезла. Любовь, однако, не уничтожилась: от частого повторения рефлекса, в котором психическим содержанием является представление любовницы с теми или другими или со всеми ее свойствами, образ ее сочетается, так сказать, со всеми движениями души любовника, и она стала действительно половиной его самого. Это любовь по привычке — дружба»<sup>2</sup>.

Сеченов утверждает, что человек, переживший все «натуральные фазы полной любви» в нормальной обстановке, «едва ли может страстно любить во второй раз». Появление новых «страстей» является признаком «неудовлетворенности предшествовавшими»<sup>3</sup>.

Но бывают случаи, когда любовь превращается в безразличие, иногда в ненависть. Это глубокая эмоциональная трансформация сознания партнеров.

Почему, действительно, чувства иногда увядают? Почему огонь любви внезапно угасает? Почему праздник превращается в обыденную прозу жизни? Какой демон набрасывает свой темный плащ на глаза и гасит бесшумно звезды счастья? Неужели правда, что любовь так мимолетна, что все прекрасное столь недолговечно? Вот один из важнейших вопросов психологии, который волнует многих людей.

Любовь так нежна, пишет Асен Златаров, что порой даже ласка может ее ранить. Скука постепенно разъедает сверкающую ткань любви. Возникает безразличие, затем разочарование. Золотой призрачный свет любви быстро, как в сказке, меркнет. Место чудесного волнения незаметно занимает давящее облако досады.

<sup>1</sup> Там же, с. 115.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

Но как же избежать опустошительной скуки? Есть только одно противоядие — способность видеть все как бы впервые, как бы заново, вновь открывать известное, вырываясь из заколдованного круга стереотипов. Сущность любви в постоянном открытии заново идеала, в вечном «голоде» чувств, в бесконечном опьяняющем наслаждении от соприкосновения с красотой.

Чтобы всегда видеть все «как бы заново», необходимо, во-первых, чтобы объект чувств обладал духовным богатством и умением быть неисчерпаемым, тогда постоянное восприятие его будет волнующей тайной; во-вторых, необходимы умение видеть, сила воображения, тонкость души у любящего. Без этого целостного гармонического сочетания качеств даже самая пламенная любовь обречена на гибель.

Любовь требует постоянства, устойчивости качеств любимого человека и одновременно их пластичности, непрерывных перемен. Она освящает традицию, привычку, но жаждет идеальной красоты, совершенствования жизни, культуры отношений.

Тайна неувядающей любви заключена в большой степени в общем динамизме личности, в ее постоянном развитии, в богатстве ситуаций, в совершенствовании мыслей и чувств, в вечном обновлении сознания. Застой губит счастье, превращает прозрачные воды в болото, радость и очарование — в досаду. Скудное однообразие жизни убивает трепет любви, разрушает золотые узоры идеализации.

Но есть и другие обстоятельства, которые в конечном итоге уничтожат самое нежное чувство. Любовь погибает от пошлости, от животной обнаженности, от обесценивания стыдливости, от безумия страсти, от вакханалии инстинкта, от недостатка человечности, от нравственных коллизий, от прозы быта.

Отсутствие глубокого эмоционального и вообще духовного содержания обесценивает любовь. Она постепенно сводится к общению полулюдей-полуживотных. В романе «Фромон младший и Рислер старший» Альфонс Доде описывает такую нелепую и фальшивую псевдолюбовь. «Рислер, — пишет Доде, — так нелепо выражал свою влюбленность: он играл с женой, как с куклой, — то ущипнет ее за щеку или за подбородок, то вертится вокруг нее с криками «Агу!», или же смотрит на нее круглыми умильными глазами, как преданный ласковый пес. Она стыдилась этой глупой любви, превращавшей ее в подобие фарфоровой безделушки».

Только духовное богатство может спасти интимные чувства от деградации. В противном случае место любви занимает животный биологический инстинкт.

## 8. РАЗУМ НАД БЕЗУМИЕМ

В каждой настоящей любви своеобразно переплетаются разные компоненты психики — от низших до высших ее сфер. Разум и «безумие»; мысль и чувство объединяются по законам красоты и нормам социальной жизни. Они неразрывно взаимосвязаны, составляя целостность переживания, гармоническое равновесие психики человека.

В наше время вопрос о роли чувств по отношению к интеллектуальным компонентам интимной жизни является особенно актуальным. Эмоциональная отзывчивость необходима в любви. Без нее нет теплоты переживаний, настоящего счастья.

«Я человек, и человек со страстями, — пишет Ван Гог. — Я хочу быть с женщиной, я не могу жить без любви, мне нужна женщина, иначе я замерзну и превращусь в камень». И продолжает: «А вот жизнь без любви я считаю греховным и безнравственным состоянием»<sup>1</sup>.

Разум неизбежно должен уступить дорогу страсти. Но если лишенный эмоций человек может превратиться в камень, то пламенное чувство, не контролируемое разумом, способно опалить душу. Не случайно Шекспир в поэме «Венера и Адонис» предупреждает: «Страсть подложит, как уголь, охлажденую, иначе сердце подожжет огонь».

Стефан Цвейг отмечает, что Стендаль следовал старой персидской добродетели: «Осмысливать ясным умом то, о чем поведало в своем опьянении восторженное сердце; душою преданнейший слуга своей страсти, он благодаря рассудку в то же время остается ее господином. Познать свое сердце, разумом измеряя ее глубины». Своей страсти, разумом измеряя ее глубины».

Разумеется, педантичная интеллектуализация любовных отношений может привести лишь к чрезмерной и болезненной концентрации воображения и мысли на тайнах самого объекта чувств. Педантизм часто наносит ущерб волшебной красоте любовных впечатлений.

Неумеренный взрыв чувств может привести к катастрофическим последствиям. Но и холодная строгость

<sup>1</sup> Ван Гог В. Письма. Л.—М., 1966, с. 74, 76.

мысли, лишенная эмоционального трепета, неизбежно деформирует человеческую психику. Эти крайности социально-психической жизни негативно сказываются на развитии любовных чувств.

В диалоге «Федр» Платон говорит, что душа похожа на колесницу, она состоит из трех частей: возницы и двух коней — хорошего и плохого, послушного и необузданного. Возница — это разум, хороший конь — волевой порыв, плохой конь — страсть. Первый конь — «воздержан и совестлив», «друг верных мнений», «его не надо погонять бичом», а «лишь признанием и словом». Второй — плохой конь, наглый и к тому же «глухой», поэтому «с трудом повинуетсЯ бичу»<sup>1</sup>. Этот конь несется к плотской вакханалии. Человек страстно желает целовать и обнимать чужое тело, гореть от наслаждения. В то же время возница и хороший конь «противятся, стыдятся»<sup>2</sup>, потому что хотят чистой и возвышенной, разумной любви.

В своих рассуждениях Платон близок, по-видимому, поучениям индийских Упанишад: «Знай, что я или Атман — как Владыка, который восседает в колеснице, называемой телом, буддхи, или разум, — это возница, рассудок — это узда, чувства — лошади, а объекты — дороги. Когда я, чувства и разум действуют согласованно, их обладателя называют умным»<sup>3</sup>.

Комментируя этот религиозно-философский текст, Радхакришнан подчеркивает решающую роль человеческого разума. Это непосредственно затрагивает и любовные отношения. «Присутствие разума, — пишет он, — напоминает нам о чем-то более высоком, чем простая природа, а требует от нас превращения нашего натурального существования в человеческое, осмысленное и целеустремленное»<sup>4</sup>.

Фрейд, хотя и на другой основе, также сравнивал чувства с конем, а разум — с всадником. Однако он не признавал огромного значения сознания, человеческой мысли в истории. По его мнению, путь развития социальной жизни (и любви) определяется самим конем, то есть бессознательными чувствами, инстинктами.

Безусловно, концепция Фрейда заслуживает серьезной, принципиальной критики, потому что разум — это не

<sup>1</sup> Платон Избр. диалоги. М., 1965, с. 219.

<sup>2</sup> Там же, с. 222.

<sup>3</sup> Радхакришнан С. Индийская философия, т. I. М., 1956, с. 175.

<sup>4</sup> Там же.

«всадник без головы» Майна Рида, который покорно направляется туда, куда несет его обезумевшее животное.

Вместе с тем следует иметь в виду, что механизм проявления любовных чувств человека имеет комплексный характер, охватывает культуру и инстинкт, сознание и подсознание, мысли и чувства. В этом сложном комплексе разум играет доминирующую роль. Он не выбирает произвольно, вне рамок необходимости пути и направления, но непоколебимо стоит на своей командной позиции в системе «человек». Посредством его функций конкретно реализуется «высший смысл» истории культуры. Он имманентно обладает благородной способностью проникать в тайны жизни, освещать иррациональные бездны человеческой природы, своевременно предупреждать об опасностях, облагораживать чувства, делать их глубже, целенаправленнее, разумнее.

Высшее существо на земле — человек — имеет сложнейшую систему саморегуляции, включая также и сферу интимных отношений. По мнению Фейербаха, существуют три «отличительных признака» человеческой сущности: «разум, воля и сердце». Это и есть «божественная троица», являющаяся отражением в абстрактной форме некоторой социальной действительности. Именно эти силы человека, осуществляющие «единство», и следует считать «оживотворяющими, определяющими, господствующими»<sup>1</sup>. Разум не может быть бесчувственным, то есть лишенным любви, а любовь — неразумной, или, иначе говоря, слепой, иррациональной.

<sup>1</sup> См.: Фейербах Л. Избр. философ. произв., т. 2, с. 32.

## ОЩУЩЕНИЯ И ЛЮБОВЬ

## 1. РОЛЬ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

Любовь — многостороннее, исключительно глубокое психическое и физиологическое переживание человека. Это внутреннее состояние индивида возникает под непосредственным воздействием внешних раздражителей, играющих роль стимуляторов.

Для того чтобы существовать как инстинкт и влечение, как мысль и чувство, как жажда и наслаждение человека, любовь нуждается в постоянном притоке информации, в богатстве впечатлений. Воздействия внешней среды по каналам ощущений достигают высших сфер сознания, обобщаются и сливаются в единое, волнующее представление об уникальных достоинствах и атрибутах избранного объекта любви.

Постоянно поступающая информация оказывает влияние (часто незаметное) на чувства человека, поддерживая и усиливая любовь либо противодействуя ей, создавая предпосылки для охлаждения и разочарования.

Каналами информации служат известные пять органов чувств: глаза, уши, язык, нос и кожа — соответственно существующим формам восприятия действительности: зрению, слуху, вкусу, обонянию, осязанию. Даже высшая область духовной жизни человека — мышление — связана своими корнями с постоянной, специализированной деятельностью органов чувств. История сознания представляет собой закономерный процесс совершенствования и развития системы обработки собранного органами чувств первичного, «сырого» материала, как и вообще вся жизнь человека протекает на основе контактов и взаимодействия с окружающей средой.

Еще Чарлз Дарвин отмечал большое значение специфической окраски, звуков и запахов, активизирующих половую привлекательность насекомых, птиц, млекопитающих. Биологическая эффективность этих характерных раздражителей полностью доказана. Специфические для каждого вида, передаваемые по наследству эрогенные окраска, звуки и запахи женских и мужских особей

глубоко целесообразны. Они относятся к системе безусловнорефлекторных психофизиологических механизмов, которые содействуют реализации половых контактов и законов естественного отбора. Специфические раздражители весьма многообразны; назовем, например, особые звуки, нечто вроде жужжания у мужских особей мух и пения у цикад, сильный запах, активно выделяемый в брачный период самцами у антилоп и оленей, и т. п.

Безусловно, сравнивая аналогичные процессы из разных областей действительности, следует учитывать объективно существующее их качественное различие. Даже ограничиваясь рамками ощущений, нельзя полностью сводить отношения между полами у человека до уровня психофизиологических условных и безусловных рефлекторных механизмов животных. В ходе развития биологических и социальных основ этих отношений качественно изменилась вся система контактных раздражителей и сексуальных активаторов.

Прежде всего следует отметить различие в степени влияния ощущений. Животные не обладают сознанием. Органы чувств играют у них более непосредственную роль. Взаимное физиологическое влечение носит инстинктивный характер и неизбежно действует лишь на уровне ощущений.

Органы чувств у человека в этой области выполняют двойную биопсихологическую функцию: они, во-первых, непосредственно воздействуют на половые возможности индивида, возбуждая и активизируя половое влечение, во-вторых, передают информацию в высшие сферы сознания, способствуя эстетическим, моральным и другим оценкам объекта любви, усиливая общий комплекс симпатии и влечения к нему. У человека отношения приобретают исключительную сложность, поскольку формируются под влиянием его общей культуры. Непосредственная, чисто животная функция органов чувств в возбуждении и осуществлении полового влечения между мужчиной и женщиной испытывает регулирующее воздействие сознания, его моральных, эстетических, мировоззренческих оценок, его суждений и категорий. Таким образом, культура обуславливает и контролирует в определенных рамках животную природу человека.

Существуют, однако, различия и другого порядка. Роль так называемых низших (с точки зрения богатства информации) ощущений — обоняния и осязания — у животных является особенно активной, стимулирующей контакты мужских и женских особей. У человека относитель-

ное значение этих объективно возбуждающих сексуальность контактов фактически третьестепенно. Вообще сила обоняния резко снижается на самой высокой ступени эволюции. У человека на переднем плане оказываются зрение и слух как более высокие формы непосредственного (с помощью первой сигнальной системы) восприятия многообразия материального мира.

Зрение и слух развиваются и обогащают социальную природу человека. Это единственные «каналы» системы органов чувств, которые осуществляют эстетическое восприятие действительности. Все другие ощущения, хотя и являются весьма существенными для ориентировки сознания, не имеют подобной функции.

Запахи могут быть приятными или неприятными, опьяняюще легкими или удушливо тяжелыми. Но они никогда не могут быть эстетическими или неэстетическими, как и вкусовые и кожные ощущения. Сладкое не может быть прекрасным, а горькое — трагическим.

Зрительные и слуховые ощущения человека приобретают совершенно иную, более высокую характеристику. Цвета и звуки могут быть красивыми, вводить человека в сферу искусства и доставлять эстетическое наслаждение.

Мысль возникает и развивается исторически более всего на зрительной и звуко-сигнальной основе. Зрительная и слуховая информация доминирует в многосторонней психологической жизни человека. Ее всевозрастающее влияние является продуктом цивилизации. В отношениях между двумя человеческими полюсами — мужчиной и женщиной — запахи и вкусовые стимуляторы все больше уступают место зрительным и слуховым возбудителям. Это обусловлено специфической функцией разных ощущений. В то время как запах во всех случаях дает весьма ограниченную информацию о природе окружающих вещей, зрение имеет более широкие познавательные возможности. Оно направляет сознание на самые существенные качества и характеристики действительности. Его познавательные возможности доказаны развитием истории.

Но зрение не заменяет другие органы чувств. Являясь плодом цивилизации, все органы чувств продолжают функционировать у человека, хотя и в других соотношениях. Они формируют впечатления, питают силу чувств, способствуют нормальному функционированию тела и настроенности психики, жизненной полноте любви. Интимное влечение мужчины и женщины не только возбуж-

дает трепет фантазии и полет мечты, но и вызывает жажду полноты ощущений.

Прежде чем стать фантазией, мыслью, чувством, оценкой, идеализацией, глубоким, страстным эстетическим влечением, любовь выступает как жажда ощущений и наслаждение чувств. Вестники настоящей любви — мысль и чувство, фантазия и ощущения. Любовь требует полноты ощущений.

Но как конкретно воздействуют различные качественно дифференцированные ощущения на чувство любви? Задача психологии — дать ответ на этот вопрос.

## 2. ЗРЕНИЕ

Во взаимодействии с окружающей средой человек как биологическое и социальное существо рассчитывает прежде всего на помощь своих глаз, являющихся наиболее важным органом получения информации, познания действительности и ориентации в ее лабиринтах. На основе этой информации возникают понятия и теории, мысль приобретает более адекватное содержание, большую ответственность и целесообразность как фактор движения и развития социальной практики, то есть цивилизации и культуры.

Глаз — первопроходчик отражения действительности, пионер в комплексе человеческих органов чувств. Он непрерывно информирует сознание об изменениях в обстановке и жизненных ситуациях. Его сигналы, как правило, точнее всего ориентируют человека в действительности.

Проблема восприятия человеческого лица, выявления и расшифровки его характерных черт, роли внешности индивида в процессе формирования межличностных отношений постепенно занимает свое место в ряду психологических и социально-психологических исследований. Этот аспект социальной действительности открывает недостаточно изученные факторы системы мотивации и предрасположенности людей к общению. Основной вопрос общей теории восприятия и анализа человеческого лица можно трактовать с разных точек зрения. Он включает в себя следующие важные проблемы: структуру формирующегося психологического образа, узнавание и опознавание, константность, иллюзии и маскировку<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Панферов В. Н. К вопросу о восприятии человеческих лиц. — В сб.: Человек и общество, вып. II. Л., 1967, с. 159.

Восприятие человеческого лица как психический акт имеет комплексный характер. Всегда существуют определенные «элементы-признаки», которые участвуют в построении целостного образа. Мы имеем в виду глаза, нос, брови, губы, волосы, щеки и т. п. Это компоненты структуры образа. Большое значение в процессе восприятия человеческого лица имеют его общие контуры, его линейные показатели. Они обрисовывают разные аспекты образа в профиль, анфас, сверху, снизу и т. п.<sup>1</sup>

При узнавании и опознании происходит процесс конкретного анализа воспринимаемого лица в данный момент и его сравнение (признак за признаком) с элементами некоторого фиксированного в прошлом представления о человеке. Этот процесс освоения действительности имеет определенные модификации. Его продолжительность различна и зависит от индивидуальности объекта наблюдения. Заслуживает определенного внимания тот факт, что лица женщин обычно легче поддаются опознанию, чем лица мужчин<sup>2</sup>.

Объяснение этому факту, установленному некоторыми советскими психологами, исследующими процесс распознавания человеческих образов в данной экспериментальной ситуации, следует искать в том, что благодаря применению косметики лица женщин обычно более индивидуализированы по сравнению с лицами мужчин. Но эта предварительная гипотеза нуждается в научной проверке и дополнительных исследованиях.

При опознании лиц существуют определенные доминирующие признаки, которые неизбежно стабилизируют психические образы. Таким путем закономерно увеличивается константность восприятия и закрепляются чувственные формы усвоения действительности.

Опознание лиц имеет большое значение в процессе возникновения и развития любовных чувств. Оно фактически представляет собой чувственно-зрительное построение определенного целостного образа человека, при котором сознание воспринимает компоненты некой объективной структуры. Эти компоненты (глаза, нос, брови, волосы, губы и пр.) объединены в данном лице. Опознание — это процесс отражения объекта и его увязка с определенной психологической настроенностью. Мужчина или женщина обычно имеют более или менее сложившийся

ся образ-идеал, образ — критерий для будущей оценки. Он существует как необходимая потенциальная предрасположенность и направленность по отношению к возможному и вполне реальному объекту любовного влечения.

Когда человек (мужчина или женщина), воспринимая данное лицо противоположного пола, начинает испытывать интимные чувства, он фактически находит реальное воплощение чисто психологической чувственно-наглядной конструкции своего воображения. Эта конструкция предварительно сформирована в сознании как определенная модель возможной, реальной, «овеществленной структуры». Используем применительно к этому явлению термин «изоморфизм», обозначающий соотношение между двумя вещами объективной действительности, которые одинаковы, сходны по структуре, по форме, но качественно различны. Этот термин может найти своеобразное употребление в сфере любовных отношений. При восприятии какого-либо лица, вызывающего интимные чувства и стремления, происходит открытие соответствия, сходства (пусть и не абсолютного) между так называемым образом-идеалом, существующим в воображении, и образом человека, существующим в реальной жизни. Сходство не является качественным уподоблением обеих соотносимых вещей.

Зрительное восприятие человека, и прежде всего его лица, дает богатую познавательную информацию. Наблюдая контуры и черты лица, мы с большей или меньшей адекватностью можем установить тип нервной системы индивида. Но это не исчерпывает познавательных возможностей зрения. Восприятие лица человека позволяет нам судить о ряде его психических, то есть невидимых, качеств, даже о его воспитании, о его профессии и т. п.

Этот процесс познания-общения осуществляется в несколько этапов. Сначала неизбежно происходит «превращение и субъекта и объекта в субъект-объект», в ходе которого приток информации ограничен. Зрительное опознание между мужчиной и женщиной начинается в соответствии с весьма общими показателями физиогномики. После этого наступает этап «мимического и пантомимического общения». Воспринимая движение и пластику лица человека, субъект раскрывает более существенные черты его духовного мира. Таким образом, зрительная информация постепенно обогащается, происходит подготовка сознания к восприятию мыслей и чувств человека<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Там же, с. 235.

<sup>1</sup> См. Панферов В. Н. О роли внешности в регуляции отношений. — В сб.: Человек и общество, вып. III. Л., 1968, с. 161.

<sup>2</sup> Там же, с. 163.

Мимика и жесты служат выражением внутреннего душевного состояния, определенного динамического стереотипа индивидуальных психических реакций. Исключением может быть только маскировка сознания и привычка к симуляции. Но их можно установить путем зрительного «зондирования» при более глубоком проникновении в психику объекта наблюдения. «Во внешнем облике и поведении каждого человека,— пишет А. А. Бодалев,— имеются признаки, наблюдая которые люди выводят заключение о характерологических особенностях другого человека, его способностях, испытываемом им состоянии. Наконец, по определенным признакам мы судим, чем занят человек и как он делает свое дело сейчас, и т. д.»<sup>1</sup>

Первые впечатления субъекта, несомненно, содержат немало пробелов, а также и ошибочных данных, как результат воздействия сознательной и бессознательной маскировки воспринимаемого объекта. Но эти неадекватные моменты восприятия корректируются в процессе общения и дальнейших наблюдений.

Как психический процесс в рамках деятельности человека зрительное восприятие включает не только знание, но и эмоциональное отношение к действительности. Первое реализуется в виде представлений, понятий, второе выражается определенными эмоциями, чувствами и т. п. Как подчеркивает С. Л. Рубинштейн, психический процесс человека обладает внутренней диалектикой. Он «всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов—знания и отношения, интеллектуального и «аффективного», из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего в связи с изменениями в объективной ситуации»<sup>2</sup>.

Это полностью относится и к интимному процессу опознания мужчины и женщины, взаимного зрительного восприятия обоих полов. Гносеология неизбежно переходит в аксиологию, познание—в эмоции, чувства, мечты о взаимном общении. Может, разумеется, возникнуть и антипатия. Все зависит от степени соответствия образа-идеала чертам конкретного лица, объекта зрительного восприятия в данной обстановке.

Арабский писатель Ибн Хазм придавал исключительно большое значение роли зрительных восприятий в любовных отношениях. В «Ожерелье голубки» он говорит,

<sup>1</sup> Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965, с. 7

<sup>2</sup> Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 264.

что глаз всегда действует как «верный разведчик души». Взгляд заменяет посланцев любви. Глаза возбуждают сознание и легко превращаются в «врата к соблазнам».

Лопе де Вега воспевал красоту человеческих глаз, давая как бы поэтическую систематизацию органов чувств по их значимости: «Пять струн в душе у человека... Меж ними сердце держит связь... Пять струн—пять чувств. Во-первых, зрение. То—прима: надо увидеть». Вандалино в «Учителе танцев» признает: «Среди частей различных тела нет ничего дороже глаз: лишь им могу доверить смело».

В комедии «Валенсианская вдова» мудрая Марта говорит: «Любовь приходит через зрение, а через руки не придет». В этой же комедии влюбленный Камило восклицает: «Чем мне поможет обонянье? Я не аптекарь и не врач. Влюбленных зрение услаждает, и только тот в любви вкушает весь аромат ее, кто зряч... Слепец... не более, чем грубый скот».

Темпераментный Камило безумно полюбил Леонарду. Однако он не знает ее лица. Они встречаются, но всегда в темноте. Может ли в подобной ситуации существовать любовь, притом страстная? У объекта влечения нет визуальной конкретности. Камило грустно признается: «Я полюбил ее не видя». «Я прикасаюсь к ней во тьме». Понимая неубедительность такой любви, Лопе де Вега устами Камило находит необходимым пояснить: «Я увидел через касанье пожелтевший лоб... Изгиб бровей... бесспорный признак чудных глаз». Наконец, Камило, не выдержав мук неизвестности, вытаскивает спрятанный фонарь, и Леонарда оказывается освещенной. Его взгляд предстает лицо необыкновенной красоты.

Только там, где отсутствует глубина интимных чувств, зрение уступает место первичным кожным раздражениям. Оно не волнует достаточно разум, не ослепляется красотой изящных форм. Поэтому, например, Казанове зрение служит значительно меньше, чем Гейне или Гёте. Отмечая эту бедность чувственных восприятий знаменитого авантюриста, Стефан Цвейг пишет в «Трех образах», что Казанова как художник не описал с подлинной пластичностью ни одну из множества упомянутых в его воспоминаниях женщин.

Богатство зрительных восприятий приносит любви очарование, гармонию и полноту чувств. Человек постоянно жаждет видеть то, что стимулирует его счастье, созерцать сияние красоты. Согласно известной древней

легенде, юная Психея была перенесена в таинственный и роскошный дворец молодого бога, сына Венеры Купидона. Плененный ее красотой, он спел, ее своей избранницей, но приходил к ней только ночью, а утром до рассвета исчезал. Психея жаждала увидеть при свете лицо своего супруга. И вот, когда он крепко спал, она зажгла лампу и осветила брачное ложе. Перед ее глазами сияла божественная красота Купидона. Восхищенная Психея «воспылала любовью к богу любви». Осыпая его жаркими поцелуями, она не заметила, что лампа брызнула с конца фитиля горячим маслом ему на плечо. Проснувшись от ожога, бог страсти мгновенно улетел.

Зрение — это самая богатая форма чувственного восприятия действительности. Его образы волнуют человеческое сознание, вызывают мысленные оценки, возбуждают симпатии или антипатии.

Зрение человека является анализатором объективных явлений. Оно прежде всего раскрывает телесные достоинства женщины или мужчины. Глаза воспринимают и одновременно выбирают то, что совпадает с тем идеалом, которого постоянно ищут в действительности, или хотя бы частично приближается к нему.

Требования зрения для стимулирования любви имеют, как правило, резкую специфику у представителей обоих полов. Ряд авторов считает, что требования женщин по отношению к физическим качествам мужчины — объекта их любви более элементарны. Грациозность и артистическое изящество линий уступают силе, волевой структуре. Женщину привлекают исполненные внутренней силы формы. Она инстинктивно избегает изнеженных мужчин. Напротив, мужчина гораздо более взыскателен, художнически требователен к формам женщины. Он придает особенно большое значение «достоинствам» тела, визуальному представлению. Для него очень важными являются форма и цвет — волосы, овал лица, шея, губы, нос, брови, глаза, грудь, руки, плечи, форма пальцев, линия талии, изящество колен, округлость бедер, мягкий изгиб стопы, мимика, пластичность форм, грациозность походки — вся красота и великолепие современной наследницы библейской Евы.

Понимая очень хорошо это могущество форм тела, эту магию визуального контакта, женщины на протяжении многих веков стремятся корректировать природу, исправляя несовершенства колорита и очертаний своей внешности. Им свойственно удивительное умение достигать скульптурного изящества форм, склонность к живописно-

му смешению и сочетанию красок на лице, шее, в украшениях, в одежде.

Яркие и нежные тона, находящиеся в соответствии с неповторимой индивидуальностью облика человека, несомненно усиливают влияние зрительного аспекта в комплексном и непосредственном половом воздействии внешности. В силу врожденных способностей прекрасный пол интуитивно приходит к изящному манипулированию в целях искусственного создания красоты. Кожа становится более упругой и нежной, губы более красными, веки — более заметными, ресницы — более яркими, длинными. То, что не удалось природе, достигается искусством косметики.

Для того чтобы соответствовать взыскательности мужского взгляда, мужских сексуально-эстетических, ассоциативно-визуальных потребностей, женщина призывает на помощь искусство косметики, причуды и капризы моды, свое врожденное артистическое дарование, достижения психологической науки и прикладного искусства. Она всегда легко находит тона и формы красоты, нюансы разнообразия, меру зрительно-эстетической гармонии, богатство утонченных раздражителей. Эта алхимия красоты женского тела творит чудеса. Мода также открывает здесь большие возможности. Ее развитие свидетельствует о неисчерпаемой изобретательности женщин и бесконечном легковесии мужчин.

Мода обычно подчеркивает эрогенные зоны тела, вызывает особенно пластическое, целостное представление о качествах объекта интимных чувств. Ее разнообразие ошеломляет. Весь этот праздник искусства и суетности триумфально шествует от эпохи к эпохе — ради эстетического и полового воспитания человека и для удовлетворения мужских взглядов.

В романе «Шагреневая кожа» Бальзак дает яркую картину ослепительного сияния красок и форм, фантастического богатства нарядов: «При свете горящих в золотой люстре свечей вокруг стола, уставленного золотым серебром, группа женщин внезапно предстала перед ошеломленными гостями, у которых глаза заискрились, как бриллианты. Богатыми были их уборы, но еще богаче — ослепительная женская красота, перед которой меркли все чудеса этого дворца. Страстные взоры дев, плененных, как феи, сверкали ярче потоков света, зажигавшего отблески на штофных обоях, на белизне мрамора и красивых выпуклостях бронзы. Сердца пламенили при виде развевающихся локонов и по-разному

привлекательных, по-разному характерных поз. Глаза окидывали изумленным взглядом пеструю гирлянду цветов, попеременно с сапфирами, рубинами и кораллами, цепь черных ожерелий на белоснежных шеях, легкие шарфы, колыхающиеся, как пламя маяка, горделивые тюрбаны, соблазнительно скромные туники...

Этот сераль обольщал любые взоры, услаждая любые прихоти».

Что касается лица человека, то наиболее целостным, глубоким и содержательным является здесь воздействие глаз. Их духовная сила и красота не раз воспевались как в прозе, так и в поэзии. Глаза наиболее непосредственно и глубоко интимно выражают состояние и душевные движения человека. Они создают душевный контакт, невидимую эмоциональную атмосферу, способствуют молчаливому диалогу, таинственному интуитивному взаимопониманию сердец. Глаза обыкновенно являются первым спонтанным выразителем чувств.

Психологическое значение взгляда для зарождения любви огромно. Молчаливый разговор глаз заменяет обычную человеческую речь с ее бедной лексикой и несовершенством выразительных средств. Взгляды устраняют условности, создают тот благодатный климат отношений, без которого не может существовать любовь.

«О, неразгаданная сила взгляда,— пишет Асен Златаров.— Из глубины глаз бьют ключом силы и наводят мосты между душами. Улыбается сердце и заставляет играть волшебный огонь зрачков, где витают смутные образы невысказанных мыслей и едва нащепываемые желания»<sup>1</sup>.

Сила взгляда заключена в богатстве психологических полутонов, в недосказанности мыслей, в намеке желаний. Глаза влюбленных отражают свет внутреннего огня, богатую гамму интимных чувств. Они ласкают или отталкивают, шепчут «да» или говорят «нет», обещают или отказывают, просят или настаивают, спрашивают или отвечают, осуждают или поощряют, пронизывают или сочувствуют.

Иногда зрительные восприятия уже при первой встрече неудержимо потрясают душу. Мгновенно загорается страстное влечение, происходит идеализация объекта, породившего чувства. Это роковая любовь «с первого

<sup>1</sup> Златаров А. В града на любовта. Книгоизд. «Всемирна библиотека», с. 7.

взгляда». Ее испепеляющая сила отражена в народных песнях и легендах.

Пастушка Феба из комедии Шекспира «Как вам это понравится» убежденно заявляет: «Тот не любил, кто сразу не влюбился». Здесь отсутствует качественное превращение отношений, предыстория безразличия или спокойная приятельская идиллия дружбы, постепенность возникновения чувств. «Первый взгляд» возвещает о начале настоящей любви.

История не подтверждает эмоциональное и категоричное утверждение пастушки Фебы. Факты говорят о том, что любовь может начаться постепенно, в некоторых случаях как трансформация дружеских отношений. «Первый взгляд» мужчины, встретившего свою будущую возлюбленную, не всегда сразу же пробуждает его любовные чувства. Это полностью относится и к чувствам женщины. Но искра любви действительно может загореться и от первого взгляда. Этот вариант широко распространен в жизни. Герои Шекспира почти всегда влюбляются с первой встречи, с первого взгляда.

Существует мнение, что, когда любовь начинается с «первого взгляда», а не постепенно, в результате предварительного дружба, ее развитие бывает весьма проблематичным. Она оказывается менее устойчивой. К. К. Платонов считает, что в любви, которая возникает как результат продолжительной симпатии, уже проверенной временем, а не с «первого взгляда», человек гораздо реже может допустить ошибку. Именно эта медленно зарождающаяся в процессе дружбы любовь имеет больше объективных шансов быть долговечной<sup>1</sup>. Однако логика развития чувств не свидетельствует в пользу этой точки зрения. Достаточно аргументов, подтверждающих и противоположную гипотезу: любовь, возникающая с первого взгляда, как влечение сердца, более глубока. Стремительность появления влюбленности, действительной влюбленности при прочих равных условиях говорит обычно о силе чувств.

Интересны в этом отношении данные исследований бракоразводных процессов в Ленинграде. Почти все опрошенные мужчины и женщины заявили, что их совместная жизнь началась на основе искренних любовных чувств. Однако среди всех разведенных наименьшим

<sup>1</sup> См.: Платонов К. К. Занимательная психология. М., 1962, с. 243.

был процент тех, кто до брака были знакомы меньше месяца. Так что, исходя из этих социологических данных, можно утверждать, что более длительная любовь обыкновенно не та, которая началась с предварительной дружбы<sup>1</sup>. Тенденции развития психической жизни часто парадоксальны.

Магия воспламеняющего «первого взгляда» может быть объяснена прежде всего и главным образом темпераментом человека и комбинацией черт партнеров. Научный подход требует учета индивидуальных психических особенностей личности. Вопрос касается особенно динамики и быстроты реакций.

Человек флегматического темперамента обычно склонен начинать с дружбы и в конце концов постепенно влюбляется, без молниеносных метаморфоз. Он мало надеется на волшебство «первого взгляда». Есть основания предполагать, что у меланхолика более медленный ритм чувств. Его скептическая натура обычно требует большого количества зрительных (да и не только зрительных) доказательств и аргументов со стороны объекта чувств до зарождения таинства любви.

Преобладающие случаи формирования любовных чувств в результате «взрыва» «от первого взгляда», как правило, относятся к холерикам и сангвиникам. Эти активные (хотя и не всегда в одинаковой мере) темпераменты легко возбудимы. Обыкновенно холерики и сангвиники без колебаний реагируют на отвечающий их индивидуальности привлекательный образ.

Но эффективность «первого взгляда», первого чисто визуального контакта нельзя объяснить только темпераментом. Очень важно, как физиономические и отраженные в мимике и жестах психические особенности одного партнера дополняются и гармонируют с индивидуальными особенностями другого.

Как правило, любой человек, даже сангвиник и холерик, не может почувствовать быстро пробуждающейся любви, если он видит человека, который весьма далек от искомого и желанного идеального образа объекта возможных чувств. Отсутствие достаточной гармонии мужчины и женщины исключает возможность мгновенного потрясения сознания. Наличие противоположенных характерных черт в воспринимаемом обра-

<sup>1</sup> См.: Харчев А. Г. О путях дальнейшего укрепления семьи в СССР.—В сб.: Социальные исследования. М., 1965, с. 164.

зе—даже при множестве положительных черт—уменьшает реальные возможности быстрого возникновения чувств.

В своей «Утопии» Томас Мор пишет о том, что у жителей острова существовал обычай, чтобы будущие супруги прежде всего осматривали друг друга в естественном состоянии с головы до ног. «При выборе себе супружеской пары пожилая и уважаемая матрона показывает женщину, будь это девица или вдова, жениху голый и какой-либо почтенный муж ставит в свою очередь перед молодой голого жениха».

Может быть, странный обычай жителей Утопии шокирует цивилизованных людей, которые видят в нем только довольно неприличную сцену. Однако великий английский мечтатель доказывает необходимость предварительной проверки телесных «достоинств» и недостатков жениха и невесты. Он решительно защищает этот обычай, соглашаясь с жителями Утопии, когда они говорят: «При покупке жеребенка люди отказываются покупать иначе, как сняв седло и стащив всю сбрую из опасения, что под этими покровами таится какая-нибудь болячка. Между тем при выборе жены, в результате чего человек получит на всю жизнь удовольствие или отвращение, они поступают очень неосмотрительно. Не все настолько благоразумны, что обращают внимание исключительно на характер: даже в браках самих мудрецов к душевным добродетелям придают известную прибавку также и физические преимущества. Под всеми этими покровами может прятаться самое позорное безобразие, которое способно совершенно отвратить от жены сердце, когда физически от нее отделаться уже нельзя».

Последователи Мора внесли коррективы в детали описанной сцены, придав более цивилизованный и приличный вид этому странному обычаю острова мечты времен Возрождения. Утонченный XVIII век, пишет К. Каутский, не склонен допускать осмотр будущими супругами друг друга до брака в совершенно голом виде. Это противоречит эстетическому и моральному воспитанию людей эпохи Просвещения и торжества разума. Фонтенель предлагает другой вариант осмотра будущих супругов. Мать надевает дочери под верхнюю одежду нечто вроде рубахи из тончайшего газа. Потом будущая супруга отправляется на помолвку согласно ритуалу. Когда заканчиваются формальности торжества, близкие немедленно покидают комнату. Именно тогда мать «снимает с нее верхнюю одежду и позволяет своему будущему

зятю рассмотреть через газ все прелести, которыми наградила природа ее дочь»<sup>1</sup>.

Но и описание Фонтенеля шокирует современные, отвечающие более высокой фазе цивилизации эстетические вкусы и нравственные принципы. Эта форма осмотра будущего супруга ассоциативно напоминает нам ритуал купли-продажи и фактически обесценивает чисто психологические компоненты любовного влечения. Человеческая природа исключительно многосторонняя и богата. Наличие определенного физического недостатка при существовании других, несомненно привлекающих человека, телесных и душевных достоинств может и не погасить разгоревшиеся чувства и не омрачить радость и счастье.

### 3. СЛУХ

По своему значению для духовного развития человека слух относится к высшей сфере ощущений. В эволюции человека он следует за первостепенно биологической и социально-психологической эффективностью зрения, функции глаз.

Слуховые ощущения дают человеку ценную информацию о реальных изменениях вещей и процессов, о динамике объективной физической среды (механическое движение, столкновение, падение и т. п.). Особенно важной является коммуникативная функция этой формы отражения действительности. Звуки, воплощенные в живой речи, представляют собой кодовые сигналы, которые переносят от человека к человеку насыщенную мыслями информацию, содействуя прогрессу общественного сознания, развитию коммуникации идей и чувств людей.

Слуховые ощущения обычно играют очень важную роль в общем комплексе богатого психического содержания любви. Прежде всего они предназначены для реализации прямого восприятия мыслей, желаний и чувств, которые каждый из партнеров выражает с помощью звуков. Эта функция человеческого слуха социально детерминирована и облагорожена. Даже во сне влюбленные могут выразить хотя бы глубоким вздохом наполняющие их чувства и стремления. Тонкая и чувствительная барабанная перепонка воспринимает эти коды сознания, анализатор в коре больших полушарий мозга «рас-

<sup>1</sup> Каутский К. Из истории общественных отношений (история социализма), т. II. Спб., 1906, с. 471.

шифровывает» их и связывает последовательно с ассоциациями любви.

Разговор — это живая постоянно действующая сигнальная связь между сознаниями обоих влюбленных. Он дает выражение душевным движениям, мыслям, чувствам и желаниям одного по отношению к другому. Разговор волнует своим содержанием, открывает сердце, преодолевает преграды, осуществляет контакт мыслей и взаимопонимание.

Открытое изъяснение чувства, любовное признание, для которого, кажется, еще не создано полностью адекватных слов, доставляет исключительное наслаждение. Часто только одно слово, слово «да», воспламеняет сердце человека. Слух воспринимает тайны речи: обещание или согласие, радость или мучение, признание или ожидание. Он открывает богатство чувств и стремлений, выражая всю интимную прелесть и волшебство взаимной идеализации влюбленных.

Магия голоса, однако, действует не только как прямое, непосредственное выражение любви с помощью конкретного смысла сказанных слов. Речь может возбуждать и волновать, даже когда в ней отсутствуют признания или намеки на интимные чувства и желания человека. Слух воспринимает поток слов и как специфическую мелодию. Иногда мы получаем удовольствие, даже не вникая в точный смысл сказанного.

Бывает, что язык теряет свой обычный характер знаковой системы, даже если тот, кто слушает слова, вполне понимает их семантическое значение. Это происходит обычно при самых нежных разговорах влюбленных в интимной обстановке. Смысл слов постепенно исчезает, он незаметно переходит в мелодию голоса, в его акцент, в гамму волнения и душевного трепета. Как пишет А. А. Ветров, мы иногда «наслаждаемся музыкой слов или голосом любимой, не обращая внимания на то, что они обозначают»<sup>1</sup>.

В этих случаях обмен информацией посредством слуховых ощущений продолжается, но слух оставляет традиционное использование обычной знаковой системы языка, его сигналов, чтобы постичь глубокий внутренний смысл их звучания, их мелодии. Слух переносит влюбленного от переживания непосредственного созерцания к пробуждению интуиции.

<sup>1</sup> Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 23.

Форма и содержание речи, ее звуки и смысл принимаются и анализируются особенно активно в том случае, когда у реципиента существуют определенные симпатии к говорящему. Они создают глубокое внутреннее взаимодействие. Так смысл речи (реакция на чувства, выражение сердечного трепета, эстетизация психики) придает самим словам особую красоту и сладость звучания. У человека происходит «нарастание» удовольствия от содержания разговора, который воспринимается и анализируется в его звуковой индивидуальной форме. Когда кто-нибудь говорит нам много приятных волнующих слов, естественно, что наши уши само звучание слов начинают воспринимать эмоционально. Тембр, интонация, мелодия и особый ритм голоса усиливают и эмоционально распевают глубокий смысл и подтекст сказанного. Так форма действует на содержание. Нежность и теплота слов сама по себе раскрывает неуловимые для лексикки нюансы мыслей, чувств и стремлений человека. Следовательно, голос может стать условным раздражителем любовных чувств. В большинстве случаев сознание воспринимает естественную мелодичность речи представителя другого пола как стимул.

Человек учится культурно использовать выразительную силу языка. Ибн Хазм в «Ожерелье голубки» подчеркивает значение речи в любовных отношениях. «Первое,— пишет Ибн Хазм,— чем пользуются ищущие единения и любви люди, чтобы открыть то, что они чувствуют, своим возлюбленным,— намек словом. Они либо произносят стихотворение, либо говорят поговорку или стих со скрытым смыслом, либо задают загадку, либо помогают разговору, и люди различают в этом по мере их разумения и сообразно тому, что они видят от своих возлюбленных, неприязнь, ласку, понятливость или тупость».

Разговор, применяемый как оружие любовных чувств, имеет многовековую историческую традицию. Он обогащается и совершенствуется эмоционально и семантически, открывает возможности духовного общения, о которых ранее не подозревали.

Евгений Онегин, воспитанный по правилам светского общества, завоевывает внимание женщин своим умением вести непринужденную беседу.

Имел он счастливый талант  
Без принуждения в разговоре  
Коснуться до всего слегка,  
С ученым видом знатока

Хранить молчанье в важном споре  
И возбуждать улыбку дам  
Огнем нежданных эпитетов.

Мужчина постоянно проверяет силу этого оружия. Достаточно посмотреть, как он расцветает в компании, где находится привлекающая его женщина. «Тогда,— пишет А. Минчев,— мужчина находится в апогее своих физических и духовных возможностей: он становится увлекательным собеседником, пылким оратором, самонадеянным певцом. В таких случаях он всегда необычайно остроумен»<sup>1</sup>.

Мужчины (а часто и женщины), возбужденные приятным настроением в компании, становятся незаметно восторженными ораторами, забавными красноречивыми, приятными собеседниками. Они рассказывают пикантные истории, сообщают ошеломляющие факты, подчеркивая свою компетентность, и демонстрируют понимание самых спорных и сложных проблем. Часто цель таких словесных турниров в том, чтобы произвести глубокое впечатление на другой пол. Женщинам почти всегда нравятся искусные ораторы, начитанные собеседники.

Однако порой красноречие незаметно опускается на низкий уровень, теряя обаяние эстетического наслаждения. В ход пускаются циничные намеки, сальные анекдоты, неприличные истории. Такая вульгарная атмосфера неизбежно разрушает красоту чувств.

Дело здесь не столько в самом обсуждении и комментировании сексуальных проблем. Едва ли кто-нибудь серьезно может оспаривать потребность в шутках и анекдотах, создающих веселое настроение. Все затрагивающее человека можно рассказать без пошлости, в самой пристойной форме. Следовательно, вопрос заключается в богатстве мысли, в умении всегда сохранять гармонию слов, красоту образа, тактичность и благопристойность.

Слух играет важную роль при выборе объекта любви. Воспринимая и анализируя с помощью соответствующих мозговых центров речь определенного лица, человек, с одной стороны, получает информацию об уровне его культуры (воспитании, мировоззрении, начитанности и т. п.), а с другой — об известных чертах его характера. Несомненно, эти особые функции слуха и мышления помогают сформировать определенную ценностную ориентацию личности по отношению к объекту чувств.

<sup>1</sup> Минчев А. Отношения между полами. — «Философски преглед», кн. 5, 1941, с. 411.

Речь в той или иной степени и форме отражает характер, силу, быстроту и уравновешенность психических реакций. Именно поэтому ее специфическая информация столь активно служит требованиям любви.

Особенно важными для возбуждения любовных чувств являются песенные возможности человеческого голоса и прежде всего эстетическое воздействие мелодии. Она создает определенную приятную, ласкающую и вдохновляющую атмосферу. Но этим не исчерпывается ее функция в любви. Музыкальное звучание голоса раскрывает и подчеркивает известные характерные особенности темперамента. Важным показателем является здесь высота голоса. Обычно альт у женщин и бас у мужчин указывают на холерический или холерико-флегматический темперамент. Женское сопрано и мужской тенор чаще всего принадлежат сангвиникам.

Тембр и сила голоса при пении также имеют определенное значение. Так, более резкие контрасты модуляции говорят обычно о холерическом темпераменте. То же значение имеет и сила голоса. Нежные переливы тонов раскрывают естественную живость сангвиника. Они показывают мягкость и женственность темперамента. Меланхолик обычно поет медленнее и немного приглушенно, предпочитая минорные гаммы. Вообще все темпераменты неизбежно проявляются в разных характерных особенностях музыкального исполнения.

С одной стороны, пение человека с помощью мелодии передает определенные чувства. Оно может выражать тайную любовь, радость или муку, ожидание или надежду. С другой стороны, мелодия и сама по себе действует как ласка. Наконец, особенности музыкального исполнения подчеркивают известные черты темперамента. Все это определяет конкретное воздействие песенного выражения человеческого голоса в возникновении и развитии интимных чувств и любовных мыслей.

Лабрюйер в «Характерах» говорил, что «на свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо, и нет музыки слаще, чем звук любимого голоса».

Специфическая роль музыки (инструментальной и вокальной) обусловлена наследственностью и развитостью слуха человека, его песенной культурой. Индивидуальные особенности этого сочетания весьма разнообразны. Воздействие музыки при зарождении любви тем эффективнее, чем выше музыкальный талант человека. Здесь идет речь как об одаренности, так и о приобретенной культуре.

Музыкальные способности человека, так же как и способности к восприятию музыки, различны. Большие музыканты (как исполнители, так и композиторы) гораздо более отзывчивы психически на тональное воздействие.

Первая любовь Моцарта к Алоизии Вебер, судя по письмам композитора, зигидилась на музыкальной основе. Зрительный образ девушки стоит как бы на втором плане. Моцарт подчеркивает, что у Алоизии «красивый, чистый голос» и она «поет превосходно».

В истории известны аналогичные случаи, которые неопровержимо доказывают эмоциональную действительность музыки при зарождении и развитии любви.

#### 4. ОБОНЯНИЕ

Обоняние как специфическая чувственная форма восприятия действительности также является результатом исторической эволюции. Оно дает человеку информацию об определенных свойствах вещей, с которыми он контактирует.

Обоняние ничего не сообщает о характере или темпераменте других людей. Его познавательная ценность весьма незначительна. Оно никогда не указывает, даже ассоциативно, на богатство или бедность духовной жизни собеседника. Очевидно, по своим возможностям оно значительно уступает слуху и зрению в познании действительности. Содержание его информации не раскрывает природу сознания.

Несмотря на ограниченность доставляемой ими информации, обонятельные ощущения играют свою роль в рамках социальной системы. Они биологически обслуживают природу человека.

Запах—это прежде всего сигнал об определенных свойствах и характеристиках данных веществ. Он оповещает организм с помощью безусловнорефлекторных, наследственных механизмов о пригодности (пользе) или непригодности (вреде) этих веществ; направляет организм избирательно к более полезным веществам. Биологически это тоже один из ориентиров природы. Обычно питательные вещества имеют приятный запах. Нос узнает об этом прежде, чем они попадают на язык. Запах действует в системе пищевых рефлексов человека как специфический условный раздражитель. Его функция с биологической точки зрения обычно является предохранительной, избирательной и глубоко целесообразной.

В процессе развития индивида обоняние имеет и другое предназначение. Оно связано с инстинктом размножения. Нюх животных непосредственно обслуживает систему полового отбора. Его назначение в этой области заключается в ориентировании индивида на самый целесообразный объект инстинкта размножения. Кроме того, запах возбуждает и активизирует биологический аппарат половой системы.

У животных специфические запахи выполняют роль биологически действенного, а иногда и решающего средства нахождения искомого «партнера», возбуждения половых органов, осуществления физического сближения, слияния, а также снятия полового напряжения. У человека телесные запахи имеют как стимуляторы инстинкта продолжения рода второстепенное значение.

Обоняние действует у человека не столько как фактор выбора объекта любви, сколько в качестве дополнительного фактора, стимулирующего механизмы половой близости, усиливающего интимное влечение к данному лицу, рефлекторно возбуждающего половое желание. Человек выбирает объект любви, используя зрительные и слуховые ощущения. Главную роль играют для него индивидуальные особенности физической структуры избранника и его голосовые данные. Он не может (за исключением патологических случаев) испытывать любовь к кому-либо только на основании привлекательности его запаха. Какой мужчина выбирает женщину с помощью обоняния? Или какая нормальная женщина полюбит мужчину за его приятный запах?

У человека обоняние не является строго индивидуализированным критерием выбора и поиска объекта любовных чувств. Биологически ощущение запахов действует как раздражитель в общей системе факторов полового выбора.

Импульсы этого ощущения возбуждают нервы и стимулируют деятельность сознания. Они легко могут побудить фантазию к предвкушению желанных удовольствий души и тела.

Связь между активностью обоняния человека и половой системой фактически двусторонняя — безусловнорефлекторная и условнорефлекторная. Первая берет свое начало в области филогенеза, в подсознании, в сфере закрепленных эволюцией инстинктов. Запах, безусловнорефлекторно возбуждающий половое влечение, является наследственно предопределенным возбудителем.

Он внутренне стимулирует действие эrogenных зон человеческого тела.

Безусловнорефлекторная связь обоняния с механизмами сексуальности является видовой и стереотипной. Она несет определенные коды генетической информации организма и биологически содействует осуществлению целесообразности.

В 1967 году на конференции в Канне большинство физиологов отказались от точки зрения, согласно которой обоняние непосредственно возбуждает центры половой регуляции в гипофизе. Но этот вопрос не решен окончательно. Многие факторы свидетельствуют, что «каждое нарушение в обонятельном аппарате животных и человека непосредственно отражается на его сексуальных функциях». Однако это лишь одна сторона взаимодействия. Отмечена также и обратная зависимость: «Каждое нарушение в гениталиях, даже любое изменение гормонального равновесия отражается на обонянии»<sup>1</sup>.

Интересен в этой связи факт, почерпнутый из врачебной практики Аземаром. К нему пришел пациент, сравнительно молодой мужчина, который с тревогой заметил, что становится импотентом. Этот человек жаловался также на потерю обоняния. Начали специальное лечение по восстановлению обонятельной способности пациента, в результате которого у него восстановилось нормальное обоняние. К удивлению врача, восстановилась также и половая потенция больного.

Проведя ряд опытов, Аземар пришел к заключению, что как у животных, так и у человека «существует тесная связь между обонянием и половыми функциями». Поэтому потеря обоняния неизбежно затрагивает и половую систему. Лечение болезненных аномалий, наступивших в одной области, как свидетельствуют проведенные опыты, благотворно отражается и на другой области. Факты говорят также о том, что обоняние человека биопсихически стимулирует половое желание. Как указывает Аземар, потение, например, действительно «увеличивает эrogenную действенность телесных запахов»<sup>2</sup>.

Наряду с этим существует условнорефлекторная связь обоняния с половой системой, которая не является наследственной. Биологически она образуется как «надстройка» над инстинктом в онтогенезе, в процессе жизни индивида

<sup>1</sup> Арапи Р. Тайните на обонянието. — «Наука и техника», 1968, № 3, с. 23.

<sup>2</sup> См. там же, с. 20—22.

и зависит от разнообразия ситуаций. На этом основании при наличии деформаций жизненной обстановки могут сформироваться и отклонения, извращения.

Условнорефлекторная связь обоняния с деятельностью половой системы человека выражает глубокую зависимость полового влечения от изменения ситуаций. Если какой-нибудь запах многократно сопутствует, хотя бы в силу случайного стечения обстоятельств, интимным переживаниям двух любящих друг друга людей, он может стать условным раздражителем в комплексе любовных переживаний, даже если он имеет мало общего с естественным запахом мужского и женского тела. Здесь играют роль особенности обстановки и сочетание раздражителей.

В романе «Тихий Дон» Шолохова образно описано воздействие и восприятие запахов мужского и женского тела. Пальцы Аксиньи пахнут парным коровьим молоком. Запах ее волос напоминает Григорию Мелехову цветок душноопьян. Пот ее пахнет неперекипевшим, еле уловимым запахом свежего степного сена, опьяняющим духом майского дождя, росы. Аксинья же, «уткнувшись лицом ему под мышку, дышала таким родным пьянящим запахом его пота, и на губах ее, порочно-жадных... дрожала радостная, налитая обывшимся счастьем улыбка».

Эротизирующее воздействие определенных ароматов было замечено много веков назад. Уже в древности были известны тайны парфюмерии. Особенно интересные факты из этой области находим мы в истории Древней Греции. Древнегреческая поэзия описывает девушек, распространяющих аромат лаванды. По мнению Аристотеля, в число предметов, составляющих принадлежность женского туалета, всегда должны входить и духи<sup>1</sup>. Даже Солон, который ненавидел духи, не смог их упразднить.

Страсть к благовониям овладела всеми, особенно знатными афинянами. Для отдельных частей тела предназначались разные духи: для шеи и чолена — экстракт из плюща, бровей и волос — садовая душица, подмышек — мята, для груди — пальмовое масло<sup>2</sup>.

Во времена Геродота у скифов, населяющих Причерноморье, женщины толкли тимьян, кипарис, кедровое

дерево и полученной кашицей натирали тело и лицо, добываясь таким образом приятного запаха.

Римляне даже «злоупотребляли» духами. Обилие благовоний у женщин и мужчин этой древней столицы мира характеризовало праздность жизни богатых римлян. Духи готовились из нарцисса, лилии, пестумской розы, коричного дерева (сиппатомиум), персидского нарда (граната), пахучего тростника и других растений; об этом писали поэты. Благовонный, одурманивающий экстракт хранили в сосудах из драгоценного оникса<sup>1</sup>.

В эпоху завоеваний Александра Македонского весь мир пользовался пряными египетскими духами. Богатые египтяне постоянно носили их с собой в специальных мешочках как магический талисман.

Во времена Возрождения Лопе де Вега писал: «Красота — благоуханье; и мы ее очарованье вкушаем, как всякий аромат чутьем».

Естественные ароматы кожи приобретают в силу действия инстинктов и ассоциаций значение определенных атрибутов личности. В роли раздражителей они выполняют в данной обстановке специфические коммуникативные функции, способствуя контакту на уровне биологических и психических взаимодействий. Обоняние может доставлять как инстинктивное (животное), так и облагороженное, эмоциональное, чисто человеческое наслаждение.

«Женское тело, — пишет А. Минчев, — напоено специфическим запахом женщины, который возбуждает половое желание мужчины. Его нежные волны излучает вся кожа. Этот одурманивающий запах обволакивает мужчину, как легкая вуаль, и опьяняет его сознание своей мягкостью»<sup>2</sup>.

Большинство авторов отмечает неоднозначность той роли, которую играет аромат тела. Прежде всего он обладает свойством вещественного раздражителя, специфического агента тела. Но вместе с тем этот аромат незримо пронизывает окружающую нас атмосферу, касаясь тончайших струн нашей души, соединяя материю и сознание, телесное и духовное начала любви.

В выделении и восприятии эrogenных запахов оба пола определенным образом различаются. Обоняние у

<sup>1</sup> См.: Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. М., 1913, с. 184—185.

<sup>2</sup> Минчев А. Отношения между полами. — «Философский вестник», кн. 5, 1941, с. 416.

<sup>1</sup> См.: Гиро П. Частная и общественная жизнь греков, с. 132.

<sup>2</sup> См.: Тергит Г. Малка культурна история на цветята. София, 1967, с. 212.

мужчин считается обычно более тонким, чем у женщин. Существует различие между ними и в интенсивности выделения запаха. В этом плане женщина значительно превосходит по своим биологическим возможностям мужчину. Как возбудителю в сфере обоняния ей принадлежит главная роль. Мужчина активнее реагирует на женский запах, чем женщина на мужской.

Индивидуальные различия в области сексуально окрашенного обоняния мужчины и женщины невелики. Если исключить патологические случаи и половые извращения, то в норме воздействия этого ощущения и у мужчин и у женщин занимают второстепенное место.

В преобладающем числе случаев индивидуальные отношения определяются врожденным «обонятельным вкусом» данного пола. Здоровому мужчине и здоровой женщине, особенно если они молоды, свойственно обычно естественное благоухание, которое не может отталкивать. Напротив, на всех нормальных представителей противоположного пола оно действует как приятный и слегка стимулирующий запах.

Какими же являются первичные видовые естественные запахи женского и мужского тела? Этот вопрос занимал поэтов, писателей, сексологов, предлагавших весьма противоречивые ответы. Эти ответы определялись обычно в значительной степени индивидуальными особенностями восприятия, склонностью к эстетизации.

Запах человека зависит от самых различных факторов — климата, времени, возраста, телосложения, пищи, одежды, менструации, половых сношений, болезней, строения, приема лекарств, алкоголя и т. п. Эта комбинация факторов образует тот вполне индивидуальный аромат, который свойствен личности. Его относительное постоянство, безусловно, имеет биологическую основу.

Шекспир придает исключительно большое значение запахам в любви. В поэме «Венера и Адонис» богиня красоты взволнованно говорит возлюбленному:

Слепая, через слух бы я любила  
Твой мир незримый, внутренний, живой;  
Глухую внешность бы твоя пленила,  
Все чувства мне затронув красотой.  
А если б слух мне изменил и зренье,  
Любовь питало бы прикосновение.  
Пусть прикоснусь я бы не могла,  
Утратив зренье, слух и осязание,  
Не меньше бы любовь моя была,

Мужчина  
Женщина  
Слова

Когда б осталось лишь обонянье.  
Ведь аромат дыхания твоего  
Несет любовь впивающим его.

(Перевод А. Курошовой)

Гиперболизация роли запаха здесь очевидна. И тем не менее естественные запахи мужчины и женщины, сами по себе не пробуждающие любви, служат ей. Силой низшее с высшим, интимные чувства и тонкие душевные движения с подсознанием, с жизненными корнями человеческой природы.

Некоторые ученые считают необходимым создание специальной прикладной науки «рационального полового применения духов», так как существующая многовековая торговля ароматами постоянно нуждается в продуманной практике, в компетентных конкретных рекомендациях, которые помогали бы мужчинам и женщинам.

Рациональное «половое применение духов» решает две основные задачи: а) устранить неприятный запах, если он имеется, и таким образом ликвидировать отрицательный компонент во взаимном восприятии людей, особенно при их более интимном общении; б) усилить, обогатить приятный естественный аромат мужчины и женщины и, следовательно, стимулировать их взаимное влечение, создать и для обоняния необходимую атмосферу.

Но здесь, как и везде, отсутствие чувства меры может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым. Сильный, концентрированный запах духов обычно неприятно действует на психику. Поэтому искусственные ароматы всегда следует использовать умеренно. Даже лучшие духи не могут полностью заменить естественное благоухание свежей упругой кожи расцветающего молодого тела мужчины и женщины.

## 5. ОСЯЗАНИЕ

Несомненно, что эта привычная форма восприятия действительности является первичной и глубоко органичной для специфического содержания психики. Биологически ее рефлекторные механизмы формируются на основе целесообразности.

Кожная чувствительность представляет собой продукт развития жизни в течение миллионов лет. Она помогает

индивиду ориентироваться среди объективных процессов материального бытия, условий его существования. Кожная чувствительность дает с помощью контакта биологически ценную информацию о различных свойствах явлений и вещей — острота, мягкость, твердость, текучесть, холод, шероховатость, тяжесть, теплота и т. п. Она позволяет живому существу выбирать наиболее благоприятную среду для развития.

Кожная чувствительность несет сообщения о воздействии разных раздражителей. Ее информация сигнализирует о прикосновении, температуре и болевых ощущениях. Кожная чувствительность связана с инстинктами насыщения и самосохранения индивида. Но этим не исчерпываются ее жизненные функции.

Она имеет большое значение для реализации полового общения и мужчины и женщины. Ее компонентами являются безусловные и условные раздражители целостного интимного переживания. Кожные ощущения биологически отвечают стремлению противоположных полов к физическому сближению, ощущению тела другого человека, к объятиям и, наконец, к завершению их половым актом.

Чувствительность кожи, рефлекторно связанная с системой половой секреции, начинает активно функционировать после достижения пубертатного возраста. Нервные клетки, воспринимающие раздражение, разбросаны как созвездия разной плотности по всей поверхности тела. Расположение их у представителей мужского и женского пола биологически специфично. Женские кожные эрогенные зоны занимают большую часть тела. При этом они гораздо более возбудимы и чувствительны. Не только грудь, губы, шея, бедра, область половых органов, но и вся поверхность женского тела играет роль органа интимного влечения.

У мужчины эрогенные зоны более локализованы, концентрированы. Они занимают область половых органов, отчасти грудь и губы.

Возникновению полового влечения у мужчины также способствуют кожные ощущения. Прикосновение, ласка, поцелуй — источники наслаждения не только для женщины, но и для мужчины, физический контакт волнует обоих. Неужели пальцы мужчины, которые ласкают женщину, не являются эрогенными? Оба одинаково жаждут осуществления контакта. И все-таки женщина чувствительнее, восприимчивее, сексуальнее.

Эрогенная кожная чувствительность обыкновенно яв-

ляется синхронной, двусторонней. Мужчина и женщина испытывают общее, хотя и с разной интенсивностью, возбуждение удовольствия, вызванного лаской прикосновения, поглаживания, поцелуя и т. п. Взаимность усиливает тонус переживания, естественную концентрацию наслаждения.

Кожные ощущения, возникающие в результате контактного взаимодействия обоих полов, вызывают специфические, разнообразные ассоциации. Они могут быть безусловным раздражителем чисто биологической, животной сферы пола. В этих случаях прикосновение, поглаживание, телесный контакт имеют непосредственно возбуждающее значение. Это просто проявления полового влечения.

Чувственное эпикурейство не знает богатства психических переживаний. Оно находит свою реализацию в простом физическом слиянии тел. Но у человека с богатой эмоциональной и развитой интеллектуальной жизнью кожные ощущения неизбежно взаимодействуют с чистейшими порывами сознания, с возвышенной эстетической переживаний. Эмоции полового влечения становятся принадлежностью сферы духовной культуры. Соприкосновение двух человеческих тел, соединенных половым влечением, в эпоху цивилизации не является чисто биологической, животной процедурой инстинктивного полового удовлетворения. Оно представляет собой также форму духовного слияния и общения двух людей.

С одной стороны, кожные ощущения воздействуют на человека безусловно-рефлекторно. Женщина, прикасаясь к телу мужчины, которого она любит, ощущает общие атрибуты противоположного пола: силу руки, напряжение мышц и т. п. Кожные ощущения мужчины также позволяют ему безусловно-рефлекторно воспринимать известные атрибуты женщины. Он не может не испытывать наслаждения, ощущая ее мягкую и теплую кожу, округлость форм и т. п.

Однако, с другой стороны, это воздействие несет в себе специфические индивидуальные компоненты, присущие той или иной отдельной личности (мужчине или женщине). Они способствуют выбору объекта любви, сознательно или бессознательно участвуя в подведении итогов, склоняющих чашу весов в ту или иную сторону.

Кожные ощущения обычно усиливают интимные чувства, общую возбужденность психики. Они материализуют духовное влечение любви в форме непосредственного чисто чувственного контакта, превращая неземной

трепет в земной, а земной — в неземной. Герой комедии Лопе де Веги «Изобретательная влюбленная», Лусиндо, говорит о своей любви:

Она еще сильнее воспламенилась  
От близости к руке моей любимой.  
И, чтоб умерить жар невыносимый,  
Она к устам — но тщетно! — устремилась...

(Перевод Е. Блинова)

Даже нежные кончики пальцев воспринимают любовные токи. И человеку очень трудно отделить в этом явлении наслаждение духа от сладострастности кожных ощущений. В «Монт-Ориоле» Мопассана взгляд влюбленной Христианы притягивает рука лежащего Поля Бретиньи. «И вдруг у нее явилось желание дотронуться до его руки, игравшей травинками, неодолимое желание крепко сжать ему руку, и все, все передать этим пожатием; ее рука тихонько соскользнула с платья на траву и замерла, разжав пальцы. И тогда она увидела, как его рука осторожно приближается к ней, словно влюбленный зверек к своей подруге. Она придвигалась все ближе и мизинцем дотронулась до его мизинца. Кончики пальцев коснулись друг друга, чуть-чуть, едва заметно, отодвинулись, снова сблизились, словно губы в робком поцелуе. Но эта никому не видная ласка, эти легкие прикосновения врывались в нее такой бурной волной, что она изнемогала, как будто он снова сжимал ее в объятиях».

Кожная чувствительность имеет глубокие, закрепленные в процессе эволюции филогенетические корни. Она глубоко связана с половым влечением, активизирует жизненные силы индивида, порыв эмоций, сохраняет стойкие следы в его подсознании. Может быть, поэтому изначальная ее стихийная сила столь жизненна. Когда наступает разлука между неравномерными, следы ощущений стираются в сознании неравномерно. Сначала обычно бледнеют зрительные представления о любимом образе, потом память о голосе и аромате. Дольше всего сохраняются следы кожных ощущений, смутное воспоминание о прикосновениях, о ласке и теплоте рук, губ, тела. Первичная и в наибольшей степени биологическая связь оказывается самой прочной.

Естественно, что сила этой связи увеличивается под воздействием высших психических компонентов любовного влечения. В то же время она внутренне стимулирует могущество духовного начала, высшего порыва к сли-

янию любящих. Попытки противопоставить кожные ощущения другим психическим компонентам любви обычно восходят к косному средневековому аскетизму, монашеской жизненной философии либо связаны с мещански-лицемерной дискредитацией тела.

Кожные ощущения с их требованием непосредственного контакта «субъективируют» внешнюю действительность. Они дополняют избирательную ориентацию зрения, слуха и обоняния, гносеологически подтверждают специфические данные других человеческих органов чувств. Но они могут и корректировать их. Вето осязания имеет обязательную силу в любовной сфере.

Как правило, телесный контакт начинается с соприкосновения рук. Поводы для этого могут быть самые разные. Это зависит от находчивости, смелости и темперамента влюбленных.

Следующим этапом в целенаправленной и последовательной градации кожных ощущений, самым одухотворенным моментом в так называемой любовной прелюдии к половой близости становится поцелуй. Поцелуй мгновенно ошеломляет сознание, превращает вольности тела в единую феерию духа. Волны удовольствия и наслаждения пронизывают грудь как ласкающий свет, как бесконечное сияние, как чистейшая музыка, рожденная ласками любви.

Руссо прекрасно описал волнения первого поцелуя. Герой его лирического романа «Новая Элоиза», мученик любви Сен-Пре, возрождая незабываемый миг счастья, напоминает Юлии: «Но что случилось со мной спустя мгновение, когда я почувствовал... сладостный трепет; твои уста, подобные лепесткам розы... уста Юлии прикоснулись, прильнули к моим устам, ты прижалась ко мне в тесном объятии! Нет, молния не вспыхивает так внезапно и так ярко, как тот огонь, что мгновенно воспламенил меня. Всем существом я почувствовал восхитительную близость. Жаркие вздохи срывались с наших пылающих уст, и сердце мое замирало от нестерпимой неги, когда вдруг я увидел, что ты побледнела, дивные очи закрылись и ты... потеряла сознание».

О поцелуе сказано бесконечно много. Отдельные авторы возводят происхождение этого специфически человеческого явления к укусам, сопровождающим половой акт у некоторых животных. Аналогия здесь чисто внешняя. Она не может служить объяснением, потому что не учитывает психического компонента. По существу, поцелуй чрезвычайно далек от укусов животных в период

спаривания. Он выполняет в большей степени психическую, чем физиологическую функцию.

«Появление поцелуя у человека,— пишет А. Минчев,— это признак высокого эволюционного развития. Его происхождение не обусловлено необходимостью кусать... Поцелуй—это безнадежный жизненный порыв, попытка заменить телесное, грубое нежным и духовным. Он олицетворяет собой... стремление культурного человека эстетизировать половой акт... Он является гигантским шагом вперед на пути эстетического развития человека. Он представляет культурную сторону полового любви. Поцелуй—это акт одухотворенного человека»<sup>1</sup>.

Изучая это явление, следует учитывать, что поцелуй—компонент не только любви. В цивилизованных странах он используется как интимное средство контакта между самыми близкими людьми, как выражение чувств (сыновних, родительских, дружеских и т. д.). Поцелуй свидетельствует о признательности, о соблюдении ритуала, о почтительности, благодарности и т. п. Это зависит от того, какие конкретные чувства и душевные движения он выражает.

Эмоциональное разнообразие этой формы интимного контакта, связи людей не обесценивает его половой функции. Любовный поцелуй имеет широкую биологическую и духовную гамму значений, ассоциаций, качественных оттенков и характеристик. Его функцией является прежде всего материализация духовного единения любящих, их глубокой и живой психической связи, опьянения и радости от избытка чувств. Первый любовный поцелуй—платонический, возвышенный, боязливый. Его сексуальные ощущения сублимируются в чистоте и девственности эстетического и морального сознания. Он аккумулирует невидимые возможности полового влечения, трансформируя их в одухотворенную форму общения и наслаждения.

Поцелуй, однако, выполняет и другую, не психическую по своей направленности, а биологическую функцию в половой жизни человека. Эта функция реализуется инстинктивно. Поцелуй обычно предшествует половому акту и сопровождает его. Без этой прелюдии удовлетворение жажды тела представляет собой чисто животное сливание, лишенное трепетной эстетизации полового контакта. Поцелуй облагораживает инстинкт. Следовательно,

<sup>1</sup> Минчев А. Отношения между полове. — «Философски преглед», кн. 5, 1941, с. 413—414.

и в этом отношении он выражает исключительную высоту достигнутого человеком уровня развития.

Поцелуй биологически усиливает чувствительность эrogenных зон тела, содействует физическому сближению любящих и через подсознание, без слов, превращается в глубокий, страстный призыв к полной взаимоотдаче при осуществлении полового акта.

Поцелуй практически неотделим от объятия, являющегося адекватным выражением интимности, приобщения к волшебным, влекущим таинствам любви. Любовное объятие имеет глубокое интимное содержание. Оно делает поцелуй вполне естественным. В объятиях влюбленные ищут больших возможностей сближения. Они соприкасаются горячими лицами, создавая неделимую общность переживания.

Особой притягательностью при телесном контакте влюбленных обладает женская грудь. Сексологи отмечают здесь нормальный способ проявления инстинкта пола. Спонтанная тяга к женской груди имеет глубоко инстинктивную, биологическую основу. Она проявляется как безусловнорефлекторная тенденция полового отбора. Как бы сама природа в лице мужчины стремится осязать драгоценные атрибуты потенциальной матери, чтобы увериться, что питание ребенка гарантировано.

Есть в этом, однако, и другая сторона, обусловленная уровнем духовной культуры человека. Прикосновение к женской груди спонтанно возбуждает психику, становясь своего рода способом интимного восприятия любимого существа, теплоты жизни, сердечного трепета, изящества форм, способом выражения любви, чарующей ласки, доверия, подъема чувств.

Высшим моментом интенсивности осязания, концентрации ощущений является половой акт. Он наступает обычно после фазы ласк, объятий, поцелуев, прикосновений к груди на этапах любовной игры.

Ощущения, характеризующие половой акт, имеют огромную жизненную силу. Они дают человеку мгновения высочайшего возбуждения, опьяняющего сознания наслаждения.

Их кульминационным пунктом является оргазм. Все ощущения полового акта достигают апогея, мгновенно сливаются в пронизывающую сознание и тело человека молнию. Наступает успокоенность, фаза осуществления потенции.

Роль полового акта в развитии любовного чувства

нельзя недооценивать. Половой акт может принести счастье, утвердить любовные чувства, укрепить духовную связь мужчины и женщины. Половой акт неизбежно усиливает любовь, если в нем нет извращенности, если имеется синхронность ритма возбуждения, соответствие механизмов оргазма, взаимодополняемость темпераментов, гармония ощущений, полное взаимное удовлетворение.

Постель является местом физической и духовной кульминации любви, местом, где заканчивается периодически повторяющийся цикл взаимного влечения и взаимного томления любящих. «Роман закончен тогда,— пишет Гельвеций,—когда романист уложил их (мужчину и женщину.— К. В.) в одну постель»<sup>1</sup>. Заметим при этом, что вне литературы, в жизни роман чаще всего открывается здесь свою первую главу. Тем не менее дальнейшее развитие отношений в большой степени зависит от конкретной ситуации, сложившейся «в постели». Ее роль обыкновенно очень велика. Эразм Роттердамский называет постель святым местом, где исчезает всякая вражда и неприязнь между мужчиной и женщиной, прекращаются споры, где «все должно быть приятно, красиво и весело»<sup>2</sup>.

Однако постель может стать, по словам Марселя Прево, и «одром агонии» любви. Соприкосновение тел может принести не блаженство, а мучительную досаду, разочарование, глубокое отвращение, усилить неудовлетворенность, обмануть ожидания и в конечном итоге убить трепет любви.

Половой контакт может иметь отрицательное влияние на любовные отношения при следующих ситуациях: а) когда мужчина и женщина не «подходят друг другу» — один возбуждается и получает разрядку сексуального влечения быстрее, чем другой (чаще этого это женщина, которая остается неудовлетворенной); б) когда половая близость включает извращения (гомосексуализм, садизм и т. п.); в) когда женщина фригидна или мужчина страдает импотенцией (половой акт становится неполноценным, даже невозможным, он травмирует сознание, истощает нервную систему); г) когда в половых отношениях начинает господствовать грубость, а эстетические и мораль-

ные стимулы недостаточны, для того чтобы исключить вульгарность.

Поистине постель может стать и алтарем любви, и ее смертным ложем.

## 6. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОЩУЩЕНИЙ

Органы чувств человека не функционируют независимо друг от друга. Они взаимосвязаны, взаимодействуют, дополняют друг друга в процессе непосредственного восприятия и отражения действительности. Таким образом, воздействие различных по своим свойствам раздражителей создает одно общее психическое переживание. Автономия органов чувств относительно сложна. Человек воспринимает внешние раздражители комплексно, одновременно, взаимосвязанно глазами, ушами, носом и кожей. Это сложный процесс мобилизации органов чувств и специфическая форма освоения действительности.

Разнообразные ощущения, связанные с любовью, объединяет то, что они всегда являются ощущениями удовольствия, блаженства. Этот вопрос имеет биологический, психологический, эстетический и моральный аспекты.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. Семантически термины «удовольствие» и «наслаждение» имеют почти одинаковое значение. Но их можно до некоторой степени разграничить по смыслу. Термином «удовольствие» мы обозначаем прежде всего некоторое ощущение, а термином «наслаждение» — определенное ощущение. Первый выражает, скорее, целостную реакцию человеческого организма, духовно обобщенную, а второй — реакцию данных органов чувств. Удовольствие существует благодаря ощущению, но оно больше относится к чувствам, к высшей психической сфере. Наслаждение же связано с чувством, но по своему характеру относится, скорее, к ощущениям.

Эпикурейцы делили удовольствия на высшие и низшие, придавая большое значение как ощущениям, так и чувствам.

Спиноза указывает, что любовь — это «лишь наслаждение» или «удовольствие». Последнее относится к тем «хорошим страстям», без которых «мы не можем существовать»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Спиноза В. Избр. произв., т. 1, с. 120, 134, 480.

<sup>1</sup> Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, с. 312.

<sup>2</sup> Эразм Роттердамский. Разговоры за просто. М., 1969, с. 164—165.

Максиму эпикурейской этики принимал и Бомарше. В «Женитьбе Фигаро» один из его героев говорит: «Любовь — это всего лишь роман сердца. Содержанием его является наслаждение».

Наслаждение лишь до известной степени признано чувством, но больше — ощущением приятности, жизненного блаженства. Оно различается по силе (интенсивности) и по «уровню». Измеряя интенсивность наслаждения, мы объективно выделяем три его стадии — слабую, среднюю и сильную. Первая окрашивает так называемое настроение человека. Вторая всегда стабилизирует тонус психики и создает особенно «благоприятные условия для подлинно волевой жизни»<sup>1</sup>.

Сильное наслаждение полностью захватывает сознание и гасит другие ощущения, а также сопровождает их страданий, достижения высоких целей, реализации основных жизненных инстинктов. Стремление к сильному, осязающему наслаждению приобретает свойства страстного влечения. Оно неизбежно активизирует деятельность человека. По мнению Гегеля, страсть «выражает лишь то, что субъект весь жизненный интерес своего духа, таланта, характера, наслаждения вложил в единое содержание»<sup>2</sup>.

Но сильное наслаждение может вызвать и состояние аффекта, потрясающее человеческое сознание, подобно освежающей буре. Кант считал, что страсти «продолжительны и обдуманны». Аффекты, напротив, всегда имеют малую длительность, они «бурны и непреднамеренны». Они ослепляют сознание человека, но быстро проходят<sup>3</sup>.

Интимное наслаждение, вызванное специфическими любовными ощущениями, естественно имеет свои стадии интенсивности. Но его стихия в потоке разнообразных жизненных обстоятельств обычно принадлежит к области сильных ощущений, влечений, страстей и аффектов.

Наслаждение обладает также разными уровнями, обусловленными конкретными особенностями любовного чувства, градациями ощущений и переживаний телесного и духовного начал индивида. Наслаждение в любви представляет собой комплекс одновременно физических и

духовных компонентов, находящихся в разном соотношении. Если наслаждение является чисто физическим, любовь исчезает бесследно. Интимный контакт не может реализоваться. Остается чисто физиологическая связь. С другой стороны, если наслаждение имеет только высший, духовный характер, любовь, лишенная глубоких жизненных корней, не обретает всей полноты и завершенности.

Любовные переживания активизируют высшие формы общения, духовного созерцания. Это обусловлено постоянным взаимодействием нисходящих и восходящих тенденций их диалектики. Ощущения порождают гармонию тончайших душевных движений человека, которые в свою очередь неизбежно облагораживают сами ощущения. Таким образом, осуществляется некая культурная сублимация биологической природы человека.

Любовные ощущения, то есть основные восприятия, могут быть систематизированы на основании критерия силы (соответственно глубины). Объективно они имеют следующую градацию: флирт (ухаживание), сексуальная игра, половой акт. Эти три комплекса разных по силе и степени контактности индивидуальных ощущений представляют собой этапы развития половых отношений.

Флирт, или ухаживание, это обычно первый шаг в любви, или, как говорят, зондирование, изучение реакций избранного объекта. Флирт представляет собой воздействие взглядов, внешних атрибутов, речи, часто ароматов и легких прикосновений. Он создает определенное раздражение органов чувств.

Наиболее характерны для него не осязательные, а зрительные и слуховые ощущения. Флирт — это начало любовных заигрываний, первое естественное проявление зарождающейся симпатии.

По данным Фореля, реально существуют мужской и женский флирт. Не приходится сомневаться, что в этом вопросе всегда находит проявление пол, темперамент и культурный уровень человека. Мужчина флиртует, как бы непреднамеренно подчеркивая свои мужские достоинства — бесстрашие, силу, глубину интеллекта, красноречие, богатую эрудицию и т. д.

Главным средством женского флирта является кокетство. Толкование значений этого слова очень широко. Но одно бесспорно — оно подразумевает действия, с помощью которых женщина старается выглядеть привлекательнее, чтобы понравиться определенному мужчине или вообще мужчинам.

<sup>1</sup> Казанджиев С. Обща психология, с. 378.

<sup>2</sup> Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, ч. III. М., 1956, с. 287.

<sup>3</sup> См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 282.

Кокетничающая женщина атакует мужчину, артистически применяя оружие улыбок, ласковых взглядов, непринужденно подчеркнутых форм тела, изящества туалетов, утонченной грациозности походки, нежности кожи, благоухания тела — словом, всех атрибутов, создающих атмосферу любовной магнетизации. В этом случае очень важно, чтобы вслед за концентрированным воздействием следовали паузы, моменты сдержанности. Они еще больше усиливают эффект внушения, гипнотизирующее влияние чувственных раздражений.

Действенность кокетства обычно в большой степени зависит от чувства меры или набора раздражителей, которые женщина применяет в определенной социальной обстановке. Чрезмерность усилий может легко превратить симпатию мужчины в неприязнь.

История кокетства — это история развития изобретательности и художественных талантов женщин. Ее возможности в этом отношении поистине неисчерпаемы. Они дают полный простор искусству перевоплощения, орудия которого неисчислимы. Взяв на вооружение вековой опыт, женщина использует все свои качества и особенности, подвергая их обработке. Она находчиво и артистично корректирует природу.

Существует убеждение, что кокетство представляет собой шаблонную, стереотипную форму поведения, обладает чертами лишенной фантазии, скорее инстинктивной, сексуально-психической механики первичного возбуждения органов чувств. Действительно, кокетство применяет очень много шаблонных приемов. Но весь этот «арсенал» орудий любви индивидуален. Он дает простор творчеству, раскрывает богатые возможности женщины, ее сообразительность и фантазию.

Мужской флирт заслуживает осуждения, если в нем есть неискренность, лицемерие, грубая «техника» обольщения той или иной женщины. Отсутствие уважения к женщине, эмоциональности отношения, «серьезности» шуток свидетельствует о низком уровне культуры поведения. В свою очередь и женское кокетство также имеет эстетические и нравственные границы. Оно не служит любви, а принижает отношения, когда является плодом духовной мимикрии, фальшивой артистичности, лицемерной демонстрации мнимых чувств.

Существование вульгарного флирта и легкомысленного кокетства не компрометирует вообще фазу ухаживания. Психология половой любви требует артистизма, кокетства и флирта в положительном смысле этих слов.

Чрезмерная духовная замкнутость женщины не позволяет почувствовать ее обаяние.

Конечная цель ухаживания — зарождение любви. Но факты говорят о том, что это происходит далеко не всегда. Любовь является объективным результатом глубины и подлинности чувств.

Ухаживание обычно подводит к фазе половой игры, представляющей собой чаще всего подготовку сознания к половой близости, к полной взаимной отдаче. Ее компоненты, как и компоненты ухаживания, разнообразны. Фактически происходит интегрирование специфической деятельности пяти человеческих органов чувств, которое реализует целостное переживание интимного контакта.

Интенсивность кожных, зрительных, слуховых и обонятельных ощущений при половой игре гораздо выше, чем на этапе ухаживания. Объятия и поцелуи, объединяющие ощущения всех органов чувств, составляют основное содержание половой игры. Фейербах указывает, что объятие есть глубокий «телесный акт», что радость ожидания зависит от «силы желания телесного совокупления»<sup>1</sup>.

Интимные взаимоотношения мужчины и женщины могут не выйти за рамки половой игры. Однако при нормальном, естественном развитии взаимоотношений половая игра неизбежно переходит в более интимное общение влюбленных. Это фаза полового акта, фокусирующего в одной точке многообразие возбуждений всех органов чувств человека. Взаимодействие ощущений создает необычайную интенсивность телесного и психологического наслаждения.

По мнению Фейербаха, у человека, выросшего в недрах цивилизованного общества, стремление к осуществлению половой близости глубоко и разносторонне охватывает всю его психику. «Но чем выше поднимается индивидуум, — пишет Фейербах, — чем развитее и совершеннее он становится, тем в большей степени даже самое продолжительное и чаще повторяющееся наслаждение, как очевидное доказательство того, что стремление к половому сближению стоит в теснейшем согласии с индивидуальным стремлением к счастью... Человек может быть настолько охвачен страстью любви, что, как

<sup>1</sup> Фейербах Л. Избр. философ. произв., т. 1, с. 558.

бабочка, отдаст за и вместе с любовным наслаждением свою жизнь»<sup>1</sup>.

Между рассмотренными последовательными фазами любовных отношений существует глубокая взаимосвязь. Они закономерно переходят друг в друга. Первая фаза (ухаживание) обыкновенно весьма продолжительна. Вторая фаза, или так называемая половая игра, в наиболее типичных случаях менее продолжительна. Она осуществляется интенсивное возбуждение ощущений. Третья фаза (половой акт) еще короче. Это объясняется законами физиологии. Чем сильнее, интенсивнее наслаждение тела, тем оно менее длительно.

По своей силе ухаживание — это низшая ступень, то есть начало любовной связи. Оно незаметно возбуждает первые искры чувства и влечений. Половая игра представляет собой более интенсивную форму общения влюбленных. Она концентрирует внимание на манящей привлекательности эrogenных зон, пробуждая эмоции и создавая определенное напряжение. Половой акт достигает самой высокой точки интенсивности взаимоотдачи и взаимного «томления» влюбленных. На этой стадии происходит «переполнение чаши», завершение процесса сопереживания.

После окончания полового акта неизбежно наступает фаза отдыха, которую специалисты называют эпилогом. Ее психологическую и моральную ценность в интимной жизни мужчины и женщины не следует недооценивать. Особенно важной с точки зрения перспектив любви является способность находить удовольствие и красоту в этом последнем этапе. В тех случаях, когда мужчина и женщина после завершения полового акта спешат сказать друг другу «до свидания» или заснуть, несомненно наблюдается инфляция любовных чувств. Половой акт оказывается всего лишь физиологическим удовлетворением полового влечения. Прикосновения и ласки больше не нужны. Расставание не трогает и не волнует.

Однако, если мужчина и женщина любят друг друга, эпилог имеет совсем другую эмоциональную насыщенность. Окончание полового акта не убивает нежных чувств, не вызывает досады и безразличия. Именно этот драгоценный «излишек» нежных чувств во время эпилога является сравнительно безошибочным критерием истинности любви.

<sup>1</sup> Фейербах Л. Избр. философ. произв., т. 1, с. 599.

В эпилоге каждый может понять, насколько глубоки любовные чувства обоих. Эпилог является проверкой богатства переживаний, эстетических и моральных высот дружбы.

Тайна вечной молодости любви заключена в существовании особой атмосферы эмоционального общения любящих. Половое влечение, половой инстинкт может быть удовлетворен, но глубокая духовная потребность во взаимной близости неутолима. В этом секрет чудесного постоянства любви, ее способности быть детищем материи и достигать царства фантазии, просторов интуиции, красоты и романтики.

## Глава 5

### ЭСТЕТИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ

#### 1. ЛЮБОВЬ И КРАСОТА

Взаимная спонтанная фетишизация индивидуальных атрибутов мужчины и женщины — одна из форм оценочного, идеализированного восприятия объекта интимных чувств. Другой, близкой по своему значению формой является *взаимная эстетизация* отношений и свойств обоих влюбленных. Эта глубоко интимная психическая деятельность, «распирающая» собственное «я», постигающая внешний мир предметов, выражает с помощью фантазии преобразование объекта влечений по законам красоты, определенное развитие поведенческой ориентации человека, выявляет важный компонент его индивидуальной ценностной системы.

Эстетизация и фетишизация имеют много сходного, близкого в пределах их внутренней специфики. Общим является аксиологическое пересоздание, «достраивание» действительности, ее идеализация с помощью абстракции и фантазии. Но эти формы освоения человеком внешнего, предметного мира имеют и весьма существенные различия.

Объективно фетишизация относится к чему-то вещественному в природной среде или человеческом обществе. Она придает определенным предметам действительности не присущие им бытию высшие (иногда сверхъестественные) атрибуты. Фетишизация выражает господство предметов, вещественных атрибутов бытия над сознанием человека, над его волей, над его внутренними побуждениями. Она обыкновенно связана с той или иной формой идолопоклонства.

Эстетизация всегда направлена на восприятие сущности человека. Она идеализирует в соответствии с законами красоты его телесные и духовные атрибуты, превращая их в единый объект желаний и эстетического созерцания, в постоянно воздействующий на сознание источник эстетического наслаждения.

Все это служит утонченным способом выражения ценностной ориентации половых стремлений человека,

связано с развитием и облагораживанием его чувств, его культуры, с тенденциями социализации инстинкта воспроизводства рода. Человек никогда не воспринимает действительность механически, бесстрастно, как фотоаппарат или как автомат, предназначенный для регистрации определенных звуков. Он субъективно привносит в этот процесс (хотя обычно и не осознает этого) больше или меньше эмоций, волнений, оценок с учетом его опыта и критериев избирательного отношения к явлениям и людям, его окружающим.

Эстетизация представляет собой объективный социальный процесс. Она условно придает реальному внешнему миру дополнительные характеристики.

Особенно важными являются функции эстетизации в качестве элемента и фактора любви. Влюбленные воспринимают друг друга в сиянии идеализации как эстетические образы. Каждый находит в другом черты красоты, воплощенные в его неповторимой индивидуальности с покоряющей силой. Это относится к лицу, фигуре, походке, моральным достоинствам, темпераменту и т. д.

Что же такое красота? Ответить на этот вопрос представители эстетической мысли стремились на протяжении многих веков. Определение красоты вызывало научные споры еще в эпоху античности. Эти споры, хотя и на другом уровне, ведутся и в наши дни. Мнения по этому вопросу обусловлены различиями в исходных методологических установках. Однако их можно объединить по признаку подобия и близости в несколько основных групп.

Для того чтобы дать определение красоте как явлению, необходимо ответить на следующие вопросы. Является ли она по своей сущности объективной или субъективной, внутренне присущей природе или возможна только на базе общества? Существуют ли объективные измерения, показатели, нормы ее бытия? Полезна ли она практически или бесполезна для человека?

Платон считал, что красивое или прекрасное является объективной идеей, находящейся вне человека. Оно «существует вечно, не возникает, не уничтожается, не увеличивается, не убывает»<sup>1</sup>.

Эту концепцию позже развивали Плотин, Августин, Фома Аквинский, Винкельман, Шеллинг, Гегель и др.

<sup>1</sup> См.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 1. М., 1962, с. 100.

Вторая, метафизически противоположная концепция утверждает, что красота представляет собой нечто чисто субъективное. Ее источник следует искать в индивидуальном сознании человека, а не в объективной действительности. «Прекрасное,— пишет Д. Юм,— не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту»<sup>1</sup>. «Прекрасное,— отмечает Кант,— это нечто такое, что принадлежит исключительно к вкусу»<sup>2</sup>.

Сходные воззрения развивают также И. Фолькельт, Т. Липпс, В. Кроче и др. Эти взгляды страдают типичными гносеологическими пороками субъективизма.

В связи с критерием объективных норм или физических измерений красоты также существует поляризация эстетических концепций. Сторонники воззрения, что красота есть первооснова объективного мира, бытия, убеждены в том, что у нее есть постоянная и абсолютная физическая мера. Субъективисты, напротив, ищут разгадку тайны в непостоянстве и разнообразии индивидуального вкуса людей.

Уже философы Древней Греции видели меру красоты в числовых отношениях (пифагорейцы), в симметрии, в пропорциях вещей (Аристотель) и т. п. Леонардо да Винчи говорит о так называемом «золотом сечении» (таком делении предмета, при котором меньшая часть так относится к большей, как большая к целому). Английский художник У. Хогарт считает, что плавная синусоида является «линией красоты». Некоторые эстетики расширяют число критериев. В качестве признаков (элементов) красоты указывают на разные группировки в том или ином соотношении симметрии, целесообразности, ритмичности, гармоничности, разнообразия, пропорциональности, изящества форм и т. п.<sup>3</sup>

Наконец, существуют противоположные воззрения также и в вопросе об отношении между красотой и пользой. Часть эстетиков и философов находятся на позициях прагматизма. Они воспринимают прекрасное как выражение практически полезного, утилитарного. Характерными в этом отношении являются взгляды М. Гюйо. Он считает, что «полезность» есть «первая

ступень прекрасного», что все ощущения человека и такие его основные функции, как дыхание, движение, воспроизведение, питание, «могут получить эстетический характер»<sup>1</sup>.

Гюйо не сомневается, что тепло, воспринимаемое кожей, имеет свойство прекрасного, что ласкающая прохлада «эстетичнее случайного аккорда нескольких нот»<sup>2</sup>. Наконец, и вкусовые удовольствия могут быть иногда «истинно эстетического характера». Они служат источником не только физиологического наслаждения, но и ощущения красоты. Когда пьешь овечье молоко, можешь ощутить «симфонию, воспринимаемую лишь вкусом, а не слухом»<sup>3</sup>. Обоняние также оказывается источником красоты<sup>4</sup>. Запах скотного двора, в соответствии с эстетикой Гюйо, доставляет известное эстетическое наслаждение.

Другие авторы абсолютно противопоставляют красоту пользе, объективной жизненной потребности человека<sup>5</sup>. Человеческий вкус, ориентированный на прекрасное, по словам Канта, «притягивает только на автономию»<sup>6</sup>. Это означает внутреннюю одностороннюю субъективную обусловленность эстетической меры сознания.

В рассмотренных противоположных воззрениях на красоту есть отдельные рациональные моменты, но как целостные концепции они не отражают объективную истину, так как обычно гипертрофируют какой-нибудь аспект или взаимосвязь эстетической реальности. Именно поэтому во многих типичных случаях объективная истина ускользает от сторонников рассмотренных противоположных взглядов.

Красота не является ни природным атрибутом материи, существующим до возникновения на земле социальной действительности, ни внутренним чисто априорным и субъективным продуктом человеческого сознания. Очаровывающий и загадочный мир прекрасного имеет более сложную структуру и множество аспектов.

Красота, эта хрупкая ценность нашей культуры, всегда предполагает наличие двух сторон: объективной и субъективной. Человек созерцает определенные вещи, процессы, явления, доставляющие ему эстетическое на-

<sup>1</sup> Юм Д. Соч., т. 2. М., 1965, с. 724.

<sup>2</sup> Кант И. Соч., т. 6, с. 485.

<sup>3</sup> См.: Студничка А. Принципы прекрасного. Спб., 1904, с. 24; Ванслов В. Проблемы прекрасного. М., 1957, с. 61.

<sup>1</sup> Гюйо М. Задачи современной эстетики. Спб., 1899, с. 19, 21.

<sup>2</sup> См. там же, с. 50.

<sup>3</sup> Там же, с. 52.

<sup>4</sup> См. там же, с. 52, 53.

<sup>5</sup> См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, с. 58.

<sup>6</sup> См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 294.

слаждение, то есть высшее удовольствие. Это наслаждение возникает от удовлетворения не телесных, а духовных потребностей, психических устремлений социальной жизни. Иначе говоря, красота адресована человеческому сознанию как высшая форма освоения действительности. Ее характерные черты внутренне присущи духовному прогрессу общества.

Красота имеет цену, существует лишь как бытие для человека. Объект эстетизации удовлетворяет определенные потребности субъекта. При этом человек сознательно или бессознательно оценивает вещи, которые он созерцает, которые ему нравятся. Или, другими словами, в природе как таковой не существует эстетических отношений. Вещи и процессы бытия красивы или безобразны по отношению к человеку — продукту социальной жизни. В этом смысле они обладают свойством эстетических ценностей.

Красота обладает духовной ценностью. Она никогда не порождает корыстных отношений к вещам, которые человек созерцает. Она не щекочет вкусовые и обонятельные нервы, не доставляет наслаждение эпидермису. В этом смысле красота совершенно бесполезна для тела. Эстетическое наслаждение — это всегда наслаждение духа, интеллекта. Когда мы съедаем сочное спелое яблоко, красота его цвета и формы не удовлетворяет потребности желудка. Она, можно сказать, «усваивается» воспринимающим духом, доставляет особо приятное, высшее удовольствие.

«Красивым, — пишет И. Паси, — является тот предмет, который напоминает о человеке, радует его, пробуждает в нем идею о человеческом, не вызывая вожделения, стремления к удовлетворению физических потребностей»<sup>1</sup>.

И все-таки непосредственно это относится только к одной группе проблем. Человек, однако, хочет понять, почему исторически возникает и существует эстетическое отношение к действительности, в чем состоит его «смысл» в развитии культуры и жизни? Или, точнее, в чем заключаются объективные социальные функции красоты?

Широкая и целостная разработка этих проблем представляет собой комплексную и трудную задачу. Применительно к конкретным исследованиям любви и половой жизни людей мы придерживаемся следующей гипотезы.

Эстетическое отношение к действительности есть выс-

ший регуляторный механизм поведения и самосовершенствования человека в данной социальной системе. Здесь речь идет о весьма сложных и опосредованных, исключительно тонких, глубоко воздействующих проявлениях целесообразности. У Канта были серьезные основания заявить: «Красота — это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нем без представления о цели»<sup>1</sup>.

Человеку присущи определенные биологические и социальные потребности. Нарушая равновесие вида, они одновременно требуют его восстановления и создают условия для совершенствования поколений. Навыки и приобретенный опыт постоянно направляют индивида к совершению наиболее целесообразных действий, к все более полному приспособлению и уравниванию с внутренней и внешней средой, к оптимальному осуществлению его бытия, его природы. Одинаково направленные условные рефлексы, многократно возникающие в процессе эволюции в ряде поколений, благодаря похожему или повторяющимся условиям жизни не исчезают бесследно. Они постоянно «углубляются» в хромосомном субстрате устойчивой видовой наследственности.

Таким образом, в процессе тысячелетней эволюции вполне закономерно ряд повторяющихся из поколения в поколение жизненно важных условнорефлекторных механизмов превращается в безусловнорефлекторные ответные реакции. Они преобразуются в наследственную предрасположенность, которая, взаимодействуя с социальной средой в ходе ее развития, определяет существенные моменты регуляторной системы целесообразной деятельности индивида.

Ситуации и предметы, связанные с удовлетворением важных потребностей, постепенно начинают у следующих поколений играть роль безусловнорефлекторных раздражителей. Они вызывают определенные реакции (чувство удовольствия, легкости, приятного возбуждения и т. п.). Эти реакции в процессе эволюции приобретают относительную самостоятельность и автономность. Они возникают без непосредственной связи с материальными потребностями человека. Таким образом, они становятся потребностью высших областей сознания, или, иначе говоря, указанные реакции удовлетворяют чисто психические потребности, которые имеют жизненно важное значение для индивида.

<sup>1</sup> Кант И. Соч., т. 5, с. 240.

<sup>1</sup> Паси И. Трагичного. София, 1963, с. 41.

Эта трансформация из полезного в эстетически приятное и вызывающее наслаждение совершается в процессе формирования человеческого общества. Предыстория красоты находится в царстве животных, а ее действительная история связана с прогрессом социальной системы. Эстетическое отношение к действительности требует, с одной стороны, безусловнорефлекторных механизмов, наследственной предрасположенности к определенным ситуациям, вещам и предметам, а с другой стороны, социального взаимодействия людей, системы нравственных норм, относительной независимости психической жизни. Сама целесообразная творческая деятельность человека становится образцом красоты. Историческое развитие образует иерархию ценностей. Постоянная творческая деятельность человека является главной потребностью как его существования, так и его развития. Поэтому именно она и приобретает высшую эстетическую ценность.

Биологическая целесообразность, как мощный жизненный корень, постоянно дает невидимые соки для цветения красоты. Но рождение ее очарования по своей сути есть глубоко социальный процесс.

Он выходит за рамки биологических механизмов целесообразности, поднимается над уровнем инстинктов, безусловных рефлексов организма. Исторически создание красоты осуществляется как процесс социализации человека, возникновения ценностных отношений труда и любой творческой деятельности, формирования сознания, развития его относительной самостоятельности как высшей формы отражения действительности. При такой качественной трансформации происходит облагораживание и совершенствование биологической сущности самой природы. На древе инстинктов, проросшем невидимыми корнями в целостной жизненности организма, расцветают социальные феномены эстетики, красоты. Биологические критерии человеческого идеала интегрируются и исторически подчиняются общественно детерминированной ценностной ориентации, требованиям культуры.

Так, половой отбор высших животных закономерно преобразуется у человека как эстетическое отношение. Интимной целесообразностью его является самовоспроизводство и самосовершенствование вида. Оптимальное развитие биологических свойств и форм индивида неизбежно превращается в объект эстетизации. Красота всегда предполагает наличие здоровья, легкого, гармонического протекания физиологических реакций.

У Цицерона сказано: «Изящество и красота не могут

быть отделены от здоровья». А итальянский гуманист эпохи Возрождения Лоренцо Валла подчеркивал, что это ценное качество — «дар тела», щедрость природы. «Многие здоровы без красоты, — писал он, — никто не красив без здоровья»<sup>1</sup>.

Именно эта объективная зависимость отличает эстетическое созерцание человека от полового отбора у животного. В обычном половом отборе, о котором пишет Дарвин, активно излучающаяся жизненность самца или самки, физиологическая целесообразность особи являются единственными привлекающими свойствами и раздражителями. Это так называемая «видовая мера», которая у людей превращается в красоту. Ее образцы (нормы) всегда специфичны. Хогарт писал, что «красота целого» представляет собой соответствие общих размеров частей тела с самым целесообразным выполнением их имманентных функций<sup>2</sup>.

Нельзя отрицать связь красоты с совершенством и «мерой» биологического вида. В поэме Шекспира «Венера и Адонис» так описывается прекрасный конь:

Так этот конь всех превосходит рвением  
Повадной, мастью, костью и сложенjem.  
Коротки бабки стройных, крепких ног;  
Копыта крутлы; густы, длинные щетки;  
Глаз полон, грудь могуча, круп широк,  
Мала головка, ушки же коротки.

(Перевод А. Куршовой)

Невозможно представить себе красоту какого-либо живого существа, пренебрегая «мерой» биологического вида. Горбатый конь с отвислым животом и деформированными ногами оскорбляет наше эстетическое чувство.

Биологическая «видовая мера», или, условно говоря, *первичная красота*, в большой степени относится и к человеку. Для него она имеет две характерные половые модификации. Красота женщины — в полном жизни излучении ее кожи, в свежести лица, упругой округлой груди, в гибкой стройности тела, в гармонической целесообразности ее форм как матери жизни. Овидий описывает эту божественно прекрасную фигуру, воспевая прекрасную Елену или лучезарную Афродиту. Тело красивой женщи-

<sup>1</sup> История эстетики, т. 1, с. 489.

<sup>2</sup> См.: История эстетики, т. 2, с. 175.

ны — идеал древних — нежное, белое, стройное, полное соков, совершенное в пропорциях<sup>1</sup>.

Эта нежность является формой жизненности и проявлением совершенства. Прекрасная женщина в глазах народа обладает подчеркнутыми ценностями физиологической и анатомической структуры. Она, по словам Гюйо, должна быть «высокой, сильной, румяной... с полными формами, чтобы лучше всего удовлетворить половой инстинкт»<sup>2</sup>.

У народа есть непосредственное чутье по отношению к этой биологической функции женщины, к ее предназначению осуществлять потенциальное бессмертие человека, воспроизводить потомство. Именно поэтому его основные критерии эстетизации всегда глубочайшим образом связаны с нормами «физиологической полезности» для рода.

Мужская красота имеет другую специфическую меру видового и полового совершенства. Ее образцы представлены с большой эстетической жизненностью в гениальных произведениях искусства, это — Гектор, Аякс, Одиссей, Ахилл, Агамемнон, Эней, Роланд, Давид и др. Объектами эстетизации у мужчины могут быть четко очерченные формы лица, гармоничная стройность тела, крепкая мускулатура, выпуклая широкая и массивная грудная клетка, стремительность и твердость походки.

Эстетизация мужских и женских атрибутов, воплощающих видовую меру, обращена к самым совершенным достижениям эволюции. Но красота — это не просто само по себе мужское или женское тело как материальная структура с заданными физическими свойствами. Она содержит и социальные, духовные компоненты. Человек — мыслящее, разумное существо. Эстетизация всегда объединяет тело и сознание, телесные и духовные качества. Лоренцо Валла подчеркивает, что красота тела не исходит из его материи, его плотности и внешних форм. Она всегда как бы светится изнутри, как излучение духа, или ассоциируется с высшими порывами человеческого сознания.

Согласно древнегреческой легенде, кипрский скульптор Пигмалион изваял из слоновой кости статую прекрасной женщины с лучезарным лицом — Галатею. Он влюбился в свое творение, обнимал ее холодные колени. Тронутая страданиями Пигмалиона Афродита вдохнула

душу в Галатею, ибо без этого одухотворения плоти живая прелесть человека несовершенна, неполна.

В одном из диалогов Джордано Бруно сказано, что «душа несравненно более красива, чем красота, которая может находиться в телах». Физическая красота — это «отблеск» сознания человека<sup>1</sup>. Эта образная мысль, если ее не интерпретировать в духе философии Платона о мистическом мире идей, безусловно, в основе своей рациональна. Она ориентирует исследование на действительную природу эстетического отношения. Монтень говорит в «Опытах», что главным в красоте Венеры, символизирующей любовь, является «духовное начало».

Эстетизация может при наличии определенных изъяснов тела переместить акцент на дух. Женщине часто нравится мужчина, который не отличается ни крепким здоровьем, ни физической силой, но обладает силой духа (умом, бесстрашием, волевыми качествами и т. п.), то есть у него доминируют свойства и качества, реализованные в социальной жизни. И, наоборот, мужчина может нравиться женщине, которой недостает совершенства «телесных пропорций», но которая очень нежна, отзывчива и душевна. Социальные добродетели в известной мере компенсируют природные недостатки. Но, разумеется, в любовной эстетизации эта компенсация имеет определенные границы.

Сочетая в соответствии со своими законами телесное и духовное, красота дает целостность переживаниям, ассоциативной деятельности сознания, а не просто является наслаждением того или иного органа чувств человека. Но тем не менее эстетизация прежде всего требует наглядности объекта, то есть восприятия и созерцания телесных форм с помощью органов зрения и слуха.

В силу того что эстетизация человеческой природы имеет физиологическое основание, первичная красота озаряет в первую очередь телесные формы. Она отражает и пульсирующую жизненность тела, естественность «наготы». Созданные цивилизацией одежды прикрывают непосредственную прелесть человеческого бытия, телесную красоту индивида.

Творцы древнегреческой культуры чувствовали и хорошо понимали и эту глубокую и вечную «языческую» истину. Во времена Фидия и Праксителя существовало эстетическое отношение к могуществу плоти, к атрибутам нагого тела, к гармонической внешности человека. В

<sup>1</sup> См.: История эстетики, т. 1, с. 490.

<sup>2</sup> Гюйо М. Задачи современной эстетики, с. 23.

<sup>1</sup> См.: История эстетики, т. 1, с. 578, 579.

большом почете были физические упражнения как средство достижения идеала. «В то время как соседние греками народы,—пишет Тэн в «Философии искусства»,—стыдились появляться обнаженными, греки любили, сняв одежды, бороться и бегать. Даже девушки в Спарте упражнялись почти нагими»<sup>1</sup>.

Эта эпоха эстетизации тела не развратила человека, потому что естественная нагота, подчиненная законам красоты и требованиям обычая, не вызывает сексуальных стремлений. Тогда как утонченная манерная эротичность одежды или полуодежды мужчины и особенно женщины служит источником соблазнов. У Анастоля Франса были основания возвышать погранный христианством идеал языческой наготы тела: «Всякая одежда в конце концов незаслуженный срам и худшее из унижений для цветущей и желанной плоти».

Прекрасное женское тело оказывает эстетическое воздействие. Оно опеломляет взор созерцателей-мужчин, вызывает стиличные чувства, иногда семеняет направление мыслей человека, смягчает жестокосердие, заставляет принимать неожиданные решения, преступать традиционные нормы. Поэтически воспроизводя древнее предание, Пенчо Славейков пишет о том, как афинские архонты призвали на суд гетеру Фрину, чтобы она ответила за свои грехи. Возбужденная толпа вопила: «Смерть, смерть!» Неумолимые судьи уже готовились произнести суровый приговор. В последнюю минуту защитник Фрины Гиперид сдернул с ее плеч пурпурный хитон. Судьи и толпа вдруг онемели, очарованные красотой обнаженной гетеры.

Божественные формы излучали  
Спокойствие и дивную красу.  
Толпа, что за мгновение перед тем  
ревела дико: «Смерть гетере гордой!»,  
теперь ее несла в самозабвении  
к святилищу богини Афродиты.

(Перевод Л. Хамутовой)

Средоточием красоты является человеческое лицо. Оно как бы «интегрирует» силу воздействия всех форм тела, создавая глубоко индивидуальную характеристику. Лицо—это эстетическое воплощение сущности человека, внешнее бытие внутренних, интимных душевных движений. Его черты, если они не являются сознательно

<sup>1</sup> Тэн И. Философия искусства. Ст. Загора. 1909, с. 57.

сохраняемой маской, непосредственно выражают переживания личности.

Не случайно многие психологи отмечают, что лицо определенным образом характеризует человека. Оно является зеркалом его души, совершенным органом для передачи мыслей и чувств, для общения с другими людьми. Именно поэтому человеческое лицо—основной объект эстетизации среди всех других чувственно-наглядных форм. Оно соединяет биологическую и социальную красоту в целостное великолепие эмоциональной динамики, жизненной прелести, в единую картину ценностей тела и духа.

Понятно поэтому, что эстетизация, присущая любви, концентрируется на пластичности лица, на живом человеческом образе, вознося одухотворенную красоту лица мужчины или женщины над остальными физическими совершенствами телесной структуры.

Очень важной эстетической характеристикой физического облика человека является его грация. Грация, по словам Винкельмана,—«спутница красоты» человека. Эта чарующая мера совершенства проявляется специфически в форме лица, в его выражении, в самой позе и в характерных движениях<sup>1</sup>.

Лессинг подчеркивает, что грация существует как специфическая форма перевоплощения того, что мы называем красивым. Она всегда «есть красота в движении»<sup>2</sup>. Шеллинг описывает два вида грации. Первый из них—высший и относится к законам вечной гармонии. Второй вид является в известной мере временным. Он, по существу, относится к позе и движению человеческого тела и его изображения в пластическом искусстве<sup>3</sup>.

Спенсер указывает, что грация—это нечто биологически глубоко эффективное и целесообразное. Она выражает необходимую подвижность тела в данной обстановке с наибольшей экономией сил. Гюйо несколько по-иному подходит к этой эстетической ценности. Он считает, что грациозность обычно проявляется как расточительство сил. Гармония движений ассоциируется с самыми приятными радостями чувств ассоциируется, и обыкновенно грация есть один из симптомов любви<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Винкельман И. История искусства древности. Л., 1933, с. 289.

<sup>2</sup> См.: Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957, с. 245.

<sup>3</sup> См.: Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966, с. 317, 479.

<sup>4</sup> См.: Гюйо М. Задачи современной эстетики, с. 40, 41.

Все эти высказывания содержат нечто бесспорное. Грация, несомненно, представляет высоко развитую, эстетически воспринимаемую способность тела совершать оптимальные движения с учетом сохранения равновесия индивида с окружающей средой. Фактически она выражает исключительно целесообразное свойство, созданное в процессе биологической эволюции поколений и развития социальной жизни. Эстетическая грациозность человеческого тела — это гармоническое и стройное сочетание его частей (в пределах принятой «меры»), его естественная ловкость, жизненность, легкость и целесообразность движений, которые могут быть свободным расточительством энергии, не преследующей конкретных практических целей, игрой или активным приспособлением к трудовой деятельности, к общественным и природным условиям.

Все это позволяет понять, почему красота является фактором любовного «сродства», постоянным высшим стимулом любви.

Эстетизация одухотворяет телесные формы полового влечения и человеческого воспроизводства. С незапамятных времен она интимно, тайно содействует биологической и социальной целесообразности, всегда приводя к половой связи не прямо, с животной бесцеремонностью, а по сияющим тропам красоты, эмоционального трепета, эстетического созерцания, радости. Непосредственное чувственное очарование и жизненная полнота озаряются сиянием духа. Само тело становится выразителем сознания.

Эстетизация, присущая любви, возвышает созерцание красоты человеческой сущности, как пролога половой близости. Чем выше культура человека и чем богаче он по своим духовным качествам, тем более эстетизирована его любовь.

Мужчина и женщина, озаренные любовью, всегда воспринимают друг друга сквозь призму взаимной идеализации, духовного орнаментирования. Они видят или им кажется, что они видят друг в друге все лучшее, прекрасное, чтобы не сказать — божественное. Ромео после встречи с Джульеттой в доме Капулетти очарованно говорит: «Любил ли я хоть раз до этих пор? О нет, то были ложные богини. Я истинной красоты не знал доныне».

Глубокую связь между взаимной эстетизацией и половой любовью отмечают многие философы. В своем «Трактате о человеческой природе» Д. Юм говорит, что «красота возбуждает физическое влечение». Но эта объективная зависимость, бесспорно, имеет и обратную сторону. Само

физическое влечение заставляет человека видеть в объекте своих чувств большую красоту, чем при обычном восприятии действительности<sup>1</sup>.

По словам Фейербаха, объект любовного влечения возносится к небу и одновременно возвращается на землю. Или, иначе говоря, он объединяет в себе сверхъестественное совершенство бога и осязательную реальность человека. При этом эстетизация, по существу, выражает определенную индивидуализацию образа. Иначе никогда не могло бы осуществиться взаимное притяжение мужчины и женщины. «Вся красота природы, — пишет Фейербах, — сосредоточивается и индивидуализируется в различии полов»<sup>2</sup>. Эстетизация — это отрицание стандартизации. Именно понимание индивидуальности образа ведет к осознанию его исключительности и незаменимости как объекта любви.

Девятнадцатилетний Маркс называет Женни чудной, милой, единственной. Он не может найти слов, чтобы выразить свое восхищение ее красотой. В 38 лет Маркс пишет ей, что ее портрет, как он ни плох, помогает ему понять, почему уродливые изображения мадонн средневековья «могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения». Признавая фотографию Женни неудачной копией оригинала, Маркс пишет: «Но я совершенствую то, что плохо запечатлели солнечные лучи, и нахожу, что глаза мои, как ни испорчены они светом ночной лампы и табачным дымом, все же способны рисовать образы не только во сне, но и наяву. Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!» И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр... Лишенный возможности целовать тебя устами, я вынужден прибегать к словам, чтобы с их помощью передать тебе свои поцелуи... Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни?»<sup>3</sup> Титан революции был титаном и в любви.

Субъект эстетически обогащает объект чувств. Здесь

<sup>1</sup> См.: Юм Д. Соч., т. 1, с. 533, 534.

<sup>2</sup> Фейербах Л. Избр. философ. произв., т. 2, с. 124—125.

<sup>3</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 432, 435.

намечается прорыв восприятий и чувств от конкретного к идеальному, от действительного к недействительному, от земного к неземному. Сама природа, кажется, вынуждена спокойно терпеть артистическое сумасбродство субъекта. Разум, обладающий непобедимым оружием логики, беспомощно отступает перед воображением, фантазией. Взлетая к облакам, влюбленный минует сферу сухих логических абстракций, оставаясь приверженцем земных чувств, конкретного и тонко индивидуализированного образа. Он эстетизирует действительность, преувеличивает некоторые ее стороны за счет других, создает себе представление о каком-то совершенно конкретном, но до некоторой степени все же весьма отвлеченном существе.

«Мы создаем его,— пишет К. Моклер,— по некоторым признакам, значение которых хотим преувеличить, избегая при необходимости контроля со стороны разума. Тот факт, что у нас возникает потребность в этом преувеличении, чтобы оправдать и возвысить наше простое желание, чтобы признать все формы морального и идейного превосходства с целью прийти к убеждению, что любимое существо действительно является единственным, незаменимым,— этот факт и есть само начало любви, то есть некоторый выход за пределы нашего «я», некоторый гиперсексуальный восторг, некое мозговое преувеличение данных сил. Без этой добровольной галлюцинации сознания и этого бессознательного самовнушения нет любви, а есть одно только половое влечение»<sup>1</sup>.

Разумеется, можно не считать, что это галлюцинация. Но нельзя не признать, что субъективное «приукрашивание» объекта влечения существует. В этом не следует видеть стереотипное действие некоего стандарта отношений. Влюбленные (как мужчины, так и женщины) могут эстетизировать внешность объекта своих чувств в силу интимной дружбы. И это их вполне удовлетворяет. Другие же направляют свое внимание на духовные качества любимой (любимого). Это вопрос индивидуальной оценки субъекта. Наконец, существует и целостное, гармоническое сочетание отдельных аспектов любовной эстетизации. Это зависит от уровня культуры человека, его воспитания в широком смысле слова и от темперамента.

Влюбленные обладают такими чувствами, такой настроенностью психики, которые всегда моделируют, перерабатывают интимные восприятия с учетом эстетическо-

<sup>1</sup> Моклер К. Магията на любовта. София, 1922, с. 18.

го пересоздания образа любимого. Самые глубокие корни этого избирательного отношения мужчины и женщины, несомненно, находятся в естественной целесообразности развития жизни. Сознание старательно обходит все, что может принести неприятные ощущения, что ставит под угрозу цельность чувства. В то же время все приятное и желательное преобразуется в чудесной лаборатории украшения. В романе «Отец Горио» Бальзак называет лучшие чувства «стихами воли», а настоящую любовь — волшебной силой, которая «преображает внешность, оживляет жесты, скрашивает голос». Она создает праздничность настроения в самой драматической ситуации.

Любовь наполняет мягкостью и благоуханием всю атмосферу жизни людей. Вспомним Сольвейг, эту нежную и прелестную ибсеновскую героиню, бесконечно долго ожидавшую своего Пера Гюнта. На его просьбу о прощении, на его раскаяние Сольвейг отвечает:

Ни в чем ты не виновен, мой бесценный!  
Ты песнью чудной сделал жизнь мою.  
Благословляю первое свиданье  
И эту нашу встречу в духов день.

(Перевод А. и П. Ганзен)

Красота спасет мир, писал Достоевский. Сколь ни преувеличенно звучит эта сентенция, бесспорен ее глубокий смысл, ее «рациональное зерно».

Любовь эстетизирует не только образ любимого, но и все вокруг — дома, деревья, горы, луга, воздух, небо, луну, звезды, пространство, — всю вселенную. Как бы золотое сияние озаряет людей и вещи волшебной прелестью.

Разумеется, красота любимого образа никогда не возникает произвольно как чисто внутренний, субъективный продукт индивидуального созерцания человека. Она имеет свою объективную основу, без которой никакая эстетизация не может существовать. Следовательно, реальное воплощение красоты зависит от характера взаимоотношений и свойств обоих влюбленных. Если один из них не следит за своей внешностью и пренебрегает своим духовным развитием, то постепенно происходит снижение уровня его эстетизации, нередко завершающееся полным разрывом. Эстетизация требует определенных качеств объекта любви, которые в условиях эмоционального общения питают фантазию. И именно в этой связи следует указать на определенную долю ответственности субъекта и объекта любовных отношений за их прочность.

Торжество разделенной любви дает человеку легкость, освобождает его сознание от самых горьких жизненных наслоений, от давящей тени тоски, от неумолимого гнета скуки, от удушливой атмосферы одиночества. Можно назвать это состояние молодостью, если не ограничиваться житейским пониманием этого слова и не подходить к нему только на основании такого критерия, как возраст. Пенчо Славейков воплотил в чудесной песне волнующую прелесть этого состояния человека:

Пока ты молод, ярче солнца свет  
и в сердце золотой мечты расцвет;  
пока ты молод, вынесешь походы,  
легко перенесешь ты все невзгоды.

Пока ты молод, жизнь тебе легка,  
не омрачит души твоей тоска;  
и в грусти — радость, а не мертвый холод —  
пока ты молод, ах, пока ты молод!

(Перевод М. Зенкевича)

Радость торжествующей жизни способствует расцвету любви, которая на протяжении веков играет роль исторически утвердившейся школы обогащения и развития эстетической культуры человека.

Любовь эстетизирует половое влечение, мощную силу инстинкта продолжения рода, «безумие» «низших» чувств. Она укрывает тайну зачатия благоухающими цветами, возносит земные чувства к бесконечности космоса. Все, к чему прикасается любовь, обретает особую, чарующую силу, становится нежнее, совершеннее, прекраснее. Любовь совершенствует и дополняет творчество самой природы.

Любовь — это самое утонченное, самое хрупкое творение психической жизни человека. Нет ничего более убийственного для нее, чем грубость слов, резкость интонаций, властная безапелляционность взглядов, банальность прозы жизни. Как психическое явление чувство любви как бы создано с помощью тончайших «инструментов» сознания. В его природе чувствуется блеск бриллианта и прозрачность фарфора. Иногда малейшее неосторожное движение оказывается губительным для него.

## 2. РОЛЬ ИСКУССТВА

Эстетизация любви является не только результатом непосредственного взаимного созерцания мужчины и

женщины, она основывается также и на восприятии художественных ценностей.

В любовной «магии души» исключительно важную роль играет воздействие искусства. Без красоты сопереживания и живости воображения любовь не может существовать. Эмоциональное соединение мужчины и женщины требует посредничества художественной эстетизации действительности. Любовь рождается в атмосфере пересоздания, эстетического преобразования явлений, вещей и людей.

Искусство — это высший социальный продукт творческой деятельности человека. Оно является художественным отражением действительности, то есть отражением ее по законам красоты. Его художественные ценности удовлетворяют определенные эстетические потребности человека. Оно вызывает радостные чувства и придает особое очарование мыслям и представлениям о собственном бытии, доставляет наслаждение сознанию.

Искусство играет культурно-воспитательную роль в социальных отношениях. Оно создает другой мир, являющийся воплощением человеческого идеала красоты.

Как единство мысли и чувства, реализма и фантазии, чувственности и романтики искусство имеет высшую гуманную цель в развитии мировой истории. Оно, по словам Гёте, собирает в одном хрустальном дворце гармонии всю «красоту и счастье», делает человека «все мягче и мягче», «субститутирует радостям тела радости души», преобразуя силу человека «в добродетель, филантропию, чувствительность»<sup>1</sup>. Эта преобразующая бытие великая творческая дерзость сознания, жаждущая реализации мечты, утверждает оптимистическую этику социальной жизни.

Взаимное проникновение искусства и любви не является случайным пересечением различных переживаний, чуждых эмоциональных тенденций. Оно обусловлено необходимостью взаимосвязи двух этих сложных явлений, взаимосвязи, обогащающей интимную природу человека.

С одной стороны, любовь стремится к искусству, к артистичности переживаний. С другой стороны, само искусство как много веков назад, так и теперь отображает любовь, аккумулирует ее жизненную энергию и красоту, художественно пересоздает и возвышает половые отношения мужчины и женщины. Постоянное влечение любви к

<sup>1</sup> См.: Гёте И. В. Избр. философ. произв. М., 1964, с. 322.

прекрасному миру художественных ценностей имеет свое основание и объяснение.

1. Искусство всегда отражало половое влечение человека и его высшую форму — любовь. Любовь является одним из важнейших объектов художественного творчества и эстетического созерцания. Интерпретация рассмотренного явления в некоторых случаях ведет к крайностям (метафизические альтернативы).

По мнению О. Вейнингера и ряда других сторонников аскетизма, половое влечение не принимает никакого, даже косвенного участия в создании той или иной эстетической ценности. Эти авторы убеждены в том, что искусство презирает инстинкт воспроизводства человека, отворачивается от материального тела и расцветает в сфере фантазии. Красота, по мнению Вейнингера, не имеет ничего общего с половым влечением.

Фрейд и его последователи, напротив, считают половое влечение главным и определяющим содержанием искусства. Единственную вечную тему художественного творчества они видят в ситуациях половых отношений и прежде всего в странной «сублимации» так называемого подавленного эдипова комплекса.

Художественная фантазия, по Фрейду, является абстрактной мыслительной компенсацией полового влечения. Не имея возможности достичь своего действительно-го осуществления, оно трансформируется в мечтах и приозвольных художественных построениях.

Фрейдисты преднамеренно и постоянно ищут в каждом образе искусства, в каждом тексте, а особенно в подтексте эстетических шедевров лейтмотив господства пола, эдипов комплекс, проявление подсознательно интимной сексуальной драмы. Они воспринимают художественное творчество как самолечение психики посредством обуздания и переключения бессознательного, посредством самой утонченной эстетической сублимации подавленного инстинкта.

Искусство не является ни полностью направленным на сексуальную тематику, ни несовместимым с нею. Искусство отражает человека в эстетически преобразованной форме. Оно расцветает на основе изменяющей социальную жизнь практики людей. Ставя в центр своего внимания человека, искусство не может не отразить все значительные этапы его социальной реализации и все волнующие его любовные переживания. Оно эстетически пересоздает или, иначе говоря, заново открывает целостного человека с точки зрения законов красоты.

Именно поэтому мужчина и женщина, испытывающие чувство любви, проявляют обычно подчеркнутую склонность к восприятию искусства с величайшей внутренней готовностью и неутолимой духовной жадностью. В нем они находят особую проекцию своих интимных любовных переживаний, которые стремятся осознать, осмыслить.

2. Обязательной составной частью воздействия искусства является его так называемая «гедонистическая функция», то есть присущая ему имманентная способность возбуждать чувство эстетического наслаждения. Оно притягивает людей как «магнитом», щедро даря им приятное волнение, глубокую и светлую радость<sup>1</sup>.

Некоторые авторы видят одну из задач искусства в том, чтобы пробуждать дремлющие чувства, склонности и страсти. Но эта его специфическая функция непосредственно воздействует на развитие культуры взаимоотношений полов. Влюбленные ощущают и осознают, что искусство поощряет их спонтанно возникшие чувства, придает им большую внутреннюю силу. Именно поэтому они жаждут приобщиться к эмоциональной атмосфере художественных произведений.

3. Искусство создает определенную эстетизацию человека и всего, что реально значимо для него в данной конкретной исторически объективной ситуации. Оно придает изящество отношениям людей, «смягчая» примитивную силу страстей, облагораживает с помощью фантазии чувственность, возвышая волнения и порывы тела.

Влечение к искусству, к созданной воображением эстетической условности является, по словам Гегеля, отрицанием (разумеется, диалектическим) «прозы действительности» с ее банальными сторонами. Это — приобщение влюбленных к «изящному способу выражения» чувств, мыслей и переживаний, к высшей красоте. Искусство существует как некий особый мир одухотворенной человеческой природы.

Как высшая форма воспроизведения жизни искусство делает объективно возможным исключительно тонкую трансформацию чувств, влечений и страстей человека, заставляя необузданные порывы проявляться в полете фантазии, смягчая грубость инстинктов. Человек эстетически овладевает своей внутренней первичной стихией жизни.

<sup>1</sup> См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, с. 290, 291.

Выготский прав, когда говорит, что «художественные эмоции» сохраняют необычайную силу, но не взрывают, не потрясают психику. Искусство создает своеобразный барьер в сознании человека. Оно превращает дикое и слепые влечения плоти в «умные эмоции». Таким образом происходит самый целесообразный «разряд нервной энергии» человека. И вместо мучительного переживания в данной противоречивой обстановке мы приобретаем «высокое и просветляющее ощущение легкого дыхания», эмоционального наслаждения<sup>1</sup>.

4. Искусство художественно воплощает систему принятых ценностей и норм, которой должен следовать субъект. Хотя по своим имманентным свойствам оно чуждо «поучению», четкому предписанию, моральной дидактике, его целью является создание ореола вокруг высших добродетелей, признанных таковыми в данных исторических условиях. Его функция в этой области имеет силу целебной магии.

Влюбленные усваивают и реализуют ценности искусства, воспринимая и переживая их «сотворенную красоту» (слушают музыку, смотрят картины, читают художественную литературу и т. д.), актуализируя определенные эстетические ценности, давая им собственную интерпретацию. Вместе с тем они могут выступать как субъекты художественного творчества (танцуют, поют, играют на музыкальных инструментах, пишут стихи и т. п.).

Фактически эти два основных варианта применения и актуализации художественных ценностей в любви не разделены пропастью. Мужчина и женщина, любящие друг друга, часто созерцают произведения искусств и в то же время стремятся к творческому созданию художественных образов. Таким путем происходит эстетическое развитие человека.

### 3. ТАНЦЫ, МУЗЫКА, СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ

Некоторые авторы утверждают, что танцы появились с возникновением жизни. Другие считают, что источником этого динамического и полного жизни искусства является космический ритм вселенной. Несомненно, генезис этого искусства имеет объективную социальную основу. Исторические факты свидетельствуют, что в перво-

<sup>1</sup> См.: Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965, с. 275, 279, 280

бытном обществе закономерно возникают различные виды танцев: охотничьи, трудовые, религиозные, военные и т. п.

Это искусство жестов и грациозной пластики служило прежде всего трудовой деятельности человека, его борьбе с природой. Однако удовлетворяя потребности человека в пластичности движений, связанных с производством материальных благ, в развитии духовной выразительности его внешних (телесных) форм, оно было связано и с областью отношений между полами.

Исследования показывают, что ритм глубоко присущ всей жизнедеятельности человека. Поэтому он развивается и в определенных ситуациях приобретает ценностные свойства эстетической стимуляции любовных отношений.

У Лукиана божественный шалун Эрос дает Зевсу такой совет: «Если ты хочешь нравиться, не потрясай эгидой... а придай себе как можно более приятный вид, носи пурпурное платье, золотые сандалии, ходи изящной поступью под звуки флейт и тимпанов»<sup>1</sup>.

У первобытных людей в период любовного выбора танцы играют большую эстетическую роль. Они представляют собой продолжение так называемой «любовной игры» животных. Особого внимания заслуживает тот факт, что многие эротические первобытные танцы эстетически имитируют эту грациозную инстинктивную «любовную игру».

Любовные танцы вносят в половой выбор артистическую грацию, очарование, жизненную силу. Они смягчают и облагораживают борьбу возбужденных соперников, превращая ее в символическое зрелище, в игру, в глубокий источник эстетического наслаждения.

В условиях родового строя достижение молодыми людьми половой зрелости отмечается обычно торжественной церемонией. Этот волнующий ритуал сопровождается, как правило, эротическими танцами.

В племени валенга (Южная Африка) все девушки, достигшие половой зрелости, должны пройти через обряд инициации (посвящения). Этот ритуал сопровождается танцами под звуки поварых органов. Вечером, после окончания танцев, наступает самый важный обрядовый момент — священным рогом прорывают девственную плеву каждой девушки. На следующий день начинаются «методические наставления в области половой жизни». Для

<sup>1</sup> Лукиан. Избранное, с. 50.

этого из специально приготовленной корзины вытаскивают кукол мужского и женского пола. С их помощью взрослые наглядно демонстрируют половой акт. Таким образом, молодежь посредством танцев и магических действий, облеченных в эстетическую форму, подготавливают к «естественному совокуплению»<sup>1</sup>.

Любовные танцы, начиная с древности и до наших дней, имеют важное значение: а) они обыкновенно демонстрируют те или иные вторичные половые признаки, направляя сознание к их восприятию; б) танцы показывают определенные биологические «достоинства» индивида (жизненную силу, грацию, пластичность движений) и таким образом способствуют половому выбору; в) танцы содействуют гармоническому развитию организма человека; г) танцы придают эстетическую прелесть половой игре, все они воспитывают и облагораживают инстинкт воспроизводства человека.

Разумеется, искусство танца непрерывно исторически развивается, не теряя своей первичной силы. Оно становится более утонченным, ассимилируя духовные ценности культуры. В первобытном и рабовладельческом обществе танцы были чрезмерно эротическими. Они почти не регламентировались чувством стыдливости. На этой ступени культуры человек более непосредственно раскрывал свои интимные желания. Но и тогда танцы были проявлением чувств, разрядкой накопленной энергии, школой воспитания человека.

В так называемых «любовных танцах» с самого начала проявляются две противоположные тенденции: а) чисто чувственное возбуждение; б) духовное, эстетическое возвышение любовных чувств. Первое — это отрицание искусства как такового, второе — его истинная внутренняя стихия.

В классовом обществе эти тенденции проявляются особенно ярко. Известные с давних времен древнеиндийские баядеры, служительницы священных храмов, часто танцевали перед восхищенной публикой. Они вкладывали много изящества и грации в подвижный ритм своего искусства, диктуемого требованиями религии. Но танцы баядер, следовавшие определенным эстетическим традициям, не всегда строго сохраняли эту одухотворенность движений. Как и многим другим восточным танцам, им была свойственна некоторая эротичность.

<sup>1</sup> См.: Томсон Д. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 238—239.

Сильное эстетическое воздействие оказывали танцы древнегреческих жриц в храмах Афродиты, Диониса, Артемиды и т. д. Они более других древних танцовщиц усовершенствовали это изящное пластическое искусство, придав ему нежную эфирность движений тела, большую свободу фантазии. Пластическое совершенство, исключительная красота движений танцовщиц доставляли глубокое эстетическое наслаждение.

Искусство грации успешно развивалось, проходя этапы сложной внутренней дифференциации, в ходе которой исторически возникли религиозные, народные, акробатические, бальные, массовые, балетные (сценические) танцы.

Танец постоянно развивается и как массовая эстетически выраженная форма общения обоих полов. Его значение в современной фазе культурного развития может быть представлено схематически несколькими важными пунктами.

1. Танец как групповая и особенно как парная игра не на сцене, а в жизни создает условия для установления личностного контакта определенного мужчины с определенной женщиной. Эта его естественная функция может играть роль своеобразного исходного момента для ухаживания и любовного признания.

2. Массовые, народные или современные танцы эстетически развивают пластические выразительные формы движения и чувство ритма у мужчины и женщины. При этом танец позволяет подчеркнуть с помощью художественных средств достоинства каждого исполнителя. Такая обстановка облегчает выбор объекта любви, формирование пар. Известное в прошлом «перетанцовывание» в болгарских народных танцах обычно являлось демонстрацией ловкости, активности и силы. Подобного рода состязания в конечном счете повышали престиж победителей.

3. Массовый молодежный танец, исполняемый иногда и представителями старшего поколения, усиливает жизнедеятельность организма. Ритм танца может вызывать «обмен энергией», невидимое психическое взаимодействие обоих партнеров.

Исторически это общение мужчины и женщины в танце развивается и совершенствуется. Оно связано с традициями каждого народа, с национальными особенностями его психического склада и его культуры.

Утонченность и сложность быстрой веселой рученицы и других танцев в Болгарии свидетельствует о

важности их социальной функции. В связи с этим определенный интерес представляет исследование С. С. Бобчевым болгарских обычаев в 80-е годы прошлого века. На вопрос о том, где происходит знакомство и зарождается любовь, множество анкетированных из сел округов Казанлык, Добрича, Смоляна, Русе, Стара-Загоры, Копривштицы и ряда других местностей сообщили, что главным образом на посиделках и танцах. В одном из ответов сказано: «Когда парню понравится красивая девушка, он смотрит, чтобы девушка в хороводе, прокрутившись, оказалась против него, а тогда и он вступает в хоровод рядом с нею»<sup>1</sup>.

В Болгарии существует и народная традиция так называемого «перетанцовывания» в рученице. Юноша и девушка становятся друг против друга и начинают соревнование. Танец быстрый, грациозный, требующий больших сил. По обычаю, если юноша перетанцует девушку, то она станет его избранницей. Это дерзкая проверка выносливости и силы, красивое сочетание ритма и чувства, веселой игры и лукавого поддразнивания.

Современные танцы, очевидно, также выполняют определенную социально-культурную роль. Эти массовые танцы создают особо приятную атмосферу в отношениях, когда мужчина и женщина кажутся друг другу красивее, а их признание во взаимности может осуществиться в более артистической форме.

Музыка также оказывает большое эстетическое воздействие на совместную жизнь мужчины и женщины. Ее волшебная сила спонтанно оказывается созвучной с глубоко интимным миром любви. Аристотель указывал, что музыка «в состоянии образовать душу человека», «приучая ее наслаждаться чистым удовольствием», развивает «нравственные наклонности». Соединяя приятное с прекрасным в единое целое, она наполняет грудь «энтузиазмом». Под ее влиянием, пишет он, мы, люди, «истинно любим или ненавидим»<sup>2</sup>.

Сила музыки заключается в ее изумительной способности затрагивать сокровенные струны души человека, облекая в прекрасные сочетания тонов, ритма и мелодии его мысли и чувства. Гегель рассматривает это искусство как одну из форм реализации романтического порыва

сознания, как эстетическое преодоление телесности, ее чисто чувственных свойств. Он говорит, что музыка создает интимность и одухотворенность материи, что в своей имманентной тональной форме она выражает все «особенные» чувства «и все оттенки радости, веселья, шутки, каприза, восторга и ликования души», наконец, «благоговение», преклонение, любовь и т. п.<sup>1</sup>

Без этого искусства немислима история совершенствования и обогащения отношений мужчины и женщины ценностями духовной культуры. Музыка придает большую утонченность и красоту любовным чувствам и стремлениям, растворяет сознание в атмосфере игры звуков, тонального волшебства.

С первых своих шагов на земле человек рассматривает музыкальное искусство как волшебную, дарованную свыше таинственную силу. Он связывает ее воздействие с культом окружающей его незнакомой природы, с религиозными обрядами, со светом надежды и оптимизмом веры. Музыкальное искусство (сначала только вокальное, а потом и инструментальное) глубоко проникает в ритуалы, передаваемые из поколения в поколение традиции. Оно становится постоянным выразителем и атрибутом праздничного настроения, торжественной обстановки.

Но постепенно в Древнем Египте, а позднее и в Древней Греции, возникает светская музыка. Прогрессирующее развитие вокальной и инструментальной эстетики и культуры от чистого, фантастически причудливого звучания флейт и арф в эпоху рабовладения до страстного лиризма канцонет и мадригалов мечтательных трубадуров эпохи феодализма, от камерных сонат и монодий, исполняемых цимбалами и органом в XVI веке, до классических опер, симфоний, квартетов и концертов Баха, Моцарта и Бетховена, от нежного романтизма произведений Вебера, Шуберта, Листа, Шопена до современной полифонической оперной, концертной, фольклорной, танцевальной и эстрадной музыки — все это отражает путь эстетического возвышения человека, одновременного являющегося и путем облагораживания и совершенствования любовных отношений.

Мужчина и женщина, будучи влюбленными, непроизвольно обращаются к музыке. Она доставляет им эстетическое удовольствие, соответствующее уровню их развития и культуры.

<sup>1</sup> См.: Гегель. Эстетика, т. 1. М., 1968, с. 93; т. 3. М., 1971, с. 290.

<sup>1</sup> Бобчев С. С. Сборник на българските юридически обичаи, ч. I, отд. 1. Пловдив, 1896, с. 120.

<sup>2</sup> См.: Аристотель. Политика, с. 198, 201, 203—205.

Гейне во «Флорентийских ночах» описывает очаровательных женщин Италии. Они становятся «прекрасны... когда музыка освещает их лица». «Кто умеет читать, тот прочтет тогда на их прекрасных лицах очень много приятных и интересных вещей: рассказы не менее замечательные, чем новеллы Боккаччо, чувства не менее нежные, чем сонеты Петрарки, капризные, причудливые, как октавы Ариосто».

Однако оперная и концертная музыка не являются самыми распространенными формами музыкального творчества. В наше время они уступают в этом отношении эстрадной и танцевальной музыке, ставшим уже частью повседневного быта людей, особенно молодежи, наиболее доступным массовым искусством.

Глубокое эмоциональное воздействие музыки оказывается иногда причиной отрицания ее высшей благотворной, эстетически формирующей роли. На нее начинают смотреть как на подсознательную стихию, как на средство освобождения человека от света разума и нравственной гармонии. Кьеркегор считал, что наслаждение музыкой есть наслаждение запретное. Как абстрактное искусство она ведет к раздвоению человеческой сущности и дает простор сладости греха. Музыка — это внутренняя «демоническая сила», которая выражает порочное начало индивида. Она возбуждает «необузданное вожделение», сладострастный восторг и, разнося «шепот искушения», находит свое естественное воплощение в донжуановской эротике<sup>1</sup>.

В «Крейцеровой сонате» Лев Толстой раскрывает подобное понимание эмоционального воздействия музыки. Под влиянием ее чарующих звуков наступает как бы состояние гипноза, как будто открываются новые, неиспытанные чувства. Толстой видит в музыке страшную, демоническую силу. Он боится ее обольщения, хотя она в своем чистейшем бытии возвышает дух над повседневностью. В романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» учитель музыки Кречмар говорит о «врожденной нечувствительности искусства музыки». И все-таки это искусство, эта «кающаяся грешница под личиной волшебницы», «нежными руками сладострастия обвивающая шею простодушного Парсифаля», «будоражит все чувства».

Любовные чувства в большей или меньшей степени формирует также активное эстетическое воздействие скульптуры и живописи. Скульптура и живопись эстети-

<sup>1</sup> См.: Гайденок П. Трагедия эстетизма. М., 1970, с. 199.

чески раскрывают (пространственно и колористически) сущность человека. Они воздействуют на отношения между полами: во-первых, художественно пересоздавая целостную физическую и духовную сущность мужчины и женщины; во-вторых, эстетически выделяя и подчеркивая их характерные особенности; в-третьих, изображая по законам красоты определенные ситуации интимных межличностных отношений (ухаживание, поцелуй, объятия и т. п.).

Таким образом, мужчина и женщина обогащают свои представления об искомом совершенстве, об идеальных качествах и формах человека. Они приобретают утонченный вкус и стремление строить свои отношения в соответствии с эстетическими требованиями.

Первые в истории искусства скульптурные изображения, найденные в Австрии и Франции палеолитические статуэтки, были названы палеолитическими Венерами. Они изображают обнаженные женские фигуры с выраженными половыми атрибутами. Первобытный скульптор воплотил в них «сексуальный идеал» — подчеркнуты грудь, широкие бедра, живот<sup>1</sup>.

Мужские фигурки встречаются в гораздо меньшем количестве. Отсюда следует, что и в самом начале человеческой истории, в первобытном обществе, объекту изображения — мужчине, в первобытном искусстве. Фессалийская Венера уже прикрыта одеждой, соблазнительно спущенной на бедра. Подобные статуэтки найдены также в Японии, на Филиппинах, в Африке<sup>2</sup>.

Переход от первобытного к классовому обществу открывает большие возможности для эстетизации любви на более высоком уровне развития скульптуры и живописи. Художественные изображения человека, включая атрибуты пола, в камне, бронзе, дереве и красках становятся более изящными, более адекватными идеалу, потребностям сердца, утонченной игре фантазии.

Древнеиндийские храмы полны мужских и женских фигур в виде скульптур в нишах или фресок. Сексуальное содержание этого искусства не связано с мистической атмосферой религии. У женских обнаженных фигур обыкновенно крупные груди, выпуклые пупки, широкие,

<sup>1</sup> См., Всеобщая история искусств, т. 1. М., 1956, с. 22.

<sup>2</sup> См., Томсон Д. Исследования по истории древнегреческого общества, с. 234—237.

округлые бедра<sup>1</sup>. Найдены барельефы, изображающие зачатие, брак, «жизнь в наслаждении» и т. д.<sup>2</sup>.

Древнегреческое изобразительное искусство достигает вершин мастерства в эстетическом, пластическом перевоплощении мужской и женской природы. Оно отражает в гармоничных художественных формах неуловимую красоту человека. Женские портреты на стенах Кносского дворца на Крите (ок. 2000 г. до н. э.) демонстрируют высокое мастерство, утонченную, свободную линию.

Изобразительное искусство Древней Греции так называемой классической эпохи — это ряд блистательных художественных достижений античных ваятелей, одухотворяющих бронзу и мрамор: Мирона, Поликлета, Фидия, Алкамена, Скопаса, Праксителя, Бριαксиста, Леохара, Лисиппа и др. Классическое изобразительное искусство Эллады стало академией в воспитании людей своего времени. Оно создало образцы человеческого совершенства, эстетической гармонии тела и духа, выработало критерии художественного восприятия мира с учетом исторических задач времени, обогатив таким образом в конечном счете и содержание культуры чувств.

Дискобол Мирона — атлет, как бы зафиксированный в положении «моментальной фотографии», но, как пишет Андре Боннар, устремленный вперед всей своей напряженной, гибкой и стройной фигурой, выражающей «мгновенное движение».

Поликлет также ваяет совершенное тело человека, но в отличие от Мирона он выражает не «мгновенное движение», напряжение рук, ног, груди и лица, а их гармоничное спокойствие. Дорифор (копьеносец) Поликлета — воплощение канона пропорций мужского тела.

Фидий, Пракситель, Скопас, Леохар, Лисипп и другие мастера пластического искусства Древней Греции (классического и следующего за ним эллинистического периода) создают обаятельные, возвышенные образы мужчин и особенно женщин, придавая их земной сущности идеализированное совершенство богов Олимпа.

Изваянные лица и фигуры мужчин и женщин становятся все изящнее, грациознее, миловиднее. Искусственная «архаическая улыбка», легко приподнимающая уголки губ (у скульптур доклассического периода), сменяется чарующе светлым выражением лица. Скованность фигур

постепенно исчезает, эстетически преодолевается. Из мрамора и бронзы триумфально рождается «прекрасный, гармонически сложенный человек — юноша или зрелый мужчина, девушка или женщина цветущих лет»<sup>1</sup>.

Гений мастеров Древней Греции овеет духовное и одухотворяет предметное. В мраморе и бронзе образ человека выступает художественно преображенным, очищенным от случайных подробностей, обобщенным, глубоко эстетизированным; инертность материи преодолена, первичная «животность» тела преобразуется в идеал развития человека.

С точки зрения полового воспитания, облагораживающего воздействия большую роль играют образы женской красоты: Афина Паллада, Артемида, Деметра и особенно Афродита. Поистине волшебное влияние благодатного ионического климата, о котором говорили, что он возносит на крыльях созерцания неуловимую духовность человека к идеалу.

Прекрасна мраморная статуя богини красоты, найденная в начале XIX века на острове Милос (Мелос) и названная Афродитой Милосской. Она олицетворяет эллинские нормы красоты и гармонии совершенного женского тела. Грудь Афродиты Милосской как бы слегка трепещет. Лицо излучает мягкое внутреннее сияние, свет божественной красоты.

Неуловимым очарованием полны древнегреческие Афродиты. Время сделало их красоту достоянием человечества. Афродита Книдская Праксителя, Афродита Медицейская, Афродита Киренская и др. — это вечные образы прекрасной женщины с идеально пропорциональным телом. Эстетизация образа женщины в скульптурах древнегреческих мастеров способствовала облагораживанию половых отношений. Это объясняется прежде всего следующими обстоятельствами:

1. Древнегреческие скульптурные изображения Афродиты изваяны чаще всего из белого мрамора. Эта эстетическая условность материала отделяет художественный образ от природы. Холодный отделяет от животного нагое тело, не создает натуралистическую иллюзию. Он перевоплощает его стройность и жизненную полноту в форму, освобожденную от непосредственных половых раздражителей. Таким образом, мрамор в руках скульптора помогает превращению обнаженной, сексуально воздействующей плоти в объект эстетического созерцания.

<sup>1</sup> Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1970, с. 193.

<sup>1</sup> См.: Искусство стран и народов мира, т. 2. М., 1965, с. 28—33.  
<sup>2</sup> См.: Райнов Н. История на изкуството, т. 3. Изд. Ст. Атанасов. София, с. 233.

2. Изящные фигуры древнегреческих Афродит являются художественной идеализацией естественного облика женщины. Линии и очертания тела образуют гармоническое созвучие. Богиня любовных мистерий Древней Греции превращается в «образ целомудрия, чистой красоты». Идеализация женского тела блокирует чувственные вожделения мужчины. Половой инстинкт как биологическая тенденция отступает на задний план. Эрогенные зоны становятся объектом эстетического созерцания. Как указывает М. В. Алпатов, тело изваянной Праксителем Афродиты «было столь прекрасно, что посетители святилища должны были отогнать всякие грешные мысли»<sup>1</sup>.

3. Древнегреческие статуи богини любви часто изображают ее после или во время купания. Это служит как бы оправданием наготы ее тела и одновременно ассоциируется с понятием и представлением о телесной чистоте, что усиливает очарование женского образа, способствует его эстетическому созерцанию.

Древнегреческое искусство ваяния заставило человека смотреть на мир другими глазами. Оно решительно преодолело чисто плотское, сексуальное отношение к обнаженному телу, к его функциям. Это пленительное искусство создало высшую эстетизацию половых отношений, открыло тайны человеческой красоты, приучило сознание созерцать нагое тело без какого-либо внешнего проявления чувственных желаний.

Это искусство гармонии показало красоту обнаженного тела человека, и прежде всего тела женщины, канонизировало для грядущих поколений его прелесть, его изящество, превратив его в объект эмоционального созерцания, доставляющего особое, высшее наслаждение.

На протяжении веков скульптура и живопись воспитывали утонченность половых отношений, свойственную цивилизованному обществу, обогащали эстетическое содержание любви человека. После античной классики новой, подлинной революцией в этой области стало искусство Возрождения. Его основной темой, его объектом созерцания вновь становится целостный гармонический человек.

Искусство снова обращается к изображению обнаженного тела с эллинистической чистотой и откровенностью. Сначала начинают изображать открытыми руки и шею, скрытые на иконах от человеческих взглядов. На полот-

<sup>1</sup> Алпатов М. В. Всеобщая история искусств, т. I. М.—Л., 1948, с. 164.

нах и на фресках нагое тело вновь начинает блистать во всей своей теплой, изящной красоте. Большое значение имел тот факт, что это искусство воплощалось преимущественно в живописи. Его волшебное очарование выражалось в красках, колорите.

Изображения идеальной женщины эпохи Возрождения обычно называются мадоннами (по христианской традиции) или Венерами (согласно языческой традиции). Разница здесь не только в названии, в известной степени она касается и некоторых особенностей трактовки.

Мадонны Ренессанса—это вчерашние (с желтыми, как воск, страдальческими лицами) богородицы позолоченных икон, превратившиеся в лучезарно улыбающихся светских дам. Шея открыта, лицо сияет запрещенной ранее улыбкой. Тем не менее мадонны «прилично одеты», тщательно задрапированы. Как иначе они могли бы выдержать строгости христианской традиции?

Огромным достижением были мадонны Леонардо да Винчи и Рафаэля—представителей блестящей флорентийской школы. Замечательна живая красота их лиц. Древнегреческие ваятели искали идеальные пропорции тела женщины, стремились выразить его грациозность и гармоничность. Лицо приобретало особенно холодную, «звездную» красоту. Ему не хватало интимного самоуглубления.

Не таковы мадонны Леонардо и Рафаэля (Мадонна Литта, Мадонна в скалах, Мадонна Бенуа, Мадонна делла Седиа, Сикстинская мадонна и т. д.). Эти изображения женщины излучают внутренний магнетизм, какое-то скрытое волшебство. Лица их полны глубокой одухотворенности и чарующей миловидности.

Венеры Возрождения—нагие, как прелестные образы богини любовного желания в Древней Греции. Это новая эстетическая идеализация природного начала жизни, торжествующего человеческого тела.

Художник раннего Возрождения, периода так называемого кватроченто, Сандро Боттичелли рисует тонкой изящной кистью образ Венеры. Прекрасна картина рождения богини из золотистой пены моря. Венера стоит на огромной створке раковины над волнами, застенчивая, нагая и девственная. Ее тело—воплощение чистой гармонии идеала. Ее золотистые волосы, колеблемые ветром и дыханием весны, струятся по плечам и ниспадают до бедер.

Но у этой Венеры все еще бледная кожа богородицы, ее лицо исполнено легкого меланхолического сияния.

Аскетические христианские традиции, господствовавшие в изобразительном искусстве, еще не полностью преодолены.

Блестящие живописные полотна создали представители венецианской школы (Джорджоне, Тициан, Веронезе, Тинторетто и др.), колористически обогатившие изображение обнаженной женщины. Они решительно отказываются от укрывающих ее тело покровов, возрождая языческий взгляд на человеческое тело. Венецианские художники сделали также открытие в области живописной композиции. Впервые в истории этого искусства они рисуют обнаженную женщину, не стоящей прямо или слегка наклонившись, а лежащей в спокойной позе. Но и такое изображение не возбуждает эротических чувств, оно полно лиризма и доставляет чисто эстетическое наслаждение.

У спящей Венеры Джорджоне идеально прекрасное тело зрелой женщины. На ее лице — тень легкой меланхолии, затаенной грусти. Венера Тициана еще более артистична, миловидна; как бы окруженная золотистым сиянием, она кажется одновременно воздушной, эфирной и осязаемой, земной. У нее одухотворенное, ласковое лицо, ее взгляд полон внутренней теплоты и самоуглубленности. Ее обнаженное тело — воплощение нежности и красоты.

Мадонны и Венеры Возрождения как изображения идеала женщины своего времени обогащают эстетическое видение человека, становятся воплощением красоты.

1. В противовес церковной христианской иконографии искусство Возрождения реабилитировало человеческое тело. Оно раскрыло его эстетическую прелесть, его жизненность и красоту.

2. В отличие от античной скульптуры греческих мастеров искусство Возрождения придает человеческим образам большую одухотворенность. Оно уделяет особое внимание изображению лица, как верного зеркала эмоций, чувств, волевых устремлений, духовного содержания личности.

3. Искусство Возрождения провозгласило культ гармонического человека. Оно преодолело некоторую однообразие старейшей эстетики. Древнегреческое искусство имело своим объектом главным образом внешнее, физическое проявление человека. Оно эстетизировало атлетический человеческий тип. Искусство средневековья, напротив, воспевало мистическое внутреннее самоуглубление.

Искусство Возрождения осуществило глубокую художественную переоценку заветных традиций. Оно эстетически синтезировало античное восхищение человеческой жизненностью и духовное самоуглубление, создав новую, высшую форму красоты и гармонии.

4. Искусство Возрождения нашло свое высшее выражение главным образом в живописи. Это было не случайностью, а воплощением исторической необходимости. Античное греческое искусство достигло своего классического расцвета в скульптуре. С помощью ее средств оно полнее всего могло выразить формы и пропорции идеально красивого человеческого тела.

Мягкость и богатство колорита живописи лучше всего отражали разнообразие чувств и душевных движений человека. Одухотворяя обнаженное человеческое тело, живопись Возрождения выступала действенным фактором возвышения культуры интимных отношений человека. Это искусство облагораживало инстинкт воспроизводства, имманентно связывая его с переживанием красоты, с глубоким эстетическим перевоплощением.

Гейне писал во «Флорентийских ночах», что красота итальянок связана с традициями художественной культуры. «Идеальность их черт могла бы послужить для историка прекрасным доказательством влияния изобразительных искусств на внешность и телосложение итальянского народа». Исторически сама природа прежде всего является объектом эстетического перевоплощения. Преображенная, она как бы начинает копировать в теле человека образы искусства. Гейне говорил об «обожании прекрасных мадонн, украшающих храмы, запечатлевшихся в сердце жениха, в то время как невеста отдает пыл своего сердца какому-нибудь прекрасному святому».

После эстетической революции, совершенной Возрождением, живопись и скульптура в период классицизма (XVII и первая половина XVIII века), Просвещения и романтизма (XVIII—XIX века), реализма (XIX—XX века) делают все новые художественные открытия. Это последовательный исторический процесс, в котором глубина созерцания природы человека сочетается с утонченностью ее эстетического восприятия.

Наследник дерзновенного Возрождения Рубенс сделал новый смелый шаг: он создал пышущие здоровьем, полные языческой жизненности образы женщин.

Полнее раскрывает интимное самоуглубление человека «психологическая» живопись Рембрандта. Образы

Саскии, Данаи, Сусанны, Флоры и др.— воплощение идеальной и в то же время земной женщины. Погруженные в глубину мягкого темного фона, они словно излучают золотистое сияние, они прекрасны и полны душевной теплоты.

В конце XVIII—начале XIX века в творчестве Гойи слились безудержная фантазия, смелость рисунка и пламенеющие краски. Портреты Исабель Кобос де Порсель, Сабасы Гарсиа, образы одетой и обнаженной махи отличаются яркостью колорита, эмоциональной экспрессивностью воздействия.

В первой половине XIX века мастером живописного изображения прекрасного нагого тела является Жан Огюст Доминик Энгр. В таких картинах, как «Источник», «Купальщица», «Одалиска» и др., чистота форм и грациозность линий сливают воедино физическую и нравственную красоту женщины.

Новым этапом в развитии искусства живописи стало творчество Мане, Дега, Сислея, Ренуара и др., смело преодолевших бездушную, полную педантического внимания к деталям рутинность академической живописи. Богатство и свежесть красок словно залитого солнечным светом человеческого тела на их картинах раскрывает чистую девственность его сияющей красоты. Обнаженная, словно светящаяся под зелеными ветвями деревьев женщина в «Завтраке на траве» Мане, его «Олимпия», стройные балерины Дега, лучезарные женщины Ренуара обогащают весенней свежестью красок и теплотой колорита эстетическое созерцание человека новой исторической эпохи.

Вдохновенное мастерство скульптора Родена («Адам», «Ева», «Данаида», «Попелуй» и др.) раскрывает одухотворенную красоту обнаженного человеческого тела.

Изящные женские образы Матисса, Пикассо и других современных художников поражают чистотой линий, мастерским лаконизмом рисунка, неуловимым очарованием. Лучшие современные живописцы и скульпторы постоянно обогащают изобразительное искусство: экспрессия, лаконизм, глубокий «подтекст» создают простор воображению и высшим ассоциациям.

Танец, музыка и живопись в их взаимодействии создают ощущение душевной полноты, чувственно-интеллектуальной целостности переживаний, присущих любви. Учитель музыки Кречмар в «Докторе Фаустусе» Томаса Манна говорит, что музыка «будоражит все чувства и сливается в единый блаженный дурман упоение

благоуханиями». В свою очередь колористическое богатство живописи пробуждает чувство ритма и звучит прекрасной мелодией в сознании человека.

#### 4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Культура половых отношений мужчины и женщины эстетически многим обязана художественной литературе. Отношение философии к этому искусству «словесной магии» характеризуется известной противоречивостью. Платон изгнал поэтов из своего идеального государства, потому что они возбуждают страсти людей и, по его мнению, мешают развитию науки. Однако Аристотель раскрыл глубокую органическую связь искусства слова с философией и нравственностью человека.

По мнению Канта, поэзия «расширяет душу, давая свободу воображению». В конечном счете эта очаровательная «игра» рассудка «эстетически возвышается до идей»<sup>1</sup>. Гегель указывает, что поэзия облегчает сердце человека. Но она выполняет и другую, более важную функцию как искусство красоты слов и аллегорических описаний. Задача поэзии состоит в «освобождении духа не от чувства, а в нем» и таким образом в превращении «слепого господства страсти» в «объект, очищенный от любой случайности настроений», который возвращается в «удовлетворенное самосознание»<sup>2</sup>.

Белинский писал, что поэзия—это «высший идеал» человека, «тончайший эфир, утонченный экстракт, квинт-эссенция жизни», сладость тоски и жажда непостижимо красивого. Она есть «упование, трепет, отдохновение... волнение и буря чувств, полнота любви, восторг удовольствия», «страстный, мучительный, неясный порыв куда-то, к какой-то всегда зовущей стране», «удары пульса мировой жизни, его кровь, его огонь, его свет»<sup>3</sup>.

Поэзия и проза в высшей степени обогащают эмоциональное и эстетическое содержание любви. Реальные возможности этого естественного воздействия можно понять, имея в виду следующие обстоятельства:

1. Художественная литература—это искусство изящного образного слова, звучащего как прекрасная мелодия. Именно эта атмосфера изящества «смягчает» сердце человека. Овидий говорит в «Науке любви», что любовь

<sup>1</sup> См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 344—345.

<sup>2</sup> Гегель Г. В. Ф. Эстетика, т. 3, с. 356—357.

<sup>3</sup> Белинский В. Г. Избр. произв. М., 1953, с. 158, 163, 164.

«питается сладкими словами», что «стихи заставляют женщину скорее прийти в объятия мужчины». Волшебная сила художественного слова заключена в артистически утонченной форме психического соприкосновения влюбленных.

2. Художественная литература обогащает мир образных ассоциаций, связывающих представления о сексуально значимых качествах и действиях мужчины и женщины с представлениями о различных явлениях вне сферы биологического воспроизводства человека. Она формирует эстетические условные рефлексы, выполняющие определенную поведенческую регуляторную функцию. Сознание восходит от эротики к духовности. Свойственная человеку сексуальность становится объектом относительно самостоятельного эстетического созерцания. Она не шокирует мышление, не возбуждает страсти, а доставляет сознанию высшее наслаждение.

Из всех видов искусства поэзия и проза, несомненно, дают наибольший простор эстетическому воображению. Это достигается с помощью метафор, аллегоричности слов и описаний. Важную роль играют при этом многозначность художественного слова, его инсказательность и способность вызывать неожиданные и разнообразные ассоциации.

Метафоричность поэзии создает чарующий мир красоты. Богатство слова, словесная игра и блеск сравнений выражают постоянное стремление человеческого духа к большей свободе и совершенству, помогают сознанию подниматься над банальной будничностью жизни, над естественным животным осуществлением инстинкта, воплощать в образах возвышенные мечты, красоту идеала.

3. Художественная литература соединяет инстинкт биологического воспроизводства человека с самыми чистыми порывами духа, облагораживая и возвышая чувство любви. Уместно вспомнить здесь слова Буало, писавшего в «Поэтическом искусстве»:

Кто пишет высоко и чисто о любви,  
Не вызывает тот волнения в крови.

Разумеется, слово потенциально содержит и отрицательный заряд. Оно способно выразить не только нежную прелесть любви, но и вульгарную чувственность. Однако подлинное волнующее искусство метафоры и аллегории не имеет ничего общего с литературной порнографией, с обольщениями эротики.

4. Богатство языковой знаковой системы позволяет описать все возможные аспекты мужской и женской красоты, все разнообразие ситуаций любви.

Ситуации любви, нашедшие отражение в художественной литературе, углубляют содержание социальной функции этого вида искусства. Это разнообразие объективной специфики переживаний воплощается в определенном жанровом различии произведений художественной литературы. Отражение сложных обстоятельств половой любви осуществляется посредством характерных приемов в лирике, в драме и романе, в трагедии, комедии и т. д.

Каждый жанр художественной литературы воздействует на эстетическое и половое воспитание человека своими специфическими средствами. Лирика отражает богатство светлых, положительных чувств, присущих любви и придающих жизненность и красоту отношениям мужчины и женщины. Художественное воплощение торжествующей любви средствами рассказа, повести, романа, драмы играет большую эстетическую и нравственную роль.

Художественное отражение трагической ситуации не вызывает состояния угнетенности, несмотря на печальную развязку. В конечном счете обаяние любви увеличивается, укрепляется понимание ее роли в общей эстетической и моральной ценностной системе человека. И, наконец, комедия также утверждает нравственно-эстетическую сущность любви. Она очищает ее от фальши, от недоразумений, от глупости, обогащая таким образом культуру взаимоотношений людей.

#### 5. СЛОВО, ОПЬЯНЯЮЩЕЕ, КАК ВИНО

Поэзия возникает в соединении с музыкой и танцем на самых ранних стадиях истории человечества. В первобытном обществе она чаще всего носит эротический характер. Иногда, однако, любовные песни воспевают нежность чувств и «напоминают поэтические произведения культурных народов»<sup>1</sup>.

Литературные памятники Древней Индии так называемого ведического периода (начало формирования классического строя—1500—1000 гг. до н. э.) веды и упанишады—это гимны естественной половой активности мужчи-

<sup>1</sup> См. Шурц Г История первобытной культуры, вып. II, с. 591.

ны и женщины. В четвертой брахмане мужчина принимает облик быка, а женщина — коровы<sup>1</sup>. Таким образом, смысл половой функции человека представлен очень наглядно. В других местах упанишад встречаются и более изящные метафоры. Боги посылают наслаждение зачатия. Оно уподобляется «искрам». На этом огне боги совершают подношение семени, из которого возникает человек<sup>2</sup>.

С языческой откровенностью веды и упанишад поэтизируют магию совокупления в индивидуальном и космическом планах, усматривая в нем глубокий смысл любви. Мужчина призывает женщину, «чтобы она наслаждалась со мной любовью». Священнодействие язычника! Он страстно мечтает о женщине, чтобы, «прижавшись устами к устам и коснувшись ее лона», в опьянении шептать: «Ты возникло из каждого члена, ты вышло из сердца»<sup>3</sup>.

В более позднюю эпоху буддизма страсть становится сдержаннее, внутренний мир человека обогащается, углубляются его духовные ценности. Но эта необходимая, более высокая социальная регуляция отношений не лишает любовь ее языческой чувственности.

При рабовладельческом строе постепенно формируется эмоциональная ситуация личной симпатии. Поэзия становится более утонченной и аллегоричной, художественно отражая эту прогрессивную тенденцию. Индивидуальная привязанность определенного мужчины к определенной женщине иногда превращается в трагедию. Ее элегическое воссоздание оказывает глубокое эстетическое воздействие на людей, увеличивает ценность первых ростков исторически развивающегося чувства любви.

В «Песни песней» Ветхого завета любовь предстает как завораживающая, могучая, стихийная сила. Эта любовь очень жизненна, предметна. Образы и эпитеты, которые используют влюбленные, поэтичны, но еще элементарны: и ассоциативно, и непосредственно они связаны с чувственным влечением, с осязанием и в менее выраженной форме с высшими душевными движениями. Так влюбленный уподобляет свою любимую «кобылице в колеснице фараоновой» (I, 8). Но все же и здесь имеют место зачатки выбора и предпочтения одной

<sup>1</sup> См.: Брихадараньяка упанишад. М., 1964, с. 74.

<sup>2</sup> См. там же, с. 145, 150.

<sup>3</sup> Там же, с. 151.

определенной женщины. «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (II, 2).

«Песнь песней» в поэтической форме рассказывает нам об отношениях между мужчиной и женщиной. Эти отношения представляют собой первые ростки подлинного любовного чувства, сердечных терзаний. На передний план выступают личная симпатия, выбор одной (одного) из множества, колоритная идеализация любимого человека, полнота чувств и психических переживаний влюбленных. Но мы не можем еще говорить здесь о развитой и полностью проявившейся любви между мужчиной и женщиной. В «Песни песней» господствует первичный инстинкт, чувственное влечение.

В неразвитом любовном стремлении преобладает чувственность. Но переход от чувственных ассоциаций, связанных с прикосновением, кожным осязанием, запахом, к зрительным ассоциациям, бесспорно, уже является шагом вперед от низших эмоций к высшим. У арабского поэта VI века Антары мы находим следующее описание любимой женщины: «Я увидел белую женщину, длинные волосы которой ниспадали до земли.. они темны, как черная ночь... Под своими черными локонами она походит на зарождающийся день, и ее прическа напоминает темную ночь... Чудесная девушка завладела моим сердцем благодаря стрелам своего взора, а эти стрелы дают неизлечимые раны. Она прошла... с пышной грудью, подобно газелям. Она улыбнулась, и жемчуг блистал между ее губ, скрывающих лекарство для влюбленных больных... Она простерлась ниц перед величием своего Господа, и великие боги склонились над ее красотой»<sup>1</sup>.

В поэме Фирдоуси (X век) «Шахнаме» отражается более высокий уровень отношений между мужчиной и женщиной. Прежде всего мы видим здесь индивидуальное предпочтение, личный выбор. Внимание направлено на определенную женщину, которая находится преимущественно в кругу зрительных ассоциаций. Чувственное влечение к женщине озарено светом эстетических переживаний. Фирдоуси поэтически воспеваает красоту женщины:

Как будто из кости слоновой она,  
Как утро, прелестна, как тополь, стройна,  
По снежным плечам два аркана скользят,

<sup>1</sup> Летурно III. Литературное развитие различных племен и народов, с. 186—187.

В блестящие кольца свиваясь у пят.  
Лицо — что гранатовый цвет, алый рот —  
Граната зерно, грудь — гранатовый плод.  
Глаза — два нарцисса, питомца весны;  
Как ворона крылья, ресницы темны,  
И луку Тараза подобная бровь,  
Как мускус, чернеет, вселяя любовь.  
Дыханье красавицы — амбры свежей;  
Она затмевает светило ночей;  
Как сад расцветающий, взор веселит,  
Усладу, и негу, и счастье сулит.

(Перевод Ц. Бану)

Тема любви намечается также и в искусстве Древней Греции. Некоторые исследователи преувеличивают степень развитости психологии эллинов в этом направлении. По существу, древнегреческая поэзия очень бедна такого рода мотивами. Даже там, где они имеются, речь идет скорее о буйной страсти, чем об осознанном любовном влечении. Сама лучезарная Афродита разжигает страсти людей, не возвышая их в достаточной степени.

Как отмечал А. Балабанов, «в произведениях греческих лириков раннего классического периода любовь не является основным мотивом», так же как и древнегреческая драма «не нашла времени» для любви<sup>1</sup>. Только на закате этой блестящей цивилизации постепенно начинают звучать волнующие любовные мотивы. Пренебрежение интимными и нежными чувствами между мужчиной и женщиной, согласно Балабанову, объясняется греко-персидскими войнами, которые ставили перед искусством другие задачи. Этот аргумент не представляется нам убедительным. О любви можно писать и в самой суровой обстановке. Следует искать иные, более существенные причины такого пренебрежения. Слабое отражение любовных мотивов в древнегреческой поэзии говорит о неразвитости психологии эллинов.

«Ни в «Илиаде», ни в «Одиссее», — пишет Балабанов, — речь не идет о любви, причем не только о такой любви, какую мы, современные люди, знаем сегодня, но и вообще о любви, в ее классическом понимании». Парис украл Елену, но она в него не влюблена. Ее бегство, хотя и выглядит романтично, всего лишь «кража вещи»<sup>2</sup>. Прекрасная Елена не любит и своего мужа Менелая. Впрочем, ее оспаривают друг у друга, за нее воюют, но ее никто не любит. Согласно Балабанову, «Илиада» содержит только

<sup>1</sup> См.: Балабанов А. Любовь и поэзия. София, 1939, с. 17, 21.

<sup>2</sup> См. там же, с. 23, 24.

один любовный мотив — «момент, когда у Ахилла отнимают прекрасную Брисеиду». Текст «Илиады» не дает серьезных оснований для подобного вывода. Рабская зависимость пленной девушки является серьезной помехой для любви. Ахилл же смотрит на Брисеиду как на трофей. По существу, он разгневан из-за того, что ее отнимают, а не из-за того, что он не может без нее жить. А. Кёрте делает вывод: «Вряд ли что-нибудь изменилось бы в мотивах и действии эпоса, если бы Агамемнон отнял у него вместо Брисеиды, например, какое-нибудь ценное оружие или благородного коня»<sup>1</sup>.

Любовным мотивом принято считать и похождения Одиссея на острове нимфы Калипсо. На пустынном острове Эгейского моря живет в пещере вечно юная и прекрасная нимфа Калипсо. Она одинока и, почти как рыбу, ловит странствующего Одиссея. Она влюбляется в него (по крайней мере так говорится в поэме) и страстно любит его целых семь лет. Однако можем ли мы говорить о любви? Каковы чувства молодой нимфы? Здесь прежде всего отсутствуют объективные предпосылки для индивидуального выбора, так как Калипсо встречает лишь одного мужчину. А лукавый и хитрый Одиссей вовсе не склонен к сентиментальности. Он просто принимает все, что случилось, изыскивая при этом возможности для побега. Незавершенным остается и описание пробуждения любви Навсикаи к Одиссею.

Любовные мотивы проявляются в поэзии Алкея и Сапфо, этих пленительных трубадуров Древней Греции.

Чувства Сапфо подобны «урагану», который оставляет ее поверженной, не дав ей ни опомниться, ни что-либо понять; это неутолимая страсть и боль, самоотверженность и непрестанные мечты.

Эрос вновь меня мучит истомчивый  
Горько-сладостный, необоримый змей.  
Лишь тебя увижу — уж я не в силах  
Вымолвить слова.

(Перевод В. Вересаева)

Но Сапфо «не описывает предмета своей страсти»<sup>2</sup>. Ее чувства скорее пантеистичны, они как бы распространяются на всю природу, на все прекрасное на земле.

Более определенно и конкретно проявляет себя в своей лирике Алкей. Но и в поэзии Алкея преобладает чистая

<sup>1</sup> Цит. по: Балабанов А. Любовь и поэзия, с. 200.

<sup>2</sup> Боннар А. Греческая цивилизация, т. 1. М., 1958, с. 118.

эротика. Чувства у него натуралистичны и недостаточно определены.

Сердечный трепет воспевают и Анакреонт. Однако его любовь еще не полностью сформировалась. Анакреонт признается, что «и любит, и не любит, и сходит с ума, и не сходит». В связи с этим Балабанов пишет: «Анакреонт не то чтобы не испытывает любви к определенному лицу, но все же как его настроения, так и его любовь легко перескакивают от одной девушки к другой и вновь возвращаются к первой»<sup>1</sup>.

Трагедию любви раскрывает Софокл. Антигона и Гемон испытывают друг к другу нежные чувства. Но о самой любви автор почти не говорит. Мы узнаем о ней лишь в ходе трагического развития действия. Антигона идет на казнь за то, что вопреки воле царя Креонта предала земле тело своего погибшего брата Полиника. Бессильный спасти ее, Гемон кончает жизнь самоубийством.

Антигона скрывает свои чувства. Ее сердце — сердце страдающей женщины — закрыто. Только один раз она говорит: «Бедный, милый Гемон». Гемон «слабеющей рукой» обнимает любимую. Он заключает «скорбный брак в жилище тихой смерти». А хор печально поет, что Эрот, бог любви, и побежденные им «страдают и безумствуют».

В «Антигоне» любовь обладает широкой, но не совсем определенной формой. На передний план выступают чувства к родному брату Полинику. Влечение к жениху лишено своих специфических особенностей. Любовь еще очень диффузна и неопределенна, но ее жаркое дыхание уже ощутимо.

И наконец, Еврипид. Высмеивавший любовный трепет Аристофан говорит, что Еврипид научил молодых людей влюбляться. Возможно, в этом обвинении есть известная доля истины. Еврипид создает потрясающие любовные сцены.

В трагедии «Ифигения в Авлиде» Ифигения, дочь Агамемнона, должна быть принесена в жертву богам во имя отчества. Ахилл испытывает к этой девушке нежные чувства и пытается ее спасти. Он заявляет, что готов обручиться с Ифигенией, ввести ее «в свой дом». Но предопределение отменить нельзя, Ифигения должна отдать свою жизнь во имя родины. Древнегреческая любовь никому не приносит истинного счастья. Обычно она заканчивается трагедией. В рабовладельческом обще-

<sup>1</sup> Балабанов А. Любовь и поэзия, с. 108.

стве отсутствуют условия для полного расцвета и торжества любви. Ифигения и Ахилл не являются любовной парой в подлинном смысле слова. Здесь отсутствует и целостное психическое переживание красоты влечения. У древних греков мы видим первые «ростки» любви, но они не смогли вкушать ее истинных плодов.

В трагедии Еврипида «Ипполит» главный герой выступает противником чувства любви. Но автор трагедии создает образ Федры, первой женщины в античной литературе, которая пламенно выражает свои любовные чувства, как бы следуя полученному ею напутствию:

Любить тебе велела Афродита.  
Ты будь смелее — и любви отдайся.

(Перевод И. Анненского)

Поэтическим апофеозом любви является поэма Аполлония Родосского «Аргонавтика», повествующая о походе Ясона за золотым руном и о любви к нему дочери царя Эета Медуи. Мы видим в поэме возвышенную поэтизацию любовных чувств. Незаменимость избранника, глубокая привязанность к нему, бесконечность ожидания, богатство фантазии — все это выражает глубину чувства Медуи.

Античная художественная литература при описании взаимоотношений полов обычно несколько эротична, полна жизни, язычески откровенна. Идеализируя чувственные радости, она в то же время уже эстетически отражает постепенно разгорающийся свет духовности.

## 6. СЛАДОСТЬ ГРЕХА

Средневековье знаменовало коренной перелом в целом мировосприятии людей. Устанавливается господство христианской религии с ее церковными канонами, обуславливающее глубокие изменения всего образа жизни людей в Европе.

Человеку античной эпохи мир представлялся монолитным, осязаемым, гармоничным, полным единой телесной и духовной красоты. Мир средневекового христианина глубоко раздвоен, дисгармоничен: мир бога (духа) и мир дьявола (плоти). Религия считает идеалом не мускулистую фигуру дискобола, не Аполлона, а изможденное, бледное привидение — аскета, святого.

Этот перелом в сознании вызван прежде всего социально-экономическими причинами. Феодализм, выдвигающий принцип натурального хозяйства, нуждается и в моральном воспитании, направленном на ограничение материальных потребностей угнетенного человека.

Но мораль аскетизма обусловлена также определенными социально-психологическими причинами. Это потребность во внутреннем самоуглублении, более жесткой регламентации в сфере любовных отношений, отражавших общую дезорганизацию жизни античного мира на последней фазе его развития.

Средневековье создает новые шедевры художественного творчества, выражающие иное понимание любви. Христианская религия уничтожает нагих языческих богов и провозглашает культ целомудренной девицы Марии. Образ женщины окружается в искусстве мистическим туманом. Возникает монашеская и рыцарская любовь. Странствующие провансальские трубадуры воспевают даму сердца. Литературные образы в сумеречной мистической атмосфере эпохи выступают как божественные небесные видения.

В известной германской эпосе «Песнь о Нибелунгах», созданной около 1200 года, рассказывается о храбром воине, сыне короля Нидерландов Зигфриде, и о прекрасной Кримхильде, сестре трех братьев — владетелей Бургундии. Кримхильда и Зигфрид — это образы идеального мужчины и идеальной женщины, согласно существовавшей в ту эпоху социально обусловленной системе ценностей. Зигфрид — сильный, мужественный герой многих битв, прославленный рыцарь. Он нападает на гордых, могучих королей и покоряет их, отнимает сокровища, убивает страшного дракона, купается в его крови и становится неуязвимым. Кримхильда — красивая, нежная, благородная, сияющая, как утренняя заря, девушка.

Кримхильда очаровывает Зигфрида и становится его женой. После его коварного убийства безутешная Кримхильда клянется отомстить за гибель своего супруга. Пройдя через множество испытаний, эта гордая женщина бестрепетно отсекает голову убийце Зигфрида Хагену. Отмщение стоит ей жизни, и она сама погибает.

«Песнь о Нибелунгах» повествует не только о героических подвигах времен великого переселения народов, она воспекает идеал мужчины и женщины. Описание силы и мужества Зигфрида, красоты и гордости Кримхильды эстетически и морально углубляет понимание любви.

Атмосферу европейского средневековья создают поэтические легенды, большей частью посвященные описанию полумистической, полуэротической рыцарской любви. Эта литература культивировала глубокие, хотя и подавляемые религией, чувства.

Любовь в средние века испытывает гнет церковных канонов. Это отражается и в предренессансной поэтической и прозаической литературе. До Данте в Италии творцами новой поэзии были Гвидо Гвиницелли, Гвидо Кавальканти, Чино да Пистойя, Джанни Альфани и др. Их лирика выражала одновременно мистическую молитвенную экзальтацию и любовно-платонические мечты провансальских трубадуров. Это специфическая эстетическая эмоциональная и мыслительная гамма средневекового сознания. Поэт Гвидо Гвиницелли рисует эфемерный облик такой любви в своей канцоне:

Как солнце извлекает блеск из драгоценного камня,  
так женщина вызывает любовь в благородном сердце мужчины.

И скажет когда-нибудь Бог моей душе:  
«Что дерзнула ты? Сравнить меня с земною женщиной,  
уподобить меня любви?»

«Господи, — отвечу я, — она была похожа на ангела,  
как же мне было не полюбить ее?  
Это не могло быть грехом!»

Эта любовь спускается с неба на землю, примиренная с богом; она являет собой как бы таинственный огонь для очищения человеческой греховности, сказочную лестницу, ведущую к небу, к ангелам и богу. Страсть, вызванная созерцанием женщины, принимает форму молитвы-исповеди, религиозной экзальтации, сладостного самозабвения.

Любовь Данте к Беатриче, о которой рассказывается в первой книге поэта «Новая жизнь», не выходит за границы, определенные ей предренессансной лирикой. В ней словно примиряются требования аскетизма с сердечными волнениями. В девятилетнем возрасте Данте встречает Беатриче. Его охватывают рыцарские экстазические чувства. Он не решается приблизиться к возлюбленной, не смеет признаться ей в своей любви, озаряющей его душу божественным светом. Данте говорит о Беатриче: «Она явилась мне одетой в благороднейший алый цвет, скромный и пристойный... Отныне и впредь любовь воцарилась над моей душой... когда она появлялась с какой-нибудь стороны, то одна надежда на дивный ее поклон изгоняла все злое во мне и возжигала пламя

милосердия, которое заставляло меня прощать всякому, обидевшему меня. И если бы спросили меня тогда о чем-нибудь, то ответ мой был бы лишь один: «Любовь», и лицо мое исполнено было смирения»

Благочестивая, но все же в своей основе совершенно земная любовь Данте достигает своего апогея на «девятом, кристальном небе» Рая, описанного им в «Божественной комедии». Там его душа находит счастье, о котором он так мечтал. Эта любовь завершается лирической кантатой смирения, апологией «пречистой Девы». Еще в «Чистилище» Данте встречает Беатриче, но в первую минуту он не может узнать любимую женщину, лицо которой сияет ангельским светом. Беатриче строго судит Данте, погрязшего после ее смерти в грехах:

Скажи, скажи, права ли я? Признаний  
Мои улики требуют во всем.

(Перевод М. Лозинского)

Обливаясь слезами, сгорая от стыда, Данте смиренно соглашается с ней и получает отпущение грехов. Нравственная прелюдия полного очищения христианского сознания завершается последней фазой испытаний. Данте легко возносится сквозь волшебные клубы эфира вместе с Беатриче, вместе с ангелами, «как луч сквозь стекло», до самого девятого неба.

Чистый свет поэзии Данте предвозвестил бурное утро литературного Ренессанса. Ренессанс в искусстве возникает и развивается в переходную эпоху первоначального расцвета капиталистических отношений в недрах феодальной общественной системы. Он обусловлен глубокими изменениями в социальной жизни: уничтожением феодальных аграрных отношений, переходом от простого ремесленничества к мануфактуре, великими географическими открытиями, началом мировой торговли, культурно-экономическим расцветом ряда европейских городов, победой королевской власти над сепаратизмом феодалов и формированием централизованных государств.

На сцене появляется новый, прогрессивный класс — буржуазия. Ее интересы, вкусы и взгляды приходят в противоречие с традициями культуры своего времени, с религиозными требованиями, с феодальным образом жизни и системой мышления. Наступает время свободомыслия, реформации, ересей. Молодой и более жизнеспособный класс — буржуазия — реабилитирует человеческие чувства, наносит удар аскетизму, возрождает древнее

языческое отношение к жизни на более высокой ступени развития. Этот класс становится носителем этики гуманности, жизнерадостного мировосприятия, философии оптимизма.

Одним из провозвестников Ренессанса является Боккаччо. В отличие от Данте, хотя и предчувствовавшего торжество новой эпикурейской жизненности, но все же искавшего счастья на небе, среди лучезарных ангелов, Боккаччо хочет быть счастливым на земле.

Боккаччо ставит любовь выше всех потенций человеческой природы, он воспевает ее могучую силу, ее неистощимую изобретательность, ее безумства и невероятные хитрости, ее священные права. Эта любовь, пишет И. Паси, «горячая, южная, неудержимая», она завладевает всем существом человека и «не дает ему покоя, пока не будет достигнута цель». Новеллы «Декамерона» — «маленькие и одновременно великие праздники плоти», они предвосхитили картины Тициана и Веронезе, с их сильными мужчинами и сладострастными женщинами, причем повествование Боккаччо более откровенно и непринужденно, так как слово «располагает большей свободой по сравнению с изобразительным искусством»<sup>1</sup>.

Безудержная эротичность переживаний, характерная для многих сцен «Декамерона», — это удар по аскетизму. Крайности находят оправдание в конкретной исторически сложившейся ситуации борьбы. Автор «Декамерона» заявляет о праве человека на свободу и любовь в ее ренессансном понимании, как откровенного изъяснения чувств, как соединения радости и страдания, самопожертвования и благородства, нежности и силы. «Декамерон» играл роль эстетического манифеста свободной любви в эпоху Возрождения. Он бросал вызов благочестивому лицемерию христианской морали.

Начиная с эпохи Возрождения и до наших дней художественная литература все глубже проникает в сферу интимной жизни человека. Она обогащает культуру общения мужчины и женщины, способствует эстетизации его чувственных влечений, эмоциональной дружбы.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс писал, что половая любовь «в течение последних восьми столетий... стала обязательной осью, вокруг которой вращается вся поэзия»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Паси И. Философски литературни етюди. София, 1968, с. 23, 26.

<sup>2</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 292.

После Боккаччо ренессансное понимание любви находит блестящее воплощение в творениях Маргариты Наваррской, Сервантеса, Лопе де Веги, Шекспира, ставших высшими достижениями художественного мастерства в поэтизации чувств и сердечных стремлений человека.

Книга Маргариты Наваррской «Гептамерон» состоит из 72 новелл. Написанная в подражание «Декамерону», она увлекательно рассказывает о самых различных любовных ситуациях той эпохи. Женщины и мужчины страстно влюбляются, супруги тайно изменяют друг другу, монахи поддаются искушениям греховных соблазнов, девицы чахнут от сердечных мук. Представление об интимной жизни человека в этой книге весьма противоречиво. Любовь здесь то платоническая, благочестивая, то глубоко земная, страстная.

Героиня одной из новелл «Гептамерона», бедная девушка, любит дворянина, который также питает к ней любовные чувства, но они уходят в монастырь и там обретают блаженство. Их возвышенные сердца жаждут совершенной красоты, которая присуща только богу, и они «предпочли бы умереть, лишь бы не дать волю желанию, от которого может пострадать честь и совести их возлюбленных». Но эти благочестивые истории соседствуют в «Гептамероне» с описаниями открытого, непосредственного проявления страстей. Влюбленный Амадур заявляет прекрасной Флориде, что ее тело по праву принадлежит ему. Сжигаемый страстью, Амадур говорит Флориде, что, «когда и тело и сердце охвачены любовью, в них нет места греху».

Маргарита Наваррская решительно защищает благочестивую, эфемерную любовь рыцарей и трубадуров. Но она снисходительно относится и к эротическим вольностям тела, охотно прощая в подтексте новелл подобные грехи, когда они подтверждают духовную близость героев. Христианско-платоническая оболочка этого французского «Декамерона» полна неуместной жизненности прекрасной ренессансной любви.

Крайне противоречивы и взгляды Маргариты Наваррской на семью. Будучи примерной католичкой, она провозглашает святость брачных уз, клеймит позором измену супруга или супруги. Но вместе с тем она осуждает семью, которая основывается не на любви, а лишь на терпении и расчете, сочувствуя в таких случаях согревшим и как бы оправдывая измену.

Маргарита Наваррская воспеваает глубокую, искрен-

нюю, сильную любовь между мужчиной и женщиной. «Может ли что-нибудь быть добродетельнее любви,— говорит один из ее героев,— ведь любить нам велит сам Господь. И, по-моему, лучше любить одну женщину как женщину, чем поклоняться нескольким как иконам».

Эта дерзкая мысль о естественных правах человеческого тела, по существу, является антиканонической. Развивая ее, Сафредан — сочувственное отношение к словам которого Маргариты Наваррской не вызывает сомнений — открыто заявляет: «Если человек любит кого-либо до безумия, то всякий его грех заслуживает прощения».

В более решительной и смелой форме защищает естественные права человеческого сердца Сервантес. Любовные коллизии представлены у него в двух основных вариантах. С одной стороны, он иронически воспроизводит уходящую в прошлое чистую и бесплотную рыцарскую любовь. О ней свидетельствуют полумистические, полуритуальные чувства Дон Кихота к воображаемой даме сердца Дульсинея Тобосская. С другой стороны, Сервантес дает яркие изображения пламенных, страстно влюбленных мужчин и женщин. Они жаждут полной взаимности чувств, слияния тел и душ, романтических приключений, истинного земного счастья.

Сервантес разоблачает предрассудки системы крепостничества, накладывающей оковы на человеческое сердце. Он провозглашает неотъемлемое право мужчин и женщин свободно проявлять свои чувства и добиваться взаимности. Он разрушает этнические и религиозные барьеры любви и превыше всего ставит ценность взаимной склонности.

Мавританка Зораида влюбляется в пленного испанца Руи де Вьедму и просит, чтобы он похитил ее у отца. Она бежит с любимым к далеким берегам Европы, где находит свое счастье. Шестнадцатилетний юноша дон Луис из Арагона, единственный сын знатного и богатого владельца двух поместий, уходит из родного дома, становится погонщиком мулов, чтобы повсюду следовать за своей любимой, доньей Кларой.

Любовь у Сервантеса — это могущественное, неутомимое, гордое, свободное от всего фальшивого и недостойного чувство.

Дон Луис, полюбивший донью Клару, воспевае надежду и «любное упорство», достигающие «несбыточных свершений»; «пусть душу не тревожит,— поет он,— что

каждый шаг твой стать смертельным может». В трагедии Сервантеса «Нумансия» Марандо говорит своей любимой:

О Лира, не беги бегом,  
Прощу тебя остановиться.  
Дай перед смертью насладиться  
Благами жизни нам вдвоем...

(Перевод В. Пяста)

В отличие от Сервантеса, у которого любовь полна глубокого очарования и особой праздничности, Лопе де Вега погружает нас в пеструю повседневность любовных отношений, открывает нам тайную жизнь севильских и мадридских улиц, полную поцелуев в темноте и прыжков из окон, серенад и кровопролитий, интриг и отмищений. Почти каждая драма или комедия этого пламенного трубадура духовного возрождения человека раскрывает могущество страстей в самых сложных обстоятельствах и, что особенно важно, говорит о красоте истинной любви, о силе духовной жажды, о бесстрашии мужчины и преданности женщины, о благородстве их отношений.

В пьесах Лопе де Веги влюбленные обычно преодолевают множество препятствий, чтобы в конце концов осуществить свою пламенную мечту. Иногда они ловко маскируются и таким образом обманывают своих врагов или умело используют случайность на пути к цели. В «Валенсианской вдове» Леонарда после многих заблуждений, тревог, испытаний открывает Камило свою любовь. В «Подвигах любви» нежная и очаровательная девушка надевает мужской костюм и отправляется странствовать, чтобы отыскать воплощение своей мечты. А в «Учителе танцев» молодой Альдемаро с невероятными хитростями преодолевает сословные преграды и завоевывает сердце прекрасной Флореллы.

Пьесы Лопе де Веги — это гимн неукротимой жизненной энергии влюбленных мужчин и женщин. В «Фуенте Овехуна» простой крестьянин говорит: «Учись любить сильнее». А Диана из пьесы «Глупая для других, умная для себя» рассуждает так:

Я знаю, что любовь была  
Любимым первенцем творенья,  
Она, я знаю, породила  
Все то, что есть, и все, что было;  
Но я не верю, чтоб она  
Была ничтожному дана  
И в сердце изменном царила.

(Перевод М. Лозинского)

Вершиной вершин зрелого Возрождения является творчество Шекспира. Шекспир — этот Овидий Ренессанса — в сонетах, в поэмах «Венера и Адонис» и «Лукреция» воспекает любовь, полную сияния солнца, весенней свежести цветов.

Комедии и драмы Шекспира отражают духовную глубину, нравственную зрелость человека, сформировавшегося в ходе многовековой истории, сохранившего, развившего и гармонически сочетавшего в своем творчестве все лучшие традиции эллинского культа естественной прелести тела, духовной самоутраченности раннехристианской поэтики, лирической экзальтации провансальских трубадуров, рыцарского отношения к «прекрасной даме», нравственного самоконтроля английских квакеров, предвозвестившего дух Просвещения, рационализма и романтизма будущего времени. Неисчерпаемые богатства творений, выпшедших из-под пера этого волшебника слова, воспитывают и завораживают многие поколения людей великой мудростью и вечно живым чувством, светом гуманных идей, эстетических открытий, глубокой силой нравственного катарсиса, высокой культурой эмоциональной жизни, исключительной многосторонностью художественного воздействия.

Шекспир, как никто другой до него в литературе, по эстетическим законам отобразил многообразие любовных переживаний, со всеми их «вариантами» и «разновидностями», связанными с конкретными историческими условиями, характером той или иной среды и внутренними индивидуальными особенностями психики людей. Испепеляющая, южная страсть Антония и Клеопатры, обреченность чистой и нежной любви Ромео и Джульетты, задорно-эротические отношения Протея и Джулии («Два веронца»), эпикурейство Фальстафа («Виндзорские насмешницы»), сказочная романтичность отношений Фердинанда и Миранды («Буря»), безоблачная, доверчивая дружба Джессики и Лоренцо («Венецианский купец»), взрывы ревности Отелло, Постума («Цимбелин») и пр. — таков социальный диапазон и психологический колорит взаимоотношений мужчины и женщины у Шекспира. Именно эта богатая сюжетная поливариантность художественного отображения любви вызывает столь широкий резонанс в сознании людей.

В произведениях Шекспира, особенно в его трагедиях, бушуют огненные страсти. Любовь часто возникает «с первого взгляда», подобно молнии. Она потрясает сознание и изменяет характер человека.

Шекспир не создает какого-либо стандарта человеческих интимных отношений. Многоцветие и глубина любви между мужчиной и женщиной в его произведениях свидетельствуют о неисчерпаемых возможностях эмоциональных проявлений человека. Колористическая гамма художественно воссоздаваемых Шекспиром любовных чувств необычайно богата: кокетство, стыдливость, нежность, восхищение, доверие, преданность, рыцарственность, самоотверженность, бесстрашие, тонкая чувствительность и пр.

Страстность интимных чувств не превращает героев Шекспира в необузданных животных. Они в большей или меньшей степени подчиняются законам нравственной ответственности и нормам красоты. Шекспир в эстетически совершенной форме воплощает философскую идею духовной гармонии человека Возрождения. Он находит оптимальную меру человеческих отношений и достигает высокого уровня эмоциональной культуры.

Вот почему так чарующе прекрасна любовь, изображенная в его комедиях и драмах. Мужчины и женщины, испытывающие это чувство, полны особой привлекательности и внутренней красоты. Даже постоянно пьяный Джон Фальстаф в «Генрихе IV» не составляет исключения. Этот грешный толстый рыцарь сладострастия столь полон жизни, столь непосредствен и «чистосердечен безнравствен» по натуре, что, по словам Тэна, он «перестает быть безнравственным» в наших глазах<sup>1</sup>.

Шекспир защищает достоинство личности в ее эмоциональных проявлениях. Особенно интересна в этом отношении его пьеса «Мера за меру». По мнению некоторых исследователей, здесь идеализируется монашеское целомудрие деушки, проповедуется квакерский взгляд на проблему взаимоотношения полов<sup>2</sup>.

Действительно, Изабелла хочет стать монахиней, но делает она это только потому, что не видит другой возможности отказать графу Анджело, предложившему ей ценой своей чести спасти брата, находящегося в тюрьме. Центром драмы не является проповедь абсолютного целомудрия; в конце концов Изабелла становится женой герцога Винченцо, защитника справедливости. — в драме выдвигается более жизненная и достойная идея —

<sup>1</sup> См.: Тэн И. История английской литературы, т. I. СПб., 1871, с. 402.

<sup>2</sup> См.: Краг Д. Любовь и общество. — В сб.: Шекспир в меняющемся мире. М., 1966 с. 344.

сохранение красоты отношений, освящение права человека свободно распоряжаться своими чувствами, не жертвуя этой свободой даже во имя спасения чьей-либо жизни. Поэтому Изабелла, отнюдь не жестокосердная, находит в себе силы произнести приговор:

Умри, мой брат! Сестра, живи чиста:  
Ведь больше брата наша чистота!

(Перевод М. Зенкевича)

Совершенство художественного перевоплощения любви у Шекспира, ее идеализации как физического и духовного соединения мужчины и женщины на пути к счастью, не лишает ее осязательности, жизненной полноты. Высоким достижением этого эстетического полноты является трагедия «Ромео и Джульетта». Любовь в этой трагедии — самая чистая поэзия, священнодействие чувств, чудодейственная музыка сердца. Трагическая смерть Ромео и Джульетты освящает в храме искусства эстетическую и моральную ценность любви. Этот гимн любви продолжает звучать в веках.

От времен Шекспира до наших дней произведения художественной литературы наряду с другими аспектами социального бытия человека все глубже отражают растущую культуру его интимной жизни. Они способствуют ее постоянному углублению и развитию, обогащению духовной атмосферы, в которой природа осуществляет воспроизводство поколений людей.

## 7. ОТ КЛАССИЦИЗМА ДО РЕАЛИЗМА

История эстетической мысли Европы от классицизма до реализма, история длинного ряда литературных шедевров, начинается с классицизма XVII века, искусства Просвещения XVIII века, романтизма конца XVIII — первой половины XIX века и заканчивается критическим реализмом середины и второй половины XIX века.

Искусство Возрождения стало эстетическим манифестом великих социальных изменений. Оно восстановило (на более высокой ступени развития в сравнении с античностью) трагический разорванный мистическими канонами феодализма телесную и духовную сущность человека, провозгласило свободу чувств и чувственность. Литература выдвинула лозунг эпикурейского жизнелюбия. Фактически этот лозунг был эстетическим отражени-

ем первоначального развития капитализма в процветающих городах-республиках — Флоренции, Венеции, Генуе и др.

Но полная победа оказалась трудной исторической задачей, решение которой требовало продолжительного времени. На следующем этапе прогрессивного развития этот объективно необходимый социально-экономический, эстетический, моральный и общекультурный процесс диалектического преодоления старого происходил в рамках абсолютных монархий. Это были государства, которые, сохраняя феодальную систему власти, при наличии четкой иерархии обретали буржуазное содержание. Как результат реакции на индивидуализацию человека в эпоху Возрождения государственный интерес и подчиненный ему человеческий разум стали играть первостепенную роль в новой социальной системе ценностей. Это было время придворного аристократического искусства, этикета и салонных ритуалов<sup>1</sup>.

Спустя век интеллектуальные представители растущей и крепнущей буржуазии Франции создали искусство Просвещения, освободившее человека от канонов классицизма и провозгласившее в согласии с законами природы и социальной жизни неотъемлемые права гражданина и свободу чувств (в том числе и такого интимного чувства, как любовь).

Вслед за Просвещением на историческую арену вступает романтизм. Представители этого художественного течения создают искусство эстетического бунтарства, разрыва с действительностью, искусство неумных мечтаний, причудливой фантазии, устремленной либо в прошлое, либо в будущее, в царство утопии, в иной мир, очертания которого оставались неясными.

Романтизм возникает после Великой французской революции как эстетическое отрицание буржуазного «царства разума», как поиск идеала при отсутствии ясной и соответствующей историческим законам альтернативы.

После романтизма восторжествовал реализм как верное эстетическое воссоздание капиталистической действительности, как ее художественная критика с позиций абстрактного гуманизма.

У истоков развития эстетической культуры на данном этапе стоит классицизм. После того как Ренессанс изжил

<sup>1</sup> См.: Паси И. Портреты из историята на западноевропейската естетика.—В сб.: За красотата и изкуството. София, 1966, с. XXII—XXVII.

себя, в отдельных странах, особенно во Франции, расцветает галантное, рационалистическое, салонное искусство граций и дворянско-аристократических манер. Классицизм художественно отражает новую стадию развития феодализма. Он становится эстетикой абсолютной монархии, централизованного сословного государства.

Эстетика классицизма вводит три основных принципа: идеализацию разума, подражание природе, подражание античности<sup>1</sup>. В конечном счете эти принципы отвечают потребностям времени. Апологеты классицизма понимают разум в картезианском смысле, как ясность, четкость мышления, правил поведения, строгость логических выводов. Подражание природе выступает как форма усвоения всеобщей абстрактной меры красоты. И наконец, подражание античному искусству служит идеализации представителей дворянского сословия, абсолютной монархии.

Литературные герои писателей эпохи классицизма (Корнеля, Расина, Лафонтена и др.)—это обычно волевые, решительные люди. Они подчиняют любовь чувству долга, моральной норме, высшей системе ценностей. Они строго соблюдают принятые в высшем обществе правила поведения, придворный этикет. Классицизм отвергает необузданность чувств, подчиняя любовь ритуализованной системе ценностей. Это соответствует задачам и потребностям абсолютной монархии.

Литература классицизма пренебрегает жизнью народа, выражая вкусы и предпочтения высшего сословия—аристократии. Она ограничивает живую эмоциональность человека Возрождения, индивидуальную свободу полового выбора.

Но, несмотря на всю ограниченность классицизма, выражающего социальную определенность монархической системы, он оказывает в ряде моментов положительное влияние на сферу интимных чувств человека.

Классицизм ставит проблему отношений между любовью и моралью. Он категорически заявляет, что тот, кто не добродетелен, не может любить. В «Сиде» Корнеля, родоначальника школы классицизма, любовь «побеждает в союзе с высоким государственным долгом»<sup>2</sup>. Это образец политической саморегуляции интимных чувств личности.

<sup>1</sup> См.: Паси И. Портреты из историята на западноевропейската естетика.—В сб.: За красотата и изкуството, с. XXXVI.

<sup>2</sup> См.: Писатели Франции. М., 1964, с. 76.

Классицизм акцентирует разумное содержание любви, исторически нейтрализуя таким образом эмоциональную «необузданность» любовных отношений на закате эпохи Возрождения.

Классицизм вносит в отношения между полами галантность и грациозность внешней красоты, в известной мере стереотипной, подчиненной требованиям салонного этикета. Формализуя психологические контакты, любовные отношения, он придает им большее внешнее изящество.

Эпоха Просвещения отвечает более высокой стадии социального развития буржуазии как класса. Это — бурное время подготовки революционных взрывов, быстрого преодоления ограниченности литературных и художественных вкусов классицизма.

В XVIII веке вкусы общества формируются во многом под влиянием сентиментального романа Руссо «Новая Элоиза». Написанный в эпистолярной форме, он волнующе повествует о трагической любви дочери барона Юлии д'Этанж и бедного учителя Сен-Пре. Подчиняясь воле отца, Юлия становится супругой почтенного господина Вольмара, обрекая на страдания себя и Сен-Пре. Роман проповедует философию естественных прав человека, несмотря на противоречивость позиции Руссо, оправдывавшего решение героини.

Одним из самых ярких представителей литературы периода романтизма является Байрон. Его «демонические» герои — богоробцы, презирающие пошлость окружающей действительности, способные на страстную любовь и столь же страстную ненависть. В поэмах «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Дон Жуан» и др. Байрон прославляет бунт человека против устоев общества, его гордую и неукротимую силу, трагическую красоту его любви, неистовую борьбу за свое право на свободу и счастье.

Французский романтизм — это экзотическая любовная мистерия «Аталы» Шатобриана, это сентиментальные романы «Дельфина» и «Коринна» Жермены де Сталь, утверждающей право женщины на любовь по свободному выбору, не связанному общественными предрассудками, это чистота чувств и их очарование в произведениях Жорж Санд.

С. наибольшей полнотой представлено романтическое понимание любви в творчестве А. де Мюссе. По словам А. Моруа, для него «существует лишь один сюжет, одна

тема — любовь»<sup>1</sup>. Восторженный и трагический, опьяненный любовью и страдающий, Мюссе пишет «кровью своего сердца», словно исторгает из бездн души звуки радости и печали. Его ночная, озаренная мерцающим светом картин Гойи лирика — это почти библейское соединение жизни и смерти.

Любовь становится священнодействием в храме искусства, мистерией радости и боли, надежды и красоты. Могушество инстинкта обретает у Мюссе высшую духовную ценность, соприкосновение тел оваяно особым очарованием, «несравненной чистотой и мягкостью»<sup>2</sup>.

Утонченная артистичность воспеваемой французским романтизмом любви обогащается в Германии стройностью и гармонией, философско-эстетической глубиной. Дух этого обновленного классического изящества любви связан с именем и творчеством Гёте. Веймарский Аполлон, соединяя величие поэзии Просвещения с классической эстетизацией человеческой сущности, создает апофеоз взаимопроникновения разума и чувств, сознания и природы.

Гёте ведомы тайны любви, ее чарующие мистерии. Высокое сияние его души озаряет многих женщин, подобно мифической Семеле, прошедших сквозь пламя его любви, чтобы возродиться к бессмертию в поэзии. Уже в восемнадцатилетнем возрасте в цикле стихотворений «Аннетта», соединяя античное жизнелюбие со слегка фривольной манерностью пасторальной поэзии, он воспевает девушек из плоти и крови, щедрость поцелуя, радости любви.

Всю жизнь Гёте славил любовь как радостный праздник человека, как его счастливую судьбу, как прикосновение к идеалу. В семьдесят четыре года он пишет «Мариенбадскую элегию», вдохновленный любовью к семнадцатилетней девушке и проникновенной печалью прощания с этим последним в его жизни чувством; «исхода нет, и слезы беспредельны»:

Теките же, струитесь изобильно,  
Не заглушить вам внутреннего жара!  
Как рвется грудь от муки непосильной,  
Где смерть и жизнь друг с другом спорят яро!

(Перевод С. Соловьёва)

Страстная любовь, которую воспевает Гёте, полна гармонии, духовного изящества, классической меры. Ей

<sup>1</sup> См.: Моруа А. Литературные портреты. М., 1970, с. 118.

<sup>2</sup> См.: Писатели Франции, с. 367.

чужд демонический драматизм поэзии Байрона, могучие сердечные бури, роковая борьба страстей. Любовь у Гёте овеяна благоуханием роз, полна эллинской жизненной силы и красоты.

Особое место в творчестве Гёте занимает роман «Страдания юного Вертера». Написанный в форме дневника, этот роман-исповедь раскрывает глубокую трагедию неразделенной любви, полной лиризма и страстных желаний. Вертер — пленительный образ духовной утонченности человека эпохи Просвещения, поэтический символ обреченности и любовных мук.

Классическая поэзия Гёте прокладывает путь беспокойной романтике Гейне. Этот благородный рыцарь меча и лиры, провозвестник революции, проповедник освобождения чувств, поэт иронии и грусти обогащает любовную поэзию новыми эстетическими красками и оттенками. Он пишет «Книгу песен», состоящую из поэтических шедевров, воплощающих в слове щемящую боль его растрепанного сердца.

Для Гейне любовь — это фатальная, трагическая сила, ведущее к смерти начало жизни; она подобна сну, видению, сладкой нирване, которую действительность превращает в обман. Гейне защищает права мечтателя, воспеваает «золотые сны» человеческого сердца, разбитого столкновением с жестокой действительностью. Лирика Гейне содержит многоцветную гамму любовных переживаний: глубокое размышление, горькие жалобы, сомнения, надежды, опьяняющее безумство, чарующий блеск иллюзий, тревогу, разочарованность, желчную усмешку, чувство одиночества и вновь предестинную магию любви. В его поэзии нашли отражение утонченность духовной красоты и гордое достоинство независимого ума.

Любовь — постоянная лирическая тема произведений великого русского поэта А. С. Пушкина, полных глубокой внутренней гармонии, классического блеска, неувядаемой эмоциональной свежести и романтической экзальтации. Он превращает язык своей родины в самый совершенный инструмент выражения чувств, мыслей и порывов человека, создает поэзию-музыку, передающую тончайшие движения человеческой души, жаждущей свободы и красоты.

Любовь у Пушкина — это не байроновская демоническая сила, несущая в себе мировую скорбь, не роковая обреченность на танталовы муки, как в поэзии Гейне. Даже исполненная глубокой трагичности, она звучит как светлая, жизнеутверждающая мелодия человеческого бы-

тия. Для Пушкина мир любви — это мир волшебной красоты, само воспоминание о котором полно волнующего наслаждения.

Я помню чудное мгновенье:  
Передо мной явилась ты,  
Как мимолетное виденье,  
Как гений чистой красоты.

Сказочного волшебства полна любовь в поэме о Руслане и Людмиле. Любовь смягчает сердце мрачного Мазепы в «Полтаве».

Охваченная глубоким волнением любви Татьяна пишет проникнутое светлой надеждой письмо, открывая Евгению Онегину свою сокровенную тайну:

Вся жизнь моя была залогом  
Свиданья верного с тобой;  
Я знаю, ты мне послан богом,  
До гроба ты хранитель мой.

Из рук Пушкина лиру принимает Лермонтов — новый, утонченный Байрон с его славянской эмоциональностью и богатством поэтической фантазии. Эти два русских поэта очень различны по настроению, по гамме эмоций. У Пушкина господствует оптимизм, у Лермонтова — горький скепсис, трагическая разочарованность. Эмоциональная гамма творчества Лермонтова в высшей степени контрастна, чувства у него подобны молниям в мрачной бездне, любовь — бурное наслаждение и вместе с тем страшное мучение.

В далекий край  
Уносишь ты  
Мой ад, мой рай,  
Мои мечты.

Лермонтов с потрясающей силой передает глубокий драматизм любовных отношений. Его герои ведут тяжкую внутреннюю борьбу с безнадежностью и мрачным безверием. Разочарованные обманчивостью любви, они не утрачивают неутолимого и страстного стремления к чистоте и глубине чувств.

Его Печорин, когда-то любивший, затем разочаровавшийся, играет любовью княжны Мери, выступая в роли демона-искусителя, мрачного ангела, покинувшего небеса и полного трагических мечтаний и гордого страдания. Но в бессонную ночь накануне дуэли он произносит свой горький монолог: «Зачем я жил?.. Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного

удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться».

Терзаясь своей неспособностью любить, Печорин словно хочет сказать людям: смотрите, как страшно жить в аду разочарования, без любви, без надежды на счастье.

Мир человеческих чувств, представленный литературой XIX и XX веков, особенно последних полутора столетий, несомненно, становится все более сложным, глубоким и гуманным. Одновременно продолжает эстетически совершенствоваться и обогащаться культура интимных отношений. Невозможно даже просто перечислить здесь художественные произведения, с большим или меньшим успехом выполняющие эту важную социальную функцию. Мы можем упомянуть лишь о самых выдающихся достижениях литературы, служащих задаче воспитания чувств в ходе истории человеческих отношений.

Могучий титан В. Гюго воссоздает романтическую идеализацию любовных чувств. Любовь подвигает у него как высшее проявление духовности, как подвиг глубокой нравственной силы, как живое воплощение внутренней красоты человека. Его творчество — вдохновенный гимн человеку, его неисчерпаемым нравственным силам.

Важную роль в воспитании чувств сыграли произведения Стендаля. Его романы «Красное и черное», «Пармская обитель» отражают не только острые социальные конфликты эпохи, но и драматизм любовных отношений. Образы Жюльена Сореля и госпожи де Реналь, Фабрицио и Клелии раскрывают силу и бесстрашие человека, направляемого велениями сердца.

Стендаль пишет о любви как о высшей эмоциональной «кристаллизации» чувств, свободных от пошлой мелочности прозы жизни. Стендаль, по словам Моруа, доказывает, что страсть — это «единственная сила, которая возвышает человека над животным»<sup>1</sup>.

Минуты наивысшего волнения и воспоминания об этих минутах — самое ценное достояние человека. Жюльен Сорель, ожидающий смерти, с грустью говорит госпоже де Реналь: «Но я, наверно, так бы и умер, не узнав, что такое счастье, если бы ты не пришла ко мне сюда, в тюрьму». Любовь у Стендаля неповторимая, самозабвенная, непреодолимая сила.

Флобер с тонкой иронией и глубоким сочувствием

<sup>1</sup> Моруа А. Литературные портреты, с. 147.

изображает конфликт между красотой романтических устремлений и неумолимой пошлостью окружающей действительности. Героиня его романа «Госпожа Бовари», мечтательная и сентиментальная провинциалка, живет в призрачном мире своего воображения, она жаждет обрести счастье в любви, но ее постигают разочарования. Воспитанная в духе романтической литературы, мечтающая о большом и прекрасном чувстве, Эмма Бовари презирает своего мужа Шарля, который «ничего не знает, ничего не хочет», для которого любовь так же привычна, как обычный «десерт», следующий за «монотонным обедом». Но мадам Бовари не суждено испытать любовь поэтическую, исполненную романтических и восторженных мечтаний, праздничного волнения. Оба ее любовника оказываются жалкими, бесцветными людьми, неспособными на высокое чувство.

Флобер безжалостно иронизирует над беспочвенными фантазиями своей героини. Но в то же время он сочувствует ее стремлению искать в любви красоту и искренность, высокий душевный подъем. Поскольку сам Флобер, как пишет Моруа, несмотря на всю беспощадность разоблачения пороков своего времени, остается поклонником того, что он хочет осмеять и разрушить. «Великий разрушитель романтики в душе оставался романтиком»<sup>1</sup>.

Вслед за Флобером Ги де Мопассан разоблачает лицемерие буржуазной морали, описывает деформацию сознания и крах любовных мечтаний людей в мире, где господствует денежный расчет. В этом пестром и циничном мире, полном мошенников, проституток, метресс, соблазнительей, нет места чистой и возвышенной любви.

Образы трагически обманутых людьми и жизнью женщин в произведениях Мопассана трогательны в своей обреченности. Искренняя и доверчивая госпожа Вальтер (в романе «Милый друг») умоляет циничного мошенника Жоржа Дюруа, играющего ее чувствами: «Слушайте, вы должны мне обещать, что вы меня не тронете...» Юная и чистая Иветта в одноименном романе узнает, что ее мать обыкновенная содержательница публичного дома, любовница сомнительных благородных господ. Поняв, что ей не удастся уехать «куда-нибудь далеко», чтобы жить «как честные женщины», она пытается покончить жизнь самоубийством, оставив записку: «Я умираю, чтобы не быть содержанкой».

<sup>1</sup> Моруа А. Литературные портреты, с. 189.

Э. Золя создает еще более беспощадные и обличительные произведения, раскрывая моральное загнивание человеческой души в условиях жестокой эксплуатации и конкуренции. Но наряду с этим Золя стремится показать и чистоту волнующей любви, наполнившей ярким светом жизнь старого доктора Паскаля и юной Клотильды (роман «Доктор Паскаль»).

В романе Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах» отражена жизнь нескольких поколений семьи Форсайтов, представителей капиталистических деловых кругов Англии. В этой атмосфере буржуазной расчетливости, духа коммерции, жадности наживы трогательно прекрасен образ Ирен, гордой, благородной женщины, ставящей свою любовь выше всех земных ценностей.

Норвежский писатель Генрик Ибсен трактует тему любви в духе индивидуализма. Он разоблачает лицемерие и фальшь буржуазной семьи, традиционных брачных уз. В романтической «Комедии любви» Ибсен провозглашает святость любви, этого свободного союза двух сердец, основанного на разуме. В «Кукольном доме» писатель создает образ женщины, протестующей против социального неравноправия в семейных отношениях. И наконец, Сольвейг («Пер Гюнт») — «чистейшая из женщин», образ, словно сотворенный из солнечного света. Сольвейг, столь естественная и столь утонченная в своей естественности, сумевшая превратить в прекрасное таинство горечь ожидания.

Велика роль любви и в произведениях Джека Лондона. Полный неукротимой жизненной энергии, закаленный постоянными странствиями, этот американский писатель с высоким художественным мастерством воплотил в своих героях типичные черты мужественности и женственности.

Герои Джека Лондона — упорные, волевые, сильные мужчины и очаровательные, грациозные темпераментные женщины. Любовь Руфи и Мартина («Мартин Иден») чистая, горячая, наивная, почти детская, ее жаркое пламя способно растопить даже каменные сердца. Любовь соединяет неистового социалиста Эрнеста Эвергарда и хрупкую девушку Эвис Каннингхем («Железная пята»). Их отношения исполнены красоты, трогательной нежности, деликатности и порывистой силы.

Художественное воплощение у Джека Лондона любви, соединяющей сильного мужчину и хрупкую женщину, покоряющая искренностью и доверие, самоотдача и бесстрашие, взаимная нежность и доброта их отношений

продолжает литературные традиции Ф. Купера и М. Рида, воспевавших суровую естественность и беспокойный дух первооткрывателей Америки.

Вечные моральные проблемы любви между мужчиной и женщиной находят гениальную художественную интерпретацию в творчестве Л. Н. Толстого. Толстой видит в любви триумф добра, красоты, совершенства жизни, отрицание смерти. Сама любовь — это жизнь, знание, красота и высшее благо человека.

Герои романа «Война и мир» Наташа Ростова и Андрей Болконский чувствуют, как это возвышенное переживание, это опьяняющее волнение, эта чудесная мистерия духа преобразует их жизнь. «Все, что я понимаю, — говорит князь Болконский, — я понимаю только потому, что люблю». Тяжело раненный, перед смертью, он шепчет с блаженством и болью: «Никто, как вы, не дает мне той мягкой тишины... того света».

Роман Толстого «Анна Каренина» — потрясающая, глубокая трагедия любви. Толстой выступает здесь во всей своей противоречивости. Как мыслитель «во Христе», провозгласивший своей философией новозаветные догмы, он осуждает греховную любовь Анны Карениной. Но как выразитель глубоко жизненной мудрости народа, его мироощущения, он сочувствует «грешнице» и оправдывает недозволенную любовь, с гениальной достоверностью описывая очарование ее естественности и глубокой моральной красоты. Ценность бытия человека в конечном счете возвышается над религиозными догмами.

Особой мягкости, изящества исполнена любовь между мужчиной и женщиной у А. П. Чехова. Герои Чехова, мечтательные, ищущие смысл жизни люди, любят восторженно и нежно. Такова любовь Дмитрия Гурова и Анны Сергеевны в рассказе «Дама с собачкой». Им кажется, что «сама судьба предназначила их друг для друга», и они не могут понять, «для чего он женат, а она замужем». Трагична любовь Нины Заречной и Константина Треплева в «Чайке»; полна обреченности любовь Маши и Вершинина в «Трех сестрах». Их отношения характеризует благородная сдержанность и высокая красота.

Существенный вклад в новейшую художественную эстетизацию любви внесли также А. Франс, И. А. Бунин, А. И. Куприн, К. Гамсун, Г. Гауптман, Т. Манн, Рабиндранат Тагор, Ст. Цвейг, А. Моруа и др.

## 8. ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕРДЦА

К концу прошлого века начинается формирование художественной литературы, отражающей потребности нового времени, тесно связанной с борьбой революционного рабочего класса. Литература XX века ставит острые социальные проблемы, она несет заряд революционности и провозглашает глубокий гуманизм чувств. Ее представителями являются М. Горький, А. Блок, В. Маяковский, Т. Драйзер, Н. Островский, А. Барбюс, П. Вайян-Кутюрье, Р. Роллан, Б. Брехт, Л. Арагон, Э. Триоле, Ж. Амаду и др.

Эта активная, действенная, воинствующая литература протеста и революционной романтики, основанная на социалистической идеологии, дает новую художественную интерпретацию развития взаимоотношений людей в объективно существующих исторических условиях. Она непосредственно отображает и тенденции развития интимных чувств человека в период подготовки и осуществления социалистической революции.

Любящие друг друга герои этой литературы находят счастье в борьбе за социальную справедливость и человеческое достоинство, за красоту и свободу. Любовь между мужчиной и женщиной, отраженная в шедеврах литературы социального протеста и революционной борьбы, возвышенна, иногда трагична. Ее характерными особенностями являются: идея освобождения человека от угнетения, в том числе полная эмансипация женщины, гуманность отношений, соотнесенность интимных чувств с новой системой ценностей.

Певец революции М. Горький подчиняет любовь великим социальным задачам своего времени. Он смотрит на отношения мужчины и женщины как на естественную потребность человека, связанную с его стремлением к самосознанию, духовной реализации, правде и свободе. В романе Горького «Мать» звучит поэтическая тема любви Павла Власова и Сашеньки. Суровые условия подпольной борьбы постоянно разлучают их. Когда Павел на свободе, Сашенька в тюрьме, когда она выходит на свободу, он попадает в руки полиции. Когда Павел ждет в тюрьме приговора, Сашенька говорит его матери Ниловне: «Ведь я тоже жду приговора. Вероятно, они меня тоже в Сибирь, — я заявлю тогда, что желаю быть поселенной в той местности, где будет он». Эта любовь трагическая, выстрадавшая, озаренная сиянием идеала, красотой подвига.

Горький создает апофеоз любви, рожденной в бурях жизни. Ее внутренняя сила преодолевает инерцию бездушия, косность социальных условий, которые мешают полному развитию личности. Он воспекает страстную любовь, полную глубокого очарования, возвышенной гуманности, нравственной силы. Он тесно связывает чувства людей с мощным голосом совести.

В огне революции очищается как сознание человека, так и сфера его интимных чувств. Об этом писал В. В. Маяковский. Автор «Левого марша», «150 000 000» провозглашает чистоту чувств при социализме, товарищеские отношения между мужчиной и женщиной.

...Мы живем коммунаой

В общекитиях

Надо  
голос

поднимать за чистоплотность  
Отношений наших  
и любовных дел.

Важное место в борьбе новой, гуманистической литературы за нравственное совершенство человека, выступающего против тлетворного влияния капиталистической системы, занимает творчество Романа Роллана. Этот великий писатель связывает любовь с высшими ценностями духовной культуры нашего времени. Главный герой его романа «Жан-Кристоф» — борец против консерватизма и косности в музыке, это образ истинного человека. Его отличает суровая страстность, благородство и целомудренная чистота чувств.

В замечательном романе «Очарованная душа», который явился плодом художественной и политической зрелости автора, Роллан связывает любовь с организованной борьбой рабочего класса против всей системы угнетения и капиталистической эксплуатации. Он создает образы мужчин и женщин, полных чувства собственного достоинства, гражданского самосознания, активного гуманизма. Страстная любовь — часть этой романтической духовной атмосферы.

Проповедник суровой правды Б. Брехт защищает свободную и бескорыстную любовь мужчины и женщины, любовь, которая вступает в противоречие с нормами и ценностями существующей капиталистической системы.

Описывая в «Добром человеке из Сычуани» столкнове-

ние доброго сердца с бесчеловечной действительностью, Брехт как бы ставит дилемму: «Должен ли человек стать другим? Или иным должен стать окружающий мир?» А может быть, должны измениться и социальная действительность, и человек, ибо чистое чувство любви рождается в новых, свободных социальных условиях. Таков лейтмотив темы любви, разрабатываемой революционной художественной литературой.

Эта тема находит свое отражение и в творчестве писателей и поэтов болгарского Возрождения.

Возрождение, которое Болгария пережила со значительным опозданием, с конца XVIII до 70-х годов XIX века, в силу своеобразия исторической ситуации развивается как национально-освободительное движение. Болгарское Возрождение, испытывавшее влияние эпохи рационализма, не акцентирует эпикурейских призывов к раскрепощению плоти от религиозных запретов, как это имело место в Западной Европе.

Перед деятелями болгарского Возрождения стоит иная историческая задача — освобождение Родины.

Христо Ботев, поэт революционной романтики, первым из их плеяды отражает в художественных образах огромную нравственную энергию и глубокий драматизм любви, связывая вулканические порывы сердца с социальными потрясениями эпохи, с разгорающейся национальной революцией.

Ивану Вазову чужды демонические страсти Христо Ботева. Он живет в атмосфере классического эпического равновесия чувств, в мире олимпийской гармонии Гёте и драматических коллизий Гюго, перенесенных на родную почву. Он исповедует строгость и сдержанность в проявлении чувств, характерную для болгарина на протяжении веков.

И все же И. Вазов не обходит стороной интимные чувства, изображая в романе «Под игом» любовь в условиях великой национально-освободительной и революционной борьбы новой исторической эпохи. Рада и Войчо Огнянов любят друг друга «горячей, чистой и беспредельной любовью», видят воплощение своих идеалов и надежд в этом «животворном чувстве».

К концу своей жизни, будучи почти 70-летним, Вазов издает сборник стихотворений «Заблагоухала моя сирень». Поэт вновь переживает «цветущую молодость». Красота вселенной представляется ему отблеском чарующего сияния любимой женщины.

О милая, подобна лире страстной  
моя душа, готовая запеть:  
вселенная волшебна и прекрасна  
лишь потому, что ты на свете есть.

(Перевод Л. Хомутовой)

Поэзия Вазова полна весенней свежести чувств. Это поэзия второй молодости, вызвавшей к жизни переживания юных лет.

В то время как Вазов даже в этом сборнике стихотворений не высказывает до конца своих чувств, относя их к временам далекой молодости, поэзию Кирила Христова отличает эмоциональная страстность и открытость. Это особый, лирический вызов, брошенный добрым балканским нравом, славянскому пуританству болгарина.

К. Христов — трубадур любовной страсти, неистовая языческая натура, болгарский эпикуреец. Любовь у Христова — это глубокая общность мужчины и женщины, их слияние в единую дышащую и чувствующую субстанцию. Поэт ярко выражает эту магию единения влюбленных.

Как зверю дикому, и мне подвластен  
природы зов! Ты руку протяни!  
Уста к устам прикикли сладострастно —  
и так все дни!

Дыхание сплилось — живое пламя —  
мир озаряет! Не нужны слова!  
Из смертных кто дерзнет в нас бросить камень,  
когда мы — божества?

(Перевод Л. Хомутовой)

Необычная для условий Болгарии тех лет эротичность интимной лирики К. Христова легко объяснима, если иметь в виду социальные процессы преодоления известной традиционной мещанской инертности болгарина на рубеже XIX и XX веков. Эта общая социально-психологическая трансформация, протекающая на основе развития экономики, затрагивает и сферу интимных отношений.

В исторической обстановке того времени любовная лирика К. Христова отвечала потребностям социального развития. Поэзия Христова выражала определенные закономерные тенденции преодоления традиционной закрепощенности человека в сфере интимной жизни, его приобщения к новому мировосприятию, отрицания аскетической и пуританской нравственности.

Эстетическим антиподом любовной лирики К. Христова является, с одной стороны, поэзия Н. Лилиева, воспе-

вающего бесплотных женщин и возвышенно-сентиментальные платонические чувства, а с другой — поэзия П. Яворова. Эта двойная поляризация отвечает сложности явлений, которые мы называем интимной жизнью мужчины и женщины.

Яворов — поэт трагической обреченности любовных чувств. Он раскрывает внутреннюю диалектику превращения радости в страдание и страдания в радость. Любовь — это взаимное притяжение и глубокое взаимопроникновение любящих. Но при таком сближении исчезает таинственность образа, меркнет сияние идеала, желанная близость влюбленных становится источником глубоких страданий. Поэт стремится вернуть это постоянное ожидание, сохранить веру в «чудеса», и поэтому он хочет вновь расстаться с женщиной — его идеалом, мечтой.

Тишайший вечер вздохом слетает на ресницы  
Томящимся двоим... останься вдалеке!  
Когда тебя не вижу и забываю думать  
Лишь о тебе и розно пылаем ты и я  
Неистовым желаньем, — о, как же ты близка мне  
В тот одинокий час, разъединивший нас!

(Перевод М. Петровых)

Яворов поэтически воплощает также противоречие между наслаждением физической близостью и духовным упоением интимной дружбой, страдая из-за нарушения гармонии. Он оказывается как бы в заколдованном кругу переживаний: он неизменно ищет физической близости и, когда достигает ее, стремится в заоблачное царство духа, а затем вновь спускается на землю, чтобы его душа, полная трагических коллизий, жаждающая высот, вновь испытала разочарование.

Ты не виновна в том, что мне потребен был  
Не чад страстей, а дух прозрачный, как берилл.

(Перевод М. Петровых)

Он пишет о подводных камнях любви, о безднах ее водоворотов, о муках и испытаниях, культивируя благоговение перед животворной силой интимных чувств.

Эта вечная тема привлекает внимание и Димчо Дебелянова. Его кристально чистая элегическая лирика откликается на грусть и радость, на мечты и разочарования своего времени. Поэзия этого великого неудачника, этого кроткого и трагического мечтателя занимает особое место в болгарской интимной лирике.

В то время как Х. Ботев воспекает пламенную, стра-

стную любовь и подчиняет ее волнения борьбе, И. Вазов раскрывает внутреннюю гармонию стыдливых невысказанных чувств, К. Христов поэтизирует сладостную и пылкую овидиеву эротику, П. Яворов с мучительной раздвоенностью души проходит круги ада и рая любовной мистерии, Д. Дебелянов поет самые тихие, самые ласкающие романсы и мадригалы интимному единению мужчины и женщины.

В этом отношении его соперником является Н. Лилиев, для поэтического мира которого характерна, однако, трансцендентальная отчужденность красоты от непосредственного физического существования человека.

В поэзии Д. Дебелянова любовь — это праздничное священнодействие, тоска и надежда, воспоминание и страстное желание, радость и разочарование. Женщина предстает то соблазнительницей, то невинно чистой, как ребенок. А свидание обычно поднимается до космических высот:

Не пожалю тайны сокровенной  
и буду ждать тебя, моя заря.  
Единственной ты будешь во вселенной  
и как весталка возле алтаря.

(Перевод Д. Самойлова)

Любовная лирика Д. Дебелянова полна тихой песенности ласкового ветра, чистой свежести рассвета, мягкого внутреннего сияния, духовной грации. Она облагораживает человека, завораживает нежностью и теплотой, поэтической возвышенностью любовных чувств.

Любовь, эта вечная тема, не перестает волновать и авторов новейшей болгарской художественной литературы. Тема любви находит место в творчестве П. Славейкова, Д. Бояджиева, Х. Ясенова, Э. Попдимитрова, Н. Ракитина, Х. Смирненского, Л. Стоянова, Т. Траянова, П. Тодорова, Е. Пелина, Й. Йовкова, Е. Багряны, Н. Вапцарова и др.

## 9. МАГИЯ СОПЕРЕЖИВАНИЯ

Говоря о глубоком эстетическом воздействии художественной литературы с ее образностью, эмоциональностью и метафоричностью на интимные отношения мужчины и женщины, необходимо подчеркнуть здесь роль так называемого *внутреннего сопереживания* как определенного аспекта социальной функции литературного творчества.

При такого рода коммуникации в сознании воспринимающего возникает эстетический резонанс художественно-описанной ситуации. По существу, речь идет здесь о предрасположенности, об особой эмоциональной настроенности механизмов его поведения на реализацию подобных действий в аналогичной обстановке.

Само искусство создается посредством сопереживания. Писатель не созерцает бесстрастно действия людей, он не наблюдатель, а непосредственный участник социальной жизни. «Будучи только наблюдательным,— пишет И. Эренбург,— писатель может прекрасно описать внешность героев, их поступки, показать быт, нравы, но для раскрытия внутреннего мира персонажей нужно нечто иное. Для перевоплощения мало таланта и фантазии, требуется душевный опыт, ибо собственные переживания, разумеется, осознанные писателем,— ключи к пониманию переживаний других»<sup>1</sup>.

Эстетическое сопереживание любви происходит как глубокое проникновение человека в образы и ситуации волшебного, полного прекрасных грез мира художественной литературы. Магия искусства трогает сердца, окрыляет воображение, создает эстетическую атмосферу любви, одухотворяет стремления влюбленных.

В «Божественной комедии» Данте Франческа да Римини рассказывает ему печальную историю своего грехопадения. Франческа была выдана замуж за хромого и безобразного Джанчотто Малатесту. Но ее пленила красота его брата Паоло. Вдвоем они с увлечением читали роман о Ланселоте и его любви к королеве Гинебре.

Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем  
Прильнул к улыбке дорогого рта,  
Тот, с кем навек я скована терзаньем,  
Поцеловал, дрожа, мои уста.  
И книга стала нашим Галеем!  
Никто из нас не дочитал листа.

(Перевод М. Лозинского)

Художественная литература развивает языковую культуру, обогащает словарь влюбленных, развивает красоту и изящество слога. Таким образом, тончайшие душевные движения в процессе общения могут найти наиболее удачную форму выражения.

Гёте признается, что ему помогало переносить горечь утрат его «поэтический дар» с его богатыми «целебными силами».

<sup>1</sup> Эренбург И. Французские тетради. М., 1959, с. 135.

Особенно глубокую, эмоционально активизирующую и облагораживающую роль в развитии отношений мужчины и женщины с античных времен и до наших дней играет театральное искусство. Это искусство в значительной степени носит интегральный характер, поскольку оно сочетает литературу, искусство сценического движения, живопись (декорации, грим), иногда танцы, музыку и др.

Эмоционально-воспитательное воздействие театрального искусства имеет большее значение. Театральное искусство создает особую эмоциональную обстановку эстетического сопереживания волнениям и заботам героев спектаклей.

Искусство актерского перевоплощения обогащает не только идейно-эстетическую и нравственную культуру зрителей и слушателей, но и развивает артистизм их собственных взаимоотношений, способствует духовной утонченности, элегантности и красоте манер и поведения.

Искусство не только эстетически отражает, но и духовно воссоздает действительность. Таким образом, оно создает новый мир, который радует сознание, дает импульс чувствам, покоряет своей художественной красотой и совершенством.

Монтень пишет в «Опытах», что богиню любви и красоты Венеру повсюду сопровождают музы. «...А кто заставит Венеру отказаться от общения с поэзией и от ее помощи и услуг, тот лишит ее наиболее действенного оружия».

Кажется, что влюбленный обладает видением живописца, тонким изяществом кисти Леонардо или Рафаэля, Тициана или Веронезе. Он живет в царстве эстетического созерцания, преобразуя земной облик возлюбленной в возвышенный образ прекрасного идеала.

Любовь всегда страстная, патетическая эстетизация отношений между мужчиной и женщиной. Ее окрыленность, ее легкие, воздушные, устремленные к счастью шаги—это пульсирующий ритм крови, ее слова—высокая поэзия, они звучат чарующей музыкой, ее взгляды—сияние света.

## ВЫБОР ОБЪЕКТА ЛЮБВИ

## 1. НЕЗАМЕНИМЫЙ — НЕЗАМЕНИМАЯ

Возникновение любовных чувств неизбежно связано с фиксацией внимания в «одной точке», на одном лице. Это обстоятельство характерно для каждой интимной эмоциональной связи.

Большие чувства требуют постоянного присутствия в сознании вызывающего их образа. Вместе с тем они актуализируют его предметное содержание, вытесняющее или заслоняющее остальные восприятия, наблюдения, представления, воспоминания индивида. Чем глубже интимные, качественно дифференцированные любовные чувства, тем больше в человеческом сознании доминирует возбуждающий их образ.

Выбор объекта любви — это конкретное предпочтение одного лица среди массы знакомых лиц другого пола, его ценностная идеализация. Никто не может любить глубоко, самоотверженно, страстно одновременно двух или трех человек. Это неизбежно приводит к психическим сдвигам, ставит человека перед трудной альтернативой, рассеивает общий поток чувств. Любовь требует прежде всего концентрации внимания человека на одном объекте и гармоничной целостности переживаний.

Какое-то время человек может пребывать во власти идеализированного представления о некоем бесплотном существе. Для романтически настроенного мужчины это полуабстрактный образ воображаемой женщины. Для склонной к иллюзиям женщины это фантастическое воссоздание имманентных атрибутов мужчины в ореоле идеала, сказочной мечты.

Но долгое странствование в неземном царстве совершенных образов ведет к притуплению человеческих чувств. Иногда кажется, что в этой загадочной области духовных сублимаций пола существует заколдованный круг противоречий. Мужчина и женщина обычно ищут в любви идеал, совершенство форм. Именно поэтому они иногда начинают жить представлениями об абстрактной родовой сущности возможного объекта любви. Однако

царство фантазии, которое в конечном счете теряет присущую ему условность, крайне отрицательно сказывается на жизненной энергии человека. Чтобы любовные мечты стали реальностью, мужчина и женщина неизбежно должны выбрать конкретный, живой объект своих половых чувств.

Человек не может, по словам Гейне, жениться на Венере Милосской или выйти замуж за Гермеса, изваянного Праксителем. Он должен спуститься с неба на землю и обратить внимание на реальных живых людей.

До тех пор пока сознание воспринимает только абстрактную родовую сущность противоположного пола, об истинной жизненной любви не может быть и речи. Любовные чувства обычно направлены на близкое, конкретное предметное содержание. Неиндивидуализированная представительница женского пола едва ли сможет возбудить пламенную любовь, вызвать эмоциональное волнение. Лишенная конкретной осязательности абстракция представляет интерес только для науки. Чем больше рассеивается внимание, тем слабее интенсивность чувств.

Речь идет не только о явлениях в бесплотном мире абстракций. Даже в царстве осязаемой конкретности увеличение количества рассеивающих внимание центров неизбежно приводит к уменьшению общей интенсивности переживаний.

Молодые люди живут в коллективе и до известной поры, как говорят в народе, играют с огнем, не ощущая его грозной демонической силы. Но вот наконец внимание фиксируется на одном объекте. Спокойная прежде грудь вздымается, пронзенная трепетным чувством. Так приходит любовь. Народная мудрость иногда советует молодежи не замыкаться в узком кругу, не останавливать взгляд на одном лице.

Гуляйте, молодцы,  
Пока не женитесь,  
На всех девиц подряд любуйтесь,  
На одну не заглядывайтесь,  
В одну не влюбляйтесь.  
Любовь дело недоброе,  
От любви человеку смерть.  
Огонь горит и гаснет,  
Любовь горит, не сгорает...

(Перевод Л. Хомутовой)

Когда юноша начинает заглядываться не на всех девушек, а на одну определенную, она вдруг становится

наиболее заметной, самой красивой, привлекательной, единственной. Иными словами, она начинает играть роль центра мироздания. Бытие приобретает новую эстетическую и моральную ценность. И юноша начинает описывать головокружительные круги по какой-то орбите вокруг таинственного центра вселенной.

Половой отбор женских и мужских особей у животных происходит на чисто инстинктивной основе, отчасти в силу привычки. Он биологически целесообразен, так как удовлетворяет потребности вида. У человека половой отбор начинает приобретать социальные компоненты. Ухаживание и предпочтение определенного мужчины или определенной женщины в первобытном обществе все еще довольно примитивно. Выбор происходит почти на том же уровне, что и половой отбор у животных. В некоторых племенах соперники-мужчины сражаются за нравящуюся им женщину. Они организуют состязания в беге, охоте и т. д.<sup>1</sup> Женщина выбирает мужчину с более развитыми мускулами, с крепким телом, широкоплечего, храброго и воинственного. Эти индивидуальные качества благоприятствуют совершенствованию будущих поколений.

И все же в первобытном обществе наряду с чисто биологическими аспектами полового отбора уже начинают действовать и сознательные, разумные социальные соображения. В дальнейшем, с установлением классового строя, они становятся более дифференцированными. Среди общих критериев предпочтения значительную роль играют трудовые качества нравящегося лица другого пола, его индивидуальная нравственная ориентация, социальное положение и др.

Сложность переплетения и взаимодействия различных в своем существе биологических и социальных факторов неизбежно делает выбор объекта любви исключительной ситуацией, испытанием чувств, воли, эстетического вкуса и ценностной системы человека. Чем выше уровень культуры данной личности, ее внутренняя индивидуализация, тем более трудным актом инстинкта и разума на основе указанных критериев становится решение этой «комплексной» задачи.

Поиски избранницы иногда превращаются в мучительную прелюдию любви. Сознание непрерывно блуждает, не в состоянии отыскать свою точку притяжения во

<sup>1</sup> См.: Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор, с. 606, 607.

времени и пространстве. «Я искал тебя,— пишет Асен Златаров,— повсюду Ради тебя я взойшел по огненным ступеням к небу, ради тебя испил до дна ледяную муку одиночества... Я знал, что ты где-то существуешь, что я должен тебя найти. Ты явилась мне в полудреме, на мгновение предстала предо мной, как светлое видение, как мимолетная мечта, и я увидел твои черты».

В отличие от инстинктивного полового отбора животных регулируемый сознанием личный выбор человеком объекта любви приводит не только к чисто биологической совместимости, но и к психологической, эстетической и моральной гармонии двух индивидов. Таким образом, полностью во власти интимного чувства, они становятся близкими друг другу. Избранник воспринимается, как *незаменимый, единственный, а избранница — как незаменимая, единственная.*

Гоббс, живший в атмосфере пуританского XVII века, так говорит в «Левиафане» о необходимости выбора конкретного объекта любовных чувств и его восприятия как незаменимого: «*Любовь есть представление человека о его потребности в лице, к которому его влечет*»<sup>1</sup>. При рассмотрении эмоций Гоббс разграничивает неопределенное влечение человека и влечение к «определенному объекту» в той или иной социальной среде. Именно последнее есть «та любовь, которая представляет собой неисчерпаемую тему для поэтов»<sup>2</sup>.

Руссо подчеркивает, что выбор, предпочтение одного лица в интимной жизни зависит от уровня образования, предрассудков, привычек. Но без этого не может быть личной эмоциональной привязанности. По Руссо, любовь всегда является «результатом сравнения». Поэтому половые чувства Адама не могли перерасти в истинную любовь. Необходимо было иметь, кроме Евы, хотя бы еще одну женщину. Любовь нуждается в различных потенциальных объектах, без которых не может быть действительного акта сравнения.

В поэме А. С. Пушкина «Каменный гость» Лаура признается Дон Карлосу, что она любила Дон Гуана. Однако продолжает ли она его любить? На этот вопрос Лаура отвечает, обращаясь к Дон Карлосу:

В сию минуту?  
Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.  
Теперь люблю тебя.

<sup>1</sup> Гоббс Т. Избр. произв. т. 1. М., 1964, с. 486.

<sup>2</sup> Там же.

В момент выбора происходит идеализация качеств «незаменимого», «незаменимой». Сознание влюбленного воспринимает других людей слегка приниженными, до известной степени неполноценными. Таким образом, становится вполне возможна исключительная концентрация внимания на избранном лице. Парижская гризетка Бернеретта в новелле Альфреда де Мюссе «Фредерик и Бернеретта» признается своему возлюбленному Фредерику: «... с тех пор, как я полюбила тебя, все мужчины кажутся мне уродливыми и глупыми». Эта новая ценностная ориентация, выраженная с такой экспрессией, является результатом эмоционального внушения.

В рассказе Мопассана «Покойница» говорится: «Почему мы любим? Разве не странно видеть в целом мире только одно существо, иметь на устах только одно имя».

Влюбленный неизбежно располагает в своем сознании различных людей по степени их ценности и совершенству качеств. На самый верх пирамиды он всегда помещает объект своих желаний как идеал всех времен, и ему и в голову не приходит сравнивать его с другими образами. Человек (мужчина или женщина) неизбежно связывает мысль о своем бытии с пленительным представлением о любимой, соответственно о любимом. Такое духовное слияние и проецирование двух индивидов в будущее как нераздельных существ является особой формой удовлетворения, эмоционального отражения в мечтах, в идеальных ценностях.

Это имеет большое значение для укрепления интимной, связующей функции любви. Герой Сомерсета Моэма путешественник Бейтман говорит Изабелле: «Кроме вас, я никого не замечаю, и мне никогда не приходило в голову, что кто-то может походить на вас».

Сознание незаменимости избранника (избранницы) придает исключительную ценность любви. Это почти абсолютное слияние чувств, желаний, мировоззрения человека.

«Любовь до гроба» не всегда является самообманом, театральной декларацией влюбленного, плодом временной сильной страсти. Иногда это сознание незаменимости любимого отражается на личной судьбе.

Но незаменимый объект любви в общей массе образов иногда незаметно становится заменимым. Эта трансформация может быть как плодом субъективного разочарования, так и глубокого сущностного изменения объективной ситуации. При охлаждении чувств незаменимый становится заменимым, и сердце делает новый выбор.

Природа не терпит пустоты даже в эмоциональной сфере человека. Недаром шутят, что лучшим лекарством при потере красивой женщины является другая, такая же красивая женщина.

Эту альтернативу можно оспаривать. Один из героев новеллы Мюссе «Фредерик и Бернеретта» говорит: «Удел человека — забывать и любить». И получает от собеседницы ответ: «Знайте же, что тот, кто способен любить, любит только один раз в жизни. Люди непостоянные не умеют любить, они играют сердцами». Однако истина сложнее. Человек может любить как один, так и несколько раз. Все зависит от его индивидуальности и стечения обстоятельств.

Человек не хочет жить в одиночестве и отдалении от других людей. Он обладает чудесной способностью эмоционального самовосстановления, постоянного проявления интимных чувств. Он начинает все сначала, он снова вынужден выбирать, но именно выбирать. Он не может, дорожа своими чувствами, переходить вслепую от одного объекта к другому.

Иногда, хотя и очень редко, мужчина или женщина оказываются эмоционально раздвоенными. Вопреки своему желанию они не в состоянии определенно и решительно сделать выбор, предпочесть одно лицо. Мужчина «разрывается» между двумя женщинами, женщина — между двумя мужчинами.

Однако в таких случаях эмоционального раздвоения сознания любовь, испытываемая одновременно к двум людям, неравноценна. Часто одна из привязанностей носит характер интимного проявления человечности или морального долга. Истинная любовь почти всегда побеждает в конкретной эмоциональной связи. Остальные отношения, существующие в силу тех или иных причин, обычно менее устойчивы, слабы, кратковременны.

Человек рано или поздно должен отдать предпочтение, сделать выбор. Иногда говорят, что только обыкновенные, посредственные люди способны на продолжительную любовь к одному лицу, а творческие личности, великие люди полигамны. Это утверждение в его категоричной форме не соответствует действительности.

У многих великих людей была прочная, иногда единственная в жизни любовная связь. Об этом убедительно свидетельствуют литературные источники, автобиографии, воспоминания, исторические документы.

Единственное увлечение Ньютона связано с юной мисс Сторей, воспитанницей аптекаря Кларка. Он думал

вступить в брак с этой красивой девушкой, но победила средневековая традиция, согласно которой члены кембриджского Тринити колледжа должны были оставаться холостыми<sup>1</sup>.

В тридцать четыре года Лессинг полюбил впервые молодую вдову Еву Кениг. Он ждал шесть лет, пока наконец эта благородная и рассудительная женщина приняла его предложение вступить в брак. Семейная жизнь этой пары была очень счастливой. Когда Ева умерла при родах, Лессинг сразу постарел, все в мире для него померкло. Даже занятия литературой не смогли заставить его забыть свою утрату, и три года спустя он последовал за женой<sup>2</sup>.

У Гегеля было одно-единственное любовное увлечение в жизни. Его избранница, «лучшая» из всех красивых женщин, стала его супругой. Суровый и замкнутый философ писал полные нежности стихи своей Марии, постоянно окружал ее любовью и заботой<sup>3</sup>.

Исключительное постоянство в любви было присуще известному Майклу Фарадею. В тридцать лет он женился на двадцатилетней девушке. Семейная жизнь Сары и Майкла Фарадея, согретая самыми глубокими чувствами, продолжалась 46 лет. Джон Тиндал писал об этом прекрасном полувековом союзе: «Никогда не будет любви сильнее, чище и прочнее их любви. Подобно сверкающему алмазу, в течение 46 лет она излучала свой... свет»<sup>4</sup>.

Романтичным ореолом окружена история любви Карла Маркса и Женни фон Вестфален. В 18 лет Маркс был женихом Женни фон Вестфален. Позднее она становится его женой и верным спутником во всех испытаниях. Смерть Женни после почти сорока лет совместной жизни была для Маркса страшным горем. «...Мои мысли,— писал он,— большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни»<sup>5</sup>. Страдания ускорили конец; после смерти жены Маркс прожил только два года. Когда он скончался, в кармане его пиджака нашли сделанную на стекле фотографию Женни. Этот прекрасный портрет был его последним утешением<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См.: Вавилов С. И. Исаак Ньютон. М., 1961, с. 17.

<sup>2</sup> См.: Филипов М. М. Лессинг. Варна, 1893, с. 126—127.

<sup>3</sup> См.: Соловьев Е. Г. Гегель. Биографический очерк. СПб., 1891, с. 77—79.

<sup>4</sup> См.: Карамихов С. Майкл Фарадей. София, 1958, с. 32.

<sup>5</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 35—36.

<sup>6</sup> См.: Виноградская П. Женни Маркс. М., 1978, с. 288.

Столь же долголетним и счастливым был союз дочери Маркса Лауры с видным пролетарским революционером Полем Лафаргом. Сорок три года они разделяли друг с другом радости и жизненные испытания.

Утонченные и болезненно страстные натуры художественного и артистического склада более склонны к сменам объекта любовного влечения. Значительная концентрация переживаний ведет у них к быстрому насыщению стереотипом одной любовной ситуации. Сознание стремится к новым объектам, к разнообразию раздражителей. Многократная смена объекта любовных чувств (мужчины или женщины), казалось бы, до некоторой степени оправдывает призывы анакреонтизма. Однако факты такого рода, несомненно, должны быть исследованы и проанализированы в каждом конкретном случае. Серьезное внимание следует уделить изучению истории эмоциональной жизни и биографий выдающихся творческих личностей. Они представляют благодатное поле деятельности для психологии и социологии любви.

История знает немало примеров частой смены увлечений у великих людей. Овидий, Лопе де Вега, Байрон, Гёте, Гюго... перечень может быть продолжен. Но не будем торопиться с выводами. При ближайшем рассмотрении такое непостоянство гениев часто свидетельствует о мучительных поисках идеала и о разочаровании от столкновения с действительностью, о попытке осуществить мечту посредством сочетания отдельных черт желанного образа в череде различных лиц. Любовные мечты уводят в мир чистых форм. Сознание создает абстрактную, совершенную модель объекта влечений. Фантазия использует тончайшие нюансы для репродукции и объективации интимного содержания мечты. Однако в жизни приходится сталкиваться с несовершенством бытия, материализацией идеала в противоречивой ситуации. Природа подшучивает над мечтой, корректирует желания, вынуждает примириться с действительностью.

Абстрактная женщина, как идеал мужчины, превосходит всех отдельных, конкретных женщин, в том числе и самых красивых, ибо она совершенна, у нее нет никаких недостатков. Она всегда возведена на пьедестал желаний и мечтаний. Однако у конкретной женщины много других важных преимуществ: ее можно воспринять органами чувств, ибо она реально существует в вещественном мире, она создана из плоти и крови и непосредственно является наиболее конкретной формой воплощения мате-

риального бытия. Идеальная же, то есть абстрактная, женщина подобна товару, который, по словам Маркса, «как стоимость остается неувеличиваемым»<sup>1</sup>.

Иными словами, сознание должно выбирать. Мужчину терзают противоречия. Он мечтает о совершенном, абстрактном существе, однако встречается конкретную, несовершенную женщину. Сознание то рвется в небо, то спускается на землю. На помощь приходят иллюзии. Мужчина приближает идеал к действительности или возвышает действительность до идеала.

Сознание не может вечно витать в облаках, радоваться абстрактным бесплотным видениям. Оно неизбежно соглашается на реальную «синицу», отказываясь от «журавля в небе». Жизнь часто приземляет возвышенные заоблачные претензии человека. В царстве реальной действительности, конкретных жизненных обстоятельств сознание имеет дело с переменными величинами. Оно дифференцирует, затем интегрирует, сясь достичь красоты идеала, перспективы миражей, полноты любви.

Совершенные качества, которые данный субъект интимных чувств стремится отыскать у их объекта, почти всегда являются какой-то абстрактной комбинацией. Они могут существовать только в дисперсном состоянии, то есть как нечто в отдельности, в различных образах. Так что субъект иногда вынужден компенсировать эту разбросанность, соединяя естественно разделенное в одну гамму переживаний.

Таким образом, может возникнуть психологически объяснимая «двойная» или даже «тройная» любовь, с помощью которой женщина или мужчина вынуждены «заполнять» существующую во влечении пустоту, стремясь достичь в любви идеала, сконструированного их фантазией. Например, мужчина способен удовлетворить только физиологические потребности женщины. Тогда женщина и о духовное, интеллектуальное общении. Тогда женщина удовлетворяется, может быть, сначала «совершенно невинно», в другого мужчину, который психологически заполняет пустоту. Существует и другой вариант. Женщина удовлетворена духовно, эмоционально, но ищет удовлетворения чувственности. К такой компенсации (дополнению образов) как к чему-то вполне естественному иногда стремятся и представители другого пола, мужчины.

Такого рода раздвоенная любовь фальшива в самой своей основе. И все же это самозаблуждение человека

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 56.

объективно существует. На половую сферу воздействует целый ряд раздражителей, исподволь влияющих на сложные взаимоотношения инстинкта, эмоций и разума. В таких случаях человек переживает и глубокую личную драму, катастрофу в любви. Комплекс этих факторов занимает, видимо, важное место в биографии Байрона, Гёте и др. Объекты их любви обычно удовлетворяют и дополняют различные аспекты их глубокого влечения к другому полу.

По дошедшим до нас признаниям самого Гёте, наибольшее влечение поэт испытывал к очаровательной Лили Шенеман. Эта женщина, судя по всему, приближалась к идеалу поэта. В 80 лет Гёте признавал исключительное значение своей дружбы с Лили. «Она,—говорил он Эккерману,—действительно была первой, которую я глубоко и по-настоящему любил. Я могу даже сказать, что она была и последней, ибо те мелкие увлечения, которые время от времени случались в моей жизни, по сравнению с моей первой любовью были легкими и поверхностными. Я никогда не был так близок к действительному счастью, как во время моей любви к Лили. Препятствия, мешавшие нам соединиться, не были в сущности непреодолимыми,—и все-таки я ее потерял»<sup>1</sup>.

Отмечая существование чего-то «демонического» в волшебном чувстве любви, Гёте подчеркивает, что оно нашло свою истинную стихию в его отношениях с Лили. Эта любовь придала всей его жизни «совершенно иное направление». Разрыв с Лили был непосредственной причиной его переезда в Веймар и превращения этого городка в столицу изящных искусств Саксен-Веймарского герцогства.

Предубеждения и «благоразумие» заставляют Гёте неодуманно расстаться с этой прекрасной женщиной, столь близкой к его идеалу, и до конца жизни искать безвозвратно утерянное счастье. Едва ли у него было столько увлечений, если бы он сохранил верность лучше-му и самому сильному чувству в своей жизни.

Аналогично и развитие эмоциональной жизни Байрона. Неистовый поэт трагической романтики словно был приговорен к поискам воображаемой идеальной женщины. Но имя женщины, сыгравшей роковую роль в биографии Байрона, известно—Мери Чауерт. Если бы женщина с глазами газели и чарующей улыбкой не сказала, что не может любить «этого хромого мальчика»

<sup>1</sup> Эккерман И. П. Разговоры с Гёте... М.—Л., 1934, с. 806.

(будущую гордость Англии), он не метался бы до конца своей жизни от одной женщины к другой в поисках недостижимого счастья, в стремлении притупить в подсознании ощущение боли. Других он забывает даже тогда, когда стремится их запомнить. Мери Чауерт помнит даже тогда, когда хочет ее забыть<sup>1</sup>.

Можно обобщить сказанное. Сколько бы любовных приключений ни пережил мужчина, в его сознании обречено навсегда остаться одна, незаменимая никем женщина. Невозможность реализации «коронной любви» к ней в большинстве жизненных ситуаций обычно является серьезной причиной его непостоянства и легкомысленного отношения к объектам полового влечения. То же полностью относится и к женщине как субъекту любовных чувств.

Иногда иллюзорное сознание создает собирательный, почти искусственно персонифицированный тип мужчины или женщины как химерического объекта полового влечения.

Но нас интересует, как влияет развитие культуры на индивидуализацию выбора объекта любви в настоящее время. Этот вопрос непосредственно затрагивает перспективу межличностных отношений в социализированной сфере половой жизни.

До 9 сентября 1944 года\* многие исследователи вопросов сексологии в Болгарии придерживались той точки зрения, что «любовь перестала иметь индивидуальное воплощение». Существовавшая многие века персонификация выбора якобы утратила свою прежнюю силу. «Вместо любви, связанной с объектами-уникалами,— писал Кирил Крыстев,—мы имеем дело с любовью преимущественно как с общим чувством только для себя, которое находит временное и одновременное применение ко многим объектам»<sup>2</sup>. Он подчеркивал, что существовавшая веками традиция поисков незаменимого воплощения красоты, «избранника» сердца все больше теряет свое значение. С развитием цивилизации любовь трансформируется в «собирательное проявление» чувств к самым разнородным объектам. Человек рождает родовую сущность другого пола, а не конкретное данное лицо (мужчину или женщину). Современная любовь становится более богатой

<sup>1</sup> См.: Аничков Е. Жизнь и переписка Байрона. Спб., 1905, Б. IX, с. 656—657.

\* День социалистической революции в Болгарии.—Прим. перев.

<sup>2</sup> Крыстев К. Психология на съвременната любов.—«Философски преглед», т. IV, № 4, с. 301.

и всеобъемлющей. Глубокое интимное внимание к определенной личности, ее восприятие в качестве единственного объекта чувств перестало быть обязательным.

К. Крыстев указывал на главные причины исчезновения «индивидуальной любви»: 1) постепенный отход от индивидуализма в современную эпоху, демократизация социальной жизни, уравнивание личностей; 2) большая интимность и близость мужчин и женщин, возросшая культура человека или, другими словами, то, что в конечном итоге лишает избранника, избранницу «волшебного ореола»<sup>1</sup>.

Но жизнь не подтвердила эту крайнюю оценку, этот прогноз. Напротив, прослеживается тенденция к утонченности и дифференцированности чувства любви. Обогащение сознания не ведет к обезличиванию и уравниванию вкусов. Оно делает человека более взыскательным.

Такое понимание, такой подход к проблеме в более широком плане совсем не нов. Еще Д. Юм подчеркивал, что утонченность вкуса благоприятствует любви и дружбе и ограничивает наш выбор немногими людьми<sup>2</sup>. Таким образом, более высокий уровень культуры сопровождается обычно большими трудностями при выборе объекта любви.

Можно сказать, что вкус человека постепенно становится более изысканным, повышаются индивидуальные требования к избраннику. Эта неуклонная прогрессивная тенденция в человеческих взаимоотношениях является существенным моментом в развитии современной культуры.

## 2. ОБЛИК ИДЕАЛА

Индивидуальный выбор объекта любви, бесспорно, является психологической загадкой, потому что нам еще полностью неизвестны принципы и законы этого непонятного явления, в силу какого-то странного сродства соединяющего сердца людей. Что заставляет мужчину остановиться внимание на определенной женщине среди такого множества других женщин? Вопрос можно поставить и иначе. В силу каких обстоятельств человек находит объект своей любви?

<sup>1</sup> См.: Крыстев К. Психология на съвременната любов.—«Философски преглед», т. IV, № 4, с. 306.

<sup>2</sup> См.: Юм Д. Соч., т. 2, с. 570—571.

Некоторые считают, что здесь вообще не следует искать какой-то закономерности, что конкретный выбор может быть плодом случайного стечения обстоятельств. Видимо, здесь мы сталкиваемся с загадочным, неожиданным, фатальным переплетением человеческих судеб. Сервантес в своем романе «Дон Кихот» утверждает, что у любви нет лучшего помощника, чем случай.

Но этот ответ не дает решения вопроса. Сама случайность есть конкретное проявление необходимости. Однако присутствует ли в спонтанном сочетании любовных пар внутренняя объективная необходимость? Какие закономерные факторы обуславливают критерий понятия «нравиться»? Можно ли научно раскрыть тайны любовного «притяжения», нормы взаимной оценки мужчины и женщины?

Эта область жизни еще недостаточно исследована. Тут все еще не хватает моста, который связал бы воедино психологию, эстетику, биологию и социологию. Но вопрос поставлен и ждет решения. Ибо и в настоящее время человека интересует, есть ли в выборе объекта интимных чувств что-то «запрограммированное». В силу каких причин любовь соединяет мужчину и женщину?

Распространено мнение, что любовь соединяет одинаковые или похожие типы обоих полов. Этот почти традиционный взгляд возник еще в античную эпоху. Он выкристаллизовался в максимум, что наиболее глубокие любовные чувства объединяют людей, которые похожи как телесно (анатомически), так и духовно (психологически).

Ранний византийский писатель Аристенет отмечает, что согласно мудрой древней поговорке, в мистериях Афродиты «по воле божества подобное всегда находит себе подобное». И вполне естественно, что «красавец Аконтий взял в жены красавицу Кидиппу».

В народных песнях часто встречается описание влюбленных, «похожих друг на друга как две капли воды». Отмечая это, С. Бобчев подчеркивает, что основным требованием народа является, чтобы парень и девушка «походили друг на друга». Потому что, только если они «похожи», то есть «равны» по внешности, красоте, по «породе», они смогут жить счастливо<sup>1</sup>.

С. Бобчев смешивает здесь две группы различных по

<sup>1</sup> См.: Бобчев С. С. Народно брачно право в юридически пословицы. София, 1923, с. 11.

значению качеств или атрибутов: а) наследственные — физический облик, темперамент; б) социальные, приобретенные — порядочность, честность и пр. Эти две группы качеств играют в любви различную роль. Люди одного уровня развития, получившие одинаковое воспитание привлекают друг друга. В то же время большое сходство темпераментов и анатомического строения инстинктивно приводит к отталкиванию.

Согласно некоторым описаниям, влюбленные так «гомозиготны», что похожи на детей одной матери. Но симпатии обычно проявляются не к «дубликатным», а к контрастным вариантам биоанатомическим атрибутам. Еще Платон сказал, что мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга. Эрос всегда соединяет противоположные качества. Таким образом, объективно восстанавливается гармоничное единство. Эта мысль, почерпнутая из жизни, уже давно получила распространение в литературе.

То, что в половых взаимоотношениях мужчину и женщину привлекают контрастные формы внешней красоты, видимо, было известно много веков назад, и не только Платону. В сказках «Тысячи и одной ночи» увлекательно повествуется о пламенной любви Неамеха и красавицы Ноам. Они были совершенно не похожи друг на друга, но ими любовались, так как они были одинаково красивы.

Эта алхимия взаимного влечения нашла отражение в художественной литературе. Р. Роллан подчеркивает, что Жаклина (в его романе «Жан-Кристоф») любит Оливье «за то, что он был так не похож на нее».

Ту же идею развивает, не обосновывая ее, и П. Жерарди: «Ты любишь в ней то, чего тебе недостает, и ждешь, что она тебе это даст... Она никогда не будет на тебя похожа... Твоя истинная драма — это драма того, чего тебе недостает».

Проблема выбора представляет большой научный интерес. Но эта область сексологии еще недостаточно разработана.

Мы считаем, что соединение эмоционально привлекающих друг друга мужчины и женщины происходит на основе взаимодополнения биоанатомических индивидуальных качеств. В этом скрыто проявляется природная целесообразность. Какова же реальная предпосылка так называемой спонтанной первичной симпатии?

Логика исследования ведет нас к тайнам подспудных,

завуалированных факторов психологического влечения. Чем объяснить парадоксы и капризы симпатии? Действительно ли этот феномен имеет необходимую, скрытую под внешней видимостью влечения решающую причину? Наша способность испытывать симпатию к случайно встреченному лицу является чудесной загадкой. Но у парадокса симпатии есть и обратная сторона. Существует немало примеров, когда между двумя людьми, воспитанными в одной обстановке, переживающими сходные чувства, решающими общие социальные задачи, отсутствует ярко выраженная симпатия. В некоторых случаях возможно даже проявление антипатии.

Очевидно, указанные социальные факторы «сходства» не единственные, хотя в данной обстановке они играют определенную роль. Существует «первичное», инстинктивное или подсознательное предрасположение, связанное с типом нервной системы, вызывающее импульсы у определенного лица, которое начинает испытывать симпатию к другому лицу. Это предрасположение вытекает из неповторимой комбинации биологических наследственных качеств. Оно коренится в самой природе указанной комбинации, в особенностях конкретной, чисто анатомической структуры человека, в индивидуальности темперамента.

Объективные законы «функционирования» и развития симпатии имеют единую основу с законами любви. Необходима обобщающая интерпретация указанной загадки, принципов вариантного интимного взаимодействия мужчин и женщин на уровне современной культуры.

Симпатия, как и любовь, соединяет людей, имеющих сходную, близкую организацию сознания, одинаковую или похожую систему жизненных ценностей, но вместе с тем, однако, обладающих противоположными чертами индивидуального физического облика и темперамента и взаимно дополняющих друг друга. Неторопливые флегматики обычно предпочитают, сами того не осознавая, подвижных сангвиников. В то же время люди, принадлежащие к одному типу нервной системы, инстинктивно отталкиваются.

Симпатия развивается в силу объективных закономерностей как результат взаимодействия двух групп факторов — общности интересов, ценностной жизненной ориентации и различия, несхожести темпераментов. Есть основания предполагать, что эта связь глубока и существенна.

Особенно характерна, например, комбинация характеров, мыслей, чувств и внешнего облика Христо Ботева и Василия Левского. Они как одинаковы, так и различны, противоположны. Одинаковы или сходны их идеи, стремление постичь смысл жизни, активное и самоотверженное участие в национально-освободительной борьбе. Но в то же время Ботев и Левский, столь идейно созвучные друг другу, полностью различались как физические типы, как обладатели индивидуальных темпераментов. У Ботева крупная голова, черные глаза, темные волосы, удлиненное лицо. Его темпераменту была свойственна неистовость урагана, холерические взрывы. Напротив, у Левского пропорциональное сложение, светлые глаза, русые волосы. Кажется, что он являлся классическим воплощением исключительного самообладания, великолепной комбинацией черт флегматика и сангвиника. У Ботева и Левского были все необходимые предпосылки для общения и прочной симпатии. Дружба, связавшая двух исполинов болгарской национальной революции, была красива, искренна. Ботев восхищался личностью Левского, его оптимизмом и «необыкновенным характером». «Приятно человеку, — пишет Ботев, — жить рядом с подобными личностями»<sup>1</sup>.

Очень интересна комбинация черт, сблизивших Маркса и Энгельса. Прежде всего, оба гениальных пролетарских революционера, провозвестники будущего, связаны общей идеологией, активным участием в едином фронте классовой борьбы. Но между ними существовали и серьезные различия. Маркс, с его львиной гривой черных волос и горящими глазами, несомненно обладал темпераментом холерика, громовержца. Напротив, Энгельс был светловолос, почти всегда весел и улыбчив, быстр. В нем сочеталась уравновешенность сангвиника с некоторым налетом флегматичности. Общеизвестна необыкновенная взаимная симпатия этих гигантов мысли. Ее внутренние предпосылки коренились не только в общей идеологии, но и в несхожести темпераментов.

До конца жизни Маркс питал глубочайшие дружеские чувства к Энгельсу. Он всегда интересовался его мнением по всем актуальным вопросам. А Энгельс постоянно жил заботами Маркса. Их общение было прекрасным праздником. «Энгельс всегда считал, — отмечал Меринг, — величайшим счастьем своей жизни то, что он стоял сорок

<sup>1</sup> Ботев Х. Сб.р. съч., т. I. София, 1958, с. 477.

лет рядом с Марксом... Их дружба сделалась союзом, не имеющим себе равных во всей истории»<sup>1</sup>.

Симпатия может быть выражена как глубокая психологическая приспособляемость и особая синхронность душевных движений лиц, испытывающих удовольствие от общения, как глубокая дружба мужчины с женщиной, женщины с женщиной или мужчины с женщиной. Все эти формы общения и более интимной взаимосвязи обычно существуют в рамках дружбы. Однако симпатия, связывающая мужчину и женщину, в определенной обстановке может закономерно перерасти в любовь. Жажда сближения усиливается и приобретает совершенно новую качественную определенность. Эта жажда естественно выражает могучий напор полового влечения. Таким образом, она приобретает и другую, более существенную функцию в жизни людей.

Товарищество (или дружба) и любовь, бесспорно, являются различными формами общения. Поэтому часто их рассматривают без какой бы то ни было взаимной связи, или, точнее, как противоположные явления. Еще Платон отмечал, что «сходство порождает дружбу». Общий язык связывает дружески настроенные души. А «несходство» характерно для «влюбленных»<sup>2</sup>.

Фактически между дружбой и любовью существует определенная связь. Это две различные формы общения, в которых своеобразно действуют и общие закономерности — одинаковость или сходство представлений, противоположность типов нервной системы.

Выбор объектов любовных чувств, по мнению некоторых авторов, является формой преодоления изначально-го нарциссизма. Руссо в «Эмиле» подчеркивал, что первое чувство ребенка — любовь к самому себе. Потом он начинает обращать свою любовь на окружающих людей, которые ему помогают и заботятся о нем, — мать, кормилицу, няню и т. д.

Сходные взгляды, хотя и на другой основе, развивают и Фрейд. По его мнению, после «нарциссической стадии» в развитии ребенка наступает момент выбора, внешнего реагирования и внешней направленности полового влечения. Это происходит одним из двух способов: по нарциссическому типу, когда место собственного «Я» занимает другое, по возможности сходное с ним «Я», или по опорному типу, когда объектом либидо избираются люди,

ценность которых связана с удовлетворением других жизненных нужд».

Эта концепция теоретически смешивает весьма различные по своей специфике отношения. Привязанность ребенка, а затем подростка к заботящимся о нем близким людям (матери, отцу, родным и т. д.) объяснима. Но эта привязанность на бытовой основе приобретает сексуальное содержание лишь в виде исключения, в очень редких, необычных жизненных ситуациях. Как правило, в силу закономерности «либидоносной ориентации» половое внимание индивида направляется на внешние, чуждые родственным связям объекты. Об этом свидетельствуют обычаи, народные песни, поговорки, факты социальной жизни в настоящее время и в далеком прошлом.

И. И. Сеченов подчеркивает, что первый конкретный выбор в любви направлен на далекие объекты. Как можно убедительно объяснить такую странную экзогамную чувств? Сеченов утверждает, что юноша в период полового развития избегает знакомых женщин, ибо в данной обстановке их воздействие уже связано в силу условных рефлексов с другими, неполовыми чувствами и переживаниями, то есть они не могут быть сильным возбудителем закономерно возникающих половых влечений. Но глубокая мотивация этого поведения и до сих пор остается нерешенной проблемой.

«Равным образом, — пишет Сеченов, — трудно указать на условия, почему ранние половые ощущения ассоциируются непременно с образом такой-то женщины, а не с другой или не со всеми. Понятно только, что им трудно сочетаться с представлениями о таких женщинах, которые постоянно окружают мальчика. Этих он давно знает, следовательно, с представлением о них у него связаны уже крепко ощущения, хотя и страстные по природе, но имеющие совершенно отличный от половых характер... Мальчики и влюбляются сначала в какие-то туманные, неопределенные образы — их идеалы»<sup>1</sup>.

Действительно, «отличное» от нас, несхожее по темпераменту и анатомической структуре, представляет интерес и потому, что является чем-то иным, не совпадающим с постоянно воспринимаемыми внешними признаками близких людей. Но эта известная психическая особенность отношений не может удовлетворительно объяснить экзогамный характер половой ориентации мужчины или женщины. Проблема требует более глубокого проникнове-

<sup>1</sup> Меринг Ф. Карл Маркс. М., 1957, с. 261.

<sup>2</sup> См.: Платон. Избр. диалоги, с. 202.

<sup>1</sup> Сеченов И. М. Избр. произв., т. I. М. 1952, с. 113.

ния в скрытые закономерности, в биологическую целесообразность половых отношений, воспроизводства человека.

Половое размножение в конечном итоге служит потребностям биологической эволюции. Оно объединяет наследственные качества каждой родительской пары и закономерно передает их из поколения в поколение. Так в процессе эволюции шаг за шагом реализуются две основные тенденции: а) целесообразное приспособление организмов к постоянно изменяющимся условиям действительности; б) усовершенствование и развитие организмов в процессе оптимизации их взаимодействия с окружающей средой.

Иногда эволюция естественно переходит в инволюцию. Наступают моменты рецессии, вырождения. Однако главным направлением происходящих в жизни изменений является эволюция. Образно говоря, природа как бы «стремится» усовершенствовать будущие поколения, превратить отдельных индивидов, составляющих данный вид, в индивидов более развитых, более адаптивных, лучше приспособленных к взаимодействию с объективными условиями, способных более целесообразно осваивать среду и в конечном счете подчинить ее потребностям своего бытия.

Эта рабочая гипотеза подтверждается фактами эволюции организмов на протяжении миллионов лет. Половое размножение теряет всякий «смысл» (то есть природную биологическую целесообразность), если отсутствует тенденция к устранению «дефектов», к приспособливанию и прогрессивному развитию вида, к достижению более совершенной организации. Во всем этом кроется глубокая закономерность. Природа с помощью различных комбинаций, передаваемых наследственным путем, как бы пытается достичь оптимума, совершенной формы жизни. Можно говорить условно о «запрограммированном идеале» естественной эволюции, о биологической «целевой» направленности полового размножения.

С кибернетической точки зрения живой организм является сложной, вероятностной, саморазвивающейся и самосовершенствующейся динамической системой. Эти ее функции протекают естественно и закономерно, как процесс внутренней перенастройки в филогенезе и онтогенезе. Половое размножение объективно действует как механизм постоянного самообновления и самосовершенствования данной биологической системы в рамках вида.

Норберт Винер говорит о потенциальной возможности

конструирования сложных механических систем, способных к самовоспроизведению, или, иначе говоря, к созданию и размножению «копий», дубликатов своей организации, способных выполнять те же функции<sup>1</sup>. Но эта трудная задача ниже наивысшего уровня биологической эволюции живых организмов. Функционально она приближается к так называемому «стабилизирующему отбору» полового размножения. Во время этого процесса происходит элиминация особей с нарушенного жизненного происхождения. В результате полового размножения сохраняются и развиваются «устойчивые органические формы» достигнутого уровня эволюции<sup>2</sup>.

Однако существует и так называемый «движущий отбор». Его задача заключается в восстановлении нарушенного равновесия между внешней средой, а также популяцией и необходимыми условиями, в ограничении признаков-вариантов в рамках целесообразности, или, другими словами, он должен «подхватывать и усиливать» постоянно возникающие приспособительные изменения, которые и образуют адаптивное течение эволюции<sup>3</sup>.

У человека выбор объекта любви происходит на основе как эстетических, так и антропологических критериев. Эти две различные формы интерпретации человеческого бытия фактически являются коррелятивными. Эстетическая оценка образа одновременно представляет и антропологическую оценку вида. Искусство и наука различными средствами стремятся создать облик идеальной человеческой природы. В сущности, это путь созерцания и творческой мысли, интуиции и разума.

Но какова же оптимальная, или, иначе говоря, идеальная, структура человеческого тела? Каковы его наиболее целесообразные пропорции с точки зрения красоты и функционирования? Этот вопрос занимал творцов изобразительного искусства и антропологов на протяжении веков. Но и до сих пор мы еще далеки от его решения.

Уже античные ваятели стремятся к отысканию канонов или идеальных пропорций человеческого тела. Древнеегипетский канон пропорций является первой попыткой решения этой трудной эстетической и анатомической

<sup>1</sup> См.: Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958, с. 210.

<sup>2</sup> См.: Карпинская Р. С. Философские проблемы молекулярной биологии. М., 1971, с. 183.

<sup>3</sup> Там же, с. 183, 192.

задачи. Согласно этому канону, длина ступни шесть раз должна укладываться в высоте человеческого тела. В дальнейшем за единицу измерения принималась длина среднего пальца руки. Эта мера должна была 19 раз содержаться в длине тела<sup>1</sup>.

Поликлет, Фидий, Лисипп в Древней Греции создают новые каноны совершенного человеческого тела. Это связано с развитием искусства и антропологии. Дорифор (копьеносец) Поликлета воплощает измерения идеальной человеческой фигуры. Лицо укладывается 10 раз, а голова 8 раз в высоте тела. Римский архитектор Витрувий обосновывает другие пропорции. Согласно его «квадратному» канону, высота человеческого тела от ступней до талии равняется его длине по линии горизонтально раскинутых рук<sup>2</sup>.

Позднее Леонардо да Винчи принимает канон Витрувия, но предусматривает более высокий рост идеальной фигуры. Поэтому он помещает очертания человеческого тела не в квадрат, а в круг. Микеланджело использует канон Поликлета. При этом, по его мнению, в высоте тела восемь раз должна укладываться высота головы плюс длина носа. Позднее каноны создают Дюрер, Фрич, Герди, Шадов, Ритчел, Карус, Цейзинг, Гульд и др. Обычно каждый автор исходит из различных пропорций идеальной человеческой фигуры.

Созданные каноны гармоничных пропорций человеческого тела слишком абстрактны, не учитывают ряда особенностей развития организма. Пропорции человеческого тела не являются и не могут быть конкретной величиной. Они биологически зависят от возраста, пола и расы индивида.

В период детства размеры головы относительно велики. Ноги в этом возрасте коротки. По мере роста и созревания индивида изменяются пропорции тела. Как показывают наблюдения, после рождения человека в процессе его развития до 20—25 лет голова увеличивается только в 2 раза, длина туловища — в 3, рук — в 4, а ног — в 5 раз<sup>3</sup>.

С другой стороны, идеальные пропорции мужчины и женщины не могут быть одинаковыми. Нюансы соотношения различных частей тела зависят от пола. Как уже было отмечено, женщина немного ниже мужчины. Кроме

того, ее голова меньше по объему. Нижняя часть ее тела (от пупа) длиннее, чем та же часть тела у мужчин, хотя мужчина крупнее и массивнее. Вместе с тем таз и бедра женщины шире.

Это лишь один приблизительный набросок жизненного оптимума и «вечной красоты» человеческой «внешности». Никто не может определить точные и абсолютные физические параметры «идеального» мужчины и «идеальной» женщины.

Вероятно, такого раз и навсегда установленного эталона и не существует. Скорее можно принять концепцию, что «эталон» мужчины конкретно воплощается в нескольких (двух или трех) условно выраженных вариантах: Геркулес, Аполлон, Мефистофель<sup>1</sup>. Вымышленные мифологические фигуры отражают, хотя и с некоторой долей фантазии, реальные атрибуты человеческой природы.

Геркулес — воплощение огромной человеческой силы, он словно выкован Гефестом из железа. Его фигура подобна глыбе, составленной из бугристых массивных форм. Аполлон как олицетворение гармонии привлекает своим стройным телом, он более тонко вылеплен. Мефистофель сухоощав, жилист, в его облике доминирует холодная сила разума.

Может быть, «совершенного» мужчину следует искать в гармоничном сочетании этих трех различных типов. Потому что в каждом из них есть что-то, характерное для представителя сильного, неукротимого пола, извечного «владельца земли».

Существует и несколько различных вариантов образа идеальной женщины. Ее сущность выражена в трех конкретных, созданных фантазией и эллинским гением образах: Психеи, Афродиты, Афины Паллады. Как утверждает мифология, Психея была нежнейшим, почти бесплотным существом. Поэтому греческие мифы иногда наделяют ее тончайшими, блестящими крыльями бабочки. Афродита — совершенная, очаровательная зрелая женщина, она выше ростом, чем Психея, полна жизни, физического и духовного обаяния. Наконец, Афина Паллада — твердая и мужественная женщина в латах. В ее фигуре есть что-то мужское, хотя она не перестает быть в то же время подчеркнута женственной.

Вместе с тем, чтобы полнее уяснить себе основные параметры физического облика человека, следует выявить также важнейшие прогрессивные тенденции процес-

<sup>1</sup> См.: Чоканов К. Пластична анатомия. София, 1970, с. 304.

<sup>2</sup> См. там же, с. 306.

<sup>3</sup> См.: Привес М. О. и др. Анатомия человека. Л., 1969, с. 61.

<sup>1</sup> См.: Адов А. Учебник по лобовта. София, 1931, с. 22.

са эволюции—создание форм, характерных для высшего этапа биологического развития приматов, которые, следовательно, могут подсказать нам оптимальные пропорции вида *гомо сапиенс*.

Антропологи подчеркивают, что с превращением обезьяны в человека длина ног по отношению к туловищу увеличивается, а длина рук уменьшается. Изменение этих показателей очевидно. Так, у орангутана ноги составляют 119 процентов по отношению к туловищу, у шимпанзе—128 процентов, у человека—171 процент<sup>1</sup>. Размер головы по отношению к конечностям и другим частям тела также возрастает. Среднее увеличение ее высоты составляет около 50 процентов<sup>2</sup>.

Одновременно с этим существенные изменения претерпевает и форма головы. Кажется, что природа применяет тончайший резец, придавая ей изящество и наибольшую целесообразность. У высших обезьян сильнее развита лицевая часть (под бровями), а весь череп сравнительно невелик. У них особенно характерные для животных выдвинутые вперед челюсти, жевательная функция очень массивна, что обусловлено ее жевательной функцией, лоб вогнутый, сильно выдаются надбровные дуги.

В процессе эволюции указанные характерные признаки обезьяны постепенно моделируются и смягчаются. Исторически это происходит поэтапно, что особенно хорошо заметно по сохранившейся постоянной структуре известных основных промежуточных типов питекантропа и палеоантропа (неандертальца)<sup>3</sup>.

У человека эволюция приводит к следующим наиболее целесообразным изменениям основных пропорций частей головы: приблизительно равная высота челюстей, носа до бровей и лба, округлый череп. Человеку не свойственна резко выступающая вперед нижняя часть лица. Лоб прямой, заканчивающийся закруглением (аркой).

Объем головного мозга человека увеличивается, среднестатистически он составляет до 1500 см<sup>3</sup>, тогда как у современных высших обезьян—только 400—500 см<sup>3</sup>.

Немецкий историк искусства—Винкельман ищет идеальный, совершенный человеческий образ, исходя из «греческих понятий о красоте, связанных с целесообраз-

ностью отдельных анатомических форм». Он считает, что идеальное телосложение зависит от пропорциональности его отдельных частей, умеренной длины и объемов (не слишком больших, но и не слишком малых).

Несмотря на очевидную абсолютизацию Винкельманом платоновских измерений (бедер, ног, туловища) и других пропорций, известных в древности, его наблюдения во многом свидетельствуют о богатой эстетической интуиции. По его мнению, самая красивая голова гармонична, как голова Христа Микеланджело или Аполлона Бельведерского: лицо яйцеобразной формы, лоб—средней высоты, выпуклый, подбородок—хорошо очерченный, губы—слегка сжатые, не тонкие, но и не очень мясистые, глаза—большие, но не выпуклые, нос—прямой, не слишком плоский, но в то же время и без горбинки, хорошо смоделированный, переходящий в лоб без углубления, как на античных греческих образцах<sup>1</sup>.

Нюансы пропорций человеческого тела зависят и от принадлежности к той или иной расе. Они отражают определенные вариации физической структуры в общих границах вида. Конкретно эти различия (форма черепа, цвет кожи и др.) всегда относятся к фенотипу, но существенно не затрагивают целостность генотипа, потенциальные возможности развития культуры<sup>2</sup>.

Что касается параметров оптимального анатомического строения представителей двух полов, то они не всегда совпадают с обобщенной величиной, с признаками, которые являются самыми распространенными в конкретной действительности, в повседневной жизни. Совершенная фигура зрелого мужчины и зрелой женщины является абстрактным выражением основных закономерных тенденций, целесообразности, красоты идеального образа. Несомненно, эту комплексную форму в определенном смысле можно считать пределом достижений эволюции.

Большие трудности при определении этих параметров главным образом связаны с моментами субъективности и относительности в понимании и восприятии общего идеала человеческого тела, его пластических характеристик. Это вопрос предпочтения индивидуальной комбинации качеств при выборе объекта любви. Прихотливость вкуса принадлежит к парадоксам и загадкам любви. И все же в

<sup>1</sup> См.: Холличер В. Человек в научной картине мира. М., 1971, с. 33.

<sup>2</sup> См.: Ранке И. Человек, т. II. Спб., 1904, с. 7.

<sup>3</sup> См.: Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1945, с. 60—66.

<sup>1</sup> См.: Винкельман И. История искусства древности, с. 127, 166—167, 355—356.

<sup>2</sup> См.: Лобашев М. Е. Генетика. Л., 1969, с. 604.

рамках нашей исходной теоретической установки можно сделать некоторые выводы.

Гениальные люди обычно представляют собой значительное отклонение от средней нормы определенных качеств. В них есть что-то чрезмерное, нетипичное, аномальное — в некоторых аспектах положительное, в других — отрицательное. Природа не терпит отклонений (не в плане больших умственных задатков, но «недочетов» по другим линиям, с которыми они обычно связаны). Поэтому гений часто находит интимного партнера, посредственного в интеллектуальном отношении, но обладающего, видимо, другими важными для жизни качествами. Таким образом природа восстанавливает равновесие, преодолевает (компенсирует) «недочет». Но вместе с тем она в большинстве случаев и губит колоссальную одаренность, благотворную комбинацию хромосом. Обычно дети гениев — это «нормальные», средние, иногда умственно очень ограниченные люди.

Видимо, талантливые личности обычно создают лучшее потомство. В отличие от гениальных людей они не наделены какой-то чрезмерной сверходаренностью. Истории известны талантливые, одаренные семьи, передающие свои качества из поколения в поколение.

Мнения различных женщин о внешности данного мужчины, как и различных мужчин о фигуре данной женщины, часто в корне противоположны. То, что нравится одним, может отталкивать других, и наоборот. Гегель говорит, что «для каждого его любимая является Афродитой»<sup>1</sup>. И такой эстетический (и сексуальный) субъективизм человека, по его мнению, оказывается «бесконечным произволом необходимости»<sup>2</sup>. Индивидуальные вкусы как мужчин, так и женщин выглядят слишком дифференцированными. Это мешает обнаружить какую-то закономерность.

Однако представление об эстетическом критерии неопределенно и в другом отношении. Оно объективно выражает предпочтения той или иной социальной группы. Древние греки изображают идеальную женщину полной жизненных сил, с округлыми формами. Мрамор греческих скульптур кажется теплым словно золотистосмуглая кожа. Художники позднего средневековья и раннего Возрождения представляют идеальную женщину высокой, стройной, изящной, как белая лилия.

<sup>1</sup> Гегель. Г. В. Ф. Эстетика, т. 2, с. 280.

<sup>2</sup> Там же.

Позднее в противоположность этим утонченным образам Джотто и Филиппо Липпи, Доменико Венециано и Боттичелли фламандец Рубенс рисует на своих полотнах другой тип красивой, полной жизни женщины. Она привлекает внимание пышным розовым телом, цветущими, вызывающе округлыми формами.

Обычно аристократической считается изысканная, «полувоздушная» женская красота. Эта особенность эстетического критерия обусловлена характером социального бытия данного класса. Люди из низов идеализируют сильную, физически крепкую, румяную женщину, способную выполнять тяжелую работу и противостоять превратностям суровой жизни. На эту классовую обусловленность индивидуальных ценностей указывает Чернышевский в своем труде «Эстетические отношения искусства к действительности»<sup>1</sup>.

И все же вопреки несомненной дифференцированности критериев в понимании идеальных качеств мужчины и женщины существует и что-то абсолютное, неподвластное времени и взглядам отдельных социальных групп. Элементы подчеркнутой жизненности и гармоничности тела всегда производят приятное впечатление. Это субъективная оценка объективных гомеостатических изменений индивида.

Чернышевский несколько абсолютизирует существующие классовые различия в определении «достоинств» идеальной фигуры. Он считает, что в то время, как крестьянину нравится румяная, плотная, цветущая девушка, аристократ предпочитает хрупкую женщину «с маленькими ручками и ножками», даже «с маленькими ушками». Правда, он признает, что «здоровье никогда не может потерять своей цены в глазах человека», но сразу же добавляет, что «для светских» людей «бледность», «болезненность, слабость, вялость, томность также имеют... достоинство красоты»<sup>2</sup>.

Подобные извращенные вкусы и нездоровые влечения, пожалуй, не столь уж распространены и в среде аристократов, которым нравятся не только утонченные, но и розовые, пышные здоровьем молодые женщины из простолюдинов. Белокожий идеал высших слоев общества эпохи феодализма также не всегда синоним худой, вялой, бледной женщины. И здесь вполне может сохраняться связь с биологической нормой.

<sup>1</sup> См.: Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв. М., 1978, с. 197.

<sup>2</sup> Там же, с. 198.

С другой стороны, и в глазах крестьянина, то есть человека физического труда, женщина с белой, нежной кожей имеет эстетическую ценность. Народные песни воспевают непреходящее очарование таких женщин. Они сравнивают цвет их кожи с белизной творога, сливок и т. д. С давних пор парни близ города Малко-Тырново поют:

Ох, сохну по тебе,  
Ох, сохну по тебе,  
По твоему лицу белому,  
Белому лицу лебединому.

(Перевод Л. Хамутовой)

Так что не следует преувеличивать влияния социально-классовых факторов на оценку телесной красоты. В многовековой истории человечества существуют определенные постоянные основные критерии эстетизации мужчины и женщины. Эти вечные приметы красоты эстетическим путем отражают биологические измерения вида homo sapiens.

Можно условно выделить два аспекта объективно детерминированного человеческого «идеала». Первый аспект относится к биологическим требованиям вида, то есть к его общей «генетической программе». Второй — к вариантным требованиям индивида, то есть к генетической компенсации его «недочетов».

Следовательно, оба пола обладают определенными постоянными ценностями, непреходящими достоинствами. Они играют роль постоянных возбудителей любви. Женщине всегда нравятся мужественные атрибуты мужчины в их четко выраженной форме. Они являются неизменными, то есть «непреходящими ценностями» в истории половых отношений. В то же время мужчина всегда идеализирует нежную женственность.

Несомненно, эта констатация, хотя и определенная, слишком абстрактна. Сделаем попытку суммировать важнейшие «абсолютные» черты мужественности и женственности, воспользовавшись в целях большей свободы интерпретации «Исповедью» Маркса, ответами на вопросы анкеты, предложенной ему дочерьми. Маркс подчеркивает, что для него важнейшее качество мужчины — это «сила», а женщины — «слабость». Очевидно, в этой лаконичной оценке есть доля истины и шутки, мудрости и парадокса.

Маркс говорит о «силе» как о мужественности, а о «слабости» как о нежности, красоте, женственности. Эти

две полярные противоположности связаны глубокой внутренней диалектической связью. Как бы парадоксально это ни звучало, в известном отношении сила мужчины становится его слабостью, а слабость (то есть нежность) женщины — ее силой.

На протяжении тысячелетий женщинам нравится сильный, храбрый мужчина, а мужчинам — красивая, нежная женщина. Это почти неизменный, наиболее общий идеал в его двух вариантах.

«Сравнительная слабость, вызывающая к поддержке, — отмечает Г. Спенсер, — есть одна из черт, которые наиболее возбуждают в мужчинах чувство любви, нежную эмоцию... Но бывают и противоположные случаи, в которых женщины необычайной природной силы привлекаются к слабым душой и телом мужчинам»<sup>1</sup>.

В «Пляске смерти» одна из героинь Стриндберга говорит: «Ты поистине был стыдлив... Это шло тебе. Видишь ли, есть грубые женщины, которые любят застенчивых мужчин... есть робкие мужчины, которые любят грубых женщин».

Это подтверждает приведенную здесь общую концепцию. Факты свидетельствуют, что любовь гармонично соединяет силу и нежность, ласкающую и карающую руку. Другое дело, что иногда эти атрибуты по иронии судьбы оказываются не там, где им следовало бы быть: сила — у женщины, нежность — у мужчины.

Колоритные образы мужчин, покоряющих женщин решительностью характера и атлетической внешностью, создали Дж. Лондон и Э. Хемингуэй. Сила и твердость всегда были основными характеристиками «настоящего мужчины». Напротив, изящество и нежность характеризуют «женское начало». Эта необходимая дифференциация составляет нечто «вечное» в красоте обоих полов.

Женственную женщину привлекает сильный мужчина, но ее отталкивает грубость. Она стремится встретить силу, которая облагорожена высшей гуманностью культуры, соединена с нежностью и добротой. Она хочет, чтобы ее любимый был львом с другими и ягненком в ее присутствии.

Иногда мужчина искупает свои физические недостатки силой воли. В этом отношении очень интересна биография Талеярана. Некрасивый, хромотой на правую ногу, этот демон, этот холодный скептик, постоянно

<sup>1</sup> Спенсер Г. Этика половых отношений. Спб., 1898, с. 44.

искушающий судьбу, этот гений лицемерия и дипломатии привлекал симпатии многих женщин, среди которых мы видим и мадам де Сталь. Даже в 50 лет он высоко «котируется» у прекрасного пола, «как и в самую цветущую пору молодости»<sup>1</sup>. Несомненно, это в большой степени зависит от его положения в системе социальной иерархии. Но Талейран завоевывает женщин и обаянием своей интеллектуальной силы, холодной мужественностью и твердой волей в достижении цели, своей исключительной способностью спокойно встречать исторические бури и всегда оказываться невредимым на гребне событий.

Женственную «нежность» и мужественную «силу» не следует рассматривать односторонне, только как физические свойства. Женщине импонирует не только физическая, но и интеллектуальная и нравственная сила мужчины, его волевые качества. Мужчину привлекает не только физическая нежность женщины, но и ее духовная утонченность, изящество и культура.

В процессе выбора не всегда полностью осуществляется данная «программа индивида». Мужчина или женщина иногда находят лишь один аспект искомого интегрального (физического и духовного) качества другого пола. Они чувствуют себя неудовлетворенными и могут при соответствующих обстоятельствах повторить свой выбор.

Разумеется, каждый человек не лишен недостатков. Почти никогда он не совпадает с «эталоном». Биологическое предназначение полового выбора состоит в целесообразной комбинации качеств определенного мужчины и определенной женщины. Таким образом достигается большая возможность компенсации недостатков.

Влюбленные должны быть достаточно различными, достаточно чуждыми, чтобы идеализировать друг друга как незнакомых, загадочно интересных существ, чтобы не видеть в мрачном свете недостатков друг друга, чтобы совершалось таинство взаимного влечения, чтобы оба постоянно ощущали существование чего-то, чего не хватает каждому из них в отдельности.

В то же время влюбленные стремятся быть в достаточной мере одинаковыми, родственными, духовно и социально близкими: иметь общее мировоззрение и идеологию, сходную систему моральных ценностей, одинаковое понимание цели и смысла жизни. Должна существовать интимная гармония противоположностей, общая культурная основа, являющаяся условием соединения, одинако-

<sup>1</sup> См.: Тарле Е. В. Талейран. М., 1962, с. 23, 69.

вый, присущий им обоим эмоциональный язык, внутренняя взаимосвязь, объединяющее их волю стремление, которое заставляет сердца биться в унисон и окрыляет воображение, общий синхронный ритм шагов на пути к цели, к будущему. Необходимо, наконец, общий идеал в борьбе за достижение цели.

### 3. КРИТЕРИИ ВЫБОРА

В исполненном нежности, волшебном, чарующем сознании мире любви каждый ищет свою прекрасную мечту и желанный идеал, ищет то, что словно подсказывает ему внутренний голос. «Прежде, чем я увидел тебя, озаренную солнцем,—шепчет поэт,—ты уже была во мне».

В выборе объекта любви сочетаются природная и общественная необходимость, глубокие порывы тела и духа, инстинкт продолжения рода и сложившиеся нормы классовой или иной социальной общности. Не следует забывать о существовании и некоторых специфических соображений при выборе объекта любви (экономических, семейных, эстетических), о роли воспитания, товарищеской среды и т. д. Так возникает сложное «математическое уравнение». При знании конкретных значений отдельных величин задача может быть решена. Компоненты воздействия объекта сексуального влечения, практически обуславливающие выбор, предпочтение данного мужчины или данной женщины, могут быть в качестве составных частей одной системы: а) видовыми (или родовыми); б) индивидуальными, личностными.

Видовые (родовые) компоненты являются общими для всех представителей данного пола в процессе их естественного развития. К их числу относятся прежде всего и главным образом особенности биологического строения человека и некоторые традиционные социальные формы поведения в определенных исторических условиях.

Индивидуальные компоненты взаимного воздействия женщины и мужчины—это имманентные качества и черты, свойства и атрибуты отдельной личности: особенности фигуры, индивидуальная характеристика лица, глаз, волос, темперамента и пр. Эта группа компонентов охватывает и критерии культурного уровня личности: культуру поведения, ценностную ориентацию, образованность и др.

Индивидуальные и родовые характеристики мужчины или женщины, стимулирующие появление любовного влечения, практически действуют в комплексе. Они могут соответствовать или не соответствовать идеалу. Плюсы и минусы взаимно комбинируются и создают общее целостное впечатление.

Факторы индивидуальной «притягательности» также имеют различную природу (биологическую и социальную). Они включают:

1) особенности типа нервной системы (сила, уравновешенность и скорость нервных процессов);

2) внешние физические признаки (общее телосложение человека — рост, вес, пропорциональность отдельных размеров, форма частей тела, форма головы, частей лица, пигментация кожи, волос и глаз и т. д.);

3) особенности голосовых данных (сила, тембр, высота);

4) общий биосоциальный признак (возрастные характеристики: биологическая — особенности облика человека и его жизнедеятельности — и социальная — возрастная психология, жизненный опыт и т. д.);

5) социальные характеристики (сословная, классовая и др. принадлежность; социальный престиж; материальный уровень; идеологические и мировоззренческие убеждения; система нравственных норм и ценностей; эстетическая ценностная система; интеллектуальный уровень, образованность, одаренность; воспитанность, повседневное поведение при социальных контактах; одежда, внешний вид).

Прежде всего следует рассмотреть тип нервной системы. Его особенности, формирующие конкретный человеческий темперамент, играют большую роль в процессе выбора объекта любовных чувств.

Однако здесь необходимо сделать по крайней мере две оговорки. Понятия «тип нервной системы» и «темперамент» полностью не совпадают. Первое относится к физиологии человека, второе лежит в области его психологии. Тип нервной системы прямо определяет темперамент. Таким образом, одно понятие диалектически переходит в другое, не теряя своих признаков.

Кроме того, существует различие и между темпераментом и характером. Отождествление данных понятий ведет к смещению различных психических явлений. То, что мы называем темпераментом, можно определить как совокупность индивидуальных психических особенностей личности, относящихся к ее динамике, внутренне опреде-

ляемых типом нервной системы. Понятие характера, рассматриваемое структурно, имеет более широкое содержание. Характер — это индивидуальное своеобразие психического облика личности, который типологически проявляется в особенностях человеческого поведения, в отношении человека к окружающей его социальной среде и жизненным условиям. Кроме темперамента, понятие характера включает ряд психических черт (сила воли, общительность или замкнутость, инициативность или ярко выраженная пассивность и др.), которые в наибольшей степени зависят от воспитания.

Следовательно, человеческая психика определяется двумя линиями: социальной (решающей) и нейрофизиологической (подчиненной). Первая линия изменчива, динамична, вторая — относительно неизменна, «консервативна». Существует мнение, что «проявления темперамента» не есть нечто раз и навсегда данное в индивидуальной жизни человека. Темперамент может якобы изменяться по мере развития новообразующихся качеств характера<sup>1</sup>. По Н. Д. Левитову, темперамент может «качественно» измениться под влиянием социальной среды и воспитания<sup>2</sup>.

Серьезные аргументы в поддержку этой концепции, однако, отсутствуют. Есть все основания поддержать точку зрения, что в течение жизни человека его темперамент остается почти неизменным. Возможны известные варианты, но не качественные изменения. Флегматик не может стать холериком, а холерик — флегматиком, разве только в результате болезни. Несмотря на некоторые изменения, определенный тип нервной системы с характерными для него показателями сохраняется до конца жизни.

Тип нервной системы (и соответственно темперамент) имеет различные свойства. Важнейшие из них: а) сила основных нервных процессов — возбуждения и торможения; б) равновесие этих процессов; в) их подвижность в различных ситуациях<sup>3</sup>.

Конечно, это упрощенная, слишком абстрактная схема. Фактически нет людей, принадлежащих к чистым основным типам темперамента. Темперамент конкретного человека всегда представляет собой соединение различных типов с преобладанием черт одного из них.

<sup>1</sup> См.: Ковалев А. Г. Психология личности. Л., 1963, с. 180.

<sup>2</sup> См.: Левитов Н. Д. Психология характера. М., 1969, с. 65.

<sup>3</sup> См.: Ковалев А. Г. Психология личности, с. 161.

Необходима и другая оговорка. В отличие от психологов, поддерживающих взгляд И. П. Павлова, я отношу сангвиника в вышеупомянутой основной группе не к сильному, а к слабому типу нервной системы. Правда, встречаются и сильные сангвиники. Однако они не входят в указанную группу. Основные типы нервной системы, обуславливающие основные типы темперамента,—это два сильных и два слабых типа, два уравновешенных и два неуравновешенных. Это, если можно так сказать, «симметрия вероятности».

При выборе индивидуального объекта любви имеет место взаимное притяжение дополняющих друг друга противоположных темпераментов. Общая биологическая тенденция ведет к созданию полноты и гармонии, к преодолению «недочетов», минусов. Флегматику не хватает активности и динамизма. Поэтому его привлекает сангвиник. Напротив, сангвиник нуждается в некотором сдерживании. Такое влияние на него всегда оказывает флегматик. Тем самым достигается психическое равновесие. Резкость и взрывной темперамент холерика сглаживаются мягкостью и нерешительностью меланхолика. Таким образом, в любви возникает ряд благоприятных комбинаций.

Перекрестную схему можно упрощенно выразить следующим образом: первая группа — *неблагоприятные комбинации* — сочетание одинаковых темпераментов, вторая группа — *отчасти благоприятные, отчасти неблагоприятные комбинации* — сочетание близких, но различных темпераментов (холерического с сангвиническим, флегматического с меланхолическим), третья группа — *наиболее благоприятные комбинации* — соединение различных, противоположных темпераментов (холерического с флегматическим, холерического с меланхолическим, сангвинического с флегматическим).

Если же рассматривать в отдельности сочетания различных признаков того или иного типа нервной системы, вариантов сочетания полов окажется гораздо больше. Сама жизнь постоянно подтверждает закономерности этой глубокой психологической совместимости и взаимного влечения влюбленных.

Вопрос о психологической совместимости и несовместимости недостаточно исследован. Здесь мы подходим к глубочайшим подсознательным процессам в человеческой психике. Человек, сам того не сознавая, может быть настроен отрицательно по отношению к другому. Т. Шибутани, отмечая подобную спонтанную психическую сов-

местимость или несовместимость, не идет дальше простой ее констатации<sup>1</sup>. Однако этот вопрос, хотя и очень сложный, в известной степени может быть решен на основе теории подсознательного воздействия типа нервной системы, темперамента.

Данное лицо в определенной обстановке или особенно при первом знакомстве прежде всего воспринимается как целое. По своим основным внешним очертаниям, телесной структуре и пластике человек может быть массивным, угловатым, коренастым, «мускулистым» (тип Геркулеса), гибким, легким, подвижным, атлетического сложения, стройным (Давид), полнотелым, дородным, упитанным (Бальзак), сухощавым, предрасположенным к худобе (Эразм Роттердамский).

Этот обобщенный ряд типов совпадает в трех вариантах с типологией немецкого психиатра и психолога Э. Кречмера. Они отражают, хотя и несколько утрировано, действительность, но не исчерпывают многообразия типов человеческого тела. Большинство конкретных людей представляют комбинацию различных черт. Можно говорить лишь о преобладании того или иного основного телосложения человека. Природа обычно создает смешанные типы.

Индивидуальная «моделировка» и объем тела отражают определенные биологические и нейрофизиологические особенности человека. В основе кажущейся случайности и прихотливости форм природы заложена скрытая жизненная целесообразность и закономерность.

В целом человеческая фигура может быть охарактеризована и с точки зрения соотношения размеров головы, туловища (грудь, живот) и конечностей (руки и ноги). Таким образом, создается множество различных комбинаций человеческой фигуры. Количественные параметры тела являются также внешним выражением определенной физиологической и нейрофизиологической индивидуальной характеристики. Узкая грудная клетка почти всегда свидетельствует о слабом типе нервной системы. Напротив, широкая грудь говорит о жизненной напористости и энергии. У быстрого в движениях, физически активного человека обычно широкие плечи. Небольшие конечности присущи нежным, мечтательным людям.

Приведенные в настоящем разделе представления о зависимости (корреляции) между различными

<sup>1</sup> См.: Шибутани Т. Социальная психология, с. 242—243.

индивидуальными особенностями человеческого тела (его структуры) и типом нервной системы (черты темперамента) являются не результатом специальных исследований, но, скорее, обобщением житейских наблюдений и художественно-биографических материалов.

Корреляция между так называемой соматической, конституциональной структурой человеческого тела и характерными индивидуальными особенностями типа нервной системы еще недостаточно изучена. Многие исследователи вообще отрицают эту объективную зависимость, имея в виду крайности Дюрвиля, Кречмера, очевидный примитивизм френологии Галля и т. п. Но в принципе наука подчеркивает глубокую внутреннюю целостность человека, взаимодействие всех его характерных признаков.

Советский психолог Б. Г. Ананьев отмечает, что в настоящее время «наблюдается сближение соматологии (раздела, изучающего структуру телосложения, соматическую конституцию человека) и типологии высшей нервной деятельности». Конечно, отмеченная тенденция отнюдь не случайна. Она обусловлена взаимодействием самих объектов исследования. «Общий тип человеческого телосложения, определенный соотношением морфологической структуры, структуры метаболизма, нейрогуморальной регуляции и т. д., — пишет Ананьев, — находится в сложных, противоречивых отношениях с типом нервной системы, точнее, с констелляцией его нейродинамических свойств»<sup>1</sup>.

В любви существует глубоко закономерная, более или менее вероятностная тенденция к сочетанию индивидуальных типов, взаимно дополняющих друг друга по своим физическим характеристикам (массивный и более хрупкий, склонный к полноте и изящный, утонченный). Таким образом, «килограммы» становятся критерием выбора.

В связи с общей физической структурой следует подчеркнуть и конкретное, хотя и весьма относительное, значение *высоты* человеческого тела. Мужчина среднего роста, у которого, следовательно, его собственная высота совпадает в общих чертах с биологической нормой человеческого вида, при других одинаковых качествах предпочитает женщину среднего роста, другими словами, чтобы она была ниже его.

<sup>1</sup> Ананьев Б. Г. Некоторые вопросы изучения человека. — В сб.: Человек и общество вып. 1. Л., 1966, с. 77.

Эта довольно распространенная в жизни комбинация очевидна, целесообразна и не представляет трудности для теории. Гораздо интереснее, однако, варианты, отклонений человеческого роста от приблизительной, среднестатистической нормы вида. В таких случаях при выборе происходит взаимное дополнение, которое в конечном счете ведет к неизбежной компенсации плюсов и минусов, к достижению целесообразного оптимума параметров.

Мужчине высокого роста (выше средней биологической нормы), обычно нравится женщина ниже средней биологической нормы ее пола. «Гигант» обычно идеализирует «карманную» женщину. И напротив, женщина небольшого роста склонна выбирать высокого мужчину.

Это не вызывает недоумения, так как прекрасный пол вообще деликатнее, «маломернее». Однако в некоторых случаях мужчина оказывается ниже женщины, иногда намного. Это словно бы создает какую-то полную парадоксов аномалию. Но общая тенденция выбора действует и в таких случаях.

Мужчине небольшого роста обычно нравится высокая женщина. Эта статистически выведенная тенденция подтверждается фактами истории, различными биографиями от древности до наших дней.

Определенное значение имеют и *свойства кожи*. К ее особенностям можно отнести как характерный цвет, так и степень общей влажности.

Есть все основания считать, что «индивидуальность» кожи не является абсолютно самостоятельной качественной определенностью. Она фактически связана с отдельными характерными особенностями тела и прежде всего с типом нервной системы.

Характерные особенности кожи, нередко бессознательно, оказывают известное влияние на половую ориентацию человека. В связи с этим частичным признаком также действует закон гармонии и взаимного дополнения качеств. Индивидуальные комбинации на основе принципа различия этого атрибута очень показательны при контактах тех или иных неодинаковых по внешности этнических групп, что характерно для нашего времени. В северных странах по-южному смуглые мужчины и женщины становятся объектом повышенного внимания. На юге высоко «котируются» мужчины и женщины северного типа.

В зависимости от строения и формы *головы*, этого наиболее совершенного продукта биологической и социальной эволюции человека, можно выделить три подгруп-

пы или типа людей: брахицефальный (широкоголовый), долихоцефальный (узкоголовый), мезоцефальный (среднеголовый). Эти основные типы имеют свою количественную характеристику. По данным измерений, голова брахицефального типа массивная, широкая. Напротив, у долихоцефального типа узкая форма черепа. Ее формы вытянуты вдоль вертикальной оси и словно приплюснуты с боков. Особенное положение занимает мезоцефальный тип. Фактически он воплощает оптимум, гармонию биологических измерений человеческой головы.

Индивидуальная форма головы выражает определенные черты биологической и нейрофизиологической природы человека, связана в той или иной мере с особенностями типа нервной системы. Этот вопрос, которым наука до сих пор незаслуженно пренебрегала, представляет известный интерес с точки зрения бессознательного следования принципу взаимодополнительности в процессе полового выбора.

Среди критериев выбора важное место отводится глазам человека. Они обладают ни с чем не сравнимой психологической контактностью, необычайной выразительной силой. Как «зеркало души», глаза выдают намерения, мысли и чувства человека. Они выражают гордость или смирение, нежность или жестокосердие, веселость или печаль, решительность или доброту.

Швейцарский писатель XVIII века И. К. Лафатер считает, что у холериков обычно карие или темно-зеленые глаза, у большинства меланхоликов — темно-серые, а у флегматиков — голубые<sup>1</sup>. Чаще всего для холериков характерны большие выпуклые глаза (Мирабо, Маяковский, Ботев). У меланхоликов сравнительно небольшие глубоко сидящие глаза (Данте, Берлиоз, Линкольн). Даже взгляд человека в известной степени отражает его темперамент и общий психологический облик. Это лишь эмпирический вывод, результат житейских наблюдений.

Комбинация глаз при половом выборе неизменно отражает уже упомянутую выше закономерную тенденцию взаимного дополнения. На севере «идеалом» обычно считаются темные глаза, на юге — напротив, светлые. В сущности, это равновесие контрастов. При опросе, проведенном в Болгарии несколько лет назад, на вопрос, какие глаза им нравятся, половина девушек ответили — карие, около 20% — зеленые, около 15% — голубые, около 9% —

черные<sup>1</sup>. Это свидетельствует о том, что в Болгарии предпочтение крайностей (черных и голубых глаз) очень ограничено, потому что и в самом болгарском типе мало подобных отклонений.

Определенное значение в общем балансе выбора играют губы человека. Эта важная часть лица также отражает некоторые черты темперамента, силы и уравновешенности нервной системы.

Древние философы, скорее, интуитивно пришли к выводу о связи между индивидуальной спецификой губ человека и его страстями, внутренними импульсами. Театр эллинов создает две обобщенные маски: одна — образ веселого, склонного к юмору человека со слегка загнутыми вверх уголками губ, а другая — со скорбно опущенными краешками рта — символ трагедии.

Художники и скульпторы отлично понимают, что губы человека выражают определенный психический склад. Для физиономиста они говорят даже в минуты молчания, когда они крепко сжаты. До сих пор никто не смог оспорить наблюдательность греков и их вывода о двух основных типах губ. Губы с опущенными вниз уголками, если это постоянный признак, выдают или меланхолика (в тех случаях, когда они тонкие и немного сухие), или холерика (когда они полные, упругие). С другой стороны, губы, уголки которых постоянно загнуты вверх, почти всегда признак сангвинического темперамента. Горизонтально расположенные губы флегматика говорят об уравновешенном темпераменте.

Слишком выдающаяся вперед нижняя губа свидетельствует о целеустремленности и твердой воле, но часто и о надменности и бесцеремонности. Такая губа передавалась из поколения в поколение в династии Габсбургов.

Крупные и полные губы свидетельствуют о сильно развитой чувственности и хорошем аппетите. Эта характеристика присуща так называемому пикническому типу. Напротив, тонкие сухие губы говорят о сдержанности в проявлении чувств. Без сомнения, это признак так называемого астенического типа.

Твердо сжатые губы — признак решительности и воли. Но во многих случаях это свидетельство заглушаемых чувств и холодного рассудка. Безвольный, вялый, полукрытый рот говорит об отсутствии силы воли и самоконтроля. В известной степени это и доказательство слабой

<sup>1</sup> См.: Семов М. Съвременната българска девойка. София, 1967, с. 130.

<sup>1</sup> См.: Lavater J. C. Essays of physiognomy. London, 1840, p. 384.

сопротивляемости человека, того, что он легко поддается различного рода внушениям. Для наиболее уравновешенных людей характерны «хорошо очерченные» губы, отмеченные пластическим изяществом. Они плотно сжаты, но без внутреннего напряжения и озабоченности, и в то же время они не «вялые», не бесхарактерные, не безвольные.

«Волевой», динамичный, сильный тип нервной системы был характерен для Вагнера. У него твердые, напряженные губы. Напротив, Шуберт, этот лирик в музыке, мягче и сентиментальнее. У него полный, пухлый, даже несколько женственный рот. Эти особенности соответствуют индивидуальным различиям в их характерах.

Можно говорить о типичных губах: вольтерских — тонких, саркастических; дантовских — плотно сжатых, скорбных; робеспьеровских — сухих, волевых; гётевских — исполненных покоя и гармонии и др.

Факты свидетельствуют, что в любви существует известная общая тенденция к сочетанию этих внешних характерных признаков, что противоположности и здесь взаимно дополняют друг друга.

Особым физиономическим признаком является также форма носа, играющая определенную роль в качестве критерия полового выбора.

Наивно стремиться угадать по контуру и форме большого или маленького носа индивидуальные особенности человека. Но следует признать, что и этот анатомический орган по-своему отражает «природу природного целого» и в этом смысле объективно «свидетельствует» или «подсказывает сведения» по крайней мере о некоторых наследственных особенностях организма, в том числе и о типе нервной системы.

Еще Лафатер подчеркивал, что большой, сильно выдающийся нос с горбинкой (называемый бурбонским) характерен для холерика. Напротив, длинный, но тонкий и костистый, слегка ввалившийся и крючковатый нос (можно назвать его дантовским) свидетельствует, что перед нами меланхолик. Обычно это молчаливый, замкнутый человек с замедленными реакциями.

Мясистый, широкий, округлый, иногда шарообразный нос (можно назвать его носом Джона Буля), судя по наблюдениям, должен принадлежать флегматiku. Курносый или острый (чичиковский) нос и эллипсоидная голова обычно выдают сангвиника.

Нос средних размеров (не ввалившийся, но и не сильно выступающий, не слишком острый, но и не курносый) фактически свидетельствует о динамическом равновесии.

Он придает лицу гармоничность и больше всего приближается к эталону или образцу для всего вида. Половой выбор инстинктивно толкает эволюцию к преодолению отклонений и усовершенствованию каждого органа человеческого тела.

Обратимся теперь к такому важному атрибуту человеческого в человеке, как лоб. Антропологи справедливо отмечают, что высокий выпуклый лоб у человека является продуктом длительной эволюции общества. В то время как у обезьян и других животных больше выдается нижняя часть головы (челюсти), у человека выпукла ее верхняя часть.

Гегель обращает особое внимание на этот анатомический показатель эволюции. По его мнению, для человеческой головы характерен «второй центр». Это «верхняя часть лица: раздвигая лоб и лежащие ниже глаза, отражающие душу»<sup>1</sup>. Очень тонко анализируя древнегреческое искусство, Гегель указывает на несколько вариантов формы человеческого лба. У Геракла он низкий, что подчеркивает его природную физическую силу, но у других образов — высокий, выпуклый, отражающий внутреннюю одухотворенность, богатство мысли<sup>2</sup>.

Зависимость лоб — психика детально раскрывает Лафатер. Принять на веру все написанное им об этой зависимости невозможно. Общие выводы Лафатера относительно отражения психических особенностей человека в форме лба вызывают критические возражения. Но отдельные характеристики, данные в виде набросков, заслуживают внимания. «Чем более гибки очертания лба, — пишет Лафатер, — тем нежнее и подвижнее характер. Чем прямоугольнее лоб у человека, тем чаще мы сталкиваемся... с решительностью, суровостью». Прямые линии свидетельствуют об упорстве, а изогнутые — о гибкости. «Угловатые лбы с узловатыми выпуклостями всегда говорят о большой энергии, твердости, резкости, активности человека»<sup>3</sup>.

Типология лбов, по крайней мере до сих пор, была скорее делом писателей и скульпторов. В этой области интуиции и созерцания, где все еще отсутствует научный подход, накоплено немало наблюдений, представляющих

<sup>1</sup> Гегель Г. В. Ф. Эстетика, т. 3, с. 123.

<sup>2</sup> См. там же, с. 125.

<sup>3</sup> Lavater J. C. Essays of physiognomy, p. 382.

интерес в качестве определенного «сырого» эмпирического материала.

Лоб Гёте — вершина эволюции человека. Он высок, изящно оформлен, с красиво изогнутыми дугами бровей. Чело Ницше «скалито». Его профиль очерчен резко изломанной линией, лоб нависает над глазами. У Канта лоб высокий, немного суженный с боков, скорее «прямоугольный». Большой, крутой, напряженный лоб Ботева отражает могучую интеллектуальную и волевою силу. Горький отмечал, что в форме головы и лба Ленина было что-то «сократовское», полное огромной мыслительной энергии.

В живом образе человека определенное место занимают и волосы. Их функции могут быть оценены с эстетической и биологической точек зрения. Волосы веками служили определенным фактором взаимного интимного притяжения. Они в большей степени относятся к компонентам, придающим особое очарование женщинам. Тот факт, что волосы всегда были объектом постоянных забот, косметического ухода, отражает их эстетическое значение, столь важное при выборе у человека. Уже в изображениях женщин эпохи палеолита можно заметить примитивное подобие прически. Гораздо позднее аристократки в Египте сооружают сложные прически, следуя принятым нормам. Искусство ухода за волосами, создания причесок, делающих человека, особенно женщин, красивее и привлекательнее, развивается тысячелетиями.

Эстетический вкус уделяет особое внимание как факторам воздействия рукам и ногам человека. Хотя прежде всего человек оценивает важнейшие качества данного лица, а не руки и ноги, сознательно или неосознанно их оценка согласуется с общим восприятием. Иногда она может почти полностью разрушить или значительно улучшить общее впечатление.

Византийский писатель VI века Аристенет говорит об одной красавице: «Я поражен ее прелестью, и мое восхищение ею простирается даже на ее ноги. Ведь ноги, если они хороши, способны некрасивых сделать красивыми».

Даже отпечаток ступни, по мнению А. Франса, может восхитить человека. В «Восстании ангелов» писатель рассказывает, как какой-то исследователь нашел в Фивах ногу мумии чудесной красоты. Нога была столь изящной формы, что ученый влюбился в давно исчезнувшую греческую царевну, оставившую поколениям божественный эталон красоты.

Большое эротическое воздействие женских ног сексологи связывают с их близостью к генитальным органам и с возбуждаемыми ими ассоциациями. Разумеется, женские ноги могут вызывать и чисто эстетическое чувство. Не всегда обязательна половая направленность восприятия.

И все же руки, говоря условно, являются «более возвышенными, более духовными». Их особенности соотносятся с темпераментом и характером личности и свидетельствуют о мужественных или женственных качествах и атрибутах. В одной из своих новелл Цвейг описывает интуитивную способность героини отгадывать по рукам тайную сущность человека. Она видит руки хищные и нежные, бесстыдные и робкие, бездушные и чувствительные, пальцы, говорящие о силе и болезненности, о грубости и благородстве, о хитрости и откровенности и т. д. Эта литературная хиромантия, как и хиромантия вообще, предоставляет чрезвычайно большой простор для фантазии. И все же в ней присутствует некоторая доля истины.

Руки и ноги и тех, и других представителей человеческого вида спонтанно возбуждают приятные чувства, связанные определенным образом с половым влечением. Стройные ноги женщины, ее изящные округлые руки с маленькими нежными пальцами заставляют мужчину испытывать эстетическое наслаждение, способствуя тем самым ориентации его сексуального влечения. С другой стороны, «мужественные», крепко стоящие на земле ноги мужчины, его мускулистые руки привлекают взоры женщин. В определенной ситуации они могут стать элементами любовного притяжения партнеров.

Воздействие голоса как компонента в системе привлекающих свойств мужчины и женщины спонтанно вызывает у собеседника определенную явную или скрытую оценочную реакцию. Мужчина, у которого густой бас, часто испытывает симпатию к женщине с бархатным голосом. И напротив, женщина с более низкой, «твердой» тональностью голоса предпочитает мужчину с более нежной голосовой амплитудой. Схематично гармония сочетания может быть выражена в следующих основных вариантах: бас — сопрано, бас — альт, баритон — сопрано, тенор — альт. Несомненно, данные комбинации следует рассматривать как вероятностные тенденции направленности выбора.

Особенно большое значение при выборе имеют социальные качества мужчины и женщины. Как критерий

выбора они наиболее четко и глубоко отграничивают взаимоотношения полов у человека от инстинктивного поведения животных.

На выбор объекта любовных чувств у мужчины и женщины оказывает влияние прежде всего *социальная* (классовая, сословная, кастовая) *принадлежность избранника*. Обычно различия в этом направлении являются в той или иной мере препятствием в любви. В современном антагонистическом обществе степень положительных чувств, отмечает Шибутани, «обратно пропорциональна социальной дистанции между участниками»<sup>1</sup>.

Сословия, существовавшие в феодальном обществе, воздвигали почти непреодолимые барьеры перед любовью. Мужчина или женщина, принадлежащие к экономически обособленной и регламентируемой правом социальной группе, лишены были возможности свободного выбора в вопросах любви и брака, ограничены рамками социальной группы. Феодал-аристократ обычно предпочитал иметь любовницу или супругу из среды своего «благородного» сословия. Крепостной же крестьянин в ту эпоху мог взять в жены только крестьянку.

При капитализме нет сословий, установленных правовыми нормами. Экономическое общество разделено на три класса: буржуазию, пролетариат и мелких собственников. Но хотя сословные правовые барьеры отсутствуют, любовно-брачные отношения закономерно ограничены рамками отдельных классов. Эта очевидная психологическая тенденция к замкнутости имеет определенную экономическую основу.

Мужчина и женщина обычно предпочитают выбирать объект любви из своей социальной группы, или, как говорят, «своего поля ягody». Это вопрос реальных возможностей общения и определенных традиций в отношениях. Однако в жизни нередко мужчина или женщина из «высшей» социальной группы вступают в половую или брачную связь с лицом из «низшей», угнетенной группы. В таких случаях эти представители «низшей» социальной группы обладают особо ценными качествами. Иначе никак нельзя объяснить преодоление классового барьера, продвижение вверх по социальной лестнице. Так что принадлежность к высшей социальной группе иногда является активизирующим фактором интимных отношений, а принадлежность к более низкой группе обычно

<sup>1</sup> Шибутани Т. Социальная психология, с. 312.

имеет в сознании стоящих над ней людей психологическое значение отрицательной индикации.

При социализме полностью ликвидированы антагонистические классы. Преодолевая различия, общество стремится к социальной однородности. Естественно, в такой обстановке социальная принадлежность личности в качестве критерия выбора имеет все меньшее значение. И все же этот фактор в той или иной степени и форме действует и в социалистическом обществе.

Определенное значение при любовном выборе имеет *социальный престиж* человека. Это относится к общей моральной, политической и другим социальным характеристикам личности.

Говоря о социальном престиже человека, мы подразумеваем под этим оценку его качеств другими людьми. Решающую роль здесь играет общественное мнение. Конкретно (хотя и не исчерпывающе) социальный престиж личности выражается в трех аспектах: популярности человека, привлекательности, авторитет. Соотношение этих показателей обычно имеет специфические варианты.

Социальный престиж личности может возникать как общий результат единичного или комплексного воздействия различных факторов: а) благородства характера, воспитанности; б) интеллекта, эрудиции, таланта; в) решительности действий, волевой организованной силы; г) накопленного опыта работы, овладения специальностью; д) высокого положения; е) контактности и особого дара общения с людьми. Другой вопрос, заслуженна или незаслуженна эта коллективная оценка. В данном случае важно, что она объективно существует.

Роль социального престижа, хотя и в неразвитой форме, проявляется еще у детей. На этой почве у них постепенно возникает известное лидерство. Американский социолог, исследователь микросоциальных групп Д. Морено определял авторитет (социальный престиж) каждой девочки по желанию других девочек сидеть рядом с ней за столом во время обеда<sup>1</sup>. В сущности, это суммированная оценка коллективом данного лица. Социальный престиж человека повышает его ценность в качестве возможного объекта любовного влечения.

В эпоху революций герои, возглавляющие борьбу, окружены особым ореолом. В этой обстановке они обычно вызывают больший интерес, предстают необыкновенными

<sup>1</sup> Морено Д. Л. Социометрия. М., 1958, с. 120—128.

людьми. Их социальный престиж быстро растет, что в конечном итоге увеличивает и их привлекательность. Лица, завоевавшие общественное признание — артисты, писатели, художники, музыканты, политические деятели, ученые, полководцы и т. д., — приобретают и дополнительное преимущество в качестве возможных объектов любви. Привлекает и обаяние их социального престижа в конкретной исторической обстановке.

Благополучие, лучшая жизнь, большие удобства, которые предлагает возможный объект любви, также имеют некоторую реальную ценность в качестве компонента мотивации в общем балансе полового выбора у мужчины и особенно у женщины. Необходимо разобраться в тайном, часто не осознанном проявлении этой объективной, хотя и более скрытой от окружающих зависимости отношений.

В самом деле, половая любовь бескорыстна. Когда мужчина сильно влюблен в женщину или женщина — в мужчину, их сознанию чужды вульгарный расчет, стремление к материальной выгоде и т. д. Влюбленный потенциально готов пострадать за свои чувства. Но представление о материально-бытовых удобствах, хотя и отступающее на задний план, в той или иной степени оказывает влияние на выбор. Это влияние зависит от системы моральных ценностей человека и его мировоззрения.

При зарождении любовных чувств эта зависимость не доминирует, не выделяется, не стоит в центре переживаний человека. Соображения материальной выгоды преобладают, создают психическую доминанту в так называемых «браках по расчету». Но это соображение, отодвинутое на задний план, фактически действует при любой ситуации, хотя и с гораздо меньшей силой, скорее как стабилизирующий фактор.

*Идеологическая (мировоззренческая) убежденность* и ориентация мужчины и женщины также влияет на выбор, на возникновение интимных отношений. Это вполне естественно, так как сам процесс общения мужчины и женщины требует близости взглядов. Мировоззрение всегда занимает важное место в структуре индивидуального сознания. Оно систематизирует и объединяет понятия и представления о бытии, о мире и оказывает значительное воздействие на социальное поведение человека.

Несовместимость мировоззрений противодействует проявлению любви. Одинаковая идеология крепко связывает мужчину и женщину, подкрепляя их эмоциональ-

ную связь общей направленностью мыслей.

В болгарских народных песнях времен османского ига впечатляюще говорится о нежелании христианок-болгарок быть женами турецких властителей-мусульман, прибегающих иногда к открытым угрозам. В подобных ситуациях барьером всегда оказывается иная вера. Поэтому «белоликая Мара-болгарка» отказывается стать женой султана Мурада. В другой народной песне «красавица Тодора» не на жизнь, а на смерть сражается с турком Рахманом. На мольбы не губить его, а стать его женой, она с достоинством отвечает:

Не пойду я за тебя, Рахман!..  
Турок ты, Рахман,  
Турок-иноверец.

(Перевод Л. Хамутовой)

Идеологическим препятствием может быть не только различие религиозных убеждений, но и вся система взглядов на жизнь.

Идеология человека выражается и концентрируется в том, что мы называем идеалом, в системе выводов (взглядов и представлений), в сокровенной мечте о будущем совершенном состоянии общества. Идеал обладает огромной действенной силой. Он активизирует индивидуальное сознание, мобилизует духовную потенцию человека на участие в социальной борьбе. Совпадение идеалов мужчины и женщины в борьбе за общую великую цель создает прекрасные условия для товарищества, эмоциональной связи.

Экзюпери говорил, что истинная любовь не в том, чтобы смотреть друг другу в глаза, а в том, чтобы вместе смотреть в одном направлении. Эту мысль следует правильно понимать.

Факты свидетельствуют, что любовь сильна тогда, когда люди, различные по характеру и темпераменту, живут во имя одной и той же великой исторической цели, одной большой перспективы. В пламени чувств рождается прочный сплав, общность мыслей, стремлений, воли.

Совместный труд во имя большой и ответственной социальной задачи укрепляет привязанность мужчины и женщины. Общие взгляды на цели и смысл жизни рождают большие чувства. Совместная научная деятельность во имя человеческого счастья связывала узами любви Пьера и Марию Кюри. Атмосфера этой дружбы глубоко интимна. И когда Пьер стал жертвой трагической

случайности, Мария Кюри продолжала разговор с мужем на печальных страницах своего дневника.

Реальное значение идеологического фактора в сфере любовных отношений усиливается в обстановке острых классовых столкновений.

Революционная борьба создает условия для единомыслия прогрессивных слоев, для общей идеологической направленности. В этих условиях интенсивность чувств возрастает под влиянием общего движения по пути к идеалу. Вспомним любовь и дружбу А. Желябова и С. Перовской, К. Маркса и Женни Маркс, Д. Благоева и В. Живковой, В. И. Ленина и Н. К. Крупской, Г. Димитрова и Л. Ивошевич и т. д.

Определенное значение, бесспорно, имеет здесь и *система моральных ценностей*. Эта нормативная система регулирует поведение человека. Ее неписанные правила обуславливают его взаимоотношения с другими людьми. Они диктуют человеку представления о нравственном и безнравственном в конкретно существующих исторических условиях.

Любовь требует, чтобы у мужчины и женщины была одинаковая или сходная система моральных ценностей. Эта глубокая внутренняя гармония нормативной predispositionности и поведения является условием их взаимной адаптации. Когда один из них оценивает какие-либо поступки как нравственные, а другой — как несовместимые с моралью, очень быстро наступает диссонанс в отношениях. И сама любовь становится невозможной. Один из героев Бернарда Шоу иронически замечает: «У этой молодой женщины нет совести, но моей достаточно для двоих». Однако реально подобная компенсация моральных качеств невозможна. В любви совесть требует совести, нравственность — нравственности, прямота — прямоты.

Следует отметить роль и значение *эстетической системы ценностей* человека. Это вопрос воспитания, художественной культуры, восприятия мира по законам красоты. В конечном итоге она выражает определенные аспекты поведения человека в конкретной исторической ситуации.

Говоря об эстетической системе ценностей, мы отнюдь не имеем в виду индивидуальное предпочтение различных по специфике видов и жанров искусства. Одному может больше нравиться музыка, другой испытывает наивысшее наслаждение от живописи или скульптуры, а у третьего ярко выражено влечение к поэзии и т. д. Это

вопрос того или иного predisposition данного индивида. Эстетическая система ценностей концентрирует и обобщает основные критерии красивого и некрасивого, изящного и безобразного в различных жанрах и видах искусства и в действительности. Таким образом, она создает определенную направленность сознания, соответствующую психическую доминанту.

Одинаковые, близкие по уровню духовной культуры эстетические вкусы укрепляют любовь. Более благоприятной для нее является атмосфера совместного, гармонического наслаждения красотой. Одинаковое или сходное эстетическое восприятие явлений служит условием высшей эмоциональной формы общения, глубоко интимной любовной связи. Оно составляет определенный аспект поведения, общей ценностной ориентации.

Известную роль при выборе объекта любви, несомненно, играет также и уровень *интеллекта* и *одаренности человека*. У этого критерия две стороны. Одна выражает только возможность, то есть наследственные задатки человека, другая — ее осуществление, зависящее от тех или иных социальных факторов, то есть качества, приобретенные в определенной социальной среде путем воспитания, развития способностей.

Духовное богатство, сила интеллекта свидетельствуют о превосходстве человека над животными. Эти качества входят в систему стимулирующих факторов любви, эмоциональной связи. Женщина особенно высоко ценит интеллект мужчины. Героиня романа Флобера Эмма Бовари тяготится интеллектуальной ограниченностью своего супруга Шарля, его плоскими, неоригинальными мыслями, она испытывает скуку в его присутствии. Эмма Бовари инстинктивно следует максимальному требованию женщины в любви: «Разве мужчина не должен знать все?»

Известную роль при выборе объекта любовных чувств играет и так называемая *культура поведения* человека. Этот фактор на первый взгляд более формальный и как бы несущественный. Однако культура поведения, как правило, свидетельствует о внутренних, интимных качествах, отражающихся во внешнем облике и поведении. Она свидетельствует о благородстве и воспитанности человека, его утонченности и способности к общению с другими людьми.

Культура поведения в различных ситуациях обнаруживает сложное и богатое содержание. Обычно она больше всего проявляется в вежливости, учтивости

человека в отношениях с окружающими. Это предполагает уравновешенность характера, усвоение так называемых «хороших манер» (однако не только как чисто внешней позы) и находит отражение в красоте жестов и мимики, в доброжелательстве, в умении сохранять чувство собственного достоинства.

Важнейшим аспектом культуры поведения является такт, уступчивость (не нарушающая определенных принципов), деликатность. Человек должен поступать так, чтобы никого не задеть и незаслуженно, беспричинно не обидеть. Он всегда соблюдает установленные правила поведения в обществе. Воспитанный человек обладает не только тактом, но и чувством меры. Он знает, что сказать в данной ситуации, как поступить, чтобы не нарушить хорошей тон и приличия, чтобы поддержать дух внимательности, учтивости и красоты в отношениях с другими людьми.

Культура поведения воздействует на любовные чувства. Она создает благоприятный климат для общения мужчины и женщины. Люди, обладающие высокой культурой поведения, легче преодолевают «барьер безразличия» и завоевывают симпатии окружающих. Это стимулирует возникновение любви.

Определенную роль при выборе играет и *одежда человека, культура его внешнего вида* в относительных рамках той или иной эстетической системы ценностей. Это связано с материальными возможностями людей и вместе с тем говорит о их вкусах и приобретенных навыках.

Одежду можно условно назвать своего рода «второй кожей» человека. Манера одеваться, стиль одежды отражают определенное понимание ценностей, индивидуальный уровень культуры. Воспитание вкуса, умение одеваться, следить за своей внешностью занимают большое место в жизни женщины.

Правда, одежда и заботы о внешности еще не главное, но они подчеркивают некоторые особенности вкуса и характера: подтянутость и аккуратность или артистичную небрежность, помпезность или скромность и др.

Обычно каждому по душе «хороший вкус», строгая «внешняя форма» (одежда, прическа и т. д.). Но понятие «хорошего вкуса» относительно. Оно зависит от воспитания и общей культуры человека. Одному больше нравится чрезмерная пышность одежды и украшений, другому — лаконизм форм, изящество линий, третий предпочи-

тает элегантную простоту, непринужденную опрятность и др. Наблюдения показывают, что и в этой области взаимного притяжения любовь стремится к сходству или одинаковости вкусов. Если мужчине нравится элегантность, пышная разряженность женщины действует на него отталкивающе. Однако если у него противоположный вкус (например, в стиле рококо), эта разряженность влечет его и волнует. Те же требования, хотя и в меньшей степени, конечно, предъявляет женщина к эстетическому вкусу мужчины.

Любовный выбор сознательно или неосознанно включает в баланс отношений и *возрастной признак*. Обычно любовь соединяет мужчин и женщин одного поколения. Чаще всего разница в возрасте не превышает двух-трех лет; как правило, женщина моложе мужчины. Но эта доминирующая основная тенденция не исключает и масштабных отклонений в ту или иную сторону. Множество примеров такого рода свидетельствуют о сложности проблемы.

Сила эмоционального влечения в любви может победить разницу в возрасте, помогает не замечать возрастных изменений. Но у этого вопроса есть другая сторона. При большой разнице в возрасте существует больше объективных и субъективных условий для наступления разочарования и разлуки. Видимо, природа одарила мужчину некоторым преимуществом, привилегией. Для него разница в возрасте не так рискованна. Биологически его половая потенция угасает медленнее. Женщины в этом отношении опережает мужчину. Именно поэтому в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» герцог Орсино говорит, что женщине «пристало быть моложе супруга своего». Его совет кристаллизуется в поэтической форме:

Найди себе подругу помоложе,  
Иначе быстро охладеешь к ней.  
Все женщины, как розы: день настанет —  
Цветок распустится и вмиг увянет.

(Перевод Э. Линецкой)

Вопрос о разнице в возрасте здесь действительно сложен. Он относится к несовместимым одна с другой сторонам человеческого бытия.

Медицина интересуется возрастной разницей между мужчиной и женщиной с чисто биологической точки зрения. Еще философы древности предлагали то или иное решение проблемы. Аристотель утверждал, что мужчина

должен быть старше женщины примерно на 20 лет<sup>1</sup>. Платон несколько уменьшает эту разницу. По его мнению, женщина достигает расцвета в 20 лет, мужчина же — в 30<sup>2</sup>. Разница должна составлять около 10—15 лет.

И в настоящее время некоторые советские специалисты, занимающиеся этой проблемой, отмечают в качестве оптимального варианта, что мужчине следует быть старше женщины, но разница в возрасте не должна превышать 5—8 лет<sup>3</sup>.

Все же даже с физиологической точки зрения этот вопрос следует решать, учитывая индивидуальные особенности различных людей. Иногда большая разница в возрасте (например, 20—25 лет) не служит препятствием в любви.

Возрастную разницу можно рассматривать и более дифференцированно: с точки зрения требований традиционного брака и в плане физиологии. Не вызывает сомнения, что в первом случае мужчина и женщина должны быть приблизительно одного возраста. Одновременное старение мужчины и женщины способствует экономической стабильности брака. Но если речь идет только о чисто эмоциональной связи или о нетрадиционной, так называемой «внебрачной», семье разница в возрасте может быть и больше. Достаточно, чтобы общение развивалось на основе глубоких чувств и сильного полового влечения. Процент любовных связей мужчин и женщин при довольно большой разнице в возрасте сейчас вообще возрастает. Очевидно, это вызвано крушением семьи старого типа, стремлением человека осуществить свою мечту о глубоко интимных, эмоциональных любовных отношениях без оглядки на время и без традиционного брачного расчета.

Проблему возраста в качестве критерия выбора следует рассматривать не только в связи с физиологией, но и с психологией любви. Интимная жизнь — это сложная гамма физических и духовных переживаний. Более солидный, зрелый возраст человека биологически уступает более молодому возрасту. Но, как говорят, у медали есть и обратная сторона. Более зрелый возраст «побеждает» молодость широтой культурных запросов, богатством духовных переживаний, опытом прожитых лет и мудрой зрелостью.

<sup>1</sup> См.: Аристотель. Политика, с. 186—187.

<sup>2</sup> См.: Платон. Соч., т. 3, ч. 1, с. 258.

<sup>3</sup> См.: Трутнев И. А., Ходаков И. М. О семье и браке. М., 1968, с. 76.

Какое значение имеет то, что любимый человек быстрее состарится, потому что он раньше родился, что календарные сроки любви будут не столь долгими, если она дарит человеку глубочайшие, неповторимые переживания? Разница в возрасте не омрачает чувства, если человек молод душой. В этом смысле возрастной критерий отпадает, и любовь выходит за рамки физиологической власти времени.

В романе Морюа «Жорж Санд» бабушка писательницы Мари-Аврора, в 30 лет вышедшая замуж за 62-летнего Дюпена де Франкея, рассказывала внучке о своей счастливой семейной жизни: «Старый человек любит сильнее, чем молодой, и невозможно не любить того, кто любит вас так преданно... Ваш дедушка... был красив, элегантен, выхолен, изыскан, надушен, весел, приятен, привлекателен и неизменно в ровном расположении духа до своего смертного часа. В молодости он, наверно, был слишком очарователен и не мог бы вести тихую семейную жизнь; быть может, я не была бы столь счастливой, живя с ним, у меня было бы слишком много соперниц. Я убеждена, что мне достался лучший период его жизни и что никакой молодой человек не сумел бы дать молодой женщине столько счастья, сколько он давал мне. Мы не расставались никогда, и ни разу я не испытывала около него чувства скуки».

Зрелый возраст может в известной степени компенсировать минусы физической немощи достоинствами духовной силы и красоты. В таких случаях любовь не ощущает времени, непреодолимой пропасти лет. Объяснением этому явлению могут быть по крайней мере следующие обстоятельства: а) сохранившаяся половая потенция мужчины вопреки его «преклонному возрасту»; б) исключительное интеллектуальное и вообще духовное богатство мужчины, особенно обладающего большим творческим талантом.

Глубока и волнующа любовь Евгении Марс и известного болгарского писателя Ивана Вазова. Их чувство зарождается в 1906 году: Вазову 56 лет, Евгении Марс — 23 года. Это большое чувство развивается исключительно эмоционально. Пятнадцать лет, до своего последнего вздоха, Иван Вазов живет помолодевший, очарованный, покоренный его красотой и нежностью. Патриарх болгарской литературы, великий гражданский поэт своего времени обращается к любовной лирике. Всем сердцем он глубоко ощущает прекрасные мелодии жизни, трепетные волнения поздней любви. И в 70 лет этот волшебник слова волнуется, как юноша. Почти каждый день он пишет письма

«Женичке», признается ей в любви, наивной и светлой, как «юношеское увлечение». Он приглашает ее на прогулку в парк, читает ей стихи, называет «мое божество» и «ангел-хранитель»<sup>1</sup>.

Их любовь действительно была счастливой. В конце жизни Евгения Марс вспоминала о своем незабываемом чувстве, о поэтических прогулках с Иваном Вазовым. «Дружба с Вазовым была самой большой ценностью в моей жизни. Несмотря на значительную разницу в возрасте... мы понимали друг друга... Я любила поэта за благородство, за его идеально честную натуру, за его пламенную душу, за все то ценное и доброе, чем был одарен любимец болгарской музыки»<sup>2</sup>.

Большая разница в возрасте иногда может быть даже благотворной для любви, но такая любовь часто завершается эмоциональной драмой. Ибо влияние возрастного различия зависит от целого комплекса факторов, которые меняются на протяжении человеческой жизни.

#### 4. ЦЕЛОСТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

Перечисленные в начале предыдущего раздела характерные признаки личности до конца не исчерпывают многообразия факторов, способствующих возникновению любви. Зарождение любовного чувства связано с наиболее полной и многосторонней оценкой возможного избранника. Известное влияние на выбор оказывают, например, и такие конкретные свойства и признаки, как чувство юмора, пластика тела, походка и т. д. Но мы сознательно ограничиваем наше исследование.

Указанные критерии выбора могут быть систематизированы в две основные группы в следующем порядке.

А. *Первичные* (биологические, анатомические, нейрофизиологические): особенности строения тела человека, индивидуальные черты его внешности, тип нервной системы и т. д.

Б. *Вторичные* (социальные, идеологические, нравственные, эстетические, психологические): общественная среда, мировоззрение, воспитание, вкусы, взгляды на будущее, система ценностей и т. д.

Как первичные, так и вторичные факторы могут реально содействовать и препятствовать возникновению

любви. Первичные факторы играют положительную роль, когда они различны и дополняют друг друга, вторичные — когда они одинаковы, сходны, близки. В зависимости от особенностей отдельных групп факторов могут складываться следующие основные комбинации.

1. Первичные факторы дополняют друг друга, они различны до противоположности, вторичные же — сходны, близки. Эту комбинацию можно охарактеризовать как оптимальную. Она создает необходимые условия для счастливой и гармоничной любви.

2. Первичные факторы дополняют друг друга, они различны вплоть до противоположности, вторичные также противоположны. В большинстве случаев это создает драматическую ситуацию. На почве благоприятного биоанатомического сочетания зарождаются интимные чувства. Но существующие конфликтные противодействующие факторы подрывают согласие партнеров. Над такими отношениями словно тяготее «проклятие» социальной надстройки.

3. Первичные факторы одинаковы, сходны, близки; вторичные — тоже одинаковы, сходны, близки. Это создает условия для делового сотрудничества при отсутствии биологических импульсов половой любви. Поэтому отношения не выходят за рамки рационального и даже «холодного» товарищества. Над такой связью тяготее «проклятие» природы.

4. Первичные факторы одинаковы, сходны, близки; вторичные же — противоположны. Это наиболее неблагоприятное сочетание. Здесь отсутствует реальная основа для истинной эмоциональной симпатии. Налицо полное взаимоотталкивание.

Так называемые первичные факторы любовного выбора обычно передаются по наследству, оставаясь неизменными в онтогенезе. Как уже было отмечено, эти факторы взаимного притяжения должны закономерно дополнять очертания «идеала». Необходимость биоанатомической и нейрофизиологической вариантности и контрастности полов в их наиболее целесообразном соединении для воспроизводства человеческого рода как тенденция отмечалась различными авторами (философами, психологами, антропологами, писателями и т. д.).

Лихтенберг говорил о диалектике союза, основанного на истинной дружбе: «Две души, которые соединяются, все же никогда не соединяются настолько, чтобы в обеих не сохранилось именно то привлекательное различие, которое делает взаимное общение таким приятным».

<sup>1</sup> См.: Писма на Иван Вазов до Евгения Марс. София, 1947, с. 134.

<sup>2</sup> См. там же, с. 155.

Великие писатели, разбираясь в сложностях «магии жизни», инстинктивно прослеживают пути зарождения любви. Герой новеллы Томаса Манна Тонио Крегер, «типичный южанин» со «смутным лицом» и темными глазами, безнадежно влюбляется в «белокурую, прелестную Инге», девушку с миндалевидными «смеющимися синими глазами». Но она не замечает его чувств. Позднее Тонио Крегер в одном из писем признается: «Самая глубокая, тайная моя любовь отдана белокурый и голубоглазым».

Однако иногда и великие писатели изображают невероятные комбинации, противоречащие тенденциям природного бытия человека.

В «Песни торжествующей любви» И. С. Тургенев описывает трагедию двух друзей — Фабия и Муция. Они полюбили очаровательную девушку Валерию. Друзья совсем не походили друг на друга. Фабий был строен, белокур, привлекателен, Муций — нетороплив, мрачен, смугл. Но их любовь к Валерии была одинаково сильна. Именно последнее делает эту красивую легенду неправдоподобной. Жизнь, как нам кажется, исключает реальную возможность равной по силе любви к одной и той же женщине столь противоположных по темпераменту и внешности мужчин.

Любовь неумоимо соединяет изящную фигуру с коренастой, широкоголовых с узкоголовыми, голубоглазых с темноглазыми, «тугодумов» со схватывающими все на лету, молчунов с говорунами, флегматиков с холериками и т. д. Об этой деятельности природы, использующей в своих целях красоту чувств, говорит множество примеров.

Каждый нормальный человек сознательно или подсознательно ищет наиболее подходящий объект для проявления своих чувств. Выбор может быть удачным, если в нем участвовали и разум и душа. Однако самое гармоничное сочетание темпераментов и характеров не достигает все же полного слияния двух типов, возможного только в царствах фантазии, в идеальных условиях. Посочувствуем же гоголевской Агафье Тихоновне, так обеспокоенной выбором жениха. «Право, такое затруднение — выбор! Если бы еще один, два человека, а то четыре — как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже хотя и толст, а ведь очень видный мужчина. Прощу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарыч опять

мужчина с достоинствами. Уж как трудно решиться, что просто рассказать нельзя, как трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас бы решилась».

Как же происходит обычно выбор объекта любви? Попытаемся заглянуть в сознание и даже в «подсознание» современной девушки. Она стоит перед труднейшей задачей, перед загадкой Сфинкса. Ей необходимо дать ответ на чувства юноши. Голос природы и душевного влечения, трезвая расчетливость и запросы духовной культуры, требования моды и вновь всепобеждающий голос природы сливаются в ее сознании в общий хор:

— Посмотри, как он строен! У него мужественная фигура, красивые глаза!

— Необъяснимая сила влечет тебя к нему. Его душа прекрасна!

— Но у него очень скромная зарплата. Да и автомобиля нет. И столичной прописки не имеется.

— Он очень начитан, умен!

— Он не умеет одеваться! Его костюм просто смешон!

— Остановись, ты рассуждаешь, как мещанка! Взгляни, какой он мужественный!.. и т. д. и т. д.

Девушка колеблется. Окончательное решение зависит от ее мировоззрения, культуры, темперамента и т. д.

Изложенную схематически, намеченную лишь в общих чертах, эту концепцию о критериях индивидуально-го выбора объекта любовных чувств не следует компрометировать буквальным приложением к каждому конкретному случаю, не следует принимать как руководство к действию. Ни одному мужчине и ни одной женщине мы не рекомендуем выбирать спутника жизни, основываясь, например, на эталоне подходящего для них по своим размерам и форме носа. Может ли счастье человека зависеть от индивидуальных особенностей этого непретенциозного возвышения на лице, которое нам суждено полюбить? Разве этот орган обоняния может послужить причиной несчастья влюбленных?

То же можно сказать и о глазах, волосах, овале лица и т. д. В данной связи мы считаем необходимым сделать следующие уточнения.

1. Отмечая роль различных индивидуальных компонентов полового воздействия человека, следует сказать, что идеальное взаимное дополнение качеств практически

неосуществимо. Более того, такое полное взаимодополнение было бы большим несчастьем. Ибо, как говорит житейская мудрость, достижение идеала означало бы гибель любви. Для возникновения любовных чувств требуется сочетание (хотя и не в абсолютной форме) большинства характерных свойств и атрибутов влюбленных, особенно наиболее важных и существенных для индивида.

Когда человеку симпатично лицо его избранника, его манера вести себя, когда он чувствует его душевную близость, он склонен не обращать внимания на то, что его волосы не кудрявые, как бы ему хотелось, а прямые, что форма носа слегка отклоняется от эстетической нормы и т. д. Любовь приходит независимо от отдельных «минусов» комбинаций черт. Мужчина прощает недостатки женщине, которую он полюбил. При выборе он не проявляет мелочности и максимализма. Со своей стороны женщина поступает так же. Но для этого она должна быть влюблена в мужчину.

2. Мы утверждаем, что в процессе осуществления выбора происходит суммирование качеств предполагаемого избранника. Отыскивается общая результирующая различных «плюсов» и «минусов». Отдельный компонент сам по себе не может иметь решающего, абсолютного значения. Его следует рассматривать во взаимодействии с остальными компонентами системы как целого.

Мужчина и женщина выбирают объект любви, не сравнивая все имеющиеся компоненты его физической структуры, темперамента и характера, а оценивая его в целом, исходя из общего впечатления. При этом отдельные достоинства могут иметь и относительно самостоятельное значение. Однако в конечном итоге они также интегрируются в конкретной целостности личности.

Обычно мужчина и женщина не воспринимают в отдельности все обнаруженные достоинства понравившегося лица. Целостное впечатление зависит от комплексного воздействия объекта. При этом нередко мы даже не осознаем, почему нам нравится одно лицо и не нравится другое. Выбор, в сущности, представляет собой ясновидение, хотя и далекое от религиозной мистики. Это форма проявления любовной интуиции.

Примем этот уже реабилитированный наукой термин, так как его смысл отвечает известным особенностям исследуемого феномена. Понятие интуиции означает непосредственное познание действительности, спонтанное решение определенной задачи, минуя необходимые фазы

логического мышления. Это понятие относится к явлению мгновенного «озарения» человеческой психики, духа творчества, наблюдаемого часто в процессе изобретений и открытий. Философы-марксисты подчеркивают, что в таком проблеске непосредственного, на первый взгляд совсем «алогичного» познания действительности нет места какой бы то ни было мистике. Интуиция проявляется в результате накопления колоссального жизненного опыта, целесообразных, апробированных механизмов в сфере человеческого подсознания. Она, по существу, способствует всей стройной логической деятельности мышления, спонтанному удовлетворению как биологических, так и психических жизненных потребностей.

Любовная интуиция человека проявляется реально в том, что он может выбрать объект любви спонтанно, путем глубокого «озарения», какого-то таинственного, в сущности подсознательного, акта созерцания, не давая логического ответа на вопросы «почему» и «как». Во всем этом проявляется своеобразное «ясновидение» души.

3. Значение отдельных компонентов (факторов) при конкретном выборе различно. Можно с уверенностью сказать, что оно зависит от самой их природы. С другой стороны, существуют индивидуальные различия в соотношении конкретной роли отдельных факторов. Этот вопрос очень специфичен.

Средний человек практически имеет больше возможностей для выбора, тогда как для человека с характерными, ярко выраженными отклонениями от абстрактной нормы вида возможности выбора сравнительно ограничены. Его сознательные или неосознанные поиски постоянно направлены на специфическую группу компонентов.

Факт различного значения критериев выбора очень важен. Критерии комбинируются в определенную структуру и систему ценностей. Эта невидимая иерархизация мотивов полового влечения имеет некоторые индивидуальные особенности. Такие особенности индивидуальной иерархизации критериев выбора не являются чем-то произвольным. Они выражают своеобразие качеств субъекта, его стремление к компенсации своих «недочетов».

Чем гармоничнее и ближе к норме физиологическая и анатомическая структура человека, тем больше у него возможностей для выбора. Ему не нужно компенсировать слишком большие «недочеты». Обычно его внимание направлено прежде всего на видовые первичные качества противоположного пола. Мужчине нравится в женщине женственность, воплощенная в индивидуальных

вариантах темперамента и телосложения. Женщине нравится мужественность мужчины, также воплощенная в различных типах.

Что же касается соотношения между наследственно предопределенными и социально сформировавшимися качествами, то в любви несомненным преимуществом обладают первые. Анализ фактов показывает, что критерии биологического воспроизводства человека составляют основу системы внутренней мотивации, определяющей направление выбора.

Мужчина и женщина могут иметь общую ценностную ориентацию, почти совпадающие социальные взгляды, общий идеал в жизни, одинаковые личные планы и стремления. Это важная основа для крепкого товарищества, глубокой самоотверженной дружбы. Но если отсутствует необходимое взаимное дополнение телесных качеств и темпераментов, если они физически не нравятся друг другу, любовь не возникает. История знает множество таких примеров. Общий идеал, одинаковые взгляды никогда не смогут «поправить» природу.

Но известны и обратные случаи. Мужчина и женщина имеют различную ценностную ориентацию, очень разные взгляды. Однако, если они «идеально» подходят друг другу по своей «конституции», по типам нервной системы, половое влечение может возникнуть на чисто чувственной основе. Может, хотя и с некоторыми минусами, представляющими результат неодинакового воспитания. Эта «чувственная близость», односторонняя и внутренне лишенная соответствия социальных компонентов, часто исчезает или оборачивается трагедией. Но в некоторых случаях она сохраняется, трансформируясь в полноценную любовь. Постепенно идейное различие исчезает. Наступают коренные духовные изменения. Женщина воспринимает взгляды мужчины, или, наоборот, мужчина — ценностную ориентацию женщины. Такие примеры встречаются, хотя они и немногочисленны.

Говоря абстрактно, почему бы мужчине и женщине не находить интуитивно, после первой случайной встречи, идеально гармонирующий с ними объект чувств. Но такая удача в житейской практике маловероятна. Здесь возможны случаи любовного самообмана. Судя по всему, «вкус» индивида не всегда срабатывает безошибочно, не всегда исходит из полностью адекватных критериев. Это прежде всего относится к оценке внешних физических атрибутов человека.

Вопрос об использовании индивидуальных критериев

выбора заслуживает особого внимания. Наши конкретные наблюдения в этой области дают основания предполагать, что юноше или девушке обычно нравится целостный образ, а не частичные индивидуальные, присущие только избраннику черты. От чего это зависит? Конечно, не от полного, абсолютного совпадения идеала с действительностью. Причина совсем в другом.

Человек обычно не встречает у объекта своих чувств всех гармонирующих с ним черт в комплексе. Совпадение почти всегда более или менее приблизительно, многие признаки действительно отвечают требованиям индивида. В то же время другие черты, хотя и в меньшем количестве, не соответствуют осознанным и неосознанным требованиям его природы.

При этом привлекательные для индивида черты по законам иррадиации неизбежно начинают словно бы испускать лучи, их влияние путем расхождения и переноса с одной формы на другую распространяется на остальные компоненты. В человеческой психике постепенно возникают ассоциативные связи при одновременном восприятии близких атрибутов объекта любовных чувств.

Изменения естественного, природного полового «вкуса» могут произойти и в силу известных социально-этических причин. Так, мы можем наблюдать, что человек, занимающий высокое общественное положение, окруженный ореолом славы, завоевавший признание в политической, военной, научной, художественной или другой сферах, становится притягательным объектом для многих женщин. Духовное обаяние этого человека придает какую-то внутреннюю гармоничность даже его непривлекательным внешним чертам, в том числе и его очевидным физическим недостаткам. Вкус женщин, ставших его поклонницами, частично меняет определенные аспекты своей первичной индивидуальной специфики.

Обаяние великих артистов, музыкантов, писателей, несомненно, делает их внешний облик более привлекательным. Существуют гётевские, байроновские, пушкинские образцы мужественности. Духовный магнетизм Бальзака превращает в достоинства недостатки его внешности, даже его чрезмерную полноту. В то же время духовное неприятие, антипатия позитивно распространяются и на внешние физические признаки человека.

Объективное значение индивидуальных качеств для любовного притяжения полов можно рассматривать, сгруппировав их по признаку телесной и духовной красо-

ты. Первый комплекс охватывает то, что мы называем внешней привлекательностью, второй — то, что обозначается как внутренняя, духовная привлекательность мужчины и женщины. Какая группа индивидуальных качеств имеет решающее значение? Современные авторы склонны отдавать предпочтение духовной красоте. Но такой путь приводит к односторонней социологизации половой любви.

Возможно, что какая-нибудь женщина полюбит мужчину, даже если он практически не выказывает признаков трудолюбия. В некоторых случаях мужчина любит женщину внешне привлекательную, но не блестящую никакими социально ценными достоинствами. В таких странных вариантах, которых в жизни немало, «внутренние», моральные факторы противодействуют чувствам и подтачивают отношения, но все же чаще они второстепенны.

Напротив, «внешняя непривлекательность» человека может оказаться решающей в ситуациях любовного выбора. Ее нелегко компенсировать и самым богатым набором духовных (моральных) и прочих достоинств. Именно о такой противоречивости отношений пишет в своих «Опытах» Монтень: «Впрочем, я отнюдь не пренебрегал духовными качествами, однако ж при том условии, по совести говоря, если бы оказалось, что надо обязательно... выбирать между духовной и телесной красотой, я предпочел бы скорее пренебречь красотой духовной: она нужна для других, лучших вещей; но если дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-чего и без духовных прелестей, но ничего без телесных».

Монтень довольно пренебрежительно отзывается здесь о высших мотивах полового притяжения мужчины и женщины. И тем не менее нельзя не согласиться с ним, что роль «внешней привлекательности» человека достаточно велика. Вообще без «внешней привлекательности» (как отражения и некоторых внутренних качеств) любовь невозможна.

## 5. КОСМЕТИКА, МОДА И ЛЮБОВЬ

Рассмотрим некоторые «технологические аспекты» красоты мужчины и особенно женщины, существенно способствующие их взаимной привлекательности. Прежде всего обратимся к косметике. Ее значение было велико

уже в Древнем Египте. Тогда косметика была искусством украшения человеческого тела, прежде всего кожи, лица, пальцев, ногтей и т. д. В Древней Греции, а затем и в Древнем Риме это искусство получает дальнейшее развитие.

Еще за 5000 лет до н. э. египтянки делали педикюр, пользовались краской для волос, тенями для глаз и т. д. Римляне широко применяли баню, создавали кремы для поддержания свежести кожи. В средние века косметика подвергается гонениям. Забота о человеческом «грешном теле» объявляется занятием, угодным дьяволу.

В XIX веке вновь наступает расцвет косметики, уже на научной основе. Возрастает ее роль как раздела гигиены, служащего целям поддержания красоты и здоровья человека. Но понятие косметики определяется в литературе не вполне однозначно. В косметике видят иногда лишь искусство или умение производить известные манипуляции. «Косметика, — пишет Ф. Гуске, — это искусство сохранить человеческое тело здоровым и красивым, проявляя индивидуальную заботу о нем»<sup>1</sup>.

Это определение по существу очень старо. Оно восходит к временам Древнего Египта и Древней Греции. Многие врачи в настоящее время акцентируют внимание на другом содержании этого понятия, подчеркивая необходимость системных знаний. «Косметика — наука о поддержании кожи в здоровом и красивом состоянии... область медицины, скорее дерматологии»<sup>2</sup>.

Приведенные определения неполны, они верны лишь частично. С одной стороны, косметика является искусством, с другой — это наука о гигиене, профилактике, терапии и декорировании (эстетизации) кожи, губ, волос и т. п., то есть биоанатомической внешности человека. Все ее функции следует рассматривать в комплексе.

Следовательно, косметика по существу имеет три аспекта: гигиена, лечение, декорирование. Как действия, как специфические функции, они находятся в органическом единстве. Украшая человека, косметика вместе с тем заботится о его здоровье и лечении. Заботясь о его гигиене и лечении, она украшает его. Вот почему косметика всегда должна находиться одновременно в руках медицины и эстетики, науки и искусства (в широком смысле слова).

Нельзя отрицать или недооценивать исторически ут-

<sup>1</sup> Гуске Ф. Косметика. София, 1967, с. 5.

<sup>2</sup> Козловски Г. и др. Малка косметика. София, 1961, с. 3.

вердившееся благородное дело косметики. Истинные чудеса косметического перевоплощения имеют уже сложившуюся репутацию в нашу эпоху и не нуждаются в рекламе.

Изучение и оценка многовекового искусства косметики — сложная задача. В ней следует выявлять как рациональное начало, так и опасные прихоти кокетства и суетности, сопутствующих человеческому бытию.

Когда косметологи осторожно устраняют те или иные дефекты лица, сохраняя в то же время тип человека, характерные признаки его внешности, это полезное дело. Но стремление (особенно определенной категории женщин) любой ценой стать красивыми, вопреки всем рекомендациям косметологов, абсолютно неоправданно.

В таких случаях косметика оказывает плохую услугу любви. Черноволосая женщина, ставшая крашеной белокурой красавицей, или женщина, путем пластической операции превратившая свой длинный с горбинкой нос в маленький курносый носик, изменяют свой внешний тип. Это приводит к недоразумению психологического характера, вносит элемент дезориентации в процесс выбора объекта любви.

Нельзя безнаказанно обманывать природу, рано или поздно эта легкомысленная игра в прятки может привести к результатам, противоположным желаемому. Косметическое вмешательство оправданно и рационально, если оно не затушевывает и не фальсифицирует индивидуальные черты лица, атрибуты тела, а ярче, пластичнее (с чувством меры) подчеркивает тип человека.

Жизнь показала, что косметика — это обоюдоострый нож. Ее полезность вряд ли можно отрицать, когда речь идет о коррекции определенных «фабричных дефектов» природы, об известном приукрашивании тела и об осторожном (а не чрезмерном) подчеркивании особенно характерных, естественных черт индивида. Однако косметика становится обманом, врагом счастья и любви, когда она фальсифицирует истинную человеческую внешность, вырабатывает изящные маски для ее прикрытия, для демонстрации мнимых достоинств.

Чрезмерное употребление косметики и излишняя разряженность придают женщине сходство с живой куклой. Все в ее красоте выглядит искусственным, созданным в лаборатории косметики. Женщина как бы лишена биологической субстанции человеческой личности.

Разумное применение косметических средств не скрывает типа данного лица, но подчеркивает его естествен-

ные формы, придавая ему определенную, индивидуально-эстетическую направленность. Привлекая внимание к определенным чертам лица, следует учитывать особенности его строения. Шаблон может погубить естественную красоту. Овал требует одного акцента на губах, бровях и волосах, круглое лицо — другого и т. п.<sup>1</sup>.

Косметика должна бережно относиться к пластическим особенностям каждого лица, каждой фигуры. Нет необходимости слегка округлые формы тела превращать в изящно вытянутые, только чтобы они соответствовали избранному стандарту. Чрезмерное похудение может привести к неприятным последствиям. Делом косметики является подчеркивание индивидуальных и родовых аспектов внешней красоты человека при соблюдении нормальных эстетических пропорций. Косметика призвана помогать природе, но не лишать ее законных прав.

Естественная красота обычно расцветает в условиях активной трудовой деятельности. Не случайно Кампанелла утверждал, что в «городе солнца» не будет безобразных, ибо женщина благодаря труду будет сохранять стройность тела и здоровый цвет кожи.

Женщины будут «краснеть», если они носят высокие каблуки и достигают красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью и таким образом вконец разрушают естественное развитие здоровья, не только свое, но и своего потомства<sup>2</sup>. Хотя Кампанелла доходит до крайностей в своем стремлении подчеркнуть слабые стороны косметики, его основная идея содержит рациональное зерно. Красота не может длительное время сочетаться с ленивой изнеженностью тела. Ее естественное обаяние обусловлено постоянной социальной и трудовой активностью человека, общением с природой, полным выявлением его духовных потенций.

В любовных отношениях мужчины и женщины определенную роль играет также мода. Как психический феномен, она имеет общественный характер. Понятие моды в широком смысле слова означает специфическую «динамичную форму стандартизированного массового поведения, возникающую преимущественно стихийно, под влиянием доминирующих в обществе настроений и быстро изменяющихся вкусов, увлечений и т. д.»<sup>3</sup>

<sup>1</sup> См.: Барзам Ф. Мода и красота. М., 1967, с. 85—95.

<sup>2</sup> Кампанелла Т. Город солнца. М.—Л., 1947, с. 59.

<sup>3</sup> Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1967, с. 156.

В этой форме «шаблонизации» человека постоянно выделяются два необходимых, глубоко взаимосвязанных механизма — «уподобления», идентификации и «обособления», контрастирования<sup>1</sup>. В сущности, это, так сказать, диалектика моды. Ее основа как феномена проявляется в известной степени противоречиво: с одной стороны, человек подражает лицам, имеющим в его глазах высокий социальный престиж, а с другой стороны, пытается отделиться от людей, которых он недостаточно ценит. Или, другими словами, существуют обычно два критерия моды: по отношению к одной социальной группе — конформизм, некритическое восприятие вкусов; по отношению же к другой социальной группе — негативизм, категорическое подчеркивание и противопоставление ей своего поведения.

Мода затрагивает различные стороны быта и социальной жизни: домашнюю обстановку, правила поведения, развлечения, спорт, науку, искусство, языковые стандарты, одежду, обувь, прическу, украшения, песни, танцы, косметику и др. Мы рассмотрим те из них, которые непосредственно связаны с взаимным притяжением мужчины и женщины. Конкретно вопрос затрагивает искусственную эстетизацию человеческого тела и особые стандарты поведения обоих полов в различных ситуациях знакомства и ухаживания.

Условно эти явления могут быть названы модой сексуально-эстетической культуры. Они функционально связаны с выбором объекта любви и взаимной адаптацией мужчины и женщины.

В отличие от сферы приложения косметики, объектом которой являются естественные человеческие атрибуты (кожа, губы, ногти, волосы и др.), мода, рассматриваемая как компонент сексуально-эстетической культуры, занимается главным образом красотой искусственных принадлежностей тела (драгоценностей, одежды, обуви и т. д.). Но между этими особыми сферами существуют и некоторые точки соприкосновения. Например, декорирование волос, бровей и губ может быть задачей как косметики, так и моды.

Массовые психически заразные явления эстетизации внешности человека служат выражением его стремления к большей целесообразности и красоте форм. Мода, как и косметика, имеет многовековую историю. Еще древние египтяне создавали эстетические каноны

человеческой внешности. Так, женщинам позволялось носить лишь вполне определенные украшения и туалеты строго установленной формы, прозрачное, ниспадающее с плеч плиссированное платье четких, прямых линий (калазирис), длинные прямые волосы, особенные, «сфинксовы» платки и др.

В Древней Греции сформировались иные представления о стиле одежды и внешности человека. Основными видами одежды древних греков были хитон, подобие рубашки, скреплявшейся на плечах застёжкой, и гиматий, свободно драпировавшийся прямоугольный кусок ткани. Эта одежда, позволявшая проявить все богатство эстетической фантазии человека, не скрывала гибкости и пластичности форм его тела.

В эпоху феодализма наступает черед более плотных и строгих одеяний. Они словно в кокон укутывают женщину с головы до ног, скрывая формы тела и придавая ему искусственные геометрические очертания.

Но мода, не увековечивая ни одной формы, непрерывно меняется. На смену строго целомудренным одеяниям средневековья с высокими гофрированными воротниками приходят глубокие декольте, украшенные кружевами и лентами в стиле барокко, многоцветными, как павлиньи перья. Затем в моду входят кринолины с блестящими пышными орнаментами в стиле рококо, золотое шитье на рукавах, парики и т. д.

Неисчислимы перевоплощения и капризы моды на протяжении веков. Современная эпоха, очевидно, предоставляет наибольший простор ее неисчерпаемой изобретательности. Мода становится свободной, утилитарной, динамичной. Одежда, как наиболее важная сфера ее проявления, должна отвечать следующим функциональным требованиям: а) быть практичной, целесообразной и удобной для человека во время выполнения им той или иной деятельности в процессе труда и отдыха и защищать его от неблагоприятных атмосферных воздействий; б) отражать определенную сословную, классовую, идеологическую или политическую принадлежность личности; в) подчеркивать или облачать ту или иную часть тела в целях эстетического воздействия на другой пол.

Мода требует постоянных изменений в одежде или в других искусственных дополнениях человеческой внешности. Непривычные элементы в одежде данного лица обновляют его внешность. Они изменяют определенные, ставшие уже банальными формы одежды, прически и т. д. «Обновленный» таким образом человек представля-

<sup>1</sup> См.: Парыгин В. Д. Социальная психология как наука, с. 156.

ется более интересным. Так с помощью моды «провоцируется» внимание к нему других людей. Следовательно, речь идет о желаемом чувственно-наглядном воздействии.

Некоторые авторы считают, что в основе моды (особенно женской) лежит извращенность, ненормальность. Мода, по их мнению, обусловлена желанием одних «показать» или подчеркнуть хотя и скрытые под одеждой определенные эрогенные зоны, чтобы с притворной непреднамеренностью оказать сексуальное воздействие, и желание других «увидеть» запрещенную приличиями, возбуждающую и привлекающую взор часть тела, чтобы испытать физическое наслаждение в качестве заместителя естественной половой близости. Эта демонстрация, отвечающая «половому любопытству», аналогична, по Кронфельду, так называемому эксгибиционизму в психопатологии. Его сущность представляет собой инфантильную замену естественной половой связи, или «рудиментарный половой акт»<sup>1</sup>.

Нельзя отрицать, что есть женщины, да и мужчины, которые эксгибиционистски извращены и ненормальны. Они выделяются своей постоянной бесцеремонностью в отношениях и создают вокруг себя атмосферу совращения. Их склонность к эротическому обнажению тела, к самому вульгарному нарушению приличий заслуживает однозначной оценки. Но было бы проявлением одностронности и упрощенчества видеть в моде, в этом массовом психологическом феномене, извращенность сознания, эксгибиционизм. Подобная трактовка присуща крайностям психоанализа.

Следует считать вполне естественным желание человека подчеркнуть или выделить с помощью одежды достоинства своего тела в рамках принятых норм общественной благопристойности, с помощью разумных эстетических средств. Другими словами, личность имеет право на внешнее самовыражение в качестве представителя вида homo sapiens и определенного пола, не доходя до чисто эротического, грубо сексуального возбуждения представителей другого пола, соблюдая приличия и границы допустимого в данное время и в определенном месте.

В основе своей жизненные функции моды очень сложны. В качестве социального феномена (удовлетворение определенных потребностей в рамках данного обще-

<sup>1</sup> См.: Данаджиев С. Психопатични личности. София, 1948, с. 165.

ства) она предназначена не только для создания практичных и удобных покровов человеческого тела, но и призвана эстетически воздействовать на выбор объекта любовных чувств. Мода преодолевает стереотип впечатлений от примелькавшихся, привычных форм и цвета одежды. Таким образом она обогащает внешность человека и воздействует на других людей.

Следовательно, для моды важно появление чего-то нового, иного, способного привлечь внимание прежде всего представителей другого пола. Так, например, когда дамские чулки нежно-золотистого цвета перестают производить особенное впечатление, в моду входят черные чулки. Этот цвет, присущий скорее старости, в других случаях может просто отталкивать. Но когда его начинают носить после надоевших золотистых тонов, он привлекает внимание и становится... эстетичным. Важно, чтобы новые модные чулки бросались в глаза на улице и в общественных местах, контрастируя с цветом, к которому уже привык глаз, и чтобы таким образом красота женских ног привлекала внимание.

То, что вчера выглядело смешным и некрасивым, сегодня торжествует как мера эстетического совершенства, а завтра опять может оказаться отброшенным модой. Важно, чтобы происходили перемены в одежде и прическах, в обуви и украшениях. Таким образом поддерживается любопытство и повышенный интерес к формам тела, подчеркиваемым линиями и красками этих роскошных, постоянно интригующих воображение искусственных человеческих «перьев».

Истинное свое воплощение мода, как ошеломляющий контраст между новым и старым, как стремление к преодолению стереотипа внешности путем создания нового стереотипа, как постоянное изменение вкусов, находит в современную, исключительно динамичную эпоху, открывшую самый широкий социальный простор и создавшую благоприятные условия для ее проявления.

Форма и характер одежды и украшений в далеком прошлом менялись очень медленно. Одежда египтянок, китайок, индианок как эстетический стандарт на протяжении веков не претерпевала существенных изменений.

С расцветом ремесел заметно развивается динамика вкусов. Начиная с эпохи французской революции, «ритм изменения» в одежде ускоряется. Сегодня динамика вкусов начинает догонять космические скорости эпохи.

Но изменения линий, форм и красок не являются произвольными, строго индивидуальными. Им свойствен

один основной признак — стандартизация. Мода унифицирует и шаблонизирует вкусы людей. Ее постоянной тенденцией является типизация обуви, причесок, одежды и др. Это развитие отвечает определенным аспектам современной массовой культуры. В эпоху средневековья на праздничных турнирах каждый феодал являлся в своем, сделанном по его личному вкусу и меркам, оригинальном одеянии. Однако в настоящее время постоянно действует «мельница» моды. Стандарты моды становятся общеобязательными.

Мода всегда психически заразителна как форма внушения, почти полностью исключая критический момент. В ней господствует не индивидуальный, а над-индивидуальный вкус. Он заставляет человека добровольно и с удовольствием ей подчиняться. Индивидуальность может привнести в стандарт лишь незначительные вариации.

Присущая моде подражательность имеет определенный социальный и личностный внутренний смысл. В различных социальных пластах мода распространяется сверху вниз. Человек, безоговорочно воспринимающий ее, охотно платит дань убеждению, что подражает определенной элите, достаточно авторитетным людям. Именно поэтому он считает, что следование моде в одежде и украшениях поможет ему достичь большей утонченности и более высокого уровня культурного развития. В то же время, следуя моде, человек отделяет себя от представителей уже надоевшей традиционной моды. Хотя бы в своих собственных глазах он возвышается над определенной социальной средой.

В условиях социального неравенства упомянутая двойственность отношений связана и с объективным материальным положением людей. Мода, особенно современная динамичная мода, непрерывно бракующая свой реквизит в зависимости от сезона, даже от времени суток, требует немалых расходов. Человек, стремящийся всегда соответствовать ее изобретательности и разнообразию, должен располагать необходимыми средствами.

Но при отсутствии социального равенства материальные возможности большинства населения крайне ограничены. Это способствует проявлению «аристократизма» людей с более высоким достатком. Несомненно, материальные возможности помогают их стремлению выделиться из некоей «низшей» социальной среды и вместе с тем подражать законодателям моды.

Человек одновременно смотрит на себя как бы и

сверху вниз, и снизу вверх. Принимая во внимание последовательное развитие этих отношений, можно условно выделить несколько этапов, составляющих историю любой «модной волны»: 1) появление отдельных «пионеров», незначительного числа «провозвестников» этой надвигающейся волны; 2) постепенное распространение новой моды при количественном преобладании сторонников старой моды; 3) преобладающее или полное изменение вкусов большинства мужчин и женщин данного круга.

Новизна любой моды зависит от быстроты процесса ее распространения. Но этот период не охватывает весь процесс с начала до конца. Став всеобщим достоянием, по иронии судьбы мода лишается своего очарования и увядает. Ибо при «полной победе» моды стирается контраст между новым и старым, между различными формами, линиями, красками внешности. Новое становится избитым, банальным, широко распространенным и уже не производит особого впечатления.

Подражая моде определенной элиты, человек стремится приобрести новое, дополнительное качество для своей характеристики. Б. Д. Парыгин называет моду «средством компенсации... неудовлетворенного чувства личного достоинства»; цель моды — «вызвать к себе интерес», она выражает стремление человека к «более высокой оценке и потребности в новом опыте и общении»<sup>1</sup>.

Таковы более или менее явные тенденции рассматриваемого психологического феномена, играющие существенную роль в ситуациях любовного выбора. Женщина, предпочитающая модную одежду, прическу, обувь и т. д., действительно повышает свой престиж не только в собственных глазах, но и в сознании большинства представителей другого пола. Она заботится о производимом ею впечатлении, она подтянута, изысканна. Напротив, женщина (особенно молодая), привыкшая постоянно пренебрегать модой (если только это не связано с отсутствием средств), как правило, невнимательна к своему внешнему виду, неаккуратна. Поэтому она много теряет в своей естественной привлекательности.

В моде, рассматриваемой как форма социально-психологического увлечения, связанного с отношениями полов, потенциально заложены различные возможности: от разумной эстетической меры до необузданной эротичности. Нередко задаются вопросом: где, собственно, грани-

<sup>1</sup> Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 295.

цы дозволенного эротизма моды? Мы и сейчас еще не можем дать категоричный ответ на этот вопрос. Обычно каждая социальная группа (а иногда и каждая прослойка) стремится утвердить свой критерий допустимого «эротизма» в моде. Пожилые люди всегда соблюдают приличия, они более строги в одежде, а молодежь — более «свободна», «безнравственна». Сельские жители предпочитают более «целомудренную» одежду, скрывающую женскую фигуру, а горожане — одежду, подчеркивающую ее очертания или наводящую на мысль о ее красоте.

Не следует отрицать за модой права удивлять человека своими капризами, безнаказанно подсмеиваться над любой устаревшей традицией, влиять на вкусы людей и формировать каноны мимолетной красоты. В этом отношении возможности для полета фантазии почти безграничны.

Но капризы и сенсационные колебания моды не должны выходить из известных рамок. В принципе это рамки как исторически сложившихся правил приличия, так и биологических параметров человека. Общество вправе не допустить, чтобы мода освободилась от социального контроля и превратилась в средство постоянной эротизации и массового соблазна. Еще одним препятствием являются биологические (в конечном счете, эстетические) параметры вида homo sapiens. Мода не вправе деформировать тело человека, причинять вред его здоровью, подчеркивать противестественные формы и линии, оскорблять его эстетический вкус.

Мода — противоречивое социальное явление. С одной стороны, она формирует унифицированный вкус в одежде, украшениях, обуви и т. д. Эта мода отвечает современному массовому стандартному производству готовой одежды. Несомненно, такая функциональная тенденция развития прогрессивна. Однако, с другой стороны, стандартизация, присущая моде, ограничивает и делает шаблонной индивидуальность. Бесспорно, в этой, иногда очень прихотливой, регламентации вкусов существует тенденция к слепому копированию любой новинки, к обезличиванию человека.

Мода не должна быть догмой, стопроцентным стандартом, не должна подавлять человеческую индивидуальность. Ее основные формы, открывающие широкие эстетические возможности, должны отвечать личным вкусам, творческой активности мужчины и женщины. Ибо индивидуализация и стандартизация «искусственной внешне-

сти» человека в конечном итоге должны гармонично сочетаться.

При наличии этих условий мода не будет создавать обезличенных стандартов мужчины и женщины, похожих на бездушные, нарядно разодетые манекены в витрине магазина. Она будет лишь намечать общие эстетические решения человеческого облика, направления необходимых изменений, не подавляющих личных вкусов. Таким образом, мужчина и женщина смогут проявить и собственную индивидуальность в рамках практической и наиболее целесообразной моды времени и сезона. Они смогут гармонично сочетать ценностный, научно санкционированный эстетический эталон общества и индивидуальный вкус личности.

Интимная жизнь людей, протекающая по известным стандартам, «принятые» формы общения всегда нуждаются в большом разнообразии индивидуальных качеств. Некритическое и шаблонное восприятие любой моды может привести к результату, прямо противоположному предполагаемому. Человек, который не в состоянии подобрать и гармонически сочетать предметы своего туалета так, чтобы они отвечали его индивидуальности, неизбежно приходит к безвкусице.

## ЛЮБОВЬ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Любовь непосредственно вплетается в ткань нашего «Я», пронизывая сознание человека, осязая инстинкт воспроизводства рода, затрагивая основы переживаний индивида. Она эмоционально окрашивает его духовный мир, несет ему радость и надежду, боль и наслаждение, подобно незримой атмосфере, постоянно влияет на его настроение и в значительной степени определяет его социальную деятельность и его отношение к действительности.

Значение половой любви столь велико, что, когда она не удовлетворена, блокирована или подавлена, это обычно влечет за собой глубокую личную трагедию. Несчастье в любви препятствует полному раскрытию возможностей человека, может определить его индивидуальную судьбу в данных условиях социальной жизни.

## 1. ТРАГЕДИИ ЛЮБВИ

Любовные трагедии представляют собой особую форму эмоциональной и социальной коллизии, глубокого конфликта между возвышенным стремлением человека и противодействующей ему внешней силой, тем или иным значительным объективным препятствием. Этим препятствием может быть либо равнодушие любимого человека, либо неблагоприятное воздействие определенных факторов конкретной исторической ситуации. В первом случае любовь *безответна*, хотя и социально возможна, во втором — она *социально исключена* или, будучи *разделенной*, *сталкивается с серьезным препятствием*.

Говорить о безответной любви — значит погружаться в глубины психологических и социальных проблем, затрагивать одну из самых мучительных, а может быть, и самую мучительную интимную трагедию личности. Эта трагедия — несчерпаемая, вечная тема лирической по-

эзии, прозы, драматургии — вплетается в паутину социальной жизни.

Вначале влюбленный обычно испытывает глубокое блаженство, ни с кем его не разделяя. Происходит концентрация его внимания на объекте чувства. Но зарождающаяся любовь постепенно превращается в мучительное эмоциональное переживание. Влюбленный страстно жаждет выразить свои чувства, добиться взаимности. И вот он делает решающее его судьбу признание, а затем с волнением ждет ответа. Одно лишь «да» или хотя бы молчаливая благосклонность — и влюбленный торжествует. Он словно парит над землей на незримых крыльях счастья.

Но вспыхнувшая любовь не всегда встречает тепло взаимности. На ее пленительный, исполненный томления по красоте и счастью призыв ответом может быть безразличие, а иногда и насмешка. И сейчас, в эпоху космических полетов и проникновения человеческой мысли в глубины атома, люди по-прежнему страдают от безответной любви. Современный человек столь же глубоко, как и прежде, переживает драму своих чувств.

Неразделенная любовь как бы сжигает душевные силы личности изнутри, наносит ей невидимые глубокие раны, вызывает мучительную неуверенность в себе, порой приводит к неверию в собственные силы.

Факты свидетельствуют о том, что «этнология» безответной любви, как правило, психологически очень сложна. Причинами любовных трагедий является единичное или комплексное воздействие неблагоприятных обстоятельств.

Не отвечающие на чувство мужчина или женщина могут быть влюблены в другого человека. Нежелание нарушать установившиеся интимные отношения имеет под собой глубокие нравственные основания, даже если это причиняет мучения безответно любящему человеку. Возникает трагический «любовный треугольник», в котором «третий» оказывается лишним. Чем более глубоки чувства этого «третьего», тем сильнее его страдания. Часто все трое в большей или меньшей степени страдают от невозможности найти выход и прийти к развязке личной драмы. Гёте описывает эту мучительную ситуацию в «Страданиях юного Вертера». Это та ситуация, в которой лишний напрасно старается отстранить горькую чашу. Сознвая безвыходность своего положения, Вертер приходит к фатальному шагу: «Один из нас троих должен уйти. И уйду я!»

Но такая развязка трагедии встречается редко. Обычно сердечная боль проходит или длится долгие годы, непрерывно угнетая сознание того, кем пренебрегли. «Стоит молодому человеку, — пишет Бальзак, — встретить женщину, которая его не любит... (или женщину, которая его слишком любит), и вся его жизнь исковеркана».

Отношения в «любовном треугольнике» отражают специфические по интенсивности и направленности индивидуальные переживания. Существует несколько возможных вариантов таких отношений.

1. Чувства двух любящих полностью взаимно удовлетворяются, и третий не имеет никакой надежды добиться даже малейшей взаимности. При такой достаточно типичной ситуации двое любят одного, уже сделавшего свой выбор между ними; третий любит, не будучи любим, и переживает глубокую трагедию.

В этом случае двое взаимно любящих могут в равной степени испытывать к третьему, «лишнему»: 1) сочувствие, уважение, дружелюбие; 2) безразличие, досаду; 3) ненависть, враждебность. Такие чувства одержат верх, зависят от сложившейся ситуации и уровня нравственной, духовной культуры обоих. Возможно, что один из любящих будет проявлять сочувствие, второй — холодность, досаду или неприязнь, и наоборот. Эти различия в отношении к третьему могут стать причиной конфликта между ними, особенно если они будут сопровождаться проявлениями ревности, нетерпимости. Следовательно, трагедия «лишнего» даже и без взаимного чувства к нему в определенной ситуации может превратиться в трагедию троих.

2. Один из троих может быть эмоционально раздвоен, фактически двое других «делают» его. Мужчина одновременно любит двух женщин, или, наоборот, женщина чувствует любовь одновременно к двум мужчинам. Окончательный выбор при этом представляет значительную трудность. Мотивы, обуславливающие почти равную привлекательность двух различных лиц, уравниваются. Каждый из них прилагает усилия к устранению соперника.

В этой ситуации интенсивность любовных чувств к двум людям обычно неодинакова. Эмоционально раздвоенный человек в большинстве случаев проявляет более глубокие чувства к одному из влюбленных, но не имеет сил не ответить определенной взаимностью и другому. Возникает сложное и противоречивое положение, которое обычно превращается в трагедию троих.

Соперники глядят друг на друга с ненавистью, омрачающей их любовь, даже разделенную. Но здесь возможны и случаи проявления терпимости или по крайней мере общения троих без внешне выраженного стремления к устранению соперника. Устанавливается своего рода состояние равновесия отношений. «Любовный треугольник» превращается во взаимотерпимый «союз троих» — странное и невероятное примирение соперников в любви, какой-то парадокс чувств. Ревность оказывается временно подавленной.

3. Двое соперников могут не подозревать, что любят одного и того же человека. Тайна отношений уменьшает боль. Сильнее всего страдает при этом эмоционального раздвоенного человек, являющийся объектом любовных чувств. Любое раскрытие тайны ведет к углублению трагедии. Иногда только один из двух соперников знает о существовании другого. Это также не уменьшает подозрений и страданий.

Другая причина безразличного отношения к любви данного человека может крыться в его физических (телесных) недостатках, делающих его непривлекательным. Внешняя непривлекательность обычно оказывает в эстетическом мире любви отталкивающее действие. В такой ситуации безразличие и антипатия возникают гораздо легче.

Иногда любовь остается безответной из-за большой разницы в социальном положении любящего (любящей) и его избранницы (избранника), из-за существующих в данном обществе социальных предрассудков. Любовь отвергается потому, что любящий не принадлежит к «избранному кругу», или потому, что его социальное положение недостаточно высоко, потому, что он не имеет требуемых материальных средств, и т. п.

Неразделенность любви может объясняться полной несовместимостью уровней культуры и воспитания. Система морали и нравственные требования отвергающего любовь по своему содержанию противоречат в этом случае системе морали любящего. Такая нравственная дисгармония превращает любовь в глубокую трагедию.

Психологическая несовместимость также влечет за собой безразличие к чувствам другого человека. Это имеет значение в тех случаях, когда любовь возникает, скорее, на моральной и на эстетической основе. Одинаковые или слишком сходные недостаточно уравновешенные темпераменты отталкиваются, интимные отношения оказываются неосуществимыми.

Иногда помехой любви может быть большая разница в возрасте. При таком резком различии интимное чувство любящего, если он много старше и этот возрастной разрыв не компенсируется другими ценными качествами, с трудом вызывает ответные чувства младшего по возрасту.

Бывают случаи, когда любовь остается безответной, потому что ее скрывают как величайшую тайну. При всей их глубине чувства не имеют внешнего конкретного проявления. Тот, кого любят, может даже и не подозревать о чувствах любящего. Такая тайная любовь разрушительно действует на человека. Отсутствие интимного признания, диалога с идеализированным объектом чувств может привести к депрессии, так как, подобно всем другим сильным чувствам, любовь естественно нуждается в ответной реакции, в тех или иных формах внешнего проявления: признаниях, откровенности с наиболее близкими людьми, писании писем и т. п.

Чтобы добиться взаимности чувств, влюбленный прежде всего должен проявлять больше инициативы. Молчание и тоска не решают вопроса. Мужчина, не теряя своей мужской гордости, а женщина — очарования женственности, должны найти способ выразить свои чувства. Это требует от них глубокой эмоциональности, задушевности, искренности, внутренней теплоты, нежности и... чувства меры.

Велика при этом роль любовных писем. Овидий в «Науке любви» признает большое значение этих посланцев человеческого сердца. Он говорит, что влюбленный всегда должен уметь найти ласковые и нежные слова, чтобы выразить красоту своих чувств. Именно слово и прокладывает первую тайную дорожку к сердцу любимой женщины.

Человек, пишущий письма с признаниями в любви, учится поэтическому самовыражению, нежности, эстетическому самоуглублению. Он эстетизирует свои чувства. Писание любовных писем — это форма духовного возвышения человека. Без нее вряд ли можно говорить об истинной зрелости индивида.

Завоевание любви человека, которому мы в данный момент безразличны, покорение его сердца — это благороднейшая из битв. Наступательный огонь должен быть достаточно силен, чтобы растопить лед равнодушия, и достаточно изыщен, трепетен, чтобы не вызывать неприязни. Именно глубокое и упорное чувство любви, хотя бы и несчастной и безответной в первый момент, может в

процессе общения совершить волшебство. Оно обладает магической способностью покорять сердце человека.

Влюбленный постоянно ищет возможности выразить глубину и силу своих чувств, ищет пути к сердцу другого человека. Он смотрит на него с любовью и сердечностью, восхищением, симпатией, нежностью.

Но одного этого еще недостаточно: необходимо постоянное стремление к взаимному сближению, к духовным контактам, к единому пониманию смысла жизни. Истинная любовь развивается в процессе тончайшей и полной взаимной эстетической и моральной адаптации любящих. Влюбленный должен стремиться стать необходимым для другого человека, понять и принять его духовный мир, его волнения, его интересы. Так постепенно исчезает глубокая пропасть между двумя людьми.

Завоевание любимого человека обычно требует эстетического, морального и вообще духовного самосовершенствования. Истинная любовь озарена светом сознания. Унылая посредственность не завоевывает поклонников. Духовное ничтожество отвращает от себя любовь. Человек имеет больше шансов добиться успеха, если он будет добрее, умнее, изобретательнее, нравственнее, ярче, своеобразнее всех остальных. Иногда один лишь поступок, свидетельствующий о благородстве, гражданской смелости, силе духа и уме, о чувстве собственного достоинства, вызывает симпатию, растапливает лед безразличия, создает предпосылки для возникновения любовных отношений.

Но бывают случаи, когда, несмотря ни на что, безответная любовь до конца остается безответной. Мечты о взаимности не воплощаются в жизнь. «Равнодушный идол», подобно героине романа И.-П. Якобсена «Нильс Луне» Эделе, прямо говорит влюбленному: «Я не в силах помочь вам... и если вы оттого несчастливы, будьте несчастливы, если вы страдаете — страдайте, кому-то надобно же страдать».

Любовь всегда ищет отклика, общения, взаимности. Безразличие жестоко ранит ее. Без волшебства соприкосновения любящих она постоянно чувствует себя несчастной и неутоленной. И все-таки, хотя и безответная, истинная любовь остается любовью. Я сказал бы даже больше. Именно потому, что она отвергнута и непонята, любовь иногда выплескивается с колоссальной динамической силой.

Любовь может быть принята и разделена лишь частично. Это другой, несколько смягченный вариант лич-

ной драмы, любовные чувства оказываются неравноценными. У одного они глубоки и сильны. Другой же лишь слегка взволнован. Один щедро изливает свои чувства. Другой неизменно отвечает в меру слабой и скупой отзывчивости своего сердца.

Почему существует безответная любовь? Почему столько мужчин и женщин страдает от неразделенных чувств? Имеем ли мы право всегда безоговорочно осуждать безразличного, равнодушного? Что он может сделать, если его сердце переполнено другой любовью? В таких случаях любовь третьего человека остается его тяжелой личной драмой. Никто не в силах отвести случайно сложившуюся трагическую ситуацию. «Лишний» должен с достоинством перенести свое несчастье, какими бы болезненными ни были его чувства. Возможен и другой вариант. Первая любовная связь постепенно рвется. Третий человек в конечном счете побеждает в борьбе. Но в таких случаях возникает новая любовная коллизия. Это драма оставленного (оставленной).

Ситуации, существующие в сфере любовных отношений, чрезвычайно разнообразны. Однако можно утверждать, что в наше время в большинстве случаев отвергающий любовь действует в противоречии с законами природы и нормами морали, ставит выше требований сердца какие-то другие, второстепенные эгоистические соображения (материальную выгоду, карьеру, славу и пр.). Он жертвует красотой отношений во имя личной пользы. Такое поведение заслуживает порицания.

Кроме трагедий безответной любви, существуют страдания из-за некогда возможной, но несостоявшейся любви. Это категория более редких явлений социальной действительности. Прежде всего она объединяет случаи, когда мужчина и женщина в прошлом не были знакомы. В результате запоздалой встречи возникает ситуация, в которой всякая возможность интимных отношений полностью исключена. Глубоко осознавая взаимоприятельность своих индивидуальных качеств, мужчина и женщина испытывают внутреннюю боль, растравляемую мыслью: «Почему мы не были знакомы раньше?»

Английский писатель Грэм Грин в «Двух нежных душах» описывает подобный случай. Мужчина и женщина среднего возраста, почти забывшие свои молодые годы, встречаются впервые на скамейке в парке. Она давно замужем, он женат. Случайная встреча на мгновение дает им ощущение счастья. Но они тут же понимают, что этот час в жизни обоих наступил слишком поздно.

Потрясенные, они расстаются, с какой-то странной горечью и глубоко затаенной болью представляя себе несбывшееся счастье прекрасной любви.

Случается, что двое уже были знакомы ранее и между ними даже завязывалась дружба. Но они упустили свою любовь, и им остается лишь сожалеть о невозможности наверстать упущенное.

Жестокие страдания часто сопутствуют и случаю, когда один разлюбил и бросает другого. Это наносит глубокую личную обиду отвергнутому, вызывает болезненно навязчивые воспоминания о совместной жизни, о пережитом невозвратном наслаждении духовной и физической близости.

Наиболее распространенной является ситуация, когда любовь у одного из любящих постепенно угасает. При этом трагедия переживает тот, чьи чувства и симпатии не ослабли, второй же испытывает лишь некоторые угрызения совести. Причины подобного развития отношений обычно весьма разнообразны. Иногда в том, что любовь прошла, виновен только один из любящих (возможно, даже тот, который продолжает любить), но чаще всего ответственность падает на обоих. Причина того, что один разлюбил другого (так как если разлюбили оба, чаще всего никакой трагедии не возникает), может быть и внешней, то есть обусловленной самой социальной средой (семья, дружеская компания, общество).

С психологической точки зрения особого внимания заслуживает случай, когда влюбленные сами являются виновниками угасания возникшей между ними интимной дружбы. Иногда легкомыслие, бестактность в отношениях, оскорбительные капризы, взаимное неуважение губят любовь, и тогда никто уже не в состоянии восстановить доверие между разлюбившими друг друга людьми.

Длительная разлука юноши и девушки также довольно рискованна. Отсутствующему может быть найдена даже менее подходящая замена, причем без каких бы то ни было серьезных намерений. Поэтому в тех случаях, когда любовь не приобрела устойчивой формы эмоционального общения, сила влечения оказывается как бы обратно пропорциональной расстоянию между влюбленными.

Прочность любовной связи между мужчиной и женщиной в значительной степени зависит и от влияния различных социальных факторов. На этой основе часто возникают мучительные трагедии прерванной или принесенной в жертву любви. Неблагоприятные социальные

факторы, в частности в классовых обществах, иногда обрывают или подавляют и самые возвышенные интимные отношения.

В значительном числе случаев любовные трагедии возникают в связи с тем фактом, что мужчина или женщина принадлежат к различным, враждебным группам общества. Иногда драматический конфликт возникает в рамках одного и того же класса. Такова трагедия Ромео и Джульетты, имевших несчастье принадлежать к враждующим семьям Вероны — Монтекки и Капулетти.

Объективно неблагоприятная ситуация возникает из-за классовой противоположности, религиозных, а иногда и национальных различий между мужчиной и женщиной. Зловещую роль играют здесь возникшие в прошлом и укоренившиеся в психологии масс предрассудки. В таких условиях отношения между мужчиной и женщиной, несмотря на взаимность чувств, могут окончиться катастрофой. Из-за того что влюбленные не в состоянии преодолеть социальные предрассудки, осуществить свои мечты о совместной жизни, иногда возникает безвыходное положение. И тогда неумолимо повторяется извечная трагедия Ромео и Джульетты.

Самоубийства по подобным мотивам — нередкое явление в любовных драмах далекого и не столь отдаленного прошлого. Они свидетельствуют о том, насколько глубоко ранит человека оскорбление его любовных чувств.

Еще Лукиан говорил о самоубийствах из-за любви, которые случались в древности. Позже, в эпоху Возрождения, в связи с углублением и усложнением эмоциональной жизни человека, их количество постепенно возрастает. Это подтверждают и статистические данные, относящиеся к Германии 20-х и Болгарии 30-х годов<sup>1</sup>.

Самоубийства из-за любви — весьма специфическое проявление драматизма социальной жизни. Они обычно являются следствием комплекса причин: наряду с глубокой травмой интимных чувств этому способствуют импульсивность, неуверенность в себе и пр. Самоубийцы из-за любви, как и все самоубийцы вообще, чаще всего люди с неустойчивой психикой и морально-волевой ущемленностью. Существенную роль в их действиях могут играть различные патогенные комплексы.

<sup>1</sup> См.: Киселов Хр. Самоубийствата като обществено бедствие. Ст. Загора, 1941, с. 47, 51; Карпаров А. Когато любовта е болест. София, 1934, с. 177.

Часть же самоубийств из-за любви является результатом подражания, так называемого психического заражения. Лица с недостаточно самостоятельным мышлением, склонные поддаваться различным, обычно эмоциональным внушениям со стороны других людей, при условии травмирования их любовных чувств легче подчиняются влиянию такого рода примеров, окруженных неким ореолом псевдоромантики.

Безответная или жестоко обманутая любовь часто вызывает невротический и психопатический синдром в жизни пострадавшего. Иногда наступает особая эмоциональная амбивалентность. Потерпевший любовную катастрофу одновременно и ненавидит и продолжает любить объект своих чувств. Такое раздвоение сознания может привести к глубокому психическому расстройству.

Вообще страдания безответной или разбитой любви, без которых не обходилась ни одна эпоха, приводят к трагедиям с различной развязкой. Они могут оканчиваться депрессией и самоубийством при отсутствии силы воли и умения внутренне сдерживать себя. Часто испытывавшие тяжелое потрясение в любви мужественно переносят выпавшие на их долю страдания. Обычно это твердые, волевые люди с высоким чувством собственного достоинства и уравновешенной психикой. Они постепенно заживают свои раны и никогда не впадают в состояние безнадежности. Весьма значительная часть перенесших любовные трагедии также, хотя и медленнее, справляются с периодом депрессии, но до конца жизни в их душе остается какая-то скрытая и постоянно тлеющая хроническая боль.

Различные способы реагирования и преодоления душевных страданий, явившихся результатом оскорбления интимных чувств, раскрывают индивидуальный характер отдельного человека. Своеобразие реакций непосредственнее всего отражает особенности темперамента и содержания системы моральных ценностей. Поэтому каждый человек не только по-своему добивается успеха в любви, но и по-своему справляется с возможной драматической ситуацией.

Задача уменьшения числа любовных трагедий требует предельной ясности в вопросах отношений между мужчиной и женщиной, подготовки молодых людей к серьезно-му и правильному выбору объекта своих чувств, воспитания у них высокосоциального и ответственного подхода к интимным чувствам. Таким образом, в будущем уда-

стся уменьшить долю трагических коллизий в этой области социальной жизни.

Но любовные трагедии неизбежно будут возникать и в нашем обществе, и в обществе будущего. Это ставит перед нами задачу воспитания гармонических личностей, людей богатой культуры, твердого характера, способных с достоинством выдержать испытания.

Шопенгауэр, мистифицирующий любовь как единую космическую вечную силу бытия, признает, что всякую отвергнутую или подавленную законами и предрассудками времени, искреннюю и бескорыстную любовь следует считать жертвоприношением индивида на алтарь человечества. Страстные чувства, мучения людей, любящих друг друга и стремящихся соединиться, чтобы произвести потомство, хотя и являются очень личными переживаниями, заслуживают высокой нравственной оценки. Индивидуальное по своей функции оказывается сверхиндивидуальным. Исторические жертвы во имя любви объективно представляют собой жертвы во имя блага человечества, красоты будущего.

Эту мысль следует признать рациональной, если оставить в стороне ее религиозно-мистическое обоснование. Отсюда вытекает, что мужчина и женщина, создающие интимный союз не на основе любви, производящие потомство не любя, с преднамеренной целью ставящие личную выгоду или суетные предрассудки над законами природы, виновны перед человечеством, перед людьми будущего. С таких позиций трагедия оскорбленных чувств, страдания беззаветно любящего сердца представляются более альтруистичными, возвышенными и благородными. Не случайно каждое новое поколение людей волнуют трагические любовные грезы Данте и Петрарки, Леопарди и Шелли и других известных и неизвестных мучеников любви, возвышающих соединение двух любящих как торжество духа, одухотворение материи.

## 2. СВОБОДА, ВДОХНОВЕНИЕ, СЧАСТЬЕ

Как глубоко интимный фактор раскрытия индивидуальности человека, любовь выполняет важные социальные функции. Прежде всего она играет существенную роль в комплексе переживаний, который каждый ощущает непосредственно как свободу личности.

Приводя слова Гегеля о свободе как осознанной необходимости, Энгельс добавляет, что это «способность

принимать решения со знанием дела»<sup>1</sup>. Одновременно категория свободы отражает и определенный аспект самосознания и достоинства отдельной личности. Или, иными словами, она может быть сформулирована как внутренняя, детерминированная всей совокупностью условий способность человека принимать решения, осуществлять в своем мышлении и действиях конкретный выбор между несколькими вариантами: а) со знанием дела в рамках необходимости; б) не под давлением чужой воли; в) в соответствии с собственными убеждениями, по личным мотивам.

Свобода — это не произвол, а форма целесообразности и объективной адекватности поведения человека по отношению к действительности. С. Л. Рубинштейн отмечает, что она конкретно проявляется в трех аспектах: а) как самоопределение личности — в ее поступках на разных уровнях; б) как свобода в связи с общественным принуждением; в) как специфическая форма «контроля сознания над собственными влечениями»<sup>2</sup>. Свобода, выраженная в той или иной «личной инициативе», существует как реальная возможность для человека действовать и мыслить на свой страх и риск, право критики и проверки<sup>3</sup>. Эта характеристика свободы является показателем ее специфической социальной роли, а также ее большого значения для формирования личности в ходе истории.

Свобода и любовь всегда глубоко взаимосвязаны. Эта зависимость имеет по меньшей мере два самостоятельных аспекта. Первый отражает непосредственную связь между уровнем социальной, прежде всего политической, свободы и реализацией любви. Второй аспект относится к свободе в сфере взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В первом случае речь идет о внешних условиях, во втором — о внутренних. Очевидно, приоритет имеет объективная конкретно-историческая ситуация.

Политическая (в более широком смысле слова — социальная) свобода — это условие возможной реализации любви. Общественная система, подавляющая личность, в большей или меньшей степени деформирует и интимные отношения. Свобода неизбежно создает атмосферу, благоприятную для различных форм эмоционального общения.

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

<sup>2</sup> См. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 360.

<sup>3</sup> См. там же, с. 364.

Одновременно она отвечает более высокому уровню духовной культуры. Политическая свобода является показателем уровня развития общества. Она несет людям равноправие, снижает остроту социального драматизма, степень господства одних личностей над другими. Кроме того, вместе с развитием институтов политической свободы, характеризующих более высокую общественную форму, постепенно возрастает и количество свободного времени для личных занятий человека. Мужчины и женщины имеют возможность больше быть вместе, обогащать культуру своих чувств.

Любовь — это отрицание рабской зависимости сознания, частной собственности, классового деспотизма, эксплуатации человека человеком, практики социального угнетения. Она издавна являет собой манифест гуманизма, идей равенства людей. Она господствует в атмосфере воли, равенства антагонистического классового общества. Лишь при социализме истинная любовь обретает свое моральное богатство. Она становится необходимым, существенным элементом новых социальных отношений, которые делают человека свободным.

При капитализме интимные чувства людей во многих случаях скитаны. Брак становится торговой или денежной сделкой. У женщины возможности выбора ограничены. Она часто бывает вынуждена подавлять в себе волнение любви. Освобождение чувств людей — дело революции. Указывая на эту историческую перспективу, Энгельс пишет: «Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется никакого другого мотива, кроме взаимной склонности»<sup>1</sup>.

Социализм — это общественный строй развитого коллективизма, сотрудничества и взаимопомощи в производстве, в различных областях социальной жизни. На этой основе неизбежно прекращают свое существование жестокие законы конкуренции и прибыли. Открывается простор гуманизму, дружбе и товариществу. Безвозвратно исчезают все формы социального гнета. Женщина впервые становится равноправным членом общества. Преодолев гнет тяжелого прошлого, она плечом к плечу с

мужчиной участвует в революционной практике, в материальном и духовном производстве, в различных органах управления, во всех областях социальной жизни.

В условиях социалистического общества мужчины и женщины естественно и закономерно становятся истинными друзьями, товарищами. Они живут и творят, вдохновленные одной и той же революционной программой. Ликвидация вековых антагонизмов в обществе открывает широкий простор для конкретного проявления свободной воли всех трудящихся на широкой социальной основе. Это является утверждением и их действительного политического равноправия.

Но существуют ли в отношениях между двумя любящими условия для проявления свободной воли? Иными словами, благоприятствует ли возникшая любовь достижению их равенства в сфере интимного общения или она ведет к подавлению одного другим? На этот вопрос часто даются противоположные ответы.

Ракитин в «Месяце в деревне» Тургенева утверждает: «В любви равенства нет. Есть только господин и раб, и без причины поэты говорят о цепях любви. Погодите! Вы, может быть, еще узнаете, как эти нежные ручки умеют пытаться, с какой ласковой заботливостью они по частичкам раздирают сердце... Вы узнаете, что значит принадлежать юбке... и как постыдно и томительно это рабство».

Ему вторит Потугин в рассказе «Дым»: «Человек слаб, женщина сильна, случай всемогущ, примириться с бесцветной жизнью трудно... а тут красота и участие, тут теплота и свет, — где же противиться? И побежишь, как ребенок к няньке... Да ведь чьих-нибудь рук не миновать». Это порабощение неизбежно, как движение железа к магниту. А потом нужно ждать момента, «когда смерть освобождает нас».

Если женщина играет роль магнита, а мужчина — куска железа, он не в состоянии проявить свободную волю. Равенство обоих оказывается фикцией, так как капризы женщины подавляют свободу мужчины. Но возможна и противоположная ситуация, когда их роли меняются. Мужчина подавляет свободную волю женщины. Действительно, это часто бывает в рамках старой традиционной моногамной семьи. Но зарождающееся настоящее глубокое чувство любви постепенно уничтожает неравенство, стимулируя свободную волю обоих любящих. И в процессе взаимного общения эта объективная тенденция проявляется тем сильнее, чем глубже становятся интимные чувства.

<sup>1</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 84.

Любовь не выносит угнетения, властной, сковывающей повелительной интонации. «Любовь может расцвести, лишь пока она свободна и самопроизвольна,— подчеркивал Б. Рассел.— Идея, будто она представляет собой какой-то долг, может убить ее. Сказать — ты должна любить такого-то человека — вернейший способ сделать его ненавистным»<sup>1</sup>

Любовные отношения представляют собой наиболее тесный и обязывающий «союз двоих». В нем неизбежно возникают обязательства одного человека по отношению к другому, которые могли бы ограничить их свободную волю. Но ощущение интимного, полного, глубокого взаимного слияния и даже отождествления мужчины и женщины придает этой зависимости иной характер. Совпадение интересов и желаний ведет к тому, что система регулирования поведения в значительной степени теряет здесь свой принудительный характер как нечто привнесенное извне. Взаимные обязанности часто превращаются в свободный выбор действий, другими словами, «я хочу» одновременно означает «она хочет»; и, наоборот, «она хочет» ведет также и к «я хочу». Таким образом, обязанность превращается в акт свободной воли. Мужчина и женщина сообща координируют свои усилия в совместной жизни и без чувства принуждения мечтают решить определенную задачу — достичь общего идеала.

Конечно, любовь никогда не бывает чистой идиллией отношений, полным совпадением мотивов, характеризующих систему ценностей. В отдельных случаях воля одного из любящих не совпадает с волей другого. Это совершенно естественная личностная дифференциация. Но единство или сходство желаний по кардинальным вопросам совместной жизни всегда существует, пока существует любовь. И чем сильнее «я хочу» не совпадает с «она хочет», тем сильнее деградирует любовь. Взаимные обязанности начинают превращаться в ограничение свободной воли. Это процесс постепенного взаимного угасания любви. Свобода отношений приобретает характер несвободы. Ограничение и подавление человеческой сущности личности исключает действительное раскрытие интимных чувств.

Но и свобода обоих любящих — это не произвол, не каприз. Она имеет свои пределы в необходимости, в рамках серьезного и разумного отношения к половому

<sup>1</sup> Рассел Б. Брак и мораль (выдержки, переведенные на болгарский язык), с. 10.

вопросу, к социальной функции мужчины и женщины. Выйти из этих рамок означает оказаться вне сферы действительной свободы, так как ее сущность всегда связана с нормальными формами общения, с объективной исторической необходимостью, с прогрессивным развитием человека

Свобода мужчины и женщины в любви — это возможность и право самим избирать объект своих чувств, руководствуясь велениями сердца, разумом и инстинктом, интуицией, личной оценкой. Это также возможность и право самим с сознанием своей ответственности перед обществом определять силу и длительность своих интимных чувств. Любовь может быть долгой и счастливой, если мужчина и женщина уважают свободу друг друга, так как именно эта относительная свобода в рамках единения стимулирует и обогащает чувства. В романе «Что делать?» Чернышевского Лопухов говорит Вере Павловне: «Расположение к человеку — это желание счастья ему.. А счастья нет без свободы. Ты не хотела бы стеснять меня, я — тебя тоже. А если бы ты стала стесняться мною, ты меня огорчила бы»

Между свободой и любовью существует необходимая, глубокая социальная связь. Они взаимопроникают и взаимообогащают друг друга. Любовь исчезает, если нет атмосферы свободы, взаимоуважения. Рабыня скована духовно и социально. Она никогда не могла бы по-настоящему любить хозяина, который ее угнетает. Но и хозяин не может по-настоящему любить женщину, которую сам же угнетает как диктатор и собственник, не обеспечив ей свободы. Чувства требуют единой социальной базы отношений.

Любовь помогает людям разумно использовать возможности свободы. Таким образом, она способствует обогащению духовной культуры. В этой зависимости отношений между людьми определяющую роль играет развитие социальной свободы. Ее рамки исторически свидетельствуют об относительных возможностях реализации любви. Шандор Петефи поэтически отражает градацию ценности этих атрибутов сущности человека.

Любовь и свобода —  
Вот все, что мне надо!  
Любовь ценою смерти я  
Добыть готов,  
За волюсь я пожертвую  
Тобой, любовь.

(Перевод Л. Мартынова)

Многие великие мыслители прошлого (философы, социологи, творцы произведений искусства) указывают на огромную действительную роль любви в жизни человека. Любовь способствует глубине его мироощущения, всесторонне стимулирует его жизненные силы. Таким образом, она в определенной степени (различной в каждом отдельном случае) ведет к физическому и духовному расцвету мужчины и женщины.

Предвестник эпохи Ренессанса Данте Алигьери восторженно пишет, что любовь — «небесный свет сродни лучам светила», который «светит разуму». Она открывает простор идеям, духовному развитию общества. Петрарка в «Книге песен» говорит, что истинная любовь — это таинственная сила, поднимающая человека к «светлым высотам».

Руссо считает, что ум влюбленного становится «изощреннее». Любовь — «всепожирающий огонь, он воспламеняет другие чувства... вдыхает в них новые силы... Вот почему говорят, что любовь создавала героев»<sup>1</sup>.

Шарль Фурье как экономист определяет производственную функцию любви, включая эту могущественную человеческую силу в экономическую жизнь будущей справедливой общественной системы. «Любовь, — пишет Фурье, — которая при строе цивилизации является зародышем беспорядка, лени и расходов, становится при порядке согласованности источником доходов и производственных чудес»<sup>2</sup>.

Связь между любовью и совершенствованием и ускорением трудовой деятельности многократно констатируется. Ван Гог выдвигает максимум: «Кто любит — живет; кто живет — работает»<sup>3</sup>. Любовь вызывает у человека подъем физических и духовных сил, состояние готовности к действию, аккумуляцию жизненной энергии.

Но как любовь пробуждает и стимулирует активность и готовность человека к реакции? Эту проблему должна исследовать физиология и психология. Ее решение требует специального изучения человеческой деятельности в связи с развитием отношений между полами. При этом, кроме объективных методов регистрации этих процессов, в данной обстановке существенное значение имеют и субъективные признания людей, которые живут в условиях возвышенной интимной дружбы.

<sup>1</sup> Руссо Ж.-Ж. Избр. соч., т. 2. М., 1961, с. 31, 39.

<sup>2</sup> Фурье Ш. Избр. соч., т. 2. М.—Л., 1952, с. 286.

<sup>3</sup> Ван Гог. Письма. Л.—М., 1966, с. 68.

В качестве реализации инстинкта любовь усиливает жизненный тонус организма. Она способствует равновесию его как динамической системы. Вместе с другими факторами внешней и внутренней среды человека она повышает жизнеспособность и активность организма. Она содействует преодолению препятствий в его функционировании и развитии.

Эта благоприятная физиологическая основа детерминирует определенное состояние психики. Мужчина и женщина, узнавшие счастливую и глубокую любовь, не знают меланхолии, скуки и равнодушия. В сознании любящих живет радостное волнение и особая легкость, они как бы испытывают внутренний катарсис, «очищение души». Такая настроенность сознания открывает простор всем силам человека.

Любовь внутренне стимулирует человеческие силы к наиболее целесообразному преодолению трудностей. В комедии Бруно «Священник» Марта говорит: «Нет такого тяжелого труда, который любовь не делала бы не только легким, но даже приятным».

С другой стороны, неизбежно возникают специфические тенденции в сфере психики. Человек, который любит, исполнен страстного желания совершить в жизни что-то исключительное, что-то такое, чего не сделали другие, чтобы завоевать, победить, заслужить объект своей любви. Женщина хочет стать красивее, одухотвореннее, мужчина — смелее, изобретательнее, оригинальнее. Фактически это облагороженные и усовершенствованные сознанием механизмы полового выбора, поднятые до человеческого, интеллектуального, эстетического и нравственного уровня импульсы животных.

Человек обладает сознанием, которое управляет его поступками. Но его стремление нравиться другому полу, привлекать, завоевывать определенное эмоциональное внимание для любовных отношений имеет под собой не только непосредственную социальную (прежде всего бытовую), но и опосредованную биологическую основу. Действующее одновременно как инстинкт жизни и как закономерное следствие воспитания, усвоения системы ценностей данной общественной группы, это глубоко детерминированное человеческое стремление обычно ведет к благоприятным последствиям. Оно фактически дополняет другие внутренние стимулы (то есть мотивы) социальной активности личности.

Импульсы к саморазвитию личности на основе любви проявляются самопроизвольно как вдохновение. Эта фор-

ма внутренней мобилизации сознания описана в художественной литературе. Вдохновение имеет познавательное, эмоциональное и волевое содержание. Оно возникает как внутреннее побуждение и устремленность сознания, направленные на творчество и преодоление трудностей. Вдохновение стимулировано внутренней активностью личности во имя достижения социально значимой цели. Оно играет прогрессивную роль, так как: а) мобилизует физические и духовные силы человека и таким образом повышает эффективность его деятельности; б) помогает этой деятельности быть приятной, глубоко эмоциональной.

Вдохновение не всегда исходит из одной и той же социальной сферы. Оно возникает как результат воздействия политической жизни, трудовых подвигов, морали, науки и пр. Вдохновение, пробуждаемое любовью, обладает большой действенной силой. Оно глубоко эмоционально и как бы преобразует духовную и физическую сущность человека.

В своей комедии «Бесплодные усилия любви» Шекспир говорит, что любовь «сообщает нашим чувствам двойную остроту». Ее запасы мощности огромны.

Она дает такую силу зренья  
Любовнику, что блеск его зрачков  
Способен ослепить глаза орла.  
Слух любящего ловит даже шорох,  
Невнятный настороженному вору.  
Чувствительней и тоньше, чем рога  
Улитки, осязание у влюбленных,  
А вкус разборчивее, чем у Вакха...  
Она мудрее офинкса, мелодичней  
И сладостней, чем лютня Аполлона.  
Любовь заговорит — и небеса  
Баюкает согласный хор богов.

(Перевод Ю. Корнеева)

Бальзак пишет в «Отце Горио», что любовь вдыхает жизнь в грустные глаза, розоватым отблеском ложится на бледное лицо. А когда парижанки «любят по-настоящему, они перерастают свои мелочные свойства и возвышаются душой».

Любовь — это муза вдохновения людей искусства. Ее чарующая сила священнодействует, когда рождаются красота и чудо художественных форм. Об этом убедительно свидетельствует многовековая история человечества.

Овидий говорит, что любовь не праздное «безделье». В его «Любвных элегиях» мы читаем: «Если не хочешь ты

стать праздным ленивцем — люби». Поэт Древнего Рима Тукциан хорошо понимает добрую силу этого чувства: «Песни рождают любовь, и любовью рождаются песни».

В эпоху Ренессанса искусство еще ярче воплощает вдохновляющую силу любви. Ее волнения постоянно стимулируют творчество поэтов, художников, архитекторов, музыкантов. Любовь озаряет эстетические горизонты Петрарки и Боккаччо, Сервантеса и Шекспира, Гёте и Шиллера, Байрона и Шелли, Стендаля и Бальзака, Пушкина и Лермонтова и многих других поэтов. В ней постоянно черпают вдохновение большие композиторы.

В одном из писем Пенчо Славейков признает: «Моя «Кровавая песня» рождена по желанию Мары (Белчевой), создана для нее. Красивые детища являются детищами чуда, и чудо это в том, что женщина оплодотворила мужчину»<sup>1</sup>.

Благодаря вдохновению творца счастливая любовь отражается и в самой внутренней атмосфере художественных шедевров. Посредством психической индукции она сообщает им жизнерадостность чувств, оптимистическое мироощущение, изгоняет меланхолию и безнадежность.

Любовь выступает как вдохновляющая сила и в науке. Значение любви в жизни и творчестве ученых проследить гораздо сложнее, так как оно не проявляется здесь с такой непосредственностью, как в художественном творчестве. И лишь иногда случайное признание слегка приоткрывает завесу. «Рассказывая сейчас о себе как об ученом, — пишет Н. Винер, — я безжалостно отбрасываю самые волнующие события моей совместной жизни с женой, если только они не имеют прямого отношения к моей научной работе. Но мне было бы очень неприятно, если из-за этого у кого-нибудь создалось бы впечатление, что моя внутренняя жизнь ограничивалась интересами карьеры или что я мог бы нормально существовать все эти годы, не будь рядом со мной преданной и любящей жены, всегда готовой прийти мне на помощь. Я убежден, что семейная жизнь — вопрос глубоко личный, и это мешает мне сейчас говорить. Я чувствую, что не смогу сделать эту сторону своей жизни достойным читателя, не затронув чего-то, принадлежащего только нам двоим»<sup>2</sup>.

Едва ли можно отыскать род социальной деятельности, на который любовь не оказывает положительного воздей-

<sup>1</sup> Писма от Пенчо Славейков до Мара Белчева. Изд. «Хемус», с. 48.

<sup>2</sup> Винер Н. Я. — математик. М., 1967, с. 81—82.

ствия. Миллионы трудовых людей на земле ежедневно испытывают ее побудительную и вдохновляющую силу. Но это не находит отражения в их производственных отчетах.

Конечно, влюбленные могут и не проявлять особой склонности к труду, предпочитая праздный образ жизни. Эти случаи редки, но они показывают, что благотворное действие любви не происходит автоматически. Она оказывает положительное влияние на сознание человека в сочетании с другими социальными факторами, такими, как воспитание, пример близких людей и пр.

Любовь побуждает к преодолению трудностей на пути развития, к совершению подвигов. В своем романе «Смирительная рубашка» Джек Лондон на фоне мировой истории идеализирует вечную женщину.

«Порой мне кажется, что история мужчины — это всегда история его любви к женщине... Всегда... я любил ее. Мои сны полны ею, и, о чем бы я ни грезил наяву, мои мысли в конце концов всегда обращаются к ней. И всюду она... Я, как и все поколения философов до меня, знаю женщину такой, какова она есть, знаю ее слабости... Но... вечно остается то, от чего нельзя уйти: ноги ее прекрасны, глаза ее прекрасны, руки и грудь ее — это рай; чары ее властны над ослепленными мужчинами... и как полус волей или неволей притягивает к себе стрелку компаса, так она притягивает к себе мужчину.

Ибо женщина прекрасна... в глазах мужчины. Она сладка для его уст и ароматна для его обоняния, она огонь в его крови... И ей дана власть потрясать его душу, которую не могут потрясти даже титаны света и мрака.

Все мои труды и изобретения вели к ней. Все мои далекие видения кончались ею. Когда я создал огненный лук и огненную дощечку, я создал их для нее... Ради нее (я) укрощал лошадей, убивал мамонтов и гнал своих оленей к югу, уходя от наступающего ледника. Ради нее я жал дикий рис, одомашнивал ячмень, пшеницу и кукурузу.

Ради нее и ради будущих ее детей я умирал на вершинах деревьев, отбивался от врагов у входа в пещеру, выдерживал осаду за глиняными стенами. Ради нее я поместил в небе двенадцать знаков. Ей молился я, когда склонялся перед десятью нефритовыми камнями, видя в них месяцы плодородия.

И всегда женщина льнула к земле, подобно матери-куропатке, укрывающей своих птенцов. И всегда моя тяга к скитаниям увлекала меня на сияющие пути».

Любовь связана с высшим состоянием личности, которое называется счастьем. Эта зависимость между специфической сущностью двух переживаний человека имеет долгую историю. Житейские ассоциации здесь настолько утвердились, что одно понятие чаще всего влечет за собой другое. Едва ли можно быть полностью счастливым, не испытав или не пережив глубоких волнений любви. И это убеждение подтверждается бесчисленным множеством наблюдений над жизнью.

Конечно, счастье не исчерпывается любовью, ее интимными переживаниями. Оно затрагивает различные стороны материальной и духовной жизни человека в целом. Само счастье как этическая и философская проблема издавна было и осталось предметом жарких дискуссий. Обычно в него вкладывают различный смысл.

Эвдемонисты от Аристотеля и Эпикура до Спинозы, Гельвеция и Гольбаха смотрят на счастье как на личное длительное и разумное удовольствие, как на высшее благо. Они связывают достижение этой главной цели жизни человека с непоколебимой защитой радости на земле.

Ригористы в этике от Платона и Сенеки до Эпиктета и Канта понимают свою высшую нравственную задачу не как личное удовольствие, а как разумное подчинение «судьбе» или долгу. Они направляют сознание на иную, трансцендентальную действительность.

Марксизм преодолевает эти крайности одностороннего метафизического мышления. Он видит в счастье акт гармонического сочетания удовольствия и долга, практическое осуществление связи между «Я» и «другими», возможность удовлетворения личных и общественных интересов. Таким образом, марксизм диалектически, на высоком научном уровне объединяет то, что этики считали несовместимым в продолжение веков.

При такой постановке проблемы становятся еще яснее моменты общности любви и счастья. Вопрос непосредственно касается удовольствия и обязанностей, так как любовь не только приятное и продолжительное личное переживание, но и конкретное осуществление определенной социальной связи на практике. Следовательно, она доставляет наслаждение человеку и в то же время отвечает его чувству долга. Именно эти различные ее аспекты вписываются в психику индивида, создают ощущение личного счастья.

В зависимости от того, как различные люди понимают идеал и свой общественный долг, они неодинаково пред-

ставляют себе содержание счастья как состояния удовлетворения высших потребностей своего индивидуального существования. Здесь очень важную роль играет личная иерархизация жизненных ценностей. Один человек счастлив, работая в искусстве или в науке, другой — создавая материальные блага, третий — совершая революционные подвиги и т. д. Но в любом случае счастье требует удовлетворения индивидуальных потребностей, имеющих общественное значение. Таким образом, личность выполняет свой высший социальный долг и в то же время полное всего раскрывает себя.

Любовь, связанная с выполнением социального долга, с плодотворной общественной деятельностью мужчины и женщины, открывает глубочайшие интимные источники интенсивного и длительного удовольствия, заполняющего повседневность. Благодаря этому личная жизнь любящих становится более насыщенной, озаренной красотой, полной радостными чувствами. Любовь играет важную роль в создании особого эмоционального и нравственного состояния внутреннего блаженства личности.

Вообще любовь имеет чудесное свойство повышать для индивида ценность того, к чему она прикоснется. Таким образом, она раскрывает новый, более высокий смысл прозаической повседневности человека.

В «Триумфе любви» Шиллер поэтически выражает субъективное осознание этого состояния человека.

Счастливы любовью  
Боги,—и любовью  
Равны мы богам!  
Где любовь — небесней  
Небо и земля там  
Ближе к небесам.

(Перевод А. Кочеткова)

В условиях социализма любовь рождается в непосредственной связи с дружбой, взаимопомощью и товариществом. Она становится необходимым компонентом новой системы ценностей человека, его коммунистического воспитания.

Развитие общества с необходимостью требует и развития любви. Ее содержание становится существенным критерием духовной высоты человека. Духовная сущность любви непрерывно обогащается, аккумулируя эстетические и моральные ценности растущей духовной культуры.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Августин Блаженный 213  
Адов А. 305  
Аземар 193  
Алкамен 240  
Алкей 253  
Алиатов М. В. 242  
Альбер Ш. 56  
Альфани Д. 257  
Амаду Ж. 276  
Анакреонт 254  
Ананьев Б. Г. 89, 94, 99, 318  
Аничков Е. 294  
Анохин П. К. 137  
Антара 251  
Аполлоний Родосский 285  
Апулей 165  
Арагон Л. 276  
Арари Р. 193  
Ариосто Л. 159, 238  
Аристенет 296, 324  
Аристотель 58, 69, 72, 76, 86, 214, 236, 247, 334, 377  
Аристофан 70, 194  
Ашкинази И. Г. 76  
  
Багрицкий Э. Г. 23  
Багряна Е. 116, 281  
Байрон Дж. Г. 10, 47, 85, 159, 268, 270, 271, 291, 293, 294, 375  
Балабанов А. 252—254  
Бальзак О. 9, 47, 178, 181, 227, 317, 343, 358, 374, 375  
Барбюс А. 276  
Барзам Ф. 347  
Барнетт А. 88, 90, 97  
Бартак В. 150  
Бах И. 237  
Бebelъ А. 45, 46, 70, 73

Белинский В. Г. 123, 247  
Беранс Ф. 105  
Берлиоз Г. 320  
Бетховен Л. 105, 237  
Благоев Д. 330  
Блок А. А. 276  
Бобчев С. С. 236, 296  
Бовуар С. де 81, 94  
Богословский Н. 47  
Бодалев А. А. 178  
Боккаччо Д. 44, 158, 159, 238, 259, 260, 375  
Бомарше П. 150, 206  
Боннар А. 240, 253  
Ботев Хр. 105, 278, 280, 281, 298, 299, 320  
Боттичелли С. 243, 309  
Бояджиев Д. 281  
Браун Л. 74  
Брехт Б. 276—278  
Бриаксис 240  
Бруно Дж. 72, 86, 221, 373  
Буало Н. 248  
Бузескул В. П. 70  
Булгаков М. А. 10  
Бунин И. А. 275  
Бурмов А. 105  
Бэкон Ф. 47  
  
Вавилов С. И. 290  
Вагнер Р. 322  
Вазов И. 105, 161, 278—280, 335  
Вайян-Кутюрье П. 276  
Ван Гог 169, 372  
Вашцаров Н. 281  
Василев К. 5, 8, 9, 12—14, 16, 19, 22, 23, 26  
Вебер К. М. 237  
Веерт Г. 44

Вейнингер О. 33, 34, 76—78, 80,  
86, 104, 230  
Венециано Д. 309  
Вергилий 85  
Вергов Хр. 71, 72  
Веронезе П. 244, 259, 283  
Веторов А. А. 187  
Винер Н. 302, 303, 375  
Винкельман И. 213, 223, 307  
Виноградская П. 106, 290  
Витрувий 304  
Войнич Э. Л. 23  
Вольтер Ф. 85  
Воробьев Л. В. 26  
Выготский Л. С. 140, 232

Гайденко П. 238  
Галль Ф. Й. 318  
Гамсун К. 275  
Гауптман Г. 275  
Гвиницелли Г. 257  
Гегель Г. В. Ф. 45, 118, 122, 133,  
206, 213, 231, 236, 237, 247,  
290, 308, 323, 366  
Гейне Г. 179, 238, 245, 270, 285  
Гельвеций К. 204, 377  
Герасимов М. М. 306  
Герди 304  
Геродот 194  
Герцен А. И. 22  
Гесиод 28  
Гессе Г. 22  
Гёте 9, 38, 39, 47, 85, 120—122,  
159, 163, 165, 179, 229, 269,  
270, 278, 283, 291, 293, 324,  
357, 375  
Гиро П. 71, 85, 194, 195  
Гладков Ф. В. 19  
Гликон 91  
Гоббс Т. 117, 142, 149, 287  
Гойя Ф. 246, 269  
Голсуорси Дж. 18, 274, 275  
Гольбах П. 117, 377  
Гомер 8, 85, 86  
Горький М. 95, 276, 277, 324  
Грин Грэм 362  
Гульд 304  
Гуске Ф. 345  
Гюго В. 10, 47, 156, 272, 278, 291  
Гюйо М. 214, 215, 220, 223

Данаджиев С. 350  
Данте А. 257—259, 282, 320,  
366, 372  
Дарвин Ч. 52—54, 56, 88, 89,  
172, 219, 286  
Дебелянов Д. 105, 156, 161, 280,  
281  
Дега Э. 246  
Декарт Р. 12  
Джорджоне 244  
Джотто Б. 309  
Дидро Д. 37  
Диккенс Ч. 18  
Димитров Г. 330  
Диоген Лаэртский 141  
Днепров В. Д. 68  
Доде А. 168  
Достоевский Ф. М. 227  
Драйзер Т. 276  
Дубинский М. 38  
Дюрвиль 318  
Дюрер А. 304

Еврипид 254, 255  
Евтушенко Е. А. 26

Желябов А. 330

Зелинг Г. 153  
Златаров А. 167, 182, 287  
Золя Э. 274

Ибсен Г. 160, 162, 274  
Иванов Ив. Хр. 47, 90  
Ишлондский Н. Е. 56, 94—97  
Иовков И. 281

Каган М. С. 215, 231  
Кавальканти Г. 257  
Казанджиев Л. 71, 86, 87, 94,  
206  
Казанова Дж. 163, 179  
Кампанелла 347  
Канбу Инаятуллах 119  
Кант И. 12, 45, 101, 102, 117,  
122, 142, 145, 147, 206, 214,  
215, 217, 247, 324, 377

Кар Л. 48  
Каравелов Л. 23  
Карамихов С. 290  
Карпаров А. 364  
Карпинская Р. С. 303  
Карус К. Г. 304  
Катон 70  
Каутский К. 185, 186  
Киселов Хр. 364  
Ковалев А. Г. 315  
Козловский Г. 345  
Колумб Х. 86  
Комарек Ю. 55, 56  
Корнель П. 267  
Кречмер Э. 317, 318  
Кроче Б. 214  
Крупская Н. К. 95, 330  
Крыстов К. 294, 295  
Крэг Д. 264  
Купер Ф. 275  
Куприн А. И. 275  
Кьеркегор С. 238

Лафарг П. 84, 150, 291  
Лафатер И. 320, 322, 323  
Лафонтен Ж. де 267  
Лабрюйер Ж. де 150, 190  
Левитов Н. Д. 315  
Левский В. 290  
Ленин В. И. 10, 18, 22, 43, 61,  
95, 324, 330  
Леонардо да Винчи 91, 105, 214,  
243, 283, 304  
Леонов Л. М. 23  
Леопарди Дж. 366  
Леохар 240  
Лермонтов М. Ю. 159, 271, 375  
Лессинг Г. 223, 290  
Летурно Ш. 53, 65, 251  
Лилиев 161, 279, 281  
Линкольн А. 320  
Липпи Филиппо 309  
Липпс Т. 214  
Лисипп 240, 304  
Лист Ф. 237  
Лихтенберг Г. 337  
Лобашев М. Е. 307  
Лонт 159, 164  
Лонгфелло Г. 151

Лондон Дж. 15, 16, 274, 311, 320,  
376  
Лопе де Вега 150, 159, 179, 195,  
200, 260, 262, 291  
Лоренцо Валла 219, 220  
Лукиан 156, 233, 364  
Лукреций Кар 48, 142  
Людвиг Э. 39  
Лютер М. 73

Македонский А. 86, 195  
Мане К. 246  
Маян Т. 238, 246, 275, 338  
Маргарита Наваррская 159, 260,  
261  
Маркс К. 6, 7, 12, 14, 22, 24, 25,  
31, 53, 58, 65, 105, 106, 110,  
225, 290—292, 299, 300, 310,  
330  
Маркес Г. 22  
Маркузе Г. 129, 130  
Матисс А. 246  
Маяковский В. В. 23, 276, 277,  
320  
Меринг Ф. 105, 299, 300  
Микеланджело Б. 91, 105, 304,  
307  
Минчев А. 189, 195, 202  
Мирабо 320  
Мирон 240  
Михайловский Н. К. 87  
Моклер К. 226  
Монтескье Ш. 134  
Монтень М. де 221, 283, 344  
Мопассан Ги де 18, 200, 273, 288  
Мор Т. 185  
Морено Д. 327  
Моруа А. 106, 151, 268, 269, 272,  
273, 275, 335, 336  
Моцарт В. А. 105, 191, 237  
Мозм С. 288  
Мюнцер Т. 86  
Мюссе А. де 135, 144, 268, 269,  
288, 289

Наполеон Б. 21, 73, 74, 85  
Ницше Ф. 74—76, 80, 324  
Ньютон И. 289, 290

Овидий 219, 247, 291, 360  
Островский Н. А. 23, 276

Павлов И. П. 92, 316  
Панферов В. Н. 175, 177  
Парыгин Б. Д. 347, 348, 353  
Паси И. 216, 259, 266, 267  
Паскаль Б. 121, 122  
Пелин Е. 281  
Перовская С. 330  
Петефи Ш. 47, 371  
Петрарка 38, 238, 336, 366, 372, 375  
Петров З. 106  
Пикассо П. 246  
Платон 28, 30, 45, 69, 141, 169, 170, 213, 221, 247, 297, 300, 334, 377  
Платонов К. К. 183  
Плотин 213  
Прево М. 15, 204  
Привес М. О. 304  
Пистойя Ч. 257  
Полевой В. М. 241  
Поликлет 240, 304  
Попдимитров Э. 281  
Пракситель 85, 147, 221, 240, 242, 285  
Проханов А. 19, 20  
Пурталес Г. 105, 106  
Пушкин А. С. 42, 47, 159, 163, 270, 271, 287, 375

Радхакришнан С. 170  
Райнов Н. 240  
Ракитин Н. 281  
Ранк О. 129  
Ранке И. 306  
Расин 267  
Рассел В. 41, 370  
Рафаэль С. 105, 243, 283  
Рембрандт 245  
Ренуар О. 246  
Рид М. 171, 275  
Ритчел 304  
Рише Ш. 56  
Роден О. 246  
Ройе К. 87  
Роллен Р. 165, 276, 277, 297

Роменс Д. 54  
Ронсар П. де 159  
Ротенберг Т. 88  
Рубенс П. 245, 309  
Рубинштейн С. Л. 178, 367  
Руссо Ж. Ж. 42, 73, 119, 201, 268, 287, 300, 372  
Рюриков Ю. Б. 5, 147, 148

Саккетти Ф. 159  
Санд Ж. 106, 268  
Сапфо 119, 253  
Сартр Ж. П. 21  
Святогорец Никодим 32  
Семов М. 321  
Сенека Л. А. 142, 377  
Сервантес С. 159, 160, 260—262, 296, 375  
Сеченов И. М. 16, 166, 167, 301  
Симонов П. В. 138  
Сислей А. 246  
Скопас 240  
Славейков П. 161, 222, 228, 281, 375  
Слободняк А. П. 47, 48  
Смирненский Х. 281  
Сократ 29  
Соловьев В. С. 34, 35, 166  
Соловьев Е. Г. 290  
Софокл 85, 254  
Спенсер Г. 311  
Спиноза Б. 122, 157, 205, 377  
Сталь де 74, 268, 311  
Стендаль А. 5, 9, 19, 120, 159, 169, 272, 375  
Стоянов Л. 281  
Стриндберг А. 74, 78—80, 151, 311

Тагор Р. 275  
Талейран Ш. М. 311  
Тард Г. 82  
Тарле Е. 74, 312  
Тергит Г. 194  
Теккерей У. 13  
Терещенко В. И. 111, 112  
Тиндал Дж. 290  
Тинторетто Я. 244  
Тициан 244, 259, 283

Тодоров П. 281  
Толстой Л. Н. 7, 17, 35, 36, 47, 65, 66, 135, 238, 275  
Томсон Д. 234, 239  
Траянов Т. 288  
Триоле Э. 276  
Трифонов Ю. В. 19  
Тукциан 376  
Тулешков К. 55  
Тургенев И. С. 10, 47, 164, 338, 369  
Тэн И. 219, 222, 264  
Уайлдер Т. 22  
Уайльд О. 120  
Ухтомский А. А. 24, 139  
Фарадей М. 290  
Фейербах Л. 30, 135, 171, 209, 210, 225  
Ферреро Г. 163  
Фидий 85, 221, 240, 304  
Филипов М. М. 290  
Фирдоуси А. 251  
Фихте И. Г. 122  
Флобер Г. 272, 273, 331  
Фома Аквинский 72, 213  
Фолькельт И. 214  
Фонтенель Б. 185, 186  
Форель А. 37, 54, 55, 207  
Франс А. 38, 222, 275, 324  
Фрейд З. 11, 66, 67, 125—129, 132, 170, 230, 300  
Фрич 304  
Фриш М. 22  
Фромм Э. 129  
Фукидид 70  
Фулье А. 99  
Фурье Ш. 372  
Хазм Ибн 178, 188  
Харчев А. Г. 184  
Хафиз Ш. 119  
Хемингуэй Э. 311  
Хогарт У. 214, 219  
Холличер В. 306  
Христов К. 279, 281  
Цвейг Ст. 40, 41, 169, 179, 275, 325  
Цейлинг 304  
Цеткин К. 61  
Цицерон 218

Чернышевский Н. Г. 23, 309, 371  
Чертков В. Г. 5  
Чехов А. П. 25, 275  
Чоканов К. 304

Шадов И. Г. 304  
Шатобриан Ф. 268  
Шекспир В. 86, 106, 124, 150, 159, 164, 169, 183, 196, 219, 263—265, 330, 333, 374, 375  
Шелли П. Б. 10, 366, 375  
Шеллинг Ф. 213, 223  
Шибутани Т. 133, 144, 157, 316, 317, 326  
Шиллер Ф. 375, 379  
Шингаров Г. X. 140  
Шолохов М. А. 23, 194  
Шопен Ф. 105, 237  
Шопенгауэр А. 21, 74—76, 80, 366  
Шоу Б. 330  
Штарке 82  
Шуберт Ф. 237, 322  
Шурц Г. 236, 249

Щипачев С. П. 124

Эйнштейн А. 152, 153  
Эккерман И. П. 122, 293  
Энгельс Ф. 9, 10, 16, 31, 44, 53, 65, 225, 259, 299, 366—368  
Энгр Ж. 246  
Эпиктет 377  
Эпикур 141, 377  
Эразм Роттердамский 119, 204, 317  
Эренбург И. Г. 282  
Эсхил 70, 83

Ювенал 64  
Юм Д. 214, 215, 224, 225, 295  
Юнг К. 129

Яворов П. 120, 161, 280, 281  
Якобсен Й.-П. 361  
Ясенов Х. 281

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                        |     |
|--------------------------------------------------------|-----|
| Философия любви (вступительная статья) .....           | 5   |
| Введение .....                                         | 27  |
| Глава 1. ОДУХОТВОРЕНИЕ «ПЛОТИ» .....                   | 31  |
| 1. Мнимая платоническая любовь .....                   | 32  |
| 2. Союз тела и духа .....                              | 42  |
| 3. Любят ли животные? .....                            | 51  |
| 4. Социальность любви .....                            | 58  |
| Глава 2. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА .....                       | 68  |
| 1. Проклятие, тяготеющее над вечной Евой .....         | 68  |
| 2. Апология мужчины, его последующее обесценение ..... | 80  |
| 3. Неодинаковые, но равноценные .....                  | 88  |
| Глава 3. БЕЗУМИЕ И РАЗУМ .....                         | 114 |
| 1. Структура половой любви .....                       | 114 |
| 2. «Безумная» или разумная? .....                      | 117 |
| 3. Половой инстинкт и сознание .....                   | 125 |
| 4. Восприятие образа .....                             | 133 |
| 5. Эмоциональность .....                               | 136 |
| 6. Активность и устойчивость .....                     | 154 |
| 7. Многообразие половой любви .....                    | 161 |
| 8. Разум над безумием .....                            | 169 |
| Глава 4. ОЩУЩЕНИЯ И ЛЮБОВЬ .....                       | 172 |
| 1. Роль органов чувств .....                           | 172 |
| 2. Зрение .....                                        | 175 |
| 3. Слух .....                                          | 186 |
| 4. Обоняние .....                                      | 191 |
| 5. Осязание .....                                      | 197 |
| 6. Взаимодействие ощущений .....                       | 205 |
| Глава 5. ЭСТЕТИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ .....                   | 212 |
| 1. Любовь и красота .....                              | 212 |
| 2. Роль искусства .....                                | 228 |
| 3. Танцы, музыка, скульптура, живопись .....           | 232 |
| 4. Художественная литература .....                     | 247 |
| 5. Слово, опьяняющее, как вино .....                   | 248 |
| 6. Сладость греха .....                                | 255 |
| 7. От классицизма до реализма .....                    | 265 |
| 8. Освобождение сердца .....                           | 276 |
| 9. Магия сопереживания .....                           | 281 |
| Глава 6. ВЫБОР ОБЪЕКТА ЛЮБВИ .....                     | 284 |
| 1. Незаменимый — незаменимая .....                     | 284 |
| 2. Облик идеала .....                                  | 295 |
| 3. Критерии выбора .....                               | 311 |
| 4. Целостность восприятия .....                        | 331 |
| 5. Косметика, мода и любовь .....                      | 347 |
| Глава 7. ЛЮБОВЬ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА .....                | 351 |
| 1. Трагедии любви .....                                | 351 |
| 2. Свобода, вдохновение, счастье .....                 | 361 |
| Именной указатель .....                                | 381 |